

РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
**И ВЫЗОВЫ
времени**

Книга вторая

Федеральное агентство научных организаций
Институт социологии РАН

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО **И ВЫЗОВЫ времени**

Книга вторая

Под редакцией
М.К. Горшкова и В.В. Петухова

Москва
Издательство «Весь Мир»
2015

УДК 32.019.52

ББК 60.56

Г 76

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда (проект № 14-28-00218).

Руководитель проекта – *М.К. Горшков*, академик РАН

Книга подготовлена авторским коллективом в составе:
М.К. Горшков, Е.М. Арутюнова, Р.Э. Бараш, Ю.А. Гаврилов,
Л.М. Дробижина, И.М. Кузнецов, Н.В. Латова, Ю.П. Лежнина,
С.В. Мареева, М.М. Мчедлова, Е.И. Пахомова, В.В. Петухов,
Р.В. Петухов, С.В. Рыжова, Н.Н. Седова, И.Н. Трофимова,
Н.Е. Тихонова, А.Г. Шевченко.
Научный редактор – Н.Н. Никс.

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0604-1

© Коллектив авторов, 2015
© Институт социологии РАН, 2015
© Оформление. Издательство
«Весь Мир», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Раздел первый	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА	12
Глава 1. Особенности кризисного социально- психологического состояния общества: от 1998-го к 2015-му	12
Глава 2. Влияние экономического кризиса на повседневную жизнь российских граждан	31
Глава 3. Профессиональные группы в условиях кризиса и их реакция на новые жизненные реалии	61
Глава 4. Экономическое положение и настроения различных демографических групп населения в кризисных условиях	88
Раздел второй	
ДЕМОКРАТИЯ УЧАСТИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ	112
Глава 5. Демократия в представлениях россиян: рост оптимизма на фоне институционального кризиса	112
Глава 6. Доверие общественным и политическим институтам	130
Глава 7. Политическое и социальное участие: новые практики	150
Глава 8. Самоуправление без самоорганизации: что важнее – форма или содержание?	165
Раздел третий	
ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕГРАЦИИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ ВРЕМЕНИ	176
Глава 9. Гражданская и этническая идентичность россиян: совместимость или противостояние	176

Глава 10. Идентичности и установки молодежи в сфере межэтнического общения	198
Глава 11. Ресурс межнационального согласия в условиях ухудшения экономической и внешнеполитической конъюнктуры	212
Раздел четвертый	
РЕЛИГИОЗНЫЕ СМЫСЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	233
Глава 12. Религия в институциональной проекции: политические и ценностные ракурсы	233
Глава 13. Религиозно-конфессиональный фактор и светскость государства	253
Глава 14. Консолидирующий потенциал межнационального и межрелигиозного сотрудничества в России	273
Глава 15. Вера и религия: моральные императивы и социокультурная значимость	293
Раздел пятый	
ПОРЕФОРМЕННАЯ РОССИЯ: НОВЫЕ СУБЪЕКТЫ И НОВЫЕ ТРЕНДЫ В СФЕРЕ МОРАЛИ И ПРАКТИКИ КОММУНИКАЦИИ	314
Глава 16. «Самодостаточные россияне» и их жизненные приоритеты	314
Глава 17. Общественная мораль в контексте социальных трансформаций	346
Глава 18. Информационные и коммуникационные практики самоорганизации россиян	368
К заключению: основные выводы	399
Contents	414
Foreword	416
Conclusion: main deductions	420

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вы открыли, уважаемый читатель, книгу вторую издательского цикла «*Российское общество и вызовы времени*», который осуществляется в рамках проекта Российского научного фонда (РНФ) учеными Института социологии Российской академии наук (ИС РАН) на основе анализа результатов общенациональных социологических исследований¹. Проводимые в формате мониторинга с интервалом в шесть месяцев, такие исследования направлены на изучение трансформационных процессов, происходящих в современной России в контекстах реальных общественных ситуаций.

Первая волна заявленного в проекте РНФ социологического мониторинга (октябрь 2014 г.) совпала с резкими изменениями внешнеполитической конъюнктуры, дополненными внутренними кризисными явлениями в финансово-экономической сфере. А потому цель первой волны мониторинга состояла в том, чтобы замерить и осмыслить состояние российского социума при его «вхождении» в новые условия жизнесуществования. Поставленная цель требовала в процессе разработки программы исследования равным образом учитывать воздействие на массовое сознание и поведение россиян как внутренних социально-экономических, геополитических, этнорелигиозных и социокультурных факторов, так и внешнеполитических и экономических способов давления на состояние умов и настроение российского общества, реакцию россиян на изменившуюся обстановку.

Как показал анализ результатов первой волны мониторинга, базисные факторы, лежащие в основе функционирования современного российского социума, не только не претерпели каких-либо глубоких трансформаций, но и избежали разных ситуативных изменений, способных нарушить общий строй жизни населения, породить

¹ Проект РНФ № 14-28-00218 «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах».

упаднические массовые умонастроения, вызвать широкие протесты и недоверие сограждан государственным институтам. Напротив, стремление ряда ведущих западных стран «наказать» Россию за ее воссоединение с Крымом, за поддержку русскоязычного населения на Юго-Востоке Украины вызвало в обществе подъем патриотических умонастроений и даже консолидацию мировоззренчески различных социальных групп и политических движений российских граждан («левых» и «правых», «консерваторов» и «либералов» и т.п.). Что же касается контекста текущего времени, то из наиболее важных его характеристик и показателей опрос выявил следующие:

- при всей остроте и критичности оценки сложившейся в стране ситуации, состояние социального самочувствия россиян не вышло за пределы показателей, характерных для наблюдавшихся ранее периодов стабилизации и дестабилизации общественной обстановки;
- противоречивые массовые суждения, которыми население определяло возникающие проблемы повседневной жизни, оказались в основном сопряженными с пониманием воздействия как внутренних, так и внешних факторов на ход развития общественной ситуации;
- в оценке основных источников угроз для России в массовом сознании произошла смена приоритетов: если еще в 2013 г. главными для наших сограждан были внутренние угрозы, то в 2014 г. фокус общественного внимания сместился на внешние;
- основным «узлом», увязывающим, по мнению россиян, события и процессы, от которых может исходить опасность для страны, явился украинский кризис: втягивание в него России, а также расширение НАТО на восток и связанное с этим нагнетание международной напряженности стали составлять, по мысли наших сограждан, основу повестки дня, отражающей наиболее опасные тенденции;
- отношение различных слоев населения к введенным против России западным санкциям оказалось в целом сдержанным и обусловленным их привычным образом жизни и устоявшимся уровнем потребления, а готовность при этом к переходу жизни общества в режим экономии, поддержка мер по укреплению мощи России — достаточно высокой².

² Подробнее см.: Российское общество и вызовы времени. Книга первая / Под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. — М.: Весь Мир, 2015, С. 316–332.

В целом, как показало осеннее (2014) общенациональное исследование, социально-экономический и духовно-психологический ресурс российского общества, сложившийся в предшествующее десятилетие, в значительной степени способствовал адаптации массовых слоев населения к новым реалиям, «смягчил» остроту возникших проблем.

Насколько значительным по объему и времени, широте охвата массовых слоев населения может быть такой ресурс? Какую роль в его устойчивости и надежности выполняют наряду с ситуативными базисные факторы жизнестойкости и развития российского общества? На эти и связанные с ними вопросы должна была ответить вторая «волна» социологического мониторинга, осуществленная исследовательской группой ИС РАН в марте 2015 г.

Среди основных задач, на решение которых была направлена научно-аналитическая программа второй «волны» мониторинга, особое внимание уделялось изучению:

- воздействия наиболее острой фазы экономического кризиса на повседневную жизнь социально-демографических и профессиональных групп населения;
- состояния институтов социального и политического участия российских граждан, формирования новых практик самоуправления и их роли в решении насущных проблем россиян;
- потенциала интеграции полиэтничного пространства России, соотношения гражданской и этнической идентичности россиян в контексте вызовов времени;
- религиозных смыслов, бытующих в пореформенной России, их влияния на соотношение религиозно-конфессионального и светского в государственной и общественной жизни;
- новых субъектов и новых трендов в сфере морали и практик коммуникаций и их влияния на общественно-психологическую атмосферу в стране, массовое сознание и поведение российских граждан.

Как и в первой «волне» мониторинга, *объем выборочной совокупности исследования* составил 4000 респондентов, репрезентирующих взрослое население страны по полу, возрасту (в разбивке по возрастным когортам), уровню образования и типу поселения.

Репрезентативность социологической информации обеспечивалась использованием модели многоступенчатой районированной

выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени. При этом на *первой ступени* выборки районирование осуществлялось по территориально-экономическим районам Российской Федерации в соответствии с принципами, разработанными и применяемыми Росстатом для контроля социально-экономических показателей в динамике. В соответствии с данными Росстата, выборочная совокупность была сегментирована по двум показателям: возраст и тип поселения.

Вторая ступень выборки включала выделение типичных субъектов РФ в составе каждого территориально-экономического района. Структура районирования – два мегаполиса и 19 иных субъектов РФ.

Мегаполисы: Москва и Санкт-Петербург.

Территориально-экономические районы:

1. Северный район – Архангельская область.
2. Северо-Западный район – Новгородская область.
3. Центральный район – Московская, Рязанская, Ярославская, Тульская области.
4. Волго-Вятский район – Нижегородская область.
5. Центрально-Черноземный район – Воронежская область.
6. Поволжский район – Республика Татарстан, Саратовская область.
7. Северо-Кавказский район – Ростовская область, Ставропольский край, Северная Осетия.
8. Уральский район – Свердловская, Челябинская области.
9. Западно-Сибирский район – Кемеровская, Новосибирская области.
10. Восточно-Сибирский район – Красноярский край, Иркутская область.
11. Дальневосточный район – Хабаровский край.
12. Республика Крым.

Третья ступень выборки: внутри субъектов РФ осуществлялось дальнейшее районирование, которое заключалось в расчете статистических квот по степени урбанизированности, по пяти типам поселений: мегаполисы; административные центры субъектов РФ; административные центры районов; поселки городского типа; села.

На *четвертой ступени* выборки, то есть при непосредственном отборе интервьюерами респондентов для опроса по заданным квотам, соблюдались квоты по основным социально-профессио-

нальным признакам респондентов³, а также возрастные пропорции по пяти возрастным когортам: 18–30 лет; 31–40 лет; 41–50 лет; 51–60 лет; 61 год и старше.

Далее дается анализ социологических данных, полученных в ходе осуществления второй «волны» социологического мониторинга состояния и динамики российского общества в контексте новых реалий времени.

Общенациональное исследование и подготовка материалов научной монографии выполнены рабочей группой в составе: М.К. Горшкова (руководитель исследования, предисловие, глава 16, заключение, общая редакция), Е.М. Арутюновой (глава 10), Р.Э. Бараш (глава 18), Ю.А. Гаврилова (главы 14, 15), Л.М. Дробижевой (главы 9, 11), И.М. Кузнецова (глава 11), Н.В. Латовой (глава 1), Ю.П. Лежниной (глава 4), С.В. Мареевой (глава 3), М.М. Мчедловой (раздел IV), Е.И. Пахомовой (глава 17), В.В. Петухова (зам. руководителя исследования, главы 5, 7, 17), Р.В. Петухова (главы 7, 8), С.В. Рыжовой (глава 9), Н.Н. Седовой (глава 16), И.Н. Трофимовой (глава 6), Н.Е. Тихоновой (глава 2), А.Г. Шевченко (главы 14, 15).

Научный редактор – Н.Н. Никс.

³ На стадии квотного отбора респондентов соблюдались долевые квоты по следующим социально-профессиональным признакам: 1 – рабочие промышленности, строительства, шахт без высшего образования; 2 – инженеры промышленности, строительства, шахт с высшим образованием; 3 – работники торговли, общественного питания, сферы услуг, транспорта, коммунальных служб со средним (или менее), начальным и средним профессиональным образованием; 4 – работники финансовых, страховых компаний, торговли, сферы услуг, транспорта, коммунальных служб с высшим образованием; 5 – работники (служащие) вузов, школ, здравоохранения, управления (административного, политического), науки, искусства, средств массовой информации с высшим образованием; 6 – работники (лаборанты, операторы, библиотекари, секретари, медсестры и др.) вузов, школ, здравоохранения, управления (административного, политического), науки, средств массовой информации со средним или средним профессиональным образованием; 7 – военные, работники МВД, таможи, налоговых служб с любым образованием; 8 – студенты вузов и учащиеся; 9 – жители сел, поселков.

Раздел первый

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Глава 1. Особенности кризисного социально-психологического состояния общества: от 1998-го к 2015-му

Социально-экономическая история России после распада СССР в 1991 г. напоминает езду на «русских горках»: период относительного спокойствия периодически сменяется очередным крутым виражом. После окончания в 1996 г. «первой чеченской войны» казалось, что тяжелая эпоха перемен — «перестройка», «шоковая терапия», две осады Белого дома — уходит в прошлое. Однако острый финансово-экономический кризис 1998—1999 гг., связанный с фактическим банкротством объявившего дефолт правительства, едва не похоронил надежды на возрождение страны. К счастью для большинства россиян, приход в 2000 г. к власти нового президента стал одновременно и приходом «порядка». Тем не менее, динамичный подъем 2000-х гг. был прерван следующим экономическим кризисом 2008—2009 гг., наложившимся на российско-грузинский военный конфликт. И хотя экономический рост с 2010 г. возобновился, он был слабее, чем в 2000-е гг., и менее продолжительным. Очередной социально-экономический кризис разразился уже осенью 2014 г., когда после введения ведущими странами Запада антироссийских санкций, связанных с событиями на Украине, началось падение мировых цен на энергоносители, обесценившее российский рубль.

У россиян, склонных к рефлексии, начавшийся осенью 2014 г. кризис порождает чувство «дежа вю»: снова приграничный военный конфликт (как в 2008 г.); опять напряженные экономические (как в 1998 г.) и политические (как в 2008 г.) отношения с Западом; очередной обвал рубля, рост цен, ожидание массовых увольнений.

Паника по поводу обесценения рубля в декабре 2014 г. напоминала панику после дефолта в августе 1998 г.

Однако на самом деле *каждый из происшедших ранее кризисов не просто имел свою специфику, но и существенно менял «правила игры», принятые в российском обществе, создавая новую социальную реальность*. Эти новые реалии, в которых в первой половине 2015 г. жили россияне, можно поделить на две группы.

Одну из них составляют лишь хорошо позабытые старые реальности: приграничный военно-политический конфликт (события на Украине); «взрывная» инфляция из-за резкого обесценения рубля; рост угрозы безработицы. Новые реалии во второй группе тоже похожи на старые, хотя многократно их превосходят по масштабу. Противостояние с Западом и экс-советскими «братьями» в 2014–2015 гг. протекает на порядок более ожесточенно, чем в 2008 г. Информационная война, в которой Украину бичуют как фашистское государство, а Америку — почти как мировую «империю зла», заставляет вспомнить самые напряженные моменты, казалось бы, давно забытой холодной войны.

Но есть и по-настоящему новые реалии. Ранее оппозиция российского правительства Западу не вызывала у большинства россиян особой поддержки. Более того, во время массовых протестных выступлений против фальсификаций на выборах в 2011–2013 гг. казалось, что правительство неуклонно теряет доверие народа и дело идет, возможно, даже к «цветной революции» под прозападными лозунгами. Однако уже весной 2014 г. обнаружилось, что воссоединение Крыма с Россией вызывает более чем положительную реакцию большинства наших сограждан. Определенные успехи в «перетягивании каната» с Западом и частичное восстановление курса рубля привели к тому, что первый год кризиса завершился (по состоянию на весну 2015 г.) не падением авторитета власти, как было раньше во время кризисов, а, наоборот, ее взлетом¹. Это — главная новая реалья: правительственный курс получил, несмотря на кризис, четкую и недвусмысленную поддержку большинства граждан; либеральная оппозиция маргинализировалась, как никогда ранее. По крайней мере, именно такая картина социальной жизни России вырисовывается из хроники событий 2014–2015 гг.

¹ См., например: Владимир Путин: три года после выборов—2012, пятнадцать лет во главе России [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115179>. Дата обращения: 02.05.2015.

Каждый кризис в постсоветской России приводил к крупномасштабным дебатам, сравнениям и обсуждениям², в ходе которых основной акцент делали и продолжают делать на экономической составляющей кризисных событий: падение курса рубля, подорожание товаров и услуг, проблемы трудоустройства и рост безработицы. Пожалуй, не реже рассматриваются и политические изменения. Однако не следует забывать, что все эти события не существуют сами по себе в отрыве от человека и его социально-психологического самочувствия. Именно такого рода резонансные чувства и переживания отдельных людей создают то состояние массового сознания, которое в итоге либо провоцирует эскалацию кризисной ситуации (приводя к панике или массовым протестным выступлениям), либо способствует постепенному неагрессивному выходу из кризисной ситуации. Необходимость комплексного подхода в изучении российских реалий диктует насущную потребность начать это изучение с анализа мироощущения россиян — их восприятия ситуации в стране («*дальняя зона комфорта*») своего бытия), их восприятия ближайшей среды общения («*средняя зона комфорта*») и, наконец, их собственного эмоционально-психологического состояния («*личная комфортность*»).

Так что же можно было наблюдать в этом отношении в общественном сознании и текущей российской реальности весной 2015 г.? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо попытаться понять, как реально менялись в 2014—2015 гг. социальные умонастроения россиян и их видение ситуации в стране.

Для начала обратимся к восприятию населением ситуации в стране в целом и его оценкам произошедших перемен, а также перспектив России на ближайший год, то есть рассмотрим «**дальнюю зону комфорта**». Восприятие этой зоны во многом связано с отношением к тому курсу, которым идет страна, точнее — с поддержкой/осуждением населением этого курса.

Пожалуй, сложно представить себе полномасштабный социально-экономический кризис, который не сопровождался бы ростом пессимистических оценок ситуации в стране (рис. 1.1).

² См., например: Улюкаев А., Мау В. От экономического кризиса к экономическому росту, или Как не дать кризису превратиться в стагнацию // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 5—19; Зубаревич Н. Региональная проекция нового российского кризиса // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 37—52; Гилман М. Российская экономика: надолго ли устойчивость? // Россия в глобальной политике. 2015. № 1. С. 188—196; Воронина А. Холодный расчет // РБК. 2015. № 2. С. 26—28; Горшков М., Петухов В. Внешнеполитические ориентации россиян на новом переломе // ПОЛИС. 2015. № 2. С. 10—34.

Примечание: Составлено по данным исследований РНИСиНП, ИКСИ РАН и ИС РАН. В анкете присутствовал также ответ «затрудняюсь ответить», не представленный на рисунке, поэтому общая сумма ответов менее 100%. Обозначение «1998м» означает опрос в марте 1998 г., «1998о» – опрос в октябре 1998 г., «1999я» – опрос в январе 1999 г., «2008м» – опрос в марте 2008 г., «2008н» – опрос в ноябре 2008 г., «2009м» – опрос в марте 2009 г., «2014н» – опрос в ноябре 2014 г., а «2015м» – опрос в марте 2015 г. Таким образом, на рисунке применительно к разным кризисам зафиксированы сопоставимые данные (примерно одинаковый временной лаг) между символическим началом кризиса и моментами опросов во всех трех кризисных периодах.

Рисунок 1.1. Динамика оценок россиянами ситуации в стране, 1997–2015, %

Например, кризис 1998 г. был воспринят более чем половиной россиян (51% в октябре 1998 г. и 59% в январе 1999 г.) как катастрофа; другая же часть населения (45% и 32% соответственно), более оптимистичная, тогда считала ситуацию в обществе напряженной. Этот тяжелый опыт «катания на русских горках» стал для большинства россиян шоком, но научил их тому, что «не так страшен черт...». Кризис, начавшийся в августе 2008 г., уже не стал для них катастрофой, ожиданием конца привычного уклада жизни. Конечно, за год (с марта 2008 г. по март 2009 г.) ситуация резко изменилась: стабильный и в целом оптимистический период 2005–2008 гг. довольно быстро превратился в мираж. Тем не менее, даже в самый тяжелый кризисный период 2009 г. количество пессимистов составляло лишь 14%; большинство же населения считало ситуацию хотя и напряженной, но не катастрофической (67%).

Кризис 2014–2015 гг. в восприятии россиян – это «ремейк» событий 2008–2009 гг., но все же с одним существенным отличием. *Кризис 2014–2015 г. привел к менее резким изменениям в умонастроениях граждан, чем это было в 2008–2009 гг.* Вывод о более легком восприятии кризисной ситуации в стране в 2014–2015 гг. по сравнению с предыдущим кризисом 2008–2009 гг. подтверждается, в частности, тем, что в марте 2015 г. ситуацию катастрофи-

ческой посчитали лишь 8% россиян (против 14% в марте 2009 г.). В то же время существенно больше оказалось тех, кто считал ситуацию нормальной и спокойной – 22% (в сравнении с 13% во время предыдущего кризиса). Это явление может иметь два объяснения: либо россияне постепенно привыкают к кризисам, либо масштаб воздействия на них кризиса 2014–2015 гг. был меньшим, чем в кризисные периоды 1998–1999 и 2008–2009 гг. В последующих главах мы подробно остановимся на проверке этих предположений.

Восприятие «дальней зоны комфорта» напрямую связано с оценкой населением произошедших в стране перемен (табл. 1.1) и с тем, какие перспективы россияне ожидают в будущем (табл. 1.2).

Таблица 1.1

Динамика оценок населением перемен, произошедших в России за последний год, 2013–2015, %

Оценки	2013	2014	2015
Произошли значительные или некоторые перемены к лучшему	40	45	24
Произошли значительные или некоторые перемены к худшему	25	43	69
Никаких перемен не произошло	35	12	7

Таблица 1.2

Динамика оценок населением страны перспектив развития России на ближайший год, 2011–2015, %

Оценки	2011	2014	2015
Страна будет развиваться успешно	24	26	19
Страну ждут трудные времена	39	50	59
Ничего принципиально не изменится	37	24	22

События 2014 г. являлись не временными флуктуациями, а серьезными переменами, – это к осени данного года осознало уже большинство россиян (только 12% из них отмечало, что в стране никаких существенных перемен в этот год не произошло). Экономические санкции против России действовали к тому моменту уже более полугода и, вероятно, именно эти санкции, а также политические события на Украине (включая воссоединение Крыма с Россией в марте 2014 г. и гражданскую войну у границ страны), определили восприятие населением произошедших перемен. Впоследствии, с середины осени 2014 г., из области преимущественно

политической эти перемены сместились в плоскость преимущественно экономическую — курс рубля начал неуклонно падать.

В итоге, с одной стороны, к осени 2014 г., по сравнению с 2013 г., резко увеличилось количество людей, считающих, что в стране произошли перемены к худшему (с 25% до 43% — на 18 процентных пунктов). Однако, с другой стороны, одновременно несколько увеличилась и доля тех, кто оценил произошедшие перемены как положительные (с 40% до 45%). Видимо, для многих воссоединение Крыма с Россией было весомее, чем начавшаяся инфляция и ожидаемый рост безработицы. В целом же осенью 2014 г. доля оптимистов в стране хотя и незначительно, но все же перевешивала долю пессимистов (45% против 43%).

Заметим, что *экономические санкции со стороны Запада не сыграли существенной роли в изменениях оценки населением перемен, произошедших в нашей стране*. На личном уровне проявлялось спокойное отношение к давлению Запада на Россию посредством экономических рычагов: 44% россиян практически не заметили влияния этих санкций на себе и своей семье, а 41% почувствовали лишь незначительное их воздействие. И только 15% населения отметили, что санкции оказали на них значительное негативное влияние.

Тем не менее, к марту 2015 г. то, что не смогли сделать западные экономические санкции, сделали низкие цены на нефть: уже только 7% россиян не наблюдали никаких перемен в стране, а 69% посчитали, что произошедшие перемены изменили ситуацию к худшему. Но даже в данной ситуации четверть населения (24%) увидела в переменах больше позитивного.

Политические и экономические события первой половины 2014 г. предопределили и зафиксированную исследованиями ИС РАН в этом году оценку будущих перспектив страны в общественном мнении как связанных, скорее всего, с определенными трудностями (табл. 1.2). Тем не менее, и в данном вопросе социально-психологический климат в стране был не так плох, как этого следовало бы ожидать, исходя из опыта 1998 г. и 2008 г. Сравнение со вполне стабильным 2011 г. показывает, что к осени 2014 г. доля рассчитывающих на успешное развитие страны не уменьшилась, а количество ожидающих трудные времена увеличилось лишь на 11 процентных пунктов (39% в 2011 г. и 50% в 2014 г.). Интересно, что декабрьский «черный понедельник» 2014 г. и последующие события хотя и оказали явное влияние на оценку населением в марте 2015 г. будущих перспектив страны, но трудные времена ожидали

только 59% россиян. Знаменательно, что доля людей, посчитавших перемены в стране негативными, была на 10 процентных пунктов выше доли тех, кто ожидал трудные времена (69% против 59%). Это в очередной раз подтверждает предположение, что *начавшийся кризис на уровне страны в целом был воспринят россиянами (по крайней мере, по состоянию на весну 2015 г.) относительно спокойно и отнюдь качественно не изменил их мироощущение.*

Негативное изменение перспектив развития России в будущем слабо связывается в общественном мнении с текущим политическим курсом страны. Только 14% наших сограждан весной 2015 г. посчитали, что западные санкции (один из результатов политики правительства России) приведут к крайне негативным последствиям для страны. Остальное население разделилось почти поровну: одна часть (41%) была убеждена, что санкции оказались и окажутся в будущем для страны полезными (как толчок к развитию отечественного производства), а другая часть (45%) хотя и увидела негативные последствия введения санкций, но, тем не менее, полагала, что кардинально ситуацию в стране они не изменили и не изменят.

Резюмируем восприятие россиянами «дальней зоны комфортности» своего бытия, т.е. состояния страны в целом. *Несомненно, кризис 2014–2015 гг. наложил свой негативный отпечаток на мироощущение россиян — только пятая часть их считала весной 2015 г. ситуацию в стране спокойной и нормальной. Тем не менее, оценка событий, происходящих в стране, была по состоянию на начало марта 2015 г. никоим образом не сопоставима с кризисами 1998–1999 гг. и 2008–2009 гг. Несмотря на то, что произошедшие перемены были оценены большинством россиян как способствующие ухудшению ситуации в стране, однако ее будущее (перспективы дальнейшего развития российского общества) граждан страны хотя и тревожили, но далеко не в той степени, как этого можно было бы ожидать при крупномасштабном кризисе. Кроме того, негативные изменения в стране были мало связаны, по мнению россиян, с политическим курсом руководства страны.*

Перейдем теперь к «**средней зоне комфортности**» бытия наших сограждан — проанализируем мнения россиян о психологическом состоянии их ближайшего окружения, т.е. тех людей, которые чаще всего окружают человека в повседневной жизни (родственники, друзья, коллеги по работе). Необходимость изучения этого уровня социально-психологического состояния россиян продиктована потребностью взглянуть на российское массовое сознание под разными углами зрения. Ведь видение реальности на уровне

страны в целом во многом определяется для обывателя той информацией, которую он черпает из СМИ, то есть такая реальность в определенной степени запрограммирована официальной политикой государства и может как совпадать с обыденной реальностью, так и иметь с ней не очень много общего. Информация же об умонастроениях людей из круга повседневного общения человека максимально приближена к повседневным реалиям: это уже не официальная информация «сверху».

Как же изменился социально-психологический настрой рядовых россиян под влиянием кризиса (табл. 1.3)?

Таблица 1.3

Динамика оценок россиянами социально-психологического состояния окружающих их людей, 2014–2015, % от ответивших
(допускалось до трех ответов)*

Варианты состояний	2014	2015
Позитивное социально-психологическое состояние, в том числе:	42	36
Эмоциональный подъем	8	6
Спокойствие, уравновешенность	34	30
Негативное социально-психологическое состояние, в том числе:	58	64
Безразличие, апатия	15	12
Тревога	27	36
Раздраженность, озлобленность, агрессия	16	16
Интегральный показатель социально-психологического состояния**	42,1	35,9

Примечания: *Общее количество ответов было принято за 100%. **Здесь и далее интегральные показатели вычисляются как половина разности между числом россиян, имеющих положительное и негативное социально-психологическое состояние, увеличенной на 50 баллов. Таким образом, хотя интегральные показатели для простоты изложения измеряются в баллах, но, поскольку они колеблются в пределах от 0 до 100 баллов, то могут интерпретироваться также как процентные пункты. Значение интегрального показателя меньше 50 баллов указывает на преобладание негативных оценок, а больше 50 баллов – позитивных.

За полгода, прошедших с осени 2014 г. до весны 2015 г., социально-психологическое состояние ближайшего окружения опрошенных россиян определенно ухудшилось (интегральный показатель изменился с 42,1 баллов в октябре 2014 г. до 35,9 баллов в марте 2015 г.). Число тех, чьи близкие и знакомые находились в позитивном социально-психологическом состоянии (эмоционального подъема или спокойствия), несколько сократилось, а доля россиян, которых окружали люди с негативным социально-психологическим состоянием, немало выросла. В целом в ближайшем окружении россиян в марте

2015 г. преобладало умеренно-негативное социально-психологическое состояние (безразличие/апатию или тревогу отметили 48%), причем преобладало — как и следовало ожидать во время экономического кризиса — чувство тревоги (36%). Несмотря на эту негативную тенденцию, можно отметить, что доля россиян, близкие которых находились весной 2015 г. в экстремально-негативном социально-психологическом состоянии, испытывая разные формы озлобленности, осталась по отношению к осени 2014 г. на прежнем уровне (16%).

Таким образом, кризис негативно повлиял на настроения россиян, однако, во-первых, не очень сильно, а во-вторых, вызвал при этом вовсе не стремление «идти на баррикады» (что происходит, когда населению кажется, что терять уже нечего), а более прозаичное чувство тревоги. Это характерно в кризисной ситуации для людей с определенным достатком, когда начинаются слухи о грядущих увольнениях и появляется чувство неопределенности, временности нынешнего благосостояния.

Насколько подобные тенденции подтверждаются, можно увидеть, если обратиться к оценке россиянами весной 2015 г. своего личного повседневного эмоционально-психологического состояния, или, другими словами, **«зоны личной комфортности»**.

Вопрос об этом задавался в ходе мониторинговых исследований ИС РАН хотя и не регулярно, но как раз в те годы, когда оценка ситуации в России была наиболее отрицательной — в 1998, 1999 и в 2009 гг. Более целостную картину динамики массового сознания с конца 1990-х гг. позволяют представить и данные за другие годы (табл. 1.4).

За период с 1998 по 2015 гг. хуже всего самоощущение россиян было в октябре 1998 г.: позитивные эмоции ощущал тогда только каждый десятый россиянин, в то время как все остальные находились в состоянии фрустрации, причем 21% испытывали даже экстремально-негативные чувства (раздраженность, озлобленность или агрессию). Можно с полной уверенностью утверждать, что такое личное самоощущение россиян — явление экстраординарное, кризисное³. Потребовалось по крайней мере три года, чтобы ситуация приняла некатастрофический вид и появилась надежда на «свет в конце туннеля» (даже в 2001 и 2002 гг. соотношение позитивного и негативного социально-психологического состояния россиян составляло порядка 30:70).

³ Данный вывод подтверждается, например, исследованиями Левада-центра (см., в частности, опросы о настроениях россиян в 1993–2014 гг. — Общественное мнение — 2015. М.: Левада-Центр, 2014. С. 13).

Таблица 1.4

Динамика оценок россиянами личного социально-психологического состояния, 1998–2015, %*

Варианты состояний	1998о	1999о	2000	2001	2002	2009м	2013	2014	2015
Позитивное социально-психологическое состояние, в том числе:	11	14	20	33	34	53	63	54	49
Эмоциональный подъем	1	2	2	7	6	13	7	6	5
Спокойствие, уравновешенность	10	12	18	26	28	40	56	48	44
Негативное социально-психологическое состояние, в том числе:	89	86	80	67	66	47	37	46	51
Безразличие, апатия, подавленность	10	22	21	14	13	8	9	8	6
Тревога, страх	58	45	44	46	43	35	14	25	33
Раздраженность, озлобленность, агрессия	21	19	15	7	10	4	14	13	12
Интегральный показатель социально-психологического состояния	11,7	14,1	19,8	32,8	33,4	52,7	62,6	53,6	49,0

Примечание: *Обозначение «1998о» – опрос в октябре 1998 г., «2014о» – опрос в октябре 2014 г.

Хотя данных о личном социально-психологическом состоянии россиян за первое полугодие 2008 г. в исследованиях ИС РАН нет, тем не менее, судя по косвенным данным, к этому времени ситуация выправилась окончательно. Мы не можем судить и о том, какие изменения произошли в «личной зоне комфортности» россиян и во второй половине 2008 г., но даже в марте 2009 г., когда оценки ситуации в стране имели наименьший интегральный показатель, позитивное социально-психологическое состояние преобладало над негативными чувствами и эмоциями.

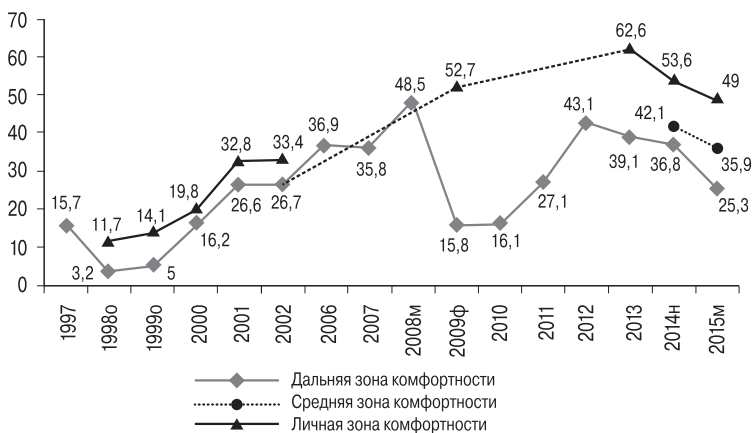
Что же произошло в «личной зоне комфортности» в период 2013–2015 гг.? Социально-психологическое состояние россиян в 2013 г., по имеющимся данным, было наиболее позитивным за последние 20 лет. Начало кризиса несколько поубавило этот личный позитив, но не стало переломным событием в повседневной жизни большинства граждан страны. Однако к марту 2015 г. ситуация изменилась в худшую сторону: негативное личное мироощущение возобладало. Впрочем, учитывая в целом довольно незначительное изменение (всего 5 процентных пунктов), имеет смысл говорить не о крутом переломе в чувствах, эмоциях и настроениях россиян (были «оптимистами» — стали «пессимистами»), а скорее о том, что они оказались в зоне неопределенности.

В целом можно резюмировать, что, как и в случаях с оценками ситуации в стране и настроениями их ближайшего окружения,

в социально-психологическом состоянии россиян в связи с кризисом 2014–2015 гг. произошли изменения в худшую сторону. Однако они не идут ни в какое сравнение с психологической реакцией населения на катастрофические события 1998–1999 гг., хотя вполне сопоставимы с нелегким кризисом 2008–2009 гг. (отличаясь от него, впрочем, доминированием негативных настроений).

Все вышеизложенное позволяет взглянуть на одну и ту же проблему — проблему восприятия россиянами кризиса — как бы с трех разных ракурсов, дополняющих друг друга. Однако изучение отдельных деталей еще не дает нам основания для целостного представления. Поэтому попытаемся теперь соединить взгляды с разных ракурсов и оценить, какую же реальность 2015 г. — новую или хорошо забытую старую — такой синтез демонстрирует (рис. 1.2).

Нетрудно заметить, что переживания за судьбы России, как и следовало ожидать, синхронно отражаются на повседневном, личном эмоционально-психологическом состоянии россиян: кривая личного социально-психологического состояния полностью повторяет изгибы кривой восприятия ситуации в стране за те годы, по которым имеются данные. При этом на протяжении всего периода наблюдений сохраняется тенденция более положительной

Примечание: Данные по личному социально-психологическому состоянию за 2006–2008 гг. и 2010–2012 гг. отсутствуют, и линия тренда была достроена за эти периоды на рисунке автоматически по имеющимся за другие годы данным.

Рисунок 1.2. Динамика интегральных показателей оценок россиянами ситуации в стране, социально-психологического состояния своего окружения, а также личного социально-психологического состояния, 1997–2015, баллы

оценки своего личного социально-психологического состояния, чем восприятия ситуации в стране⁴. Что же касается соотношений оценок ситуации в стране, в ближайшем окружении и в личном положении, то пока еще рано делать однозначные выводы (наличие только двух замеров социально-психологического состояния окружающих ограничивает наши аналитические возможности). Вероятнее всего, восприятие ситуации в ближайшем окружении будет находиться где-то между оценками ситуации в стране и личным социально-психологическим состоянием.

Наиболее существенное различие, которое можно наблюдать, сравнивая три зоны комфортности, — это дистанция (зазор) между оценками «дальней зоны комфортности» и «личной зоны комфортности». На протяжении 1998–2002 гг. такой «зазор» был минимальным и составлял не более 10 баллов. В феврале 2009 г. он составил максимальную величину — 37 баллов. Наконец, в 2014–2015 гг. эта дистанция составила примерно 20 баллов. Подобного рода изменения в «зазоре» между восприятием общества в целом и личными чувствами/эмоциями представляются неслучайными.

Крутое пике 1998 г. на фоне общего разочарования в режиме Б.Н. Ельцина привело к тому, что у населения страны абсолютно преобладало негативное социально-психологическое состояние, которое практически совпадало с оценкой ситуации в стране. Кризис 2008 г. также привел к росту негатива в самоощущении граждан, но в заметно меньшей степени, чем это было в 1998 г., — в целом в стране в тот период все же преобладало положительное социальное самочувствие. Однако между личным социально-психологическим состоянием и оценкой ситуации в стране наблюдалась уже существенная разница. Объяснение этого лежит, на наш взгляд, в отсутствии активной антикризисной пропаганды в СМИ 2008–2009 гг. Успехи «мировтворческой операции» в Южной Осетии довольно широко освещались тогда в российских СМИ, но еще не формировали у россиян чувства сплоченности, общего противостояния внешним силам и обстоятельствам. К тому же к моменту острой фазы экономического кризиса патриотический пыл от удач во внешней политике поубавился, да и каких-либо принципиальных

⁴ Аналогичная закономерность прослеживается в исследованиях ВЦИОМа (см.: Социальные настроения россиян: жизнь налаживается? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115231>. (Дата обращения: 02.05.2015) и исследованиях ФОМ (см.: Спокойствие или тревожность в российском обществе [Электронный ресурс] // ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d36sitvro11.pdf>. (Дата обращения: 02.05.2015).

приобретений/выгод Россия в ходе этого конфликта не получила. Что же касается ситуации в 2014–2015 гг., то личное социально-психологическое состояние россиян было в данный период примерно аналогично тому состоянию, в котором находились граждане страны в феврале 2009 г., а вот «зазор» между личными чувствами и ситуацией в стране был заметно меньше, чем в тот период.

Что же кардинально изменилось в массовом сознании, если кризис 2014 г. на уровне страны был воспринят россиянами существенно мягче, чем кризисы 1998 г. и 2008 г.? Для ответа на этот вопрос обратимся к изучению тех качественно новых реалий, о которых упоминалось ранее.

Во-первых, к новым реалиям 2015 г. можно отнести относительно невысокий уровень социальной напряженности (табл. 1.5). Сопоставление данных за 2008, 2009 и 2015 гг. свидетельствует о том, что с точки зрения ощущения наличия напряженности в обществе весной 2015 г. может быть сопоставлен с 2008 г. (интегральный показатель напряженности в обществе в 2008 г. составил 32,1 балла, а в 2015 г. — 28,4 балла), но резко отличается от гораздо более напряженного мироощущения россиян в 2009 г. (тогда интегральный показатель напряжения в обществе составлял 13,1 балла). Отметим, что в этом случае речь идет о данных исследования, проведенного во второй половине августа 2008 г., то есть уже после вооруженного конфликта в Южной Осетии и в самом начале экономического кризиса, когда его глубина и последствия еще не были осознаны большинством населения в полной мере. Таким образом, переживая сложный политический конфликт с Украиной, имея широкий спектр эконо-

Таблица 1.5

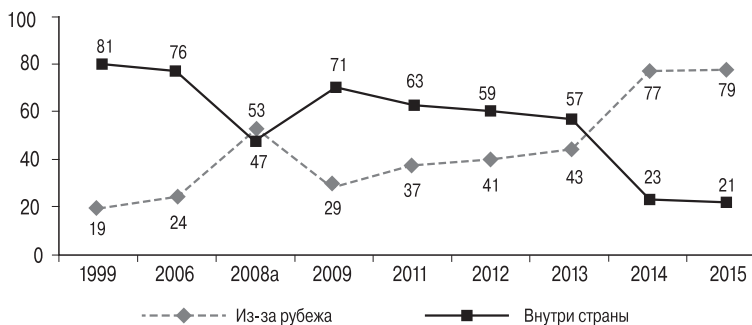
Оценки россиянами степени социальной напряженности в обществе, 2008–2015, %*

Оценки	2008а	2009	2015
Напряженность в обществе существенно или немного снижается	21	4	21
Напряженность в обществе существенно или немного возрастает	57	78	64
Ситуация в обществе остается такой же, как была раньше	18	11	15
<i>Интегральный показатель напряженности</i>	<i>32,1</i>	<i>13,1</i>	<i>28,4</i>

Примечание: *Обозначение «2008а» – опрос в августе 2008 г. В данном случае данные взяты не за март или ноябрь 2008 г., как в рис. 1.1, поскольку оценка россиянами степени социальной напряженности в обществе в марте и ноябре 2008 г. не фиксировалась, а за август, когда соответствующий вопрос присутствовал в инструментарии исследования. В анкетах 2008 и 2009 гг. присутствовал также ответ «затрудняюсь ответить», поэтому общая сумма ответов менее 100%.

мических санкций от стран Запада, столкнувшись с постоянными скачками курсов валют и цен на нефть, видя регулярное обновление ценников в магазинах в сторону удорожания товаров, россияне ощущали в обществе напряжение на уровне относительно еще благополучного «победного» августа 2008 г.

Во-вторых, новая российская реальность — это перестановка акцентов в источниках угроз (рис. 1.3). В период с 1999 по 2013 гг. главным источником угроз для российских граждан были, как правило, внутренние проблемы. Единственный раз, когда зарубежные угрозы на какое-то время на несколько процентных пунктов (53% против 47%) превзошли внутренние угрозы, — это август 2008 г., то есть сразу после конфликта с Грузией⁵. Все остальное время внутренние угрозы не только преобладали над внешними, но и существенно доминировали над ними. Перелом произошел в первой половине 2014 г. и совпал с событиями на Украине. Внутренние проблемы страны отошли для россиян на задний план, а идея «Россия в кольце врагов» стала доминирующей. Собственно, еще в марте 2014 г. было отмечено: «Восторг большинства от присоединения Крыма сейчас таков, что способен надолго отвлечь обывателей от повседневных трудностей, связанных с ухудшаю-

Примечание: При расчете этих данных не учитывалась категория респондентов, затруднившихся с ответом. Данные за 1999 и 2006 гг. взяты из исследования «Курьер» в Едином архиве экономических и социологических данных НИУ ВШЭ — <http://sophist.hse.ru>.

Рисунок 1.3. Динамика оценок россиянами основного источника угроз для России, 1999–2015, %

⁵ Следует отметить, что смещение акцента с внутренних проблем на угрозы из-за рубежа в 2008 г. было очень недолговременным. В ноябрьском исследовании 2008 г. россияне уже вернулись к привычному соотношению внутренних и внешних проблем (62% и 38% соответственно).

щимся состоянием экономики, девальвацией, повышением цен, тарифов»⁶. Эти слова оказались пророческими. Действительно, после всех экономических трудностей конца 2014 г., россияне в 2015 г. указали рекордно низкий уровень внутренних угроз (их отметили всего 21%). Забывать (пусть на время) внутренние конфликты перед лицом внешнего противника — это старая российская традиция, существующая со времен Чудского озера и Куликова поля. Был бы противник, а «мы за ценой не постоим», «уж постоим мы головою»⁷.

В целом кризисная ситуация 2014–2015 гг. определенно была воспринята населением страны «с пониманием» — как неприятное, но в принципе приемлемое побочное следствие укрепления ее мощи. К тому же властные структуры предприняли необходимые меры для того, чтобы надвигающийся экономический кризис легче переносился. При этом неважно, сознательно или стихийно был получен соответствующий эффект — главное, что он несомненно был.

Зададимся теперь вопросом о дифференциации реакций разных групп населения на новые реалии очередного российского кризиса. Одинаковые ли изменения происходили в массовом сознании разных групп населения? Какие именно группы проявили максимальную политическую лояльность и терпимость к происходившим в стране негативным экономическим событиям, а какие — наоборот?

В поисках ответов на эти вопросы обратимся к интегральным показателям оценок ситуации в стране и личного социально-психологического самочувствия россиян в 2013–2015 гг. (табл. 1.6 и табл. 1.7).

Рассмотрим, прежде всего, контрасты, связанные с *разными типами поселений*.

В 2013 г. наиболее оптимистические чувства (как в восприятии ситуации в стране, так и в личном социально-психологическом состоянии) наблюдались у жителей мегаполисов. Это типично для стран догоняющего развития, в которых крупные города (в первую очередь столицы) являются средоточием экономической жизни

⁶ Стулов М. Послекрымская Россия [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/03/19/poslekrymskaya-rossiya>. (Дата обращения: 02.05.2015.)

⁷ Первая цитата — из песни Б.Ш. Окуджавы для кинофильма «Белорусский вокзал», написанной через 25 лет после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., вторая — из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино», написанного через 25 лет после Отечественной войны 1812 г.

страны. Именно в крупные города традиционно стремится наиболее активная часть россиян, обладающая позитивным жизненным настроением. Но как раз крупные города зачастую первыми принимают на себя последствия экономических кризисов. К тому же горо-

Таблица 1.6
Динамика интегрального показателя оценки ситуации в России
в разных группах населения, 2013–2015, баллы

Группы		2013	2014		2015		
		Интегральный показатель	Интегральный показатель	Приращение к 2013	Интегральный показатель	Приращение к 2014	Общее приращение к 2013
Образование	среднее	37,2	39,6	+2,4	27,4	-12,2	-9,8
	среднее спец.	35,7	37,5	+1,8	23,8	-13,7	-11,9
	высшее	43,9	34,5	-9,4	25,6	-8,9	-18,3
Тип поселения	мегаполис	45,4	31,0	-14,4	22,9	-8,1	-22,5
	облцентр	39,4	36,4	-3,0	25,1	-11,3	-14,3
	райцентр	37,3	36,3	-1,0	25,9	-10,4	-11,4
	ПГТ и село	38,5	40,1	+1,6	25,8	-14,3	-12,7

Таблица 1.7
Динамика интегрального показателя личного
социально-психологического состояния в разных группах населения,
2013–2015, баллы

Группы		2013	2014		2015		
		Интегральный показатель	Интегральный показатель	Приращение к 2013	Интегральный показатель	Приращение к 2014	Общее приращение к 2013
Образование	среднее	57,8	51,6	-6,2	47,9	-3,7	-9,9
	среднее спец.	59,1	53,7	-5,4	45,6	-8,1	-13,5
	высшее	69,2	54,6	-14,6	53,7	-0,9	-15,5
Тип поселения	мегаполис	67,2	47,2	-20,0	53,6	+6,4	-13,6
	облцентр	62,6	52,1	-10,5	49,9	-2,2	-12,7
	райцентр	61,1	54,5	-6,6	49,8	-4,7	-11,3
	ПГТ и село	62,4	56,6	-5,8	45,8	-10,8	-16,6

жане вообще более критичны. Поэтому изменение общественного мнения жителей мегаполисов осенью 2014 г. было весьма негативным — у них произошло резкое понижение индекса спокойствия как на уровне оценки ситуации в стране (на 14 баллов), так и на личном уровне (на 20 баллов).

В этот же самый период жители ПГТ и сел считали, что ситуация в стране даже улучшилась, а их личное социально-психологическое состояние, хотя и ухудшилось, но незначительно (примерно на 6 баллов).

Реакции остальных россиян оказались «размазаны» в диапазоне между почти-оптимизмом сельчан и сильным пессимизмом жителей крупных городов, причем чем дальше респонденты были «от земли», тем более пессимистично они смотрели на то, «что же будет с Родиной и с нами». В частности, у жителей райцентров оценки ситуации в стране снизились за рассматриваемый период на 1 балл, оценки личного социально-психологического состояния — на 7 баллов. У жителей же областных центров первые оценки упали на 3 балла, а вторые — на 11 баллов.

К марту 2015 г. восприятие кризиса в полной мере докатилось и до российской глубинки, ухудшение ситуации в стране отметили уже все группы населения. При этом рейтинг степени реагирования на кризис жителей разных типов поселений радикально перевернулся: теперь пессимизм стал сильнее выражен у сельчан, а оптимизм — у жителей крупных мегаполисов. Так, за период между двумя опросами (осень 2014 г. и весна 2015 г.) оценки жителями мегаполисов ситуации в стране ухудшились на 8 баллов, а оценки сельчанами — на 14 баллов.

Что касается оценки личного самочувствия, то у сельчан она ухудшилась на 11 баллов, в то время как у жителей мегаполисов она даже улучшилась на 6 баллов. В 2015 г. жители мегаполисов парадоксально демонстрировали самые низкие оценки ситуации в стране и одновременно самые высокие оценки личного самочувствия. Вероятно, плохое мнение о том, «что же будет с Родиной», у жителей мегаполисов в основном сформировалось уже в предыдущем году, поэтому ухудшаться этому мнению было почти некуда. Зато в том, что касается личной судьбы, пессимизм жителей крупных городов сменился оптимизмом: оказалось, что страхи 2014 г. несколько преувеличены. (Как раз в марте рубль начал быстро крепнуть, что принципиально важно именно для жителей крупных городов, имеющих сбережения и привычку пользоваться валютой.) Жители районных и областных центров, как и ранее, занимали в тот момент промежуточные позиции — теперь уже

между противоречивыми настроениями жителей крупных городов и глубоким пессимизмом жителей сел. Отмеченные изменения связаны, видимо, с тем, что ресурсная база для выживания оказалась заметно существеннее у жителей мегаполисов, чем у сельских жителей.

Впрочем, подобные различия не следует слишком преувеличивать: *жители всех типов поселений продемонстрировали в 2013–2015 гг. сильное снижение оценок ситуации в России (жители мегаполисов – почти в 2 раза) и гораздо более умеренное (примерно на 20%) снижение оценок личного самочувствия. Иначе говоря, во всех типах поселений люди в общем были склонны весной 2015 г. полагать, что ситуация в стране ухудшилась сильнее, чем их личная жизнь.*

Аналогичная картина наблюдается и в группах с *разным уровнем образования* (табл. 1.6 и 1.7). Хотя более образованные россияне хуже менее образованных оценивали изменения как ситуации в России, так и свои личные изменения (причем сильный спад оптимизма произошел уже в 2014 г.), однако во всех образовательных группах в отношении себя лично оптимизм был выражен сильнее, чем в отношении страны.

В то же время динамика их оценок различается. Так, россияне с высшим образованием (включая незаконченное высшее) продемонстрировали постепенное снижение оценки спокойствия в стране (в октябре 2014 г. интегральный показатель спокойствия в стране понизился на 9 баллов в сравнении с 2013 г., а весной 2015 г. еще на столько же в сравнении с 2014 г.). У россиян же со средним и средним специальным образованием оценка ситуации в стране сначала выросла (то есть 2014 г. оценивался ими лучше, чем 2013 г.), а потом, к весне 2015 г., резко упала (сразу на 12–14 баллов). Видимо, первоначально люди с невысоким уровнем образования надеялись на помощь и заботу государства, что в дальнейшем не совсем оправдалось. Кроме того, как будет показано в последующих главах, именно по ним кризис ударил относительно сильнее.

Неудивительно и то, что россияне с высшим образованием еще осенью 2014 г. отметили резкое ухудшение личного социально-психологического состояния (на 15 баллов): первые признаки надвигающегося кризиса были быстро восприняты этой группой россиян как негативный сигнал для рынка труда, а следовательно, как угроза их благосостоянию, и именно они осознали такие угрозы первыми. *К марту 2015 г. личное самочувствие россиян с высшим образованием ухудшилось в сравнении с осенью 2014 г. очень незначительно* (всего на 1 балл): они менее других ожидали быстрого выхо-

да из кризиса и поэтому менее болезненно восприняли тот факт, что ситуация неопределенности длится уже более полугода. *Представители же менее образованных групп оказались в меньшей степени готовы к последствиям кризиса для себя лично, что сказалось и на динамике их умонастроений.*

Возраст и материальное положение респондентов также коррелировались с оптимизмом/пессимизмом в восприятии ситуации в стране и общим настроением россиян. На первый взгляд, следовало ожидать, что молодые и обеспеченные будут переносить любые кризисы гораздо лучше, чем пожилые и бедные. Однако действительность оказалась несколько иной. Довольно легко (лучше, чем во всех остальных возрастных группах), причем как на уровне ситуации в стране, так и на личном уровне, кризис пережили к весне 2015 г. молодые россияне (18–30 лет). В то же время на личном уровне почти не заметили кризиса и россияне старше 60 лет: по-видимому, тут сказались два фактора — некоторая социальная поддержка пенсионеров правительством (повышение пенсий) и изначально самое низкое социально-психологическое самочувствие этой социальной группы. В то же время на уровне страны пожилые люди отметили существенное ухудшение ситуации.

Что касается материальной обеспеченности, то оценка ситуации в стране тех, кто материально обеспечен плохо, упала вдвое, в то время как на личном уровне оценок произошли довольно незначительные изменения. Россияне, обеспеченные хорошо или удовлетворительно, демонстрировали рост пессимизма в отношении ситуации в стране в меньшей степени, а в отношении своего личного положения — в гораздо большей степени, чем малообеспеченные.

В целом, как и следовало ожидать, и в нынешний кризис молодежь легче представителей остальных возрастов переносила последствия кризисных явлений в экономике. В то же время среди наиболее депривированных слоев населения (бедных и пенсионеров) наблюдался дисбаланс оценок ситуации в стране и в своей личной жизни: при незначительных негативных изменениях оценок личной жизни они склонны были переоценивать проблемы, которые имеют место в стране.

Глава 2. Влияние экономического кризиса на повседневную жизнь российских граждан

Возникновение кризиса 2014—2015 гг., как и кризиса 1998—1999 гг., было обусловлено как внешними, так и внутренними факторами. В то же время их набор и сравнительная роль в формировании кризисной ситуации, как и глубина самих этих кризисов, и реакция на них населения, оказались различны.

С учетом этого, наиболее важными и интересными в теоретическом плане представляются два вопроса. Первый заключается в том, влияют ли причины и типы экономических кризисов в российской условиях на их объективные последствия для населения. Второй же заключается в том, как кризисы разных типов сказываются на восприятии россиянами тех сложностей, с которыми они сталкиваются в условиях спада (стагнации, рецессии и т.д.) российской экономики, и что именно обуславливает их соответствующую реакцию. Работу по сравнению последствий разных типов кризисов для российской экономики в целом экономисты уже начали¹. Однако социологами аналогичная работа по отношению к изучению положения населения и особенно его реакции на изменение этого положения на данных сравнительных эмпирических исследований еще не проводилась, хотя она могла бы многое дать для понимания мировосприятия россиян в целом и особенностей их нормативно-ценностных систем.

Если же обращаться к теоретическому, не прикладному значению анализа влияния экономического кризиса 2014—2015 гг. на повседневную жизнь российских граждан, то он более очевиден, и неслучайно ряд социологических центров (ВЦИОМ, Левада-Центр и др.) ведут постоянный мониторинг таких последствий. Это

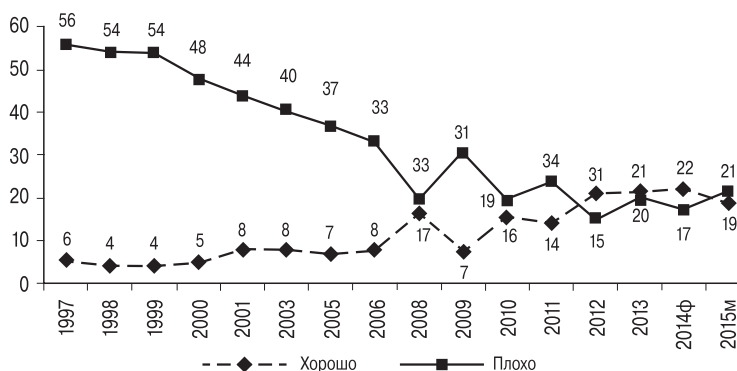
¹ См., например: 10 последствий кризиса в России ([http:// rustoria.ru/post/top-10-posledstvij-krizisa-v-rossii/](http://rustoria.ru/post/top-10-posledstvij-krizisa-v-rossii/)); Россияне стали меньше есть ([http:// www.gazeta.ru/business/2015/04/08/6631405.shtml](http://www.gazeta.ru/business/2015/04/08/6631405.shtml)); От кризиса сильнее всего страдают люди с низким уровнем дохода ([http:// www.regnum.ru/news/economy/1922139.html#ixzz3ZjVMw1r4](http://www.regnum.ru/news/economy/1922139.html#ixzz3ZjVMw1r4)) и др.

естественно, ведь как социальная стабильность в стране, так и коррекция социальной политики (особенно в области мер поддержки занятости, помощи наиболее пострадавшим социальным группам и т.д.) предполагают наличие максимально точной информации о положении населения и разных его подгрупп, а также о восприятии ими своего положения и причин его негативной динамики.

В свете отмеченного, в данной и двух последующих главах ставится задача дать не просто описание восприятия населением текущего социально-экономического положения и объективной ситуации в этой области, но и выявить особенности нынешнего кризиса в сравнении с двумя другими наиболее крупными в истории современной России кризисами – 1998–1999 гг. и 2008–2009 гг.

Обратим внимание, в первую очередь, на краеугольный для понимания нынешней ситуации в стране факт – *население России входило в экономический кризис 2014–2015 гг. с принципиально иным восприятием своего материального положения* (рис. 2.1) *и своей жизни в целом* (рис. 2.2), *чем в предыдущие кризисы*.

Как свидетельствуют эмпирические данные, перед кризисом 1998–1999 гг. у населения страны устойчиво доминировали негативные оценки своего материального положения, причем доля их на протяжении ряда лет непрерывно росла. Можно сказать, что

Примечания: В анкете присутствовал также ответ «удовлетворительно», не представленный на рисунке, поэтому общая сумма ответов здесь и на рис. 2.2 менее 100%. Обозначение «2014ф» означает опрос в феврале 2014 г., а «2015м» – опрос в марте 2015 г. Данные 2008 и 2009 гг. в рисунках приводятся по состоянию на март соответствующего года, а 1999 г. – по состоянию на январь соответствующего года, т.е. временной лаг между началом кризиса и моментом опроса во всех трех исследованиях был практически одинаков.

Рисунок 2.1. Динамика оценок россиянами своего материального положения как «хорошего» или «плохого», 1997–2015, %

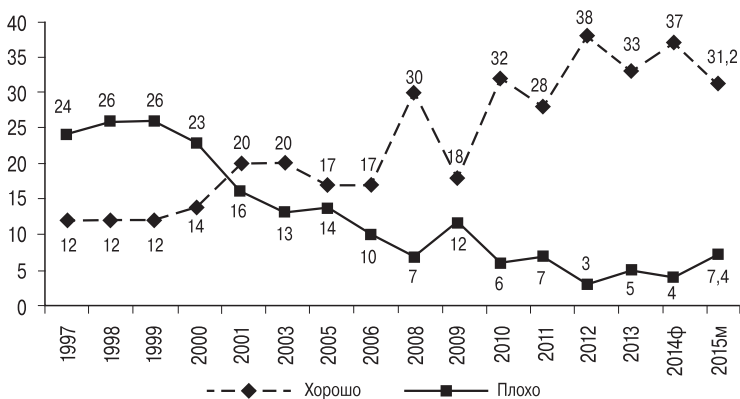

Рисунок 2.2. Динамика оценок россиянами того, как складывается их жизнь, 1997–2015, %

ситуация с материальным положением у россиян была настолько плохой, что даже масштабный экономический кризис конца прошлого века оказался уже неспособен изменить ее восприятие ими в худшую сторону. Однако после начала «путинской эпохи» оценки россиянами своего материального положения начали постепенно улучшаться, достигнув пиковых значений перед кризисом 2008–2009 гг. — именно тогда восприятие своего уровня благосостояния населением было лучшим за весь период с середины 1990-х гг. до конца первого десятилетия XXI в.

В условиях заметной возросшей удовлетворенности россиян своей жизнью и появления у них чувства, что им уже «есть что терять», неудивительно, что кризис конца 2000-х гг., в отличие от ситуации 1998–1999 гг., весьма ощутимо сказался на их оценках собственного благосостояния: доля оценивавших его как плохое выросла более чем в полтора раза, а как хорошее — сократилась в 2,5 раза (рис. 2.1). Столь негативные оценки своего материального положения давались россиянами не случайно — за ними стояли реальные, и очень значительные, изменения в их повседневной жизни². Тем не менее, поскольку и перед кризисом 2008–2009 гг. доля негативно воспринимающих свое положение россиян была больше доли воспринимающих его позитивно, то, при всей значимости количественных изменений в этой области, качественно

² Подробнее об этом см.: Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. — М.: Альфа-М, 2009.

картина оценок россиянами своего материального благосостояния под влиянием кризиса не поменялась. К весне 2012 г. последствия кризиса оказались в целом успешно преодолены, и россияне должным образом оценили это: число считающих свое материальное положение хорошим впервые за период с начала рыночных реформ в стране стало больше, чем число считающих его плохим. В последующие годы, вплоть до осени 2014 г., такое положение продолжало сохраняться.

Зима 2014–2015 гг. с начавшимся новым экономическим кризисом внесла в данную картину очень существенные коррективы. К марту 2015 г. доля населения, довольного своим материальным положением, вновь стала меньше, чем доля не удовлетворенных им. И хотя «перевес» негативных оценок в количественном отношении был небольшим (всего 3%), он все же означал смену тренда, характерного для предшествующих лет.

Это, впрочем, отнюдь не повлекло за собой аналогичной инверсии общих оценок россиянами собственной жизни. Несмотря на ухудшение почти у половины россиян их материального положения, в восприятии собственной жизни у них продолжал с большим перевесом доминировать весной 2015 г. позитивный настрой — тех, кто хорошо оценивал свою жизнь, среди них было в 4,5 раза больше, чем считающих, что жизнь складывается плохо. Подобный оптимизм принципиально отличает картину нынешнего кризиса в России от ситуаций 1998–1999 и 2008–2009 гг.: в 1999 г. негативные оценки населением страны своей жизни встречались вдвое чаще, чем позитивные, а в 2009 г., хотя позитивные оценки и встречались уже заметно чаще, чем негативные, но разрыв между ними составлял 1,5 раза, т.е. был втрое меньше, чем весной 2015 г. (рис. 2.2).

Оценки россиянами собственной жизни демонстрируют определенную связь с их материальным положением в целом и его динамикой в частности, причем статистически эта связь достаточно значима — коэффициент Спирмена составлял весной 2015 г. 0,526 для общей оценки материального положения и 0,394 для его динамики за последний год. Тем не менее, между оценкой жизни в целом и оценкой собственного материального положения у россиян есть заметный разрыв — первая всегда оценивается ими более позитивно, чем второе. И тот факт, что при ухудшении их материального положения во второй половине 2014 — начале 2015 г. у 46% россиян доля оценивающих свою жизнь на «хорошо» сократилась всего на 5% (а оценивающих ее на «плохо» выросла лишь на 2%), далеко не случаен. Как свидетельствуют предыдущие исследования

ИС РАН, на нормативно-ценностном уровне в российской культуре до сих пор сохраняется традиционно характерная для нее приоритетность нематериальных аспектов жизни. Мотивации примерно половины россиян еще не затронуты на глубинном уровне процессом коммерциализации, а для подавляющего большинства тех, у кого это все-таки произошло, ориентация в их приоритетах на материальную сторону жизни все еще дополняется ориентациями на различные нематериальные ее аспекты как не менее значимые. Лишь незначительная доля населения (5%) сосредоточена только «на деньгах»³.

С учетом специфики ценностных ориентаций россиян, изначально гораздо более позитивного восприятия ими своей жизни и материального положения, чем в прошлые кризисы, а также произошедшей после воссоединения Крыма с Россией консолидации нации неудивительно, что в нынешний кризис даже ухудшение материального положения населения сказывается на его самочувствии иначе, чем в кризисы 1998–1999 и 2008–2009 гг. Причем это касается как оценок населением своего материального положения (рис. 2.3), так и жизни в целом (рис. 2.4).

Более того, оценки изменений своего материального положения в различные кризисные периоды в жизни страны различаются у россиян гораздо сильнее, чем оценки собственной жизни в целом (рис. 2.4). При этом действует общая закономерность: применительно к материальному положению в абсолютных величинах сильнее изменяются его негативные оценки и довольно скромно растут его позитивные оценки. В восприятии же населением своей

³ В связи с этим следует отметить, что оценки значимости материальной составляющей их жизни у россиян очень сильно зависят от того, в какое время (кризисное или стабильное) и в какой форме им задается вопрос о ней. Так, как свидетельствуют данные мониторинга в марте 2015 г., т.е. в момент массового ухудшения материального положения, о высокой значимости собственного финансового благополучия говорили 63%, и еще для 25% оно было важно, но не очень. Для остальных же значимости его по 5-балльной шкале даже в условиях снижения уровня жизни находилась в диапазоне от 1 до 3 баллов. При этом материальное положение и в этот момент для большинства из них играло в их жизни менее важную роль, чем многое другое. Так, большинство россиян даже весной 2015 г. считало, что главное в работе не то, сколько за нее платят, а чтобы она была интересной (53% против 47%); что в жизни гораздо важнее свобода, чем материальное благополучие (61% против 39%), и т.д. О сохраняющейся относительно низкой значимости материальной составляющей жизни в их системе базовых ценностей говорит и анализ мечтаний россиян (см.: О чем мечтают россияне? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2012; Тихонова Н.Е. Мечты россиян «об обществе» и «о себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 52–63.)

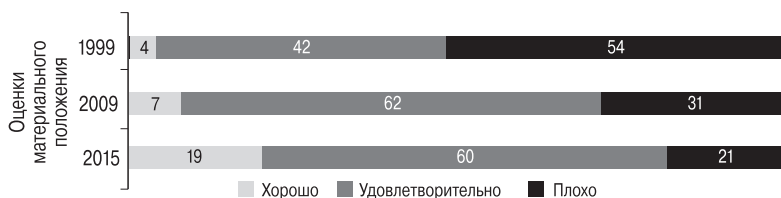

Рисунок 2.3. **Динамика оценок россиянами своего материального положения в различные кризисные периоды, 1999–2015, %**

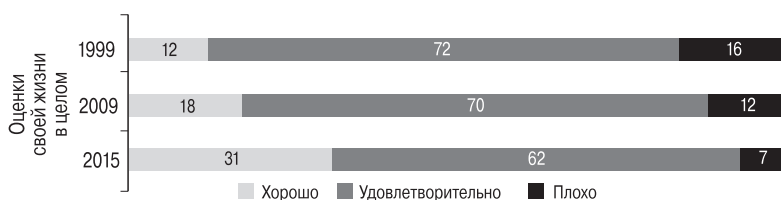

Рисунок 2.4. **Динамика оценок россиянами своей жизни в целом в различные кризисные периоды, 1999–2015, %**

жизни в целом, наоборот, резко «прыгают» положительные и слабее меняются отрицательные оценки.

Столь разная динамика оценок жизни в целом и материального положения в частности в значительной степени связана с тем, что, как было показано в предыдущих работах ИС РАН⁴, общее восприятие своей жизни у россиян обусловлено в первую очередь ситуацией в семье, отношениями с друзьями и т.п. Материальная же составляющая выступает при этом обычно в роли своего рода «блокиратора» оценок собственной жизни как хорошей. То есть для того, чтобы наши сограждане были довольны своей жизнью, им обычно требуется возможность нормального удовлетворения базовых социальных (хорошие отношения в семье и с друзьями) и физиологических (питание, одежда, «крыша над головой») потребностей, и необязателен высокий уровень материального благосостояния. Поскольку же лично-семейная, дружеская сторона жизни более устойчива и меньше реагирует на кризисы, чем материальное благополучие, то под влиянием обострения эконо-

⁴ Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. – М.: Весь Мир, 2015; *Тихонова Н.Е.* Удовлетворенность жизнью россиян: динамика и факторы // *Общественные науки и современность*, 2015, № 4.

мических проблем россияне относительно чаще начинают воспринимать свою жизнь как удовлетворительную, а не как плохую.

В этих условиях неудивительно, что, поскольку по всем значимым параметрам оценка большинством россиян собственной жизни весной 2015 г. была относительно неплохой (табл. 2.1), то и удовлетворенность населения страны своей жизнью держалась в тот момент на достаточно высоком уровне. И хотя возможности удовлетворения даже такой базовой, витальной потребности, как нормальное питание, к весне 2015 г. несколько ухудшились по отношению к тому, что было весной 2014 г., но в целом кризис 2014–2015 гг. сказался всерьез к данному моменту только на ухуд-

Таблица 2.1

Оценки россиянами различных аспектов собственной жизни, 2015, %*
(отранжировано по разнице положительных и отрицательных оценок в 2015 г.)

Аспекты жизни	Оценки		Разница этих оценок	Разница в феврале 2014 г.
	Хорошо	Плохо		
Отношения в семье	59	4	55	58
Возможности общения с друзьями	51	6	45	51
Место, регион проживания	39	11	28	33
Питание	35	8	27	39
Жилищные условия	37	13	24	27
Положение, статус в обществе	28	10	18	25
Состояние здоровья	32	15	17	20
Уровень личной безопасности	28	12	16	17
Одежда	27	12	15	24
Ситуация на работе**	27	14	13	33
Возможности реализовать себя в профессии**	30	18	12	23
Возможности проведения досуга	28	18	10	22
Возможности получения необходимого образования и знаний	26	19	7	12
Материальная обеспеченность	19	21	-2	4
Возможность отдыха в период отпуска	19	28	-9	9
Жизнь в целом складывается	31	7	24	33

Примечания: *В анкете был предусмотрен также ответ «удовлетворительно», не приведенный в таблице, поэтому общая сумма ответов менее 100%. Темным фоном выделены позиции, ухудшение разницы оценок «хорошо» и «плохо» по которым за год (с февраля 2014 г. по март 2015 г.) составило 19–20%, а светлым – те, по которым оно составило более 10%, но менее 19%. **По оценкам работающих.

шении ситуации на работе у части работающих и на возможностях отдыха (прежде всего во время отпуска).

Что же касается специфики факторов, обуславливающих оценки россиянами своего материального положения и отношение к тому, что оно далеко от желаемого, то важно подчеркнуть: большинство тех, кто оценивал весной 2015 г. свое материальное положение как плохое, считал, что сложившаяся под влиянием кризиса в стране ситуация связана прежде всего с внешними проблемами. Именно так 60% данной группы оценивали характер актуальных для России в тот момент угроз, и лишь 18% полагали, что в роли этих угроз выступают внутренние факторы. А поскольку 58% представителей данной группы считали, что связанное с этими угрозами воссоединение Крыма с Россией — безусловная победа России, то неудивительно, что основная часть даже тех россиян, кто оценивал свое материальное положение как плохое⁵, поддерживали общую политическую линию руководства страны (44% при 43% поддерживающих ее отчасти и 13% не поддерживающих вообще). Закономерно и то, что они были более толерантно настроены по отношению к ухудшению своего материального положения, чем это было в кризис 1998—1999 гг., когда было вообще неясно, ради чего приносятся соответствующие жертвы, и чем даже в кризис 2008—2009 гг., когда было понятно, что российский кризис — лишь часть общемирового. Таким образом, с точки зрения того социально-психологического и мировоззренческого фона, на котором россияне оценивали свою жизненную ситуацию в условиях кризиса 2014—2015 гг., положение весной 2015 г. значительно отличалось от ситуации предыдущих экономических кризисов. Это сказывалось и на оценках населением (в том числе находящейся в самом тяжелом положении его части) своей собственной жизни.

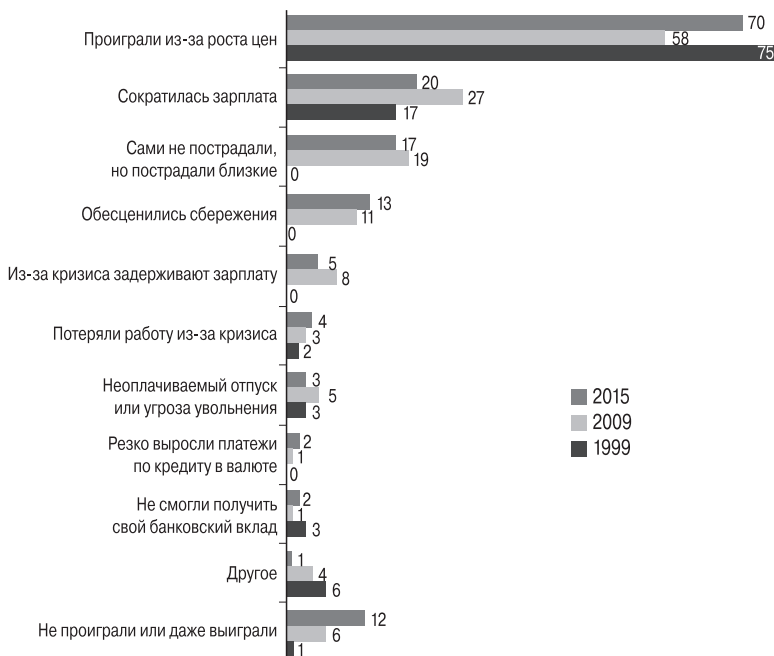
Суммируя все вышесказанное, еще раз подчеркнем — *экономический кризис 2014—2015 гг. начался в гораздо более благополучной с точки зрения социально-психологического самочувствия россиян и их благосостояния ситуации⁶, чем два предшествующих кризиса, и за первые полгода мало сказался как на большинстве сторон жизни*

⁵ Важно отметить при этом, что именно данная группа сильнее остальных пострадала от кризиса — три четверти в ней говорили об ухудшении их материального положения в последний год при 44% у тех, кто оценил свой уровень жизни как удовлетворительный и 20% у тех, кто охарактеризовал его как хороший.

⁶ В данном случае мы отвлекаемся от проблемы протестных настроений и, тем более, действий, и ограничиваемся лишь общими субъективными самооценками своей жизни и отдельных ее сторон у основной массы населения.

россиян, так и на общей их удовлетворенности своим повседневным бытием.

В то же время преуменьшать влияние кризиса 2014–2015 гг. тоже не стоит. Так, например, как показывают имеющиеся данные, вообще не ощутила на себе лично негативные последствия кризиса к весне 2015 г. сравнительно небольшая часть россиян — лишь 21%. При этом еще у 7% пострадали их близкие, что косвенно сказалось и на участниках опроса. Формы негативного влияния нынешнего экономического кризиса на россиян были при этом достаточно разнообразны, поэтому в плане соотношения этих форм (каналов, механизмов) негативного влияния кризиса на население страны

Примечания: *В 1999 г. в анкете отсутствовали позиции «сами лично не пострадали, но пострадали близкие, и это косвенно сказалось и на моем положении», «из-за девальвации обесценились сбережения», «в связи с кризисом задерживают зарплату уже больше месяца» и «резко выросли платежи по кредиту, взятому в валюте». **Допускалось любое число ответов.

Рисунок 2.5. Оценки россиянами форм влияния на них экономических кризисов в различные периоды, 1999–2015, %*

определенные отличия у нынешнего кризиса от предыдущих, безусловно, есть (рис. 2.5).

Как видно из рисунка 2.5, во-первых, россияне гораздо болезненнее среагировали весной 2015 г. на рост цен, чем это было в предыдущий кризис, и в этом отношении имевшая место ситуация напоминала скорее даже не 2009, а 1999 г. (хотя тогда доллар вырос за несколько месяцев кризиса более чем в три раза, а к весне 2015 г. — менее чем в два раза, что, в принципе, должно было обусловить и разный масштаб роста цен⁷). Во-вторых, хотя ситуация с работой за последний год у россиян по их самооценкам заметно ухудшилась, но пострадавших в этой области оказалось все же заметно меньше, чем в 2009 г. Тогда спустя полгода после начала кризиса 42% работающих в той или иной фирме (а кое-кто и одновременно в нескольких фирмах) ощутили на своих рабочих местах негативные последствия кризиса, и еще 3% потеряли работу. В условиях кризиса 2014–2015 гг. только 30% работающих спустя полгода после его начала ощутили на себе его негативное воздействие с точки зрения ситуации у себя на работе. В том же, что касается увольнений, ситуация весной 2015 г. была практически идентичной картине 2009 г. В-третьих, последний кризис характеризовался в разы более высокой долей тех, кого он вообще никак не затронул в течение полугода с момента его начала. Наконец, в-четвертых, заметно (на треть в относительном выражении — с 12% в 2009 г. до 16% в 2015 г.) выросло в нынешний кризис число тех, кто пострадал в силу своего активного финансового поведения, т. е. тех, кто брал валютные кредиты (как правило, ипотечные), имел сбережения в национальной валюте или хранил деньги в негосударственных банках. Отчасти это было связано с общим ростом доли лиц с активным финансовым поведением в последние годы, а отчасти с тем, что в структуре сбережений рубль стал играть к 2015 г. относительно бóльшую роль, чем в конце 1990-х гг. и даже в 2008–2009 гг. Однако в любом случае население получило в нынешний кризис негативный сигнал об опасности избыточного доверия к рублю и напоминание о том, что шансы государственных и негосударственных банков на поддержку в кризисных условиях далеко не равны.

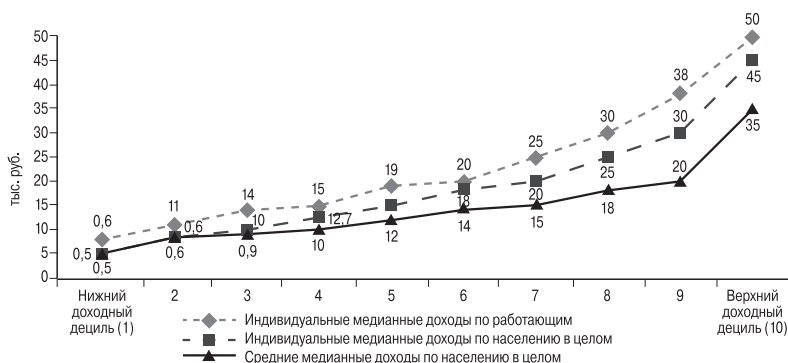
Факторный анализ (метод Варимакс с вращением, процент объясненной дисперсии 56,356) продемонстрировал, что все много-

⁷ Представляется, что на росте цен в начале 2015 г. сказался резкий скачок курсов доллара и евро в декабре 2014 г., когда их курс вырос более чем в 2 раза, в результате чего ритейлеры «заложились» в ценах на трехкратный рост курсов.

образии последствий экономических кризисов для россиян можно представить в виде нескольких типов. Четыре из них (позитивные последствия, отсутствие негативных последствий, проблемы из-за активного финансового поведения и проблемы с близкими) мы рассматривать не будем. Остановимся лишь на тех их типах, которые условно можно назвать «проблемы из-за роста цен», «проблемы на работе» и «проблемы с потерей работы».

Начнем с проблем из-за роста цен, от которых пострадали 70% наших сограждан. В связи с этим, следует прежде всего подчеркнуть, что уровень доходов большинства рядовых россиян достаточно низок. Это касается как их индивидуальных, так и, тем более, среднедушевых доходов (рис. 2.6).

Если же ориентироваться не на представленные на рисунке 2.6 медианные доходы по децилям, а на средние доходы в расчете на человека в месяц в российских домохозяйствах, то нижние по уровню их среднедушевых доходов 10% населения по состоянию на март 2015 г. располагали примерно 5 тыс. рублей, что было хоть и ненамного (всего на 100 рублей), но все же больше, чем за год до этого. Конечно, такой прирост не компенсировал рост цен за данный период, но все же в абсолютном выражении рост доходов у представителей нижней части доходной шкалы был. Иначе выглядела картина у россиян с более высокими доходами.

Примечания: *В случае, когда граница дециля проходила по уровню дохода, который характеризовал и часть следующего дециля, все респонденты с данным уровнем доходов относились к следующему децилю. ** Справочно приведены также индивидуальные доходы работающей части населения.

Рисунок 2.6. Среднедушевые и индивидуальные ежемесячные доходы в рублях у россиян (медиана по децилям*), 2015, тыс. руб.

Например, верхние 10%⁸, хотя и имели в 8 раз большие доходы, чем в нижнем дециле (около 39 тыс. рублей в месяц на человека), но по отношению к ситуации годом ранее их доходы даже в абсолютном выражении на 10% упали, поскольку тогда они составляли 43 тыс. рублей.

Если же *сравнивать не верхние и нижние 10% массовых слоев населения, а верхний и нижний их проценты, то разрыв по величине среднедушевых доходов в домохозяйствах страны оказывается 16-кратным даже без учета не попадающих в выборки массовых опросов верхних 3–5% населения, с одной стороны, и люмпенизированной части населения (бомжи и т.п.) – с другой.* Это заставляет серьезно сомневаться в показателях коэффициента фондов, приводимых ФСГС РФ (16,3 по населению в целом по состоянию на 2013 г. см. табл. 2.2). Впрочем, при всех сомнениях относительно конкретных данных ФСГС РФ по глубине неравенства в современной России, следует подчеркнуть, что статистической службой страны все же фиксируется очень глубокая дифференциация доходов россиян, заметно увеличившаяся в последние 10–15 лет даже по отношению к середине 1990-х годов, когда уже сказались последствия перехода на рыночную модель развития. Об этом же говорят и неравномерность распределения доходов в обществе в целом, прежде всего в его средних слоях (отражаемая коэффициентом Джини), и модель распределения общего объема денежных доходов населения между разными доходными квинтилями, и масштаб разрыва в доходах верхнего и нижнего децилей (децильный коэффициент фондов) перед началом последнего кризиса (табл. 2.2).

Имеющиеся эмпирические данные позволяют сделать и другие важные выводы, касающиеся доходов россиян в предкризисный период и весной 2015 г. Так, во-первых, у 60% населения наблюдалось тогда достаточно плавное нарастание их индивидуальных доходов, а относительно резкий их рост был присущ только четырем верхним (7–10) доходным децилям (рис. 2.6). Если же говорить о медианных доходах в разных децилях, то резкий их рост вообще характеризовал только верхний дециль.

В этих условиях понятно, почему шире всего в российском обществе в условиях кризисов оказывается распространенной тревога по поводу роста цен на товары и услуги – весной 2015 г., например, ее испытывали 72% россиян. Такая тревога достаточ-

⁸ В связи с этим следует напомнить, что речь идет о массовых слоях населения, попадающих в социологические опросы, и что верхние 3–5% россиян в выборки этих опросов не попадают.

Таблица 2.2

**Распределение общего объема денежных доходов населения
и характеристики дифференциации этих доходов, 1980–2013 гг.***

Год	По 20-процентным группам населения, в %					Децильный коэффициент фондов в размах	Коэффициент Джини
	1-я (с наименьшими доходами)	2-я	3-я	4-я	5-я (с наибольшими доходами)		
1980	10,1	14,8	18,6	23,1	33,4
1985	10,0	14,6	18,3	23,1	34,0
1990	9,8	14,9	18,8	23,8	32,7
1995	6,1	10,8	15,2	21,6	46,3	13,5	0,387
2000	5,9	10,4	15,1	21,9	46,7	13,9	0,395
2005	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7	15,2	0,409
2010	5,2	9,8	14,8	22,5	47,7	16,6	0,421
2013**	5,2	9,8	14,9	22,5	47,6	16,3	0,419

Примечания: *ФСГС РФ. Официальный сайт. Население. Уровень жизни. Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения и основные показатели социально-экономической дифференциации. Динамические ряды. (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#). Обновлено 20.01.2015. **Предварительные данные.

но равномерно распространялась по обществу в целом – только в верхних четырех децилях она чуть уменьшалась. И хотя проблема роста цен оставалась лидером рейтинга всех тревожащих россиян проблем, и в четырех верхних доходных децилях доля разделяющих ее снижалась в них до двух третей соответствующих групп, в то время как в нижних 6 децилях ее испытывали более трех четвертей их представителей.

Во-вторых, как видно из рисунка 2.6, только начиная с 3 дециля и выше индивидуальные и среднедушевые доходы начинают расходиться между собой, т.е. представители двух нижних децилей не выступают в своих домохозяйствах «донорами». Прямой противоположностью им выступают в этом отношении представители четырех верхних децилей, которых характеризуют не только более высокий уровень доходов, но и качественно иные социальные позиции в целом.

В-третьих, из рисунка 2.6 видно, что индивидуальные доходы работающих россиян, как правило, превосходят и среднедушевые доходы в домохозяйствах страны, однако это расхождение в большинстве децилей не слишком велико и предполагает иждивен-

ческую нагрузку в них в пределах 0,5 иждивенца на одного работающего. Именно такая нагрузка является в настоящее время не только типичной для россиян, но, видимо, стала уже в российском обществе своего рода социальной нормой. И только с 7 дециля ситуация начинает меняться.

Наконец, в-четвертых, говоря о доходах населения, нельзя не отметить, что наиболее болезненно кризис ударил по низкоресурс-

Таблица 2.3

Как разные доходные группы пострадали из-за сокращения или полной потери зарплаты в силу кризиса*, 2015, % от работающих**

Доходные группы	Столкнулись с падением индивидуальных доходов	Доходы от кризиса не пострадали
Региональный срез***		
Имеют доходы менее ½ медианы доходного распределения в своих регионах	45	55
Имеют доходы от ½ медианы доходов до медианы в своих регионах	32	68
Имеют доходы от одной до 1,5 медиан в своих регионах	30	70
Имеют доходы от 1,5 до 2 медиан в своих регионах	27	73
Имеют доходы от 2 медиан доходного распределения в своих регионах	23	77
Поселенческий срез		
Имеют доходы менее ½ медианы доходного распределения в соответствующих типах поселений	43	57
Имеют доходы от ½ медианы доходов до медианы в соответствующих типах поселений	33	67
Имеют доходы от одной до 1,5 медиан в соответствующих типах поселений	28	72
Имеют доходы от 1,5 до 2 медиан в соответствующих типах поселений	29	71
Имеют доходы от 2 медиан доходного распределения в своих типах поселений	24	76

Примечания: *Имеются в виду те, кто пострадал от сокращения зарплаты, ее задержек или вообще оказался в неоплачиваемом отпуске. **Данные приводятся в таблице из расчета, что 100% получается по строке. ***В связи с тем, что и стоимость жизни, и ее стандарты очень различаются в разных регионах и типах поселений, помимо общего распределения населения и работающей его части по доходным децилям для анализа влияния экономических кризисов на россиян нами использовалось также деление их на группы в зависимости от отношения среднедушевых ежемесячных доходов в их домохозяйствах к медиане доходного распределения в их регионах и в их типах поселений.

ным группам россиян вообще и работающих в частности. Добавим к приведенным в таблице 1.10 данным, что в нижнем доходном дециле с падением в силу кризиса своей заработной платы к весне 2015 г. столкнулся 41% работающих, а в верхнем доходном дециле – лишь каждый четвертый (25%).

В связи с этим понятно, что проблема роста цен с учетом размера доходов россиян является для них достаточно острой проблемой. При этом, хотя субъективно пенсионеры, как отмечалось в главе 1 данной книги, не выделяются по своему социально-психологическому состоянию в худшую сторону на общем фоне, но если исходить из их материального положения, то чаще всех считали себя пострадавшими от роста цен именно пенсионеры, а также неработающие без объективных причин граждане трудоспособного возраста (табл. 2.4). Кроме того, в этих группах были значительные доли считающих свое материальное положение плохим.

Рассмотрим теперь еще две группы проблем, возникших у россиян к весне 2015 г. под влиянием кризиса, а именно «проблемы

Таблица 2.4

Влияние роста цен и самооценки своего материального благосостояния среди работающих и различных групп незанятого населения, 2015, %

Характеристики положения	Работают	Пенсионеры	В отпуске по уходу за ребенком	Студенты вузов	Не работают по иным причинам
Влияние кризиса:					
Доля вообще не пострадавших от кризиса	18	21	15	31	15
Пострадали от кризиса в силу роста цен	69	73	70	57	74
Считают свое материальное положение:					
Хорошим	20	11	30	27	12
Удовлетворительным	60	59	40	63	60
Плохим	20	30	30	10	28
Материальное положение за последний год:					
Улучшилось	11	7	10	6	4
Осталось тем же	41	48	45	67	37
Ухудшилось	48	45	45	27	59

на работе» и «проблемы с потерей работы». В целом данные подтверждают тенденцию, которая уже отмечалась: в нынешний кризис проблемы с работой у россиян встречаются относительно реже, чем в кризис 2008–2009 г., однако по сравнению с ситуацией 2014 г. положение работающих из-за кризиса значительно ухудшилось. Так, только 27% работающих россиян оценивали весной 2015 г. ситуацию у себя на работе как хорошую, а 14% оценивали ее как плохую. Весной 2014 г. эти показатели были заметно лучше и достигали соответственно 33% и 10% (в 2009 г. они составляли по 20%).

Однако это лишь общая, интегральная оценка изменения производственной ситуации работающих россиян. В чем же конкретно выразилось ухудшение ситуации у них на работе? Прежде всего, в падении доходов от занятости — более чем у четверти работающих (26%) за полгода кризиса сократилась зарплата. Кроме того, 4% оказались в результате кризиса в неоплачиваемом отпуске, а с задержкой зарплаты более чем на месяц столкнулись 6% занятых весной 2015 г. Как видим, влияние кризиса в этой области было весьма ощутимым. В то же время нельзя не отметить, что в 2009 г. ситуация в данной области была заметно хуже — тогда потеряли в зарплате 34% работающих, 7% оказались в неоплачиваемом отпуске, а 10% страдали от задержек зарплаты.

Не менее серьезной проблемой, чем падение доходов, была весной 2015 г. и угроза потери работы. Половина всех работающих в тот момент считала, что у них есть реальная вероятность оказаться в ближайший год безработным, причем 41% полагал, что это вполне вероятно, а 9% — что такая вероятность очень велика. Еще 38% допускали для себя возможность оказаться в ближайший год безработным, хотя и считали это маловероятным, и лишь 12% считали, что перспектива безработицы для них исключена. На высоком уровне страх безработицы держался и в предыдущие кризисы, хотя реальная безработица, как и в нынешний кризисный период, была тогда уделом сравнительно немногих⁹. Так, только 4% рабо-

⁹ На то, что российская экономика адаптируется к кризисам через уменьшение доходов работников, а не их массовое увольнение, уже не раз указывалось в литературе. См.: В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / Под общ. ред.: В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014; Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Рыжикова З.А. Движение рабочих мест в российской экономике: в поисках созидательного разрушения / Препринты. Высшая школа экономики. Серия WP3 «Проблемы рынка труда». 2012. № 03; Гимпельсон В.Е., Оценков А.Ю. Уровень и страх безработицы: есть ли между ними связь? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 15. № 3. С. 277–314.

тающих россиян потеряли к апрелю 2015 г. из-за кризиса свою работу, причем половина из них смогла достаточно быстро найти новое место. Столько же потеряли работу под влиянием кризиса и в 2009 г. В свете этого понятно: в силу закрепленных в нормах национальной культуры и подпитываемых объективными экономическими реалиями (очень низкими пособиями по безработице, отсутствием у большинства населения сбережений и т.д.) особенностей отношения россиян к занятости как обязательному элементу жизнеустройства — перспектива безработицы есть, по сути, одна из главных «болевых точек» для значительной части россиян в условиях любого кризиса. Неудивительно поэтому, что и весной 2015 г. около трети работающего населения (31%) включали безработицу в число тех главных пяти проблем в жизни страны, которые вызывают у них наибольшую тревогу. Примерно так же выглядела ситуация в предыдущие кризисы.

В связи с проблемой занятости/незанятости россиян следует отметить, что доля неработающего населения, которое не получало пенсий, не училось и не находилось в отпуске по уходу за ребенком, была в России весной 2015 г. относительно невелика — 5%¹⁰. При этом подавляющая часть этих людей формально не являлась безработными, а состав их, прежде всего социально-демографический, был весьма своеобразен — в массе своей они концентрировались в двух полярных возрастных группах. Часть из них «сидела дома», так как материальное положение их домохозяйств им это позволяло, а предпенсионный возраст и неважное здоровье уже ограничивало для них возможности эффективной занятости. Эта категория составляла примерно треть всей группы неработающих трудоспособного возраста. Другой массовой группой в ее составе являлась молодежь до 21 года, также составлявшая треть всей этой группы. С учетом же неработающей молодежи 22–25 лет доля «молодежной» части неработающих без видимых причин россиян составляла весной 2015 г. около 45% рассматриваемой группы¹¹.

¹⁰ Это гораздо меньше, чем доля «домохозяек» и «домохозяев» в развитых странах, хотя относительно много для России, где еще четверть века назад нормой была полная занятость трудоспособных.

¹¹ В то же время следует отметить, что молодежь, хотя и теряла в кризис работу чуть чаще, чем представители других возрастных групп (4% от всех не являющихся студентами или находящимися в отпуске по уходу за ребенком), но легче потом ее находила: в группе до 25 лет включительно 88% потерявших работу из-за кризиса в момент опроса снова работали (в группе 26–35 лет соответствующий показатель составлял 79%, для 36–55-летних он был 67%, а для тех, кому было от 56 до 65 лет, он опускался даже до 43%, т.е. работающие представители старшей возрастной

В отличие от незанятости представителей пожилых возрастов, это выглядит достаточно тревожно и говорит о том, что мы имеем здесь дело с очень серьезной социально-экономической проблемой хронической молодежной безработицы. Об этом же говорит и тот факт, что каждый десятый россиянин в возрасте до 25 лет являлся весной 2015 г. безработным, причем под влиянием кризиса этот показатель почти не изменился. Конечно, 10–11% молодежной безработицы — это меньше, чем показатели молодежной безработицы во многих европейских странах. Однако в условиях болезненного отношения к отсутствию работы в России, а также с учетом сложного экономического положения многих российских домохозяйств такие показатели фактической молодежной безработицы можно рассматривать как куда более серьезную и тяжелую по своим экономическим последствиям проблему, чем молодежную безработицу в развитых европейских странах.

Кроме того, учитывая низкий образовательный уровень значительной части не работающей и не учащейся молодежи, а также масштаб молодежной безработицы в России, понятно, что экономика страны и без привлечения низкоквалифицированных мигрантов и увеличения пенсионного возраста работающих имеет многомиллионную «резервную армию труда», в том числе — и для занятия рабочих позиций с низким уровнем квалификации. Конечно, использование ее менее выгодно для работодателей, чем использование бесправных мигрантов из Средней Азии, согласных на зарплату порой даже ниже прожиточного минимума. Привлечение неработающей части молодежи к труду потребует и более сложных управленческих стратегий, чем «завоз мигрантов» или повышение пенсионного возраста в целях преодоления дефицита кадров. Однако в стратегической перспективе включение в состав занятых хотя бы части этой, остающейся пока вне рынка труда, молодежи окажется несопоставимо выгоднее для страны, чем альтернативные способы решения проблемы дефицита рабочей силы, имеющие ряд негативных социальных, экономических и даже политических последствий.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что *экономический кризис не привел к ощутимому росту незанятости трудоспособных, которая сосредоточена сейчас в полярных возрастных группах.*

когорты, потеряв работу, в большинстве своем на новую уже не выходили). *Таким образом, проблема массовой незанятости россиян 21–25 лет носит преимущественно хронический характер*, т.к. большинство молодежи, не имевшей работы весной 2015 г. не теряли ее в кризис, а были фактически безработными и до этого.

В то же время он резко увеличил долю незанятости трудоспособных предпенсионных возрастов и усугубил, хотя и ненамного, проблему хронической молодежной безработицы. Кроме того, экономический кризис 2014–2015 гг. сократил даже номинальные доходы почти трети работающего населения, не говоря уже о падении реальных доходов подавляющего большинства россиян, и способствовал росту среди них страха потерять работу, оказавшись в итоге без средств к существованию. Все эти особенности были характерны и для предыдущих кризисов, различалась лишь доля населения, которая от них страдала. При этом, как свидетельствуют данные, кризис 2008–2009 гг. российское общество переживало в этом отношении даже тяжелее, чем кризис 2014–2015 гг.

Но только ли этим исчерпывается влияние нынешнего экономического кризиса на занятость россиян? Рискнем утверждать — нет, и главные его последствия связаны не с падением их доходов, и даже не с ростом среди них реальной безработицы, а с тем, что экономический кризис 2014–2015 гг. способствовал дальнейшему изменению системы взаимоотношений работников и работодателей, продолжая наметившийся по итогам кризиса 2008–2009 гг. тренд смещения «баланса сил» в этой системе отношений в пользу последних.

В основе смещения баланса сил в России в пользу работодателей в последние годы лежат несколько объективных предпосылок. Главная из них — тот факт, что масштабная структурная перестройка российской экономики, начавшаяся в середине 1990-х гг., к середине 2000-х гг. в целом завершилась. Результатом этой перестройки стало общее сокращение занятости в российской экономике — с 73,8 млн рабочих мест в 1991 г. до 67,7 млн рабочих мест в 2011 г., когда экономика страны после кризиса 2008–2009 гг. уже практически восстановилась¹². Особенно сильно сократилась при этом занятость в науке (втрое), в промышленности (более чем в два раза), в строительстве (в 1,6 раза) и сельском хозяйстве (в 1,5 раза). В совокупности занятость в этих отраслях сократилась более чем на 12 млн рабочих мест. Столь резкое сокращение занятости в традиционных для России как индустриальной страны

¹² Впоследствии тренд на общее сокращение занятости в экономике продолжился, и к февралю 2015 г. численность занятых в экономике сократилась до 64,5 млн человек и еще 1,2 млн рабочих мест были вакантны. Таким образом, общая численность рабочих мест в экономике составляла к весне 2015 г. 65,7 млн человек, что на 8,1 млн рабочих мест меньше, чем в 1991 г. [Рассчитано по: ФСГС РФ. Официальный сайт. Трудовые ресурсы. Оперативная информация. Занятость и безработица в феврале 2015 г. Динамика уровня занятости населения в возрасте 15–72 лет (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/)].

отраслях не повлекло за собой, однако, сколько-нибудь сопоставимого по масштабам роста занятости в третичном и четвертичном секторах экономики. Хотя занятость в сферах управления, финансовой деятельности и услуг, предполагающих достаточно высокую квалификацию (операции с недвижимостью, юридические услуги и т.п.) и выросла за эти годы в разы, однако в совокупности этот рост составил менее трети от потерянных в других отраслях рабочих мест. Основной же прирост рабочих мест пришелся на торговлю и сферу бытового обслуживания, занятость в которых выросла с 5,6 млн в 1991 г. до 12,2 млн в 2011 г.¹³ и 12,3 млн в 2012 г.¹⁴.

Эти тектонические процессы затронули в той или иной степени большинство рабочей силы страны, хотя их влияние на разные сегменты рынка труда и различные социальные группы было неодинаковым. Так, поскольку в 1990-е гг. высокий спрос на работников предъявлялся, прежде всего, во вновь возникающем частном секторе экономики, то выиграли от этого в основном работники молодых возрастов, особенно с высшим образованием, обладавшие более высокими адаптивными способностями и общей мобильностью¹⁵. Одновременно многие социальные группы очень серьезно проиграли. Если говорить о профессиональных группах, то в числе проигравших были и рабочие, и работники науки, и представители системы ВПК, и преподаватели вузов, и многие другие. В плане возраста это были представители тех возрастных когорт, кому в начале 1990-х гг. было «за сорок».

Тем не менее, несмотря на массовый проигрыш работающего населения страны от перехода российской экономики на рыночный путь развития, ситуация в стране и в 1990-е, и в 2000-е гг. была относительно спокойной. Возможность для самой активной группы – молодежи – не просто найти себе работу, а подобрать рабочее место с привлекательными условиями труда заметно снижала градус социального напряжения в обществе в целом. У работников же младших возрастных когорт такая возможность способствовала формированию ощущения, что они могут говорить с работодателем если не как равноправные партнеры по трудовому договору,

¹³ Рассчитано по: Российский статистический ежегодник–2000 г. – М., Росстат, 2000 и Российский статистический ежегодник–2012 г. (http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/IssWWW.exe/Stg/d1/05-05.htm).

¹⁴ ФСГС РФ. Официальный сайт. Труд и занятость в России – 2013. Среднегодовая численность и структура занятых в экономике по основному виду экономической деятельности (http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_36/Main.htm).

¹⁵ Тихонова Н.Е. Факторы стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. – М.: РОССПЭН, 1999.

то, по крайней мере, как люди, имеющие в процессе заключения этого договора хоть какие-то права. Что же касается работников старших возрастов, то достаточно либеральное на тот момент законодательство о забастовках и других формах протестных действий оставляло им возможности борьбы за свои права в наиболее одиозных случаях их ущемления. С другой стороны, работодатели, прошедшие в массе своей социализацию в условиях жизни в СССР, продолжали тогда еще в основном ощущать определенную ответственность перед своими работниками (этот тип работодателей получил наименование «красные директора») и в целом старались соблюдать трудовое законодательство РФ.

Однако завершение структурной перестройки российской экономики в середине 2000-х гг. совпало со сменой поколений в директорском корпусе и элитах в целом — на смену «красным директорам» пришло поколение «эффективных менеджеров», прошедших социализацию уже в новых, квазирыночных условиях. Идеологически это выразилось в непрекращающихся с тех пор попытках реформировать политику государства в неолиберальном ключе, а юридически — в пересмотре прав работников на защиту своих интересов под лозунгом усиления гибкости рынка труда. И хотя радикального пересмотра Трудового кодекса РФ, к которому призывало и призывает неолиберальное крыло российских элит, пока не произошло, но права работников были в последние годы все же существенно урезаны, в том числе — и в плане права на забастовки как главной формы защиты работающими своих интересов.

Главной проблемой взаимоотношений работодателей и работников в России является в настоящее время, впрочем, даже не сокращение прав работающих, а то, что те права, которые у работников формально есть, на практике все чаще не соблюдаются. При этом трудовая нагрузка на них постепенно растет, и, как правило, без соответствующего роста их доходов. Каждый масштабный экономический кризис добавляет свою лепту в усугубление этих тенденций. Начавшись с кризиса 2008–2009 гг., последствия которого наиболее сильно затронули самую благополучную часть рабочей силы (квалифицированную молодежь крупных городов¹⁶), процесс ухудшения ситуации во взаимоотношениях работодателей и работников получил новый импульс в ходе кризиса 2014–2015 гг.

¹⁶ Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. — М.: Новый хронограф, 2014.

Как уже отмечалось выше, работодатели массово воспользовались в последние год-полтора ситуацией кризиса, чтобы снизить работникам их доходы или начать задерживать им зарплату. Причем подобное делалось и в том случае, если деньги на выплату зарплаты у работодателей были, а никаких вызванных кризисом проблем их предприятия не испытывали. Более того — это характеризовало даже такого работодателя, как государство. Так, например, хотя от проблем на работе, связанных с сокращением доходов, задержкой зарплат или отправкой в неоплачиваемый отпуск сильнее всего пострадали рабочие и, особенно, инженерный корпус индустриального сектора экономики (36% и 40% соответственно весной 2015 г.), но даже среди работников бюджетных отраслей и государственных силовых структур каждый пятый испытал на себе влияние таких проблем. Широка оказалась их распространенность и среди работающих жителей сел (26%), хотя, как предполагалось, в процессе импортозамещения из-за введенных Россией антисанкций, а также с учетом государственных мер по стимулированию сельского хозяйства жители российских сел должны были в нынешний кризис только выиграть. При этом следует помнить, что российские работники (с учетом изменений, принятых в последние годы в российском законодательстве) практически лишены возможностей защищать свои интересы с помощью забастовок. В итоге они вынуждены использовать такие нетрадиционные способы их защиты, как, например, голодовки — наиболее известным и одиозным подобным случаем стала голодовка работников на строительстве космодрома «Восточный» в марте 2015 г., завершившаяся в силу стратегической значимости данного объекта для страны победой рабочих.

Изменение взаимоотношений работодателей и работников под влиянием экономического кризиса и все большее бесправие работников в этих взаимоотношениях проявляется не только в сокращении доходов работников от занятости, но и в изменении объема их трудовой нагрузки. Так, казалось бы, переживаемые предприятиями экономические трудности, распространение практики неоплачиваемых отпусков и т.д. должны были привести к заметному сокращению рабочей недели или рабочего дня как времени реальной трудовой деятельности работников. И действительно, такое сокращение по отношению к осени 2014 г. весной 2015 г. фиксировалось, хотя и было относительно небольшим — если в октябре 2014 г. средние показатели продолжительности рабочей недели в России составляли 44,82 часа, а медианные — 42 часа, то

спустя полгода эти показатели уменьшились до 44,31 часа и 41 часа (напомним, что, согласно законодательству РФ, продолжительность трудовой недели составляет в РФ 40 часов). При этом всего 16% работающих россиян имели продолжительность рабочей недели менее 40 часов. Треть работали ровно столько, сколько предусмотрено трудовым законодательством. Половина же россиян «перерабатывала», в том числе у 13% всех российских работников рабочая неделя составляла 60 и более часов (в октябре 2014 г. эта ситуация характеризовала 15% работающих).

Если говорить о сравнении показателя продолжительности рабочей недели за последние годы вообще и в условиях пережитых постсоветской Россией экономических кризисов в частности, то можно зафиксировать, что длительность времени труда у россиян заметно увеличилась. Так, весной 2009 г. медианный показатель продолжительности рабочей недели составлял 40 часов, а средний – 42,52 часа, что, соответственно, на 2 и 2,3 часа меньше, чем в октябре 2014 г. и на 1,79 и 1 час меньше, чем весной 2015 г. При этом рабочую неделю продолжительностью 60 и более часов имели тогда лишь 5% работающих, а не 15% как осенью 2014 г., или 13%, как весной 2015 г.

Таким образом, если судить по нагрузкам работающих россиян, то уменьшение масштабов российской экономики даже в условиях кризиса имело столь незначительный характер, что всерьез говорить об экономическом кризисе в России весной 2015 г. как о реальности, а не как о возможной угрозе, не приходится. Точнее, кризис был, но проявлялся он не столько в сфере производства, сколько в сфере потребления – выросли цены, упал курс национальной валюты, обесценились сбережения и т.д. Занятость же в экономике сократилась очень незначительно. И сокращение доходов от занятости в условиях практически тех же трудовых нагрузок объясняется в основном стремлением работодателей под разными предлогами сократить права работников, чем собственно экономическим кризисом.

Если от общей характеристики ситуации с занятостью обратиться к особенностям трудовой нагрузки различных групп россиян, то, прежде всего, нужно отметить, что наибольшей долей тех, кто имеет продолжительность рабочей недели менее предусмотренной законодательством, в России сейчас характеризуется молодежь, проблемы с занятостью которой уже отмечались выше – более 30% работающих в возрасте до 21 года и каждый четвертый в возрасте от 22 до 25 лет включительно имели весной 2015 г. рабочую неде-

лю менее 40 часов. Для сравнения – во всех возрастных когортах от 26 до 55 лет этот показатель находился на уровне 13–14% и даже среди работающих 56–65 лет он был заметно ниже, чем у молодежи (21%). Повышенные же трудовые нагрузки в наибольшей степени характеризуют средние возраста – более половины (53–55%) тех, кому от 26 до 45 лет, имели весной 2015 г. рабочую неделю свыше предусмотренной законодательством РФ продолжительности.

Примечательно также, что максимальные трудовые нагрузки изменили под влиянием кризиса характер своей локализации (рис. 2.7). Заметно сократилась средняя нагрузка в таких мегаполисах, как Москва и Санкт-Петербург, а также, хотя и менее заметно – в столицах субъектов РФ. Зато выросла она в так называемой «малой России». Таким образом, *реально кризисные явления в производственной сфере, ведущие к сокращению общей занятости, имели место в данный кризис прежде всего в крупных городах численностью более 500 тыс. человек, в то время как в средних городах и так называемой «малой России» разговоры о кризисе были использованы в основном как способ повышения нормы эксплуатации.*

Если же говорить о том, как сказался кризис на реальных трудовых нагрузках представителей разных профессиональных групп, то из наемных работников переработки в наибольшей степени характеризовали весной 2015 г. работников торговли и бытового обслуживания, а также высококвалифицированных рабочих (60 и 63% из них соответственно имели рабочую неделю более 40 часов). Рабочая же неделя менее предусмотренной законодательством РФ продолжительности была наиболее распространен-

Рисунок 2.7. Показатели средней продолжительности рабочей недели в разных типах населенных пунктов, октябрь 2014 г., часов

на у «белых воротничков» (как с высшим образованием, так и без него), хотя в целом подавляющее их большинство (80%) имело нормальную занятость или даже «перерабатывало». Так, у «белых воротничков» с высшим образованием средняя продолжительность рабочей недели составляла 42,3 часа (и 43% имели продолжительность рабочей недели более 40 часов), а у тех, чей образовательный уровень был не выше среднего специального – 41,43 часа (и 41% имел продолжительность рабочей недели более 40 часов). С точки зрения уровня образования риски переработок вообще были относительно выше у тех, кто не имел высшего образования (56%), чем у тех, кто его имел (43%). Неудивительно, учитывая их гендерный состав и образовательный уровень, что той профессиональной группой, где в наименьшей степени были распространены переработки, являлись профессионалы с высшим образованием – лишь 40% их имели весной 2015 г. рабочую неделю более предусмотренных российским законодательством 40 часов.

Осенью 2014 г. картина была иной. Рабочие в меньшей степени страдали от переработок (в зависимости от квалификации доля перерабатывающих находилась в диапазоне от 45% до 55%), как и работники торговли (56%). Чаще же всего (55%) переработки встречались у работающих в городах с численностью 100–250 тыс. человек, а также в Москве, где перерабатывало около двух третей всех работающих. *Таким образом, сокращение трудовых нагрузок под влиянием кризиса характеризовало прежде всего Москву, а рост их – индустриальный сектор и торговлю.*

При этом сокращение доходов затронуло в большей степени иные группы работников. Прежде всего это были жители средних городов с численностью населения 250–500 тыс. человек (33% при 20% у работающих жителей сел); низкодоходные группы, имеющие доходы до 7 тыс. рублей на человека в домохозяйствах в месяц (35% при 25% по работающим в целом); работающую молодежь до 21 года (34%); инженерно-технический персонал промышленности, строительства и т.п. с высшим образованием (34% при 17%, например, у работников силовых структур); рабочих, в первую очередь среднеквалифицированных (33%). Как видим, если говорить о преимущественной локализации сокращения зарплат, то это, прежде всего, средние города, где сосредоточен основной промышленный потенциал страны. Если говорить о профессиональном портрете пострадавших, то это в первую очередь группы, относящиеся к «индустриальной России». Если говорить об их «ресурсе прочности», то это относительно чаще представители

россиян, не имеющих подобного ресурса. Таким образом, *в нынешний кризис на фоне опережающего сокращения времени труда «белых воротничков» в мегаполисах, прежде всего столицах, произошло опережающее падение доходов и в без того не очень благополучных группах, относящихся к индустриальному сектору экономики.*

Наконец, что касается связи продолжительности времени труда и сектора занятости, то кризис внес очень интересные коррективы по нагрузкам россиян, работающих в разных секторах экономики. Максимальная доля «перерабатывающих» характеризовала весной 2015 г. работников частного сектора (62%), а минимальная — работников госсектора (41%). На приватизированных предприятиях соответствующий показатель составлял 53%. В госсекторе была максимальной и доля тех, кто работал менее 40 часов в неделю — 22%. В то же время еще полгода назад именно работники госсектора имели максимальные трудовые нагрузки — средняя продолжительность рабочей недели у них составляла по состоянию на октябрь 2014 г. 45,73 часа при 41,51 часа весной 2015 г. У работников приватизированных предприятий длительность рабочей недели была тогда в среднем на час меньше, зато к весне 2015 г. выросла почти на час (с 44,80 часа до 45,62 часа), что в очередной раз заставляет сомневаться в том, что эти предприятия в массе своей оказались сколько-нибудь серьезно затронуты кризисом. У работников частных предприятий эта тенденция проявилась еще ярче — средняя продолжительность рабочей недели была у них осенью 2014 г. 44,60 часа, а спустя полгода она выросла до 46,2 часа. Минимальной же средняя продолжительность рабочей недели была к началу кризиса у работников коллективных предприятий — 42,98 часа. Небольшой она осталась на общем фоне и весной 2015 г. — 42,39 часа.

Подобная динамика времени труда на разных типах предприятий объясняется разницей избранных ими моделей поведения по отношению к своим работникам в условиях «объявленного кризиса». Так, если говорить о госпредприятиях и бюджетных учреждениях, то активное реформирование отраслей социальной сферы, начатое еще до кризиса и продолженное в последний год, заметно уменьшило возможности совместительства для их работников. Кое-где сократились и масштабы госзаказа. Фактическое сокращение нагрузок (точнее — перегрузок) и перераспределение объема работ по занятым выступило в госсекторе способом минимизации увольнений в условиях сокращения бюджетного финансирования — не случайно именно в госсекторе показатель увольнений из-за кризиса был минимален (1,5%).

Иную модель действий избрал частный сектор, где рост трудовых нагрузок сопровождался вдвое более высоким показателем числа уволенных, чем в госсекторе, что обернулось ростом нагрузки более чем на час в неделю в среднем на каждого работающего на негосударственных предприятиях и в учреждениях. При этом работники госсектора в наименьшей степени пострадали из-за того, что их доход из-за кризиса сократился (в ходе опроса весной 2015 г. об этом упомянул лишь каждый пятый среди них). В то же время в частном секторе об этом говорили почти 30% их работников.

Это свидетельствует о том, что увольнения на предприятиях частного сектора российской экономики, включая приватизированные предприятия, были вызваны не столько экономической необходимостью, сколько стремлением сократить издержки на рабочую силу под предлогом кризиса. Фактически кризис был использован работодателями, особенно в частном секторе, как повод для повышения нормы эксплуатации работников. В наибольшей степени это касалось созданных в последние 20–25 лет новых частных предприятий.

О том, что баланс сил во взаимоотношениях работников и работодателей меняется в России в последние годы в пользу последних, а также что «информационный шум» по поводу кризисов (независимо от реальной тяжести их протекания) активно используется российскими работодателями для повышения нормы эксплуатации и сокращения прав работников, свидетельствует и анализ динамики соблюдения предусмотренных российским законодательством для работников социально-экономических прав и гарантий. Как свидетельствуют имеющиеся эмпирические данные, «вписанность» производственной деятельности россиян в правовое поле и вытекающая из этого степень их социальной защищенности с годами уменьшается. Так, например, весной 2008 г., т.е. до начала кризиса 2008–2009 гг., работодатели обеспечивали оплату отпуска, больничного листа и декретного отпуска в предусмотренном законодательством размере в 71% случаев. К весне 2014 г. этот показатель снизился до 68%, а весной 2015 г. оказался уже лишь 63%. Сократилась в условиях экономического кризиса 2014–2015 гг. и распространенность соблюдения других социально-экономических прав трудящихся — официального оформления на работу, выплаты «белой» зарплаты и т.д. (рис. 2.8).

В целом, как свидетельствуют эмпирические данные, значительная часть россиян находится в настоящий период вне действия российского трудового, пенсионного и социального законодательства, и ситуация в этой области постепенно ухудшается. В той или иной степени

Рисунок 2.8. **Динамика обеспечения различных социальных гарантий работающим россиянам, 2014–2015, %**

вне правового поля и предусмотренных российским законодательством социальных гарантий находится половина работающих россиян, между тем как еще год назад этот показатель составлял 44%. В их числе почти треть (16% всех работающих) не имеют официального оформления на работу, и, соответственно, «белой» зарплаты и оплаты предусмотренных законодательством отпуска или больничного листа. У остальных же не реализуется как минимум одно из этих прав.

В наиболее благополучном положении оказываются в данном отношении «белые воротнички» с высшим образованием — лишь четверть из них находится полностью вне правового поля. В наихудшем же положении — рабочие, применительно к большинству которых предусмотренные российским законодательством социально-экономические гарантии не соблюдаются в полном объеме¹⁷, и, особенно, рядовые работники торговли и сферы бытового обслуживания, где этот показатель доходит даже до 74%. Более того, социальная незащищенность этих групп по отношению к ситуации год назад тоже выросла — так, например, у наиболее неблагополучной в этом отношении группы работников торговли

¹⁷ В зависимости от уровня квалификации, напрямую связанного с особенностями сектора занятости и характера предприятия, где они работают, соответствующий показатель находился весной 2015 г. в диапазоне от 57% для высококвалифицированных рабочих до 70% у неквалифицированных рабочих.

и бытового обслуживания доля тех, по отношению к кому предусмотренные российским законодательством социально-экономические гарантии в той или иной степени не соблюдаются, составляла в феврале 2014 г. 70%, т.е. была на 4% меньше, чем год спустя.

С учетом того, что отмечалось выше о разных моделях реакции на «объявление кризиса» в разных секторах экономики, неудивительно, что и степень социальной защищенности работников также зависит сегодня в России от того, на предприятиях и в учреждениях какого сектора экономики они работают. Из приведенных в таблице 2.5 данных видно, что для частного сектора характер-

Таблица 2.5

Степень социально-экономической защищенности на рабочем месте у различных групп работников, 2015, %

	Работники в госсекторе	Работники приватизированных предприятий	Работники вновь созданных частных предприятий
Не реализуются такие права, как:			
Своевременная выплата з/п	5	13	12
Официально оформлены на работу	14	20	37
«Белая» зарплата	18	31	54
Оплата отпуска и больничного листа	15	30	58
Не реализуется хотя бы одно из этих прав	29	45	62
<i>Имеют дополнительные социальные блага (ведомственные поликлиники, жилье и т.п.)</i>	22	14	7
Не реализуются такие права как:	Москва и Санкт-Петербург	Другие областные центры	Райцентры
Своевременная выплата з/п	7	12	9
Официально оформлены на работу	26	23	19
«Белая» зарплата	29	33	34
Оплата отпуска и больничного листа	29	35	31
Не реализуется хотя бы одно из этих прав	47	48	43
<i>Имеют дополнительные социальные блага</i>	40	13	10

Примечание: Светлым фоном в таблице выделены показатели, характеризующие более 30% соответствующей группы, темным фоном – характеризующие более 50% группы. **Жирным курсивом** выделен расчетный интегральный показатель социальной защищенности работников. *Курсивом* – дополнительные социально-экономические блага, не предусмотренные как обязательные права трудящихся российским законодательством.

но тотальное бесправие по отношению к работникам (особенно типично это для работников вновь созданных частных и коллективных предприятий). Учитывая же территориальную локализацию данных предприятий, становится очевидным, что эти проблемы в большей степени коснулись «малой России» (прежде всего сел и поселков городского типа), поскольку в крупных городах относительно больше доля «бюджетников».

Фактически о соблюдении предусмотренных российским законодательством прав работников как о действующей норме можно говорить в современной России лишь применительно к работникам госсектора, особенно — проживающим в столичных городах. При этом, однако, и на государственных предприятиях ситуация далека от идеальной и имеет тенденцию к ухудшению — так, полностью в законодательном поле находились весной 2015 г. лишь 71% работающих в госсекторе (за год до этого соответствующий показатель составлял 74%). На приватизированных предприятиях этот показатель составлял на тот период 55% (57% в феврале 2014 г.). Ситуация же, когда на созданных в последние 20 лет предприятиях частного сектора в зоне действия трудового, пенсионного и социального законодательства России оказывается лишь около трети работающих, вообще требует, на наш взгляд, немедленного вмешательства государства.

Что же касается дополнительных социальных благ (оплаты добровольного медицинского страхования или наличия ведомственной поликлиники, оплаты транспорта, связи, жилья и т.д.), то их наличие распространено в нынешний период в России только в столицах и в основном среди работников госсектора и высококвалифицированных профессионалов.

Глава 3. Профессиональные группы в условиях кризиса и их реакция на новые жизненные реалии

Социально-профессиональная подструктура является одним из ключевых срезов общей социальной структуры общества. Классификация работающих россиян в соответствии с занимаемыми ими позициями на рынке труда важна не только с точки зрения макроанализа структуры национальной экономики и характеристики этапа экономического развития страны, но и на микроуровне, при анализе повседневности россиян, их реакции на новые жизненные реалии. В данной главе дается анализ тех особенностей, которыми характеризуется нынешнее положение представителей разных профессиональных групп, а также как влияние на их положение экономического кризиса.

Для начала рассмотрим социально-профессиональную структуру российского общества, сложившуюся на нынешний период, выделив в ней основные профессиональные группы. В группу высококвалифицированных «белых воротничков» с высшим образованием, составляющую на данный момент 29% работающих россиян, мы отнесли тех, кто занимает структурные позиции, связанные с высококвалифицированным умственным трудом, и имеет при этом высшее образование (руководители, заместители руководителя предприятия или учреждения, руководители среднего или низшего звена, специалисты на должностях, предполагающих высшее образование, в т.ч. офицеры). Во вторую группу, условно названную «белые воротнички» без высшего образования (17%), были отнесены представители тех же профессиональных позиций, но не имеющие высшего образования, а также составившие ее основную часть (88%) служащие на должностях, не требующих высшего образования (в т.ч. офисные работники, неофицерский состав силовых структур, лаборанты, библиотекари и т.д.). Представители данной группы формально могли иметь высшее образование (и в 11% случаев они действительно имели его), но для типа

выполняемой ими работы его наличие было не принципиально. Рядовые работники торговли и сферы бытового обслуживания составили весной 2015 г. 14%, предприниматели и самозанятые — 4%, и рабочие разного уровня квалификации — 36% от работающих россиян в целом (табл. 3.1).

Социально-профессиональная структура пореформенного российского общества имеет определенные поселенческие особенности. Так, в мегаполисах наблюдается более высокая по сравнению со среднероссийской доля представителей наиболее квалифицированной группы — «белых воротничков», имеющих высшее образование (37%). По мере снижения размера населенного пункта эта доля падает, составляя в селах только 16%. При этом несколько возрастает доля «белых воротничков» без высшего образования (с 17% в мегаполисах до 22% в селах) и рядовых работников сферы торговли и бытового обслуживания (с 13% до 19%). Что касается высококвалифицированных рабочих, то их доля чуть ниже в областных и районных центрах (17%) и выше, с одной стороны, в мегаполисах (21%), а с другой — в ПГТ и селах (23% и 21%). Доля среднеквалифицированных рабочих, наоборот, выше в областных и районных центрах (15% и 13%), а в крупных городах, ПГТ и селах она не превышает 8%; доля низкоквалифицированных рабочих максимальна в ПГТ (9%) и минимальна в мегаполисах (4%). Отдельного внимания в этой связи заслуживает группа предпринимателей и самозанятых — они составляют менее 1% жителей мегаполисов и 10% жителей села. В целом 58% всех попадающих в массовые опросы предпринимателей и самозанятых проживают в современной России в селах. Таким образом, современный российский малый биз-

Таблица 3.1

Социально-профессиональная структура российского общества, 2015, %

Профессиональные группы	% от работающих
Высококвалифицированные «белые воротнички» с в/о	29
«Белые воротнички» без в/о	17
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	14
Предприниматели и самозанятые	4
Высококвалифицированные рабочие	18
Среднеквалифицированные рабочие	11
Низкоквалифицированные рабочие	7

Примечание: Здесь и далее в главе приведены данные для работающих россиян, если не оговорено иное.

нес сконцентрировался в основном в сельской местности, что уже само по себе дает определенное представление о его специфике и степени инновационности. Фактически он в значительной степени скрывает за собой невозможность найти приемлемые рабочие места и является *формой кризисной самозанятости*.

Представители различных профессиональных групп локализируются в разных секторах экономики (табл. 3.2). Важно, что более чем две трети «белых воротничков» разного уровня квалификации на сегодняшний день сосредоточены на государственных предприятиях. Для остальных профессиональных групп ситуация иная – так, 59% работников торговли и бытового обслуживания работают в частном секторе, как и более 60% рабочих независимо от уровня их квалификации. Таким образом, *структурные позиции для квалифицированных работников нефизического труда сегодня сформированы, прежде всего, в бюджетном секторе*. Этот факт нужно иметь в виду, так как он может оказывать влияние как на устойчивость и стабильность положения представителей разных групп на российском рынке труда, так и на особенности их трудовых мотиваций. Кроме того, он во многом определяет и специфику россий-

Таблица 3.2

Тип собственности предприятия, на котором работают представители различных профессиональных групп, 2015, %

Профессиональные группы	Тип предприятия		
	Государственное	Приватизированное, вновь созданное частное	Коллективная, индивидуальная трудовая деятельность, другое
Высококвалифицированные «белые воротнички» с в/о	68	26	6
«Белые воротнички» без в/о	68	23	9
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	13	59	28
Высококвалифицированные рабочие	24	61	16
Среднеквалифицированные рабочие	19	69	12
Низкоквалифицированные рабочие	14	67	19

ского среднего класса, так как именно «белые воротнички» в силу особенностей занимаемых ими структурных позиций составляют основную часть средних слоев российского общества.

Уровень дохода представителей разных профессиональных групп заметно различается. Средний уровень собственного дохода респондентов составил весной 2015 г. 24 758 руб. по выборке исследования в целом; при этом уровень доходов высококвалифицированных «белых воротничков» с высшим образованием, предпринимателей и самозанятых, а также высококвалифицированных рабочих превышал этот средний показатель; доходы среднеквалифицированных рабочих практически совпадали с ним, а доходы «белых воротничков» без высшего образования, работников торговли и бытового обслуживания, а также низкоквалифицированных рабочих были ниже среднего уровня.

Изменения среднемесячного индивидуального дохода представителей различных профессиональных групп, произошедшие за последние полгода, оказались не очень значительными. При этом для всех работающих россиян, кроме работников торговли и бытового обслуживания, а также высококвалифицированных рабочих, наблюдалась даже положительная динамика их индивидуальных номинальных доходов. Однако если говорить о среднемесячных доходах в расчете на члена семьи, то за последние полгода данный показатель продемонстрировал снижение во всех профессиональных группах, кроме «белых воротничков» без высшего образования и предпринимателей. Наиболее заметным падение среднедушевого дохода оказалось среди работников торговли и бытового обслуживания — там оно составило 14%. Почти на 10% снизился среднедушевой доход в семьях высококвалифицированных «белых воротничков» с высшим образованием. Среди рабочих разного уровня квалификации показатели среднего уровня дохода в расчете на одного члена семьи сократились не более чем на 5%.

Эти изменения проявляются еще ярче, если проводить сравнение не только с ситуацией осень 2014 — весна 2015 гг., но и с картиной, полученной по данным мониторингового исследования ИС РАН в феврале 2014 г. Как видно из таблицы 3.3, *номинальные доходы всех профессиональных групп в расчете на одного члена их домохозяйства росли в течение 2014 г., однако экономический кризис прервал эту тенденцию или даже повернул ее вспять* (кроме ситуации в группах «белых воротничков» без высшего образования и предпринимателей).

Учитывая высокую степень поселенческой дифференциации доходов в России, важно оценить не только абсолютную, но и отно-

Таблица 3.3

**Доход представителей различных профессиональных групп,
2014–2015, рубли**

Профессиональные группы	Среднемесячный индивидуальный доход		Среднемесячный доход в расчете на члена семьи		
	Октябрь 2014	Март 2015	Февраль 2014	Октябрь 2014	Март 2015
Высококвалифицированные «белые воротнички» с в/о	29 300	30 596	19 059	22 518	20 470
«Белые воротнички» без в/о	19 811	21 842	13 976	16 788	17 334
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	19 413	18 905	12 220	16 709	14 421
Предприниматели и самозанятые	25 467	27 581	13 386	16 169	18 065
Высококвалифицированные рабочие	25 999	25 741	14 703	18 061	16 842
Среднеквалифицированные рабочие	21 608	24 202	12 263	16 844	16 094
Низкоквалифицированные рабочие	16 050	16 052	11 996	13 758	13 417

сительную величину доходов разных групп. Как показывают данные, наиболее благополучной можно назвать ситуацию у высококвалифицированных воротничков с высшим образованием – 44% из них имеют индивидуальные доходы не ниже полутора медианных в их типе поселения. Доходы менее медианных имеют только 16% из них. Предприниматели и самозанятые также характеризуются относительно более благополучной ситуацией, чем представители иных профессиональных групп – доходы не ниже полутора медианных имеют 42% из них, а доходы ниже медианы – 22%. Важно отметить, что *положение высоко- и среднеквалифицированных рабочих с точки зрения их доходов оказывается более благополучным, чем положение «белых воротничков», работа которых не предполагает высшего образования. В наихудшей ситуации по сравнению с другими профессиональными группами с точки зрения индивидуальных доходов находятся работники торговли и бытового обслуживания и низкоквалифицированные рабочие.*

Если же говорить о доходах в расчете на члена семьи, то при некоторых количественных сдвигах распределения общая картина оказывается схожей – наиболее благополучна ситуация высококвалифицированных «белых воротничков» и предпринимателей, в то время как в худшей ситуации находятся низкоквалифици-

рованные рабочие и работники торговли и бытового обслуживания; положение «белых воротничков», работа которых не требует высшего образования, оказывается при этом схоже с положением высококвалифицированных рабочих (табл. 3.4).

Уровень доходов отражается и в субъективной оценке представителями различных групп своего материального положения. Из рис. 3.1 видно, что *наиболее позитивными оценками собственного материального положения отличаются те, кто действительно име-*

Таблица 3.4

**Доход представителей различных профессиональных групп
в отношении к медианному по их типу поселения, 2015, %**

Профессиональные группы	Менее медианы по типу поселения	От одной до полутора медиан по типу поселения	Более полутора медиан по типу поселения
Индивидуальные доходы			
Высококвалифицированные «белые воротнички» с в/о	16	40	44
«Белые воротнички» без в/о	38	41	21
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	48	39	13
Предприниматели и самозанятые	22	36	42
Высококвалифицированные рабочие	20	47	33
Среднеквалифицированные рабочие	24	42	35
Низкоквалифицированные рабочие	54	39	7
Доходы в расчете на одного члена семьи			
Высококвалифицированные «белые воротнички» с в/о	27	36	37
«Белые воротнички» без в/о	36	31	33
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	51	27	22
Предприниматели и самозанятые	28	26	46
Высококвалифицированные рабочие	37	30	33
Среднеквалифицированные рабочие	40	36	24
Низкоквалифицированные рабочие	60	23	17

Примечание: Фоном выделена максимальная по численности доходная подгруппа в каждой профессиональной группе.

Рисунок 3.1. Самооценка своего материального положения представителями различных профессиональных групп, 2015, %

ет более высокие доходы – высококвалифицированные «белые воротнички», а также предприниматели и самозанятые; наиболее низкие оценки дают наименее квалифицированные рабочие и работники торговли и бытового обслуживания.

Как же при этом, по мнению самих россиян, менялось их положение в течение последнего года, во время которого в стране разворачивался экономический кризис? Данные показывают, что доля тех, кто отмечает ухудшение своего положения за этот год, во всех группах превышает долю тех, кто отмечает его улучшение. Наибольший разрыв между долями улучшивших и ухудшивших свое материальное положение за последний год наблюдается в группах низкоквалифицированных рабочих и работников торговли и бытового обслуживания. Более позитивна ситуация у «белых воротничков» различного уровня квалификации – но и среди них улучшение своего материального положения за год отмечала гораздо меньшая доля по сравнению с теми, кто говорил об ухудшениях.

Что же касается перспектив изменения материального положения в ближайший год, то наиболее оптимистичны в этом отношении предприниматели и самозанятые – доля прогнозирующих улучшение своего положения совпадает в этой группе с долей прогнозирующих его ухудшение. Относительно других более оптимистично настроены и «белые воротнички» без высшего образования. Соотношение прогнозирующих улучшение и ухудшение своего материального положения снижается в группах работников торговли и обслуживания и «белых воротничков» с высшим образованием. Еще ниже оно среди высоко- и среднеквалифицированных

рабочих, и достигает минимума среди низкоквалифицированных рабочих – лишь 16% из них надеются на улучшение своего материального положения в следующем году при том, что 43% прогнозируют его ухудшение (табл. 3.5).

Доля тех, кто отмечает ухудшение своего материального положения, всего за полгода кризиса заметно возросла во всех социально-профессиональных группах: осенью 2014 г. эта доля была максимальной среди работников торговли и бытового обслуживания и низкоквалифицированных рабочих, но даже для них она не превышала четверти, в то время как весной 2015 г. в самых благополучных группах она составляла 40%, а для неблагополучных даже превышала половину. Что касается ожиданий на будущее, то они также изменились за эти полгода у россиян в худшую сторону.

Таблица 3.5

Оценка произошедших и прогнозируемых изменений материального положения представителями различных профессиональных групп, 2015, %

Профессиональные группы	Произошедшее и прогнозируемое изменение материального положения					
	Материальное положение улучшилось за последний год	Материальное положение ухудшилось за последний год	Разница	Материальное положение должно улучшиться в следующем году	Материальное положение скорее ухудшится в следующем году	Разница
Высококвалифицированные «белые воротнички» с в/о	17	40	-23	26	34	-8
«Белые воротнички» без в/о	14	45	-31	33	37	-4
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	7	55	-48	30	37	-7
Предприниматели и самозанятые	9	39	-30	29	28	1
Высококвалифицированные рабочие	7	50	-43	27	39	-12
Среднеквалифицированные рабочие	11	53	-42	26	36	-10
Низкоквалифицированные рабочие	5	56	-51	16	43	-27

Примечание: В таблице не представлены доли тех, кто дал ответ об отсутствии перемен в своем материальном положении за последний год и о том, что в ближайший год их положение не изменится.

Прежде чем переходить к анализу непосредственно форм и механизмов влияния кризиса на представителей различных профессиональных групп, обратимся к общей характеристике их нынешней ситуации на рынке труда, и в частности — к вопросам длительности их рабочей недели и наличию социальных гарантий. Как уже отмечалось в главе 2, *даже в условиях экономического кризиса большинство работающего населения России характеризуется наличием перегрузок, и значительного сокращения рабочего времени представителей различных профессиональных групп, которого можно было бы ожидать в результате экономического кризиса, не произошло.* И хотя определенные изменения в этой сфере наблюдались, но они были небольшими и не привели к сокращению ни в одной профессиональной группе средней длительности рабочей недели даже до уровня стандартных 40 часов.

Однако в связи с этим следует напомнить, что рабочее время включает в себя не только занятость по основному месту работы, но также нагрузку по разовым приработкам или совместительству. Такие практики представляют собой стратегии диверсификации источников доходов, которые могут способствовать большей стабильности положения в кризисных условиях. Данные показывают, что *разовые приработки в настоящее время являются более распространенной стратегией во всех профессиональных группах, чем совместительство.* При этом среди рабочих различного уровня квалификации разовые приработки чаще являются одним из основных источников дохода, чем среди «белых воротничков» (рис. 3.2). Что касается *практики совместительства, то она в наибольшей степени*

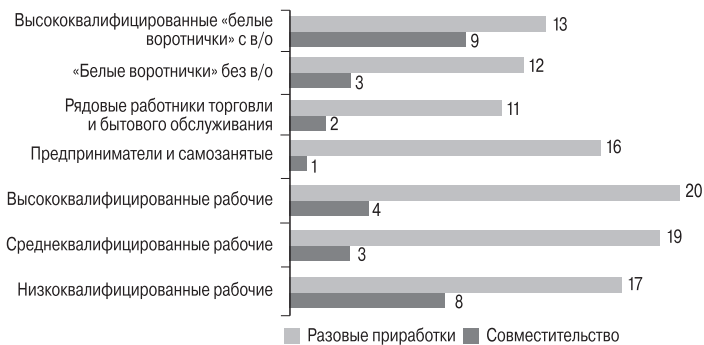

Рисунок 3.2. Использование стратегий совместительства и разовых приработков представителями различных профессиональных групп, 2015, %

распространена среди наиболее квалифицированной профессиональной группы – «белых воротничков» с высшим образованием, а также среди наиболее низкоквалифицированной группы – рабочих 1–2 разряда или не имеющих разряда. Однако даже среди представителей этих групп число тех, кто отмечает совместительство в качестве одного из основных видов дохода, не превышает 10%.

Если проследить динамику распространенности практик совместительства и разовых приработков с осени 2014 по весну 2015 года, т.е. в условиях нарастания кризисных явлений в экономике, то можно обнаружить, что в разных профессиональных группах она имела различную направленность. Так, среди высококвалифицированных белых воротничков количество совместителей возросло с 4% до 9%, в то время как в остальных группах изменения либо были незначительны, либо имели противоположную направленность (среди предпринимателей и самозанятых доля совместителей упала с 5% до 1%, среди среднеквалифицированных рабочих – с 7% до 3%). Одновременно за прошедшие полгода заметно выросла доля рабочих, использующих стратегию разовых приработков – с 13% до 20% среди высококвалифицированных рабочих, с 12% до 19% среди среднеквалифицированных рабочих и с 11% до 17% среди низкоквалифицированных рабочих. Полученные данные демонстрируют *разные стратегии адаптации представителей различных профессиональных групп на рынке труда, которые оказываются доступны для них в силу особенностей имеющихся у них ресурсов.*

Что касается степени социально-экономической защищенности на рабочем месте, связанной с «вписанностью» производственной деятельности в правовое поле и характеризующей еще один аспект положения индивида на рынке труда, то она оказывается заметно выше для «белых воротничков». Так, более 80% «белых воротничков» с высшим образованием своевременно получают «белую» заработную плату, официально оформлены на работе по письменному трудовому контракту или приказу, имеют оплату отпуска и больничного листа в соответствии с российским законодательством. Более того, для 21% из них работодатель обеспечивает также и иные социальные блага. Среди «белых воротничков», работа которых не предполагает наличия высшего образования, соответствующие доли оказываются несколько ниже, но и среди них подавляющее большинство имеет те же социальные гарантии. *В целом 60% «белых воротничков» без высшего образования и 73% с высшим обладают на рабочем месте всеми четырьмя вида-*

ми социально-экономических гарантий. Среди рабочих различного уровня квалификации доля тех, кто обладает предусмотренными российским законодательством социальными гарантиями, заметно ниже. Так, «белую» заработную плату получают только 52–63% рабочих, а оплату отпуска и больничного листа имеют в разных их подгруппах 45–56% (хуже всего при этом ситуация у низкоквалифицированных рабочих). Только чуть более 40% высоко- и среднеквалифицированных рабочих имеют на рабочем месте все четыре типа гарантий, а среди низкоквалифицированных рабочих эта доля снижается до 30%. Наконец, в относительно худшей, по сравнению с представителями других профессиональных групп, ситуации находятся работники торговли и бытового обслуживания – хотя большинство из них своевременно получают заработную плату, но официально оформлен на работу только 61% из них, а белую заработную плату и оплату отпуска и больничного листа имеют лишь около 40% этой группы. В целом только четверть этой группы имеет все четыре типа гарантий, а у остальных трех четвертей не реализуется как минимум один из них (табл. 3.6).

Таблица 3.6

Социально-экономическая защищенность на рабочем месте среди различных профессиональных групп, 2015, %

Профессиональные группы	Гарантии, обеспечиваемые работодателем					
	Своевременная выплата заработной платы	Официальное оформление на работу	«Белая» зарплата	Оплата отпуска и больничного листа	Обеспечиваются все 4 типа гарантий	Дополнительные социальные блага (жилье, транспорт, медицинская помощь, питание, ссуды и др.)
Высококвалифицированные «белые воротнички» с в/о	95	88	83	87	73	21
«Белые воротнички» без в/о	91	80	72	74	60	20
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	90	61	37	41	26	4
Предприниматели и самозанятые	76	24	26	7	6	0
Высококвалифицированные рабочие	89	72	60	56	43	15
Среднеквалифицированные рабочие	84	72	63	58	42	10
Низкоквалифицированные рабочие	88	59	52	45	30	9

Кратко охарактеризовав численность, локализацию и особенности положения на рынке труда представителей различных профессиональных групп, перейдем к вопросу о том, как сказался на них экономический кризис. Данные показывают, что его влияние на повседневную жизнь представителей различных профессиональных групп несколько различалось по степени и механизмам. Однако общим является то, что *лишь малая часть представителей всех профессиональных групп не ощутила на себе его негативного влияния* — так, согласно самооценкам, не пострадали от кризиса 13% наиболее квалифицированных «белых воротничков» и предпринимателей. Минимальной же доля не пострадавших от кризиса оказалась среди низкоквалифицированных рабочих, среди которых она составила 8%. Сравнение этой картины с данными шестилетней давности показывает, что доля не проигравших от кризиса, хотя и является достаточно низкой во всех профессиональных группах, все же чуть выше, чем в 2009 г., т.е. весной 2015 г. представители всех профессиональных групп пострадали от кризиса в меньшей степени, чем в период кризиса 2008–2009 г. (рис. 3.3).

Наиболее распространенным негативным механизмом влияния кризиса на все профессиональные группы оказался рост цен. В чуть меньшей степени его ощутили представители наиболее высокоресурсной группы — «белых воротничков» с высшим образованием, а также предприниматели и самозанятые. Однако даже среди них почти две трети отмечают, что пострадали от роста цен. Рабочие, как и работники торговли и бытового обслуживания, более чем в 70% случаев говорят о том, что пострадали таким образом из-за кризиса.

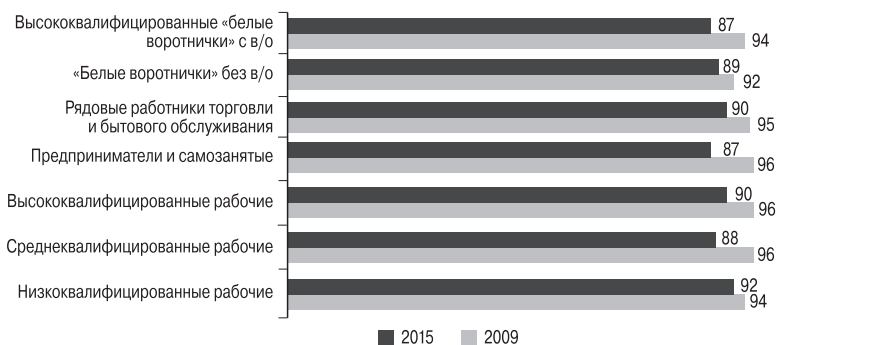

Рисунок 3.3. **Доля проигравших от кризиса в различных профессиональных группах, 2009 и 2015, %**

Вторым наиболее распространенным негативным последствием экономического кризиса стало его влияние на **ситуацию на работе**, которое могло принимать различные формы – сокращение дохода из-за проблем предприятия, задержки заработной платы, вынужденный выход в неоплачиваемый отпуск и угроза потери работы. С проблемами подобного рода в целом столкнулись около 30% работающих россиян, однако они в разной степени коснулись представителей различных профессиональных групп. В меньшей степени испытали проблемы, связанные с ситуацией на работе, обе подгруппы «белых воротничков», хотя и среди них они коснулись каждого четвертого. Более тревожной оказалась ситуация у рабочих, среди которых доля испытывающих проблемы на работе превысила треть, а также у работников торговли и бытового обслуживания. Что касается предпринимателей и самозанятых, то и среди них более трети отметили возникшие проблемы в сфере своей работы.

Важно отметить, однако, что *потеря работы* как таковая не затронула к весне 2015 г. сколь-либо значительную долю представителей разных профессиональных групп, кроме низкоквалифицированных рабочих – среди них о потере работы сообщили 9%.

Еще два схожих по масштабам механизма воздействия кризиса касались *проблем, связанных с банковской системой* (невозможность получить свой вклад, обесценение сбережений, рост выплат по валютному кредиту), а также проблем, связанных с тем, что *от кризиса пострадали близкие* – от каждого из этих последствий кризиса пострадали около 15% работающих россиян. Первый круг проблем, судя по полученным данным, в большей степени затронул «белых воротничков» с высшим образованием, а также предпринимателей и самозанятых (18%) – вероятно, в связи с тем, что именно представители этих групп в наибольшей степени вовлечены в финансовую систему и имели к началу кризиса какие-либо сбережения и вклады или брали кредиты в валюте. Показательно, что такое влияние кризиса в меньшей степени испытали представители наименее ресурсообеспеченной группы – низкоквалифицированных рабочих (9%). Что касается потерь от кризиса через его влияние на близких и родных, то эта проблема в большей степени коснулась «белых воротничков» (причем представителей обеих квалификационных подгрупп этой профессиональной группы).

Сравнивая механизмы влияния кризисов 2009 и 2015 гг., можно отметить несколько отличий (табл. 3.7). Во-первых, *представители всех профессиональных групп более остро отреагировали на рост*

цен весной 2015 г., нежели в 2009 г. В 2009 г. доля пострадавших от роста цен в каждой из профессиональных групп не превышала 60% (максимальной она была тогда среди высококвалифицированных «белых воротничков»), в то время как весной 2015 г. эти показатели оказались заметно выше.

Во-вторых, *что касается различных проблем, возникших у россиян в результате кризиса на их работе (не считая увольнений), то они, наоборот, к весне 2015 г. затронули меньшую часть каждой профессиональной группы, чем в 2009 г.* Так, среди «белых воротничков» с проблемами на работе, как уже упоминалось выше, весной 2015 г. столкнулись около четверти их представителей, в то время как в 2009 г. эта доля составляла треть. Еще более яркий контраст между ситуацией нынешнего и прошлого кризиса наблюдается у работников торговли и бытового обслуживания — о проблемах с работой весной 2015 г. говорила треть из них, в то время как шесть лет назад эта доля превышала среди них половину. Кризис 2009 г. с точки зрения проблем на рабочем месте в большей степени, чем в 2015 г., коснулся и рабочих. *Схожим, однако, во влиянии обоих кризисов является то, что ухудшения ситуации на работе в меньшей степени затрагивают «белых воротничков» различного уровня квалификации, и в большей степени — остальные профессиональные группы.*

Отметим также, что в 2015 г. во всех профессиональных группах (кроме высококвалифицированных «белых воротничков» с высшим образованием, которые и в 2009 г. опережали представителей остальных групп по этому показателю) оказались выше доли пострадавших от проблем, связанных с банковским сектором, — невозможности получить вклад, роста выплат по валютному кредиту или обесценения сбережений (табл. 3.7), что косвенно свидетельствует о росте именно в этих группах финансового благосостояния в период между кризисами (в отличие от ситуации у «белых воротничков» с высшим образованием).

Особый интерес в разрезе представителей различных профессиональных групп вызывает также анализ форм влияния кризиса непосредственно на их работе. Посмотрим подробнее в связи с этим на компоненты ухудшения их производственной ситуации (табл. 3.8).

Наиболее распространенной проблемой, связанной с рабочим местом, и в 2009, и в 2015 гг. было снижение дохода в результате проблем, переживаемых предприятием. В наибольшей степени это затронуло средне- и низкоквалифицированных рабочих (более 30%), а также предпринимателей и самозанятых. Более стабильной

Таблица 3.7

**Механизмы негативного влияния кризиса на представителей
различных профессиональных групп, 2009–2015, %**

Профессиональные группы	Механизмы влияния кризиса									
	Проиграли из-за роста цен		Проблемы на работе		Пострадали близкие		Проблемы с получением вклада, выплатой кредитов, обесценением сбережений		Потеряли работу	
	2009	2015	2009	2015	2009	2015	2009	2015	2009	2015
Высококвалифицированные «белые воротнички» с в/о	60	65	32	26	20	18	20	18	1	1
«Белые воротнички» без в/о	58	69	34	25	15	17	13	15	1	3
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	59	73	51	33	13	12	7	13	2	2
Предприниматели и самозанятые	43	64	36	34	18	10	14	18	4	3
Высококвалифицированные рабочие	52	71	58	32	14	13	8	14	4	2
Среднеквалифицированные рабочие	59	74	52	38	14	7	5	14	2	3
Низкоквалифицированные рабочие	56	72	44	35	14	12	6	8	2	9

оказалась ситуация «белых воротничков» – снижение дохода из-за проблем предприятия весной 2015 г. среди них отметил только каждый пятый. Неоплаченный отпуск или реальную угрозу потери работы отмечали не более 6% представителей каждой профессиональной группы. Задержки заработной платы коснулись, прежде всего, среднеквалифицированных рабочих (10%), а также рабочих низкой и высокой квалификации и работников торговли и обслуживания (7% каждой группы).

Сравнивая эти данные с данными 2009 г., можно отметить, что сокращение дохода затронуло весной 2015 г. меньшую долю представителей всех профессиональных групп, чем в 2009 г. При этом в 2009 г. разброс по доле пострадавших из-за сокращения дохода вследствие трудностей на предприятии был чуть выше – минимальная доля наблюдалась, как и сегодня, среди «белых ворот-

Таблица 3.8

Механизмы негативного влияния кризиса на ситуацию на работе у представителей различных профессиональных групп, 2009–2015, %

Профессиональные группы	Механизмы влияния кризиса на ситуацию на работе					
	Сократился доход из-за трудностей на предприятии		Оказались в неоплаченном отпуске или перед угрозой потери работы		Задерживают выплату зарплаты более месяца	
	2009	2015	2009	2015	2009	2015
Высококвалифицированные «белые воротнички» с в/о	24	22	5	3	10	4
«Белые воротнички» без в/о	24	19	6	6	8	4
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	45	28	5	4	7	7
Предприниматели и самозанятые	32	32	7	6	4	0
Высококвалифицированные рабочие	44	27	14	4	14	7
Среднеквалифицированные рабочие	43	33	7	5	13	10
Низкоквалифицированные рабочие	29	31	11	4	13	7

ничков» и составляла 24%. При этом среди работников торговли и бытового обслуживания, а также рабочих высокой и средней квалификации она была в 1,8 раза выше. Весной 2015 г. сокращение дохода по причине проблем на предприятии затронуло 21% всех «белых воротничков» и не более чем в 1,6 раза больше представителей других профессиональных групп. Риск неоплаченного отпуска или угрозы потери работы в 2009 г. был заметно выше, чем в 2015-м, для высоко- и низкоквалифицированных рабочих. Наконец, в 2009 г. кризис привел к гораздо большему распространению практики задержки заработной платы — тогда это коснулось почти каждого десятого представителя «белых воротничков» и 14% рабочих, в то время как весной 2015 г. эти показатели были практически в два раза ниже. Таким образом, кризис 2009 г. имел в целом более глобальные последствия, свидетельствующие о его реальном характере, связанные с рынком труда и повлиявшие на повседневную жизнь работающего населения России.

Как в условиях кризиса, сталкиваясь с подобными проблемами на работе, оценивают стабильность своего положения на рын-

ке труда представители разных профессиональных групп? Данные мониторинга показывают, что наиболее уверенно чувствуют себя в этом отношении «белые воротнички» с высшим образованием, а также предприниматели и самозанятые, хотя и среди этих групп доля тех, кто оценивает вероятность оказаться безработным в течение ближайшего года как вполне возможную или очень большую, составляет около 40%. Однако, по сравнению с другими профессиональными группами, данный показатель оказывается относительно низким — так, среди «белых воротничков» без высшего образования он возрастает до 47%, а среди рабочих и работников торговли и бытового обслуживания превышает половину. *Наименее стабильным ощущают свое положение на рынке труда низкоквалифицированные рабочие — две трети из них считают, что вероятность оказаться в ближайший год без работы для них вполне реальна или очень велика. Нестабильность своих позиций понимают и рядовые работники торговли и бытового обслуживания — с точки зрения возможности оказаться безработными, согласно их самоощущению, их ситуация обстоит хуже, чем у средне- и высококвалифицированных рабочих (рис. 3.4).*

Динамика уверенности в стабильности своего положения на рынке труда показывает, что за полгода с осени 2014 г. по весну 2015 г. она сократилась во всех профессиональных группах, причем в большей степени это коснулось низкоквалифицированных рабочих, рабочих средней квалификации и «белых воротничков» без высшего образования (на 33%). С другой стороны, заметно возросла доля тех, кто оценивает вероятность оказаться безработным как вполне возможную или очень значительную — особенно среди низкоквалифицированных рабочих, рабочих высокой квалифика-

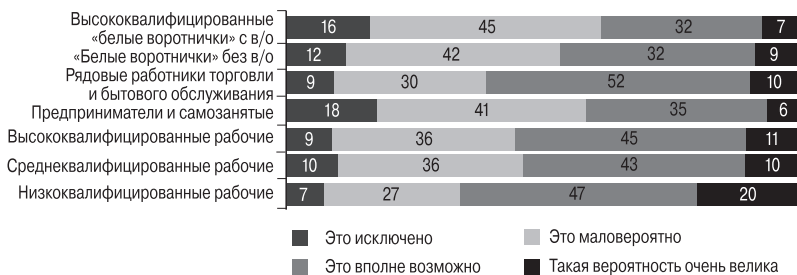

Рисунок 3.4. Оценка вероятности оказаться безработным в ближайший год представителями различных профессиональных групп, 2015, %

ции и работников торговли и бытового обслуживания (табл. 3.9). Впрочем, нужно сказать, что оценки перспектив собственной безработицы были широко распространены и в 2009 г.

Обобщая особенности положения разных групп на рынке труда, следует отметить, что ситуация рядовых работников торговли и бытового обслуживания по целому ряду параметров демонстрировала наибольшую нестабильность и подверженность негативной динамике. Несмотря на то, что они относятся к работникам неформального труда, рабочие высокой и даже средней квалификации по сравнению с ними зачастую характеризуются в современной России лучшим положением, и можно говорить о близости по ряду показателей места этой группы в системе производственных отношений к низко- и неквалифицированным рабочим.

Как же в условиях кризиса оценивали ситуацию в стране и ее перспективы представители разных профессиональных групп? Данные показывают, что доля тех, кто считал ее нормальной, с осени 2014 г. по весну 2015 г. заметно сократилась во всех профессиональных группах. В относительном выражении это сокращение было максимальным для предпринимателей и самозанятых, а также низко- и среднеквалифицированных рабочих. В итоге *только 23% работающих россиян оценивали весной 2015 г. ситуацию в стране*

Таблица 3.9

**Динамика уверенности в своем положении на рынке труда
у представителей различных профессиональных групп, 2014–2015, %**

Профессиональные группы	Исключают вероятность оказаться безработным в течение ближайшего года		Оценивают вероятность оказаться безработным в течение ближайшего года как вполне возможную или очень большую	
	Ноябрь 2014	Март 2015	Ноябрь 2014	Март 2015
Высококвалифицированные «белые воротнички» с в/о	20	16	32	39
«Белые воротнички» без в/о	18	12	42	47
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	12	9	46	62
Предприниматели и самозанятые	22	18	36	41
Высококвалифицированные рабочие	12	9	38	56
Среднеквалифицированные рабочие	15	10	43	53
Низкоквалифицированные рабочие	14	7	43	67

как спокойную и нормальную, в то время как более чем три четверти характеризовали ее как напряженную, кризисную или даже катастрофическую, хотя еще полгода назад доля пессимистов составляла всего 35%. При этом доля оптимистов под влиянием кризиса сократилась во всех профессиональных группах, хотя и в разной степени (рис. 3.5).

Поскольку в предыдущих исследованиях уже была выявлена зависимость оценок ситуации в стране от собственного материального положения¹, имеет смысл отдельно рассмотреть подгруппы тех, кто оценивает свое материальное положение как хорошее, удовлетворительное и плохое (табл. 3.10).

Из данных таблицы 3.10 видно, что оценка собственного материального положения является важным фактором дифференциации оценок ситуации в стране. Так, например, среди «белых воротничков» с высшим образованием, оценивших свое материальное положение как хорошее, 30% считали весной 2015 г. и ситуацию в стране нормальной и спокойной. Среди представителей этой же профессиональной группы, оценивших свое материальное положение как удовлетворительное, аналогичная доля снижается в полтора раза, составляя уже только 20%. Наконец, среди тех, кто оценивал тогда свое материальное положение как плохое, она падала еще вдвое и составляла уже лишь 11%. Аналогичные тенденции можно проследить и для представителей других профессиональных групп — по мере снижения самооценки своего материального положения растет пессимизм по отношению к ситуации в стране.

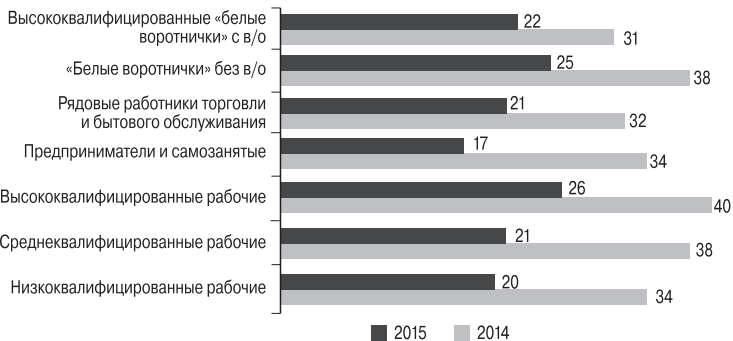

Рисунок 3.5. Оценка ситуации в стране как нормальной представителями различных профессиональных групп, 2014–2015, %

¹ См., например: Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М. К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В.; Институт социологии РАН. — М.: Весь Мир, 2015.

Таблица 3.10

Оценка ситуации в стране представителями различных профессиональных групп в зависимости от самооценки уровня благосостояния, 2015, %

Профессиональные группы	Оценка ситуации в стране		
	Ситуация нормальная, спокойная	Ситуация напряженная, кризисная	Ситуация катастрофическая
<i>Хорошее материальное положение</i>			
Высококвалифицированные «белые воротнички» с в/о	30	62	8
«Белые воротнички» без в/о	42	57	1
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	32	64	4
Предприниматели и самозанятые	32	68	0
Высококвалифицированные рабочие	44	56	0
Среднеквалифицированные рабочие	27	70	3
Низкоквалифицированные рабочие	44	56	0
<i>Удовлетворительное материальное положение</i>			
Высококвалифицированные «белые воротнички» с в/о	20	75	5
«Белые воротнички» без в/о	24	73	3
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	26	63	11
Предприниматели и самозанятые	14	73	14
Высококвалифицированные рабочие	24	66	11
Среднеквалифицированные рабочие	24	73	4
Низкоквалифицированные рабочие	20	69	11
<i>Плохое материальное положение</i>			
Высококвалифицированные «белые воротнички» с в/о	11	77	12
«Белые воротнички» без в/о	13	82	5
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	5	76	19
Предприниматели и самозанятые	0	63	38
Высококвалифицированные рабочие	18	68	14
Среднеквалифицированные рабочие	10	74	16
Низкоквалифицированные рабочие	15	55	29

При этом среди тех, кто оценивал весной 2015 г. свое материальное положение как хорошее, более оптимистично по отношению к происходящему в стране были настроены «белые воротнички» без высшего образования и рабочие низкой или высокой квалификации. Среди оценивших свое положение как удовлетворительное выделялись предприниматели и самозанятые — они чаще остальных считали сложившуюся ситуацию в стране катастрофической и реже оценивали ее как нормальную. Наконец, среди оценивших свое материальное положение как плохое также выделялись предприниматели и самозанятые, и, одновременно, как это ни парадоксально, низкоквалифицированные рабочие — хотя среди последних относительно велика была доля тех, кто считал ситуацию в стране нормальной (по сравнению с другими подгруппами плохообеспеченных), но 29% считали ее при этом катастрофической, что в разы превышало средние показатели по стране.

Что касается изменений в стране, произошедших за последний год, то *большинство представителей всех профессиональных групп отмечали произошедшие перемены к худшему* — об этом говорили более 70% высококвалифицированных «белых воротничков» с высшим образованием, работников торговли и бытового обслуживания, предпринимателей и самозанятых, а также среднеквалифицированных рабочих. Эта доля была относительно меньше среди белых воротничков без высшего образования, но даже среди них 63% отмечали произошедшие за последний год перемены к худшему. Представители этой группы также относительно чаще по сравнению с другими профессиональными группами отмечали перемены к лучшему в стране, но даже среди них соответствующий показатель не достигал 30%.

Более того, *представители различных социально-профессиональных групп в целом были солидарны, что в ближайший год страну ждут трудные времена* — так считали более половины представителей каждой группы. Относительно более оптимистично были настроены низкоквалифицированные рабочие и «белые воротнички» без высшего образования (табл. 3.11).

Сравнение с данными октября 2014 г. показывает, что оптимизм в отношении как уже произошедших перемен, так и будущего России заметно снизился к весне 2015 г. во всех профессиональных группах. Так, например, осенью 2014 г. доля прогнозирующих трудные времена для страны превышала половину только среди высококвалифицированных «белых воротничков» (52%) и находилась на уровне 47–50% во всех остальных группах.

Таблица 3.11

Оценка произошедших изменений в России за последний год и перспектив ее развития в ближайший год представителями различных профессиональных групп, 2015, %

Профессиональные группы	За последний год произошли перемены к лучшему	За последний год произошли перемены к худшему	Страна будет развиваться успешно	Страну ждут трудные времена
Высококвалифицированные «белые воротнички» с в/о	24	71	18	61
«Белые воротнички» без в/о	29	63	23	53
Рядовые работники торговли и бытового обслуживания	22	72	15	61
Предприниматели и самозанятые	17	79	23	59
Высококвалифицированные рабочие	21	68	19	59
Среднеквалифицированные рабочие	21	74	12	61
Низкоквалифицированные рабочие	21	66	16	50

Примечание: В таблице не представлены те, кто дал ответ об отсутствии перемен за последний год и о том, что в ближайший год ничего принципиально не изменится.

Отметим также, что более 63% представителей каждой из групп отмечает, что напряжение в российском обществе в условиях кризиса возрастает и значительных различий между представителями разных профессиональных групп в этом вопросе не наблюдается. *При этом при оценке ситуации в стране и динамики ее изменения оценка собственного положения является более важным дифференцирующим фактором, чем профессиональное положение.*

Рейтинг основных проблем России, которые в наибольшей степени беспокоили весной 2015 г. работающее население, в целом совпал в разных профессиональных группах. Так, в наибольшей степени представители всех без исключения структурных позиций на рынке труда были озабочены *проблемой роста цен на товары и услуги* — в числе основных ее отметили от 67% среди высококвалифицированных с высшим образованием до 77% среди низкоквалифицированных рабочих. Вторая по частоте упоминания проблема также совпала во всех профессиональных группах, и она также была связана с *ростом цен, но на жилищно-коммунальные платежи, а также с общим кризисом системы ЖКХ.* Представители всех профессиональных групп отмечали ее в числе самых важных примерно в половине случаев — от

48% среди «белых воротничков» с высшим образованием до 57% среди среднеквалифицированных рабочих. Третьей наиболее актуальной проблемой для работающих россиян оказался *низкий уровень жизни значительной части населения*, однако для предпринимателей и самозанятых в рейтинге проблем ее опередила проблема коррупции (42%), а для низкоквалифицированных рабочих – проблема безработицы, что напрямую связано с особенностями их структурных позиций. Среди наиболее волнующих проблем также оказалось *сокращение доступа к бесплатному образованию и здравоохранению* (хотя представители низко- и среднеквалифицированных рабочих отмечали ее реже представителей других групп – в 27–30% случаев при более чем 35% в других группах, что свидетельствует не о меньшей остроте для них фактического положения дел в этой сфере, а о свойственном представителям этой группы меньшем внимании к человеческому капиталу как ресурсу), *проблемы коррупции и бюрократии* (волнующие в большей степени, как было отмечено выше, предпринимателей и самозанятых, а также «белых воротничков» и среднеквалифицированных рабочих), а также *безработица*, причем чаще всего эта проблема волновала низкоквалифицированных рабочих (41%) и работников торговли и бытового обслуживания (37%), а относительно реже – «белых воротничков» с высшим образованием (24%), а также предпринимателей и самозанятых (25%).

Таким образом, *восприятие основных проблем российского общества в разных профессиональных группах в период кризиса в целом совпадает, хотя и имеет некоторые количественные отличия, связанные со спецификой реальной ситуации, в которой находятся представители этих групп.*

Говоря о положении различных профессиональных групп в новых реалиях, нельзя обойти вниманием и вопрос о *влиянии кризиса на российский средний класс*. Хотя средний класс не сводится лишь к определенным профессиональным группам и не описывается только лишь критерием профессиональной принадлежности, этот критерий является одним из ключевых при его выделении.

За рассматриваемый кризисный период российский средний класс не претерпел каких-либо заметных количественных изменений и так же, как в марте 2014 г., составлял весной 2015 г. – 40–42% населения (16% – ядро среднего класса, 26% – его периферия)².

² Средний класс в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад ИС РАН [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института социологии РАН URL: http://www.isras.ru/analytical_report_sredny_klass_10 лет_spustya.html (Дата обращения: 29.06.2015).

Как же чувствуют себя в новых реалиях представители российского среднего класса? Данные показывают, что *в отношении оценки ситуации в стране они разделяли весной 2015 г. настрой всего населения*, причем представители ядра среднего класса по сравнению с его периферией характеризовались даже несколько более негативным настроением — так, только 23% ядра среднего класса и 29% периферии этого ядра считали ситуацию спокойной, в то время как подавляющее большинство характеризовало ее как напряженную или даже кризисную; перемены, произошедшие в стране за последний год, считали негативными 72% ядра и 64% периферии ядра среднего класса, а 60% и 56%, соответственно, отмечали возрастание в обществе напряжения. Говоря о перспективах развития России на ближайший год, представители ядра среднего класса также демонстрировали наибольший пессимизм — так, были уверены в том, что страну ждут трудные времена, 63% из них при 50% в периферии среднего класса и 59% среди остального населения.

Однако в том, что касалось их собственного положения, представители среднего класса чувствуют себя в ситуации кризиса более уверенно, чем остальное население. Так, характеризуя свое повседневное эмоциональное состояние, они чаще отмечали положительный настрой, чем россияне, не попадающие в состав среднего класса: 57% и его ядра, и периферии этого ядра характеризовали весной 2015 г. свое обычное эмоциональное состояние как подъем или спокойствие, в то время как среди остального населения эта доля не достигала и половины (44%). Говоря о динамике своего материального положения за последний год, они значительно чаще отмечали его улучшение и реже — ухудшение, чем остальные россияне, хотя и среди них более трети пострадали от ухудшения их материального положения (рис. 3.6).

Даже в условиях экономического кризиса представители ядра среднего класса оказываются достаточно уверены в своих силах и готовы

Рисунок 3.6. Динамика материального положения (по самооценке) в среднем классе и остальном населении, 2015, %

рассчитывать только на себя — так, две трети из них заявили, что могут сами обеспечить себя и свою семью и не нуждаются в поддержке государства, и только треть отметили, что без поддержки со стороны государства им и их семье не выжить. В периферии ядра среднего класса были уверены в собственных силах уже только 48%, а среди россиян, не попавших в средний класс, — 39%.

Уверенность в собственных силах объясняется, в том числе, и *большой уверенностью в стабильности своего положения на рынке труда*, также в наибольшей степени характерной именно для представителей среднего класса и особенно — его ядра. Так, вероятность для себя оказаться безработным в ближайший год как вполне возможную или очень высокую оценивают 36% работающих представителей ядра среднего класса, 43% периферии этого ядра и более половины (55%) остальных работающих россиян (рис. 3.7).

Таким образом, *социальное самочувствие представителей среднего класса в условиях кризиса в целом качественно отличается от характерного для остального населения*. Отличаются ли при этом механизмы и степень влияния на их повседневную жизнь экономического кризиса? Данные показывают, что доля пострадавших от кризиса в среднем классе несколько выше, чем среди остального населения (17% в ядре среднего класса, 16% в периферии этого ядра и 10% среди остального населения), однако подавляющее его большинство оказалось все-таки так или иначе им затронуты. По сравнению с другими россиянами, представители среднего класса чуть реже отмечали, что пострадали от роста цен, хотя и среди них это была наиболее распространенная оценка формы влияния экономического кризиса на их повседневную жизнь. Проблемы с работой также затронули работающих представителей среднего класса в меньшей степени, чем остальное население, особенно — периферию его ядра (только 18% ее представителей столкнулись

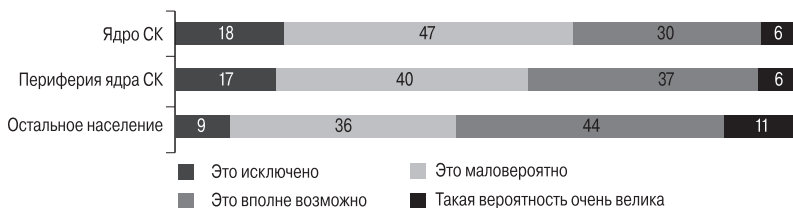
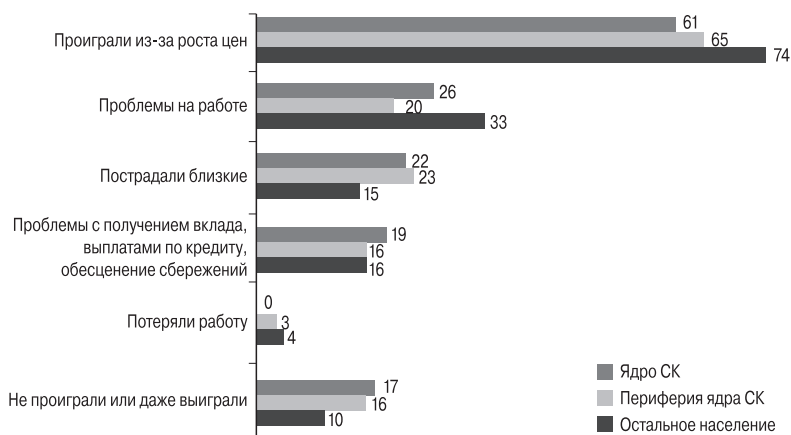

Рисунок 3.7. Оценка представителями среднего класса и остальными россиянами вероятности оказаться безработными в ближайший год, 2015, % от работающих

к весне 2015 г. с проблемами сокращения дохода из-за сложностей на их предприятии или в учреждении, в то время как в ядре среднего класса о такой проблеме сообщили 22%, а среди остального населения – 28%). При этом сложности на работе в разной степени коснулись представителей среднего класса, работающих в разных секторах экономики: если среди занятых в государственном секторе различного рода проблемы на работе отмечали 22% ядра среднего класса и 20% периферии этого ядра, то в частном секторе проблемы на работе в связи с кризисом значительно чаще затрагивали представителей ядра среднего класса, чем его периферии (33% и 21%, соответственно). Однако среди остального населения доли тех, у кого возникли те или иные проблемы на работе в связи с кризисом, были выше, чем в обеих подгруппах среднего класса – как в частном секторе (36%), так и в бюджетном (27%). При этом потери работы вообще не коснулись ядра среднего класса, но затронули 3% его периферии (рис. 3.8).

В заключение отметим, что за последние 5 лет положительная социальная динамика в большей степени была свойственна именно представителям ядра среднего класса. Доли тех, кто отметил повышение и понижение своей позиции на «общественной лестнице» за эти пять лет, составили весной 2015 г., соответственно, 36% и 25% (остальные не отметили никаких изменений). В перифе-

Примечание: Доля столкнувшихся с проблемами на работе приведена от работающих россиян.

Рисунок 3.8. Механизмы влияния экономического кризиса на средний класс и остальное население, 2015, %

рии ядра среднего класса ситуация была иной – доля добившихся улучшения своего статуса оказалась ниже, чем доля отметивших его понижение (22% и 33% соответственно), и еще выше этот разрыв был среди остального населения (20% и 40%).

Если же обратиться к ожиданиям на будущее, то повышения своей позиции на «общественной лестнице» в течение ближайших 5 лет ожидают 46% ядра среднего класса (при 11% ожидающих снижения своей позиции), в то время как среди периферии ядра среднего класса эта доля снижается до 39%, а среди остального населения – до 36%. Как видно, расхождения в оценках будущей динамики своего положения между разными социальными группами оказываются меньше, чем в оценках фактической динамики за последние 5 лет.

Глава 4. Экономическое положение и настроения различных демографических групп населения в кризисных условиях

Время социально-экономических кризисов, с которыми сталкивается постсоветская Россия, традиционно ложится на плечи разных социальных общностей неравномерно. При этом любой кризис влияет на экономическое положение населения через такие механизмы, как изменения на рынке труда и в системе распределения государственных трансфертов, а также динамика стоимости жизни. Именно поэтому существенные различия в ощущении эффектов от кризиса возникают не только у представителей различных социально-профессиональных групп, но и у жителей тех или иных населенных пунктов, а порой и регионов, россиян разных возрастов, тех, чья семейная ситуация имеет отличительные особенности в силу того или иного характера иждивенческой нагрузки и т.д. Так, согласно данным ИС РАН, кризис 1998–1999 гг. относительно сильнее ударил по всем городским жителям, включая пенсионеров¹, а кризис 2008–2009 гг. — по населению средних городов с неразвитыми рынками труда и россиянам предпенсионного возраста².

Как же выглядит с этой точки зрения социально-экономический кризис 2014–2015 гг.? Как он отразился на жизни различных социально-демографических групп?

Выше уже было показано, что в экономический кризис 2014–2015 гг. граждане России вступили с принципиально иным положением дел по сравнению с предыдущими кризисами. Население в целом обладало большим ресурсом прочности и достаточно благополучно оценивало свою жизнь, включая материальное положение. Рассмотрим, с учетом этого, *в какой ситуации оказались раз-*

¹ Осенний кризис 1998 года: российское общество до и после. (Аналитические доклады РНИСиНП.) — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН); РНИСиНП, 1998.

² Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. — М.: Альфа-М, 2009.

ные его группы весной 2015 года, спустя полгода после проявления основных негативных экономических эффектов кризиса (увеличения курса доллара, роста цен и т.д.).

В первую очередь следует отметить, что значимость финансового благополучия для россиян в условиях кризиса резко выросла. Так, оценивая ее наряду с важностью для себя основных сфер жизни — от семьи и любви до политики³, россияне ставили весной 2015 г. финансовое благополучие даже выше работы и здоровья. При этом для жителей почти всех **типов населенных пунктов** медианная оценка его значимости была 5 баллов из 5 возможных, и лишь для жителей Москвы и Санкт-Петербурга составляла 4 балла⁴. Именно поэтому детальная оценка экономического положения населения и восприятия этого положения в сознании представителей разных групп в условиях кризиса крайне важна — она позволяет понять не только то, на каких социальных группах кризис сказался сильнее или где находятся те «узкие» места, которые требуют государственной социальной поддержки (а у кого можно обнаружить определенный дополнительный ресурс, который помогает его обладателям самостоятельно преодолеть кризис), но и где накапливается социальное недовольство и могут возникать протестные настроения.

Жители Москвы и Санкт-Петербурга, которые ниже остальных оценивают значимость финансового положения в общей системе своих ценностей, судя по самооценке, весной 2015 г., несмотря на кризис, в наименьшей степени сталкивались с материальными проблемами. Более того, за последние 5 лет, начиная с кризисного 2009 года, восприятие жителями Москвы и Санкт-Петербурга своего материального положения непрерывно улучшалось: росла доля

³ По 5-балльной шкале оценивалась важность 18 сфер жизни: работа, бизнес; карьера; образование; создание семьи, рождение детей; любовь, секс; музыка, культура; жить интересно, много путешествовать, развлекаться и т.д.; доступ к информации, общение в социальных сетях; обретение важных знакомств, связей; здоровье, красота, спорт; самореализация, проявление себя; дружба, общение; признание, уважение со стороны окружающих; следование идеалам, принципам, ценностям; финансовое благополучие; быть полезным обществу, людям; жить в более справедливом и разумно устроенном обществе; политика, участие в политических, общественных организациях.

⁴ Это хорошо объясняется теорией эволюции ценностей Р. Инглхарта, который увязывает роль ценностей материального и нематериального характера с уровнем благосостояния, отмечая, что чем выше уровень благосостояния, тем меньше его роль в системе ценностей (См.: *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. — М.: Новое издательство, 2011).

тех, кто говорил о нем как о хорошем, и снижалась доля тех, кто оценивал его плохо. При этом за данный период только для жителей столиц доля позитивных оценок всегда превышала долю негативных, и эта тенденция сохранилась даже в кризисный период (табл. 4.1). У жителей остальных населенных пунктов в кризисный 2009 год оценка материального положения была скорее плохой, чем хорошей (хотя, безусловно, доминирующая оценка и у них была «удовлетворительно»).

Впоследствии соотношение этих оценок несколько выровнялось, хотя и при общем доминировании негативных оценок. К весне 2015 г. положение вновь ухудшилось, а у сельских жителей и в поселках городского типа (ПГТ) оценки «плохо» стали встречаться даже в 2 раза чаще, чем оценки «хорошо». В данный момент жители сел хуже, чем за полгода до этого, оценивали и свою ситуацию с возможностями нормально питаться (сокращение оценок «хорошо» на 10% и увеличение оценок «плохо» на 5% при вариации для остальных населенных пунктов в пределах 4%), а также приобретать необходимую одежду (сокращение оценок «хорошо» на 7% и увеличение оценок «плохо» на 8%, что было максимальным ухудшением среди всех населенных пунктов). Более того — и в кризис 2008–2009 гг. в наихудшем положении, как видно из таблицы 4.1, находились сельские жители.

Таблица 4.1

Динамика оценок россиянами, проживающими в населенных пунктах разного типа, своего материального положения, 2009–2015, %

Тип населенного пункта	2009			2014 (октябрь)			2015		
	Хорошо	Плохо	Разница	Хорошо	Плохо	Разница	Хорошо	Плохо	Разница
Москва и Санкт-Петербург	22	20	2	26	16	10	27	7	20
Другие города-миллионники	9	33	-24	19	17	2	22	22	0
Прочие областные центры	7	27	-20	16	27	-11	18	21	-3
Районные центры	5	32	-27	21	18	-3	19	23	-4
ПГТ и села	4	35	-31	23	16	7	14	26	-12

Следует отметить, что *подобная динамика восприятия своего материального положения в периоды кризисов не всегда соответствовала объективной динамике доходов россиян*. Так, за период с весны 2014 г. по весну 2015 г. для всех населенных пунктов кроме мегаполисов наблюдался в целом либо рост, либо относительное постоянство среднедушевых доходов (в номинальном выражении) их жителей. При этом у москвичей и петербуржцев этот показатель существенно вырос в докризисный период (с февраля по октябрь 2014 г. он вырос на 39%), но упал за следующие полгода (на 20%) (рис. 4.1). Однако, как уже отмечалось выше, это не помешало им оставаться единственной группой, где финансовое благополучие даже в условиях кризиса не абсолютизировалось. Подобная ситуация кажется парадоксальной, но лишь на первый взгляд. Она объясняется тем, что *материальное положение жителей крупнейших российских мегаполисов, как наиболее благополучных с точки зрения уровня доходов их населения типов поселений, не определяется только этими доходами, но в гораздо большей степени, чем у жителей других населенных пунктов, основано на наличии у них альтернативных ресурсов — сбережений, дорогостоящей собственности, социального капитала и т.д. Это позволяет им относительно легко воспринимать временные «проседания» в текущем финансовом положении. Способствует этому и специфика их нормативно-ценностных систем, в результате которой факторы идеологического характера могут в большей степени «приглушать» значимость материальных проблем*⁵.

Если же говорить о самооценке не материального положения как такового, а его динамики, то россияне, вне зависимости от места их проживания, характеризовали свое положение весной 2015 г. примерно в равной степени как ухудшившееся или оставшееся за последний год без изменений (для населения в целом соответствующие показатели были равны 46% и 44%). В большей степени ощущали себя пострадавшими за последний год и в этом случае жители сельской местности — среди них ровно половина говорила об ухудшении своего положения и 40% о его неизменности на протяжении последнего года. Соответственно, и ожидания динамики материального положения данной социальной группы были наиболее пессимистичны — ее представители реже остальных ожидали его улучшения (20% при 25% для населения в целом), и чаще — ухудшения (41% при 37% по массиву в целом). Наиболее

⁵ Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. — М.: Весь Мир, 2015.

же оптимистичные оценки перспективам изменения собственного материального положения давали жители Москвы и Санкт-Петербурга.

При этом если в целом для населения из различных населенных пунктов оценка перспектив динамики своего материального положения на следующий год не менее чем в половине случаев соответствовала оценке динамики последнего года (т.е. на будущее фактически экстраполировались тенденции прошлого), то среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга только 46% тех, кто говорил об ухудшении своего материального положения за предыдущие 12 месяцев, предполагали сохранение этой тенденции и на будущее, а 39% ждали улучшения ситуации. При этом за полгода до этого, осенью 2014 г., ситуация была зеркально обратной.

Суммируя все отмеченное выше, можно сказать, что *в период кризиса 2014–2015 гг. в наибольшей степени пострадали доходы и материальное положение жителей двух столиц. В то же время субъективное восприятие их динамики именно у москвичей и петербуржцев оставалось наиболее оптимистичным, что обуславливалось целым рядом факторов – от их общей ресурсообеспеченности до специфики их нормативно-ценностных систем.*

Рассмотрим теперь влияние нынешнего кризиса на **разные возрастные группы**. В условиях, когда именно рынок труда становится тем самым регулятором, который наиболее активно задействуется при корректировке структуры экономики, неудивительно, что и разные возрастные группы, заметно различаясь по их месту на рынке труда, испытывают на себе разные эффекты от кризиса.

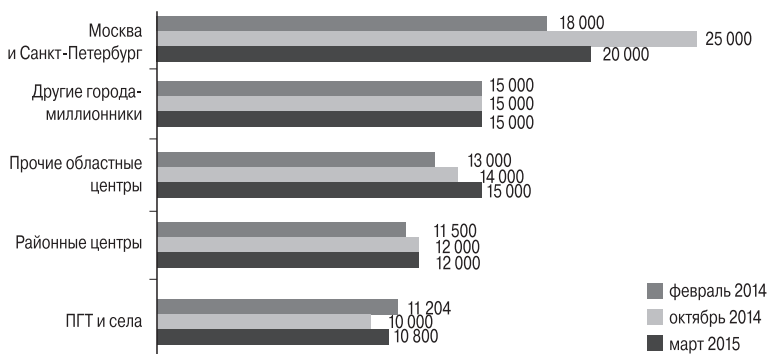

Рисунок 4.1. Динамика оценок россиянами своего среднедушевого ежемесячного дохода, 2014–2015, руб.

А это, в свою очередь, не может не сказываться на материальном благополучии этих групп.

В октябре 2014 г., когда экономический кризис только набирал обороты, доля тех, кто оценивал свое материальное положение хорошо, превышала долю тех, кто говорил о нем как о плохом, вплоть до группы 36–45 лет – возраста, когда традиционно достигается пик доходов. Например, в тот момент именно представители данной возрастной группы имели максимальные индивидуальные доходы (25 943 рубля в среднем при 20 713 рублей для населения в целом). Однако в 2015 г. этот возрастной порог сдвинулся к нижней границе и скорее позитивные, чем негативные оценки своего материального положения оказались свойственны уже только для населения в возрасте до 35 лет (графически это выглядит так, что середина «креста», образовываемого оценками своего материального положения как хорошего и плохого, смещается в сторону более молодых россиян – см. рис. 4.2).

Такие оценки имели объективные основания: если за период с осени 2014 г. по весну 2015 г. среднедушевые доходы для россиян до 35 лет просто не увеличились на фоне одновременного роста цен, то для возрастной когорты 36–45 лет они снизились даже в номинальном выражении (с 15 000 до 13 000 рублей по медиане).

В этих условиях неудивительно, что, если судить по самооценкам россиянами динамики собственного материального положе-

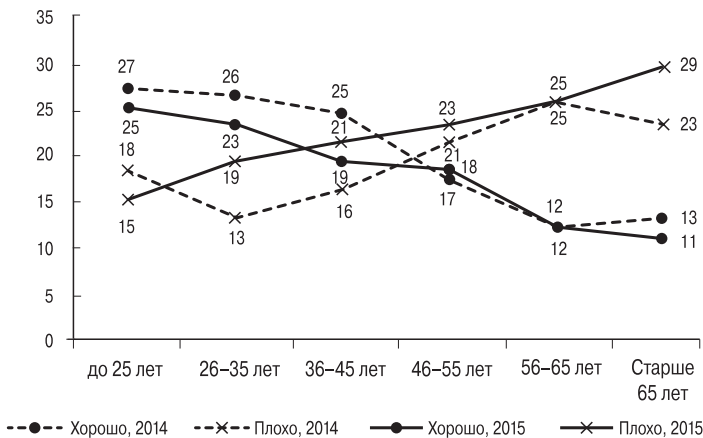

Рисунок 4.2. Оценки россиянами разных возрастов своего материального положения, 2014 и 2015, %

ния, с октября 2014 г. по март 2015 г. пострадало население практически всех возрастов, но пострадало в разной степени. Так, россиянами 36–65 лет его ухудшение фиксировалось примерно в половине случаев (49–54%), и на ближайший год представители данной группы ожидали дальнейшего ухудшения своего положения. Однако при этом молодежь в возрасте до 25 лет отмечала ухудшение своего материального положения только в трети случаев (37%).

Меньшее влияние экономических кризисов на молодежь, чем на другие возрастные группы, отмечалось и в предыдущие кризисы. Так, в 2009 г. представители младшей возрастной группы значительно чаще остальных (18% при 6–14% для остальных россиян) говорили об отсутствии для них ущерба от кризиса и только 9% (12–18% для остальных россиян) оценивали его как очень значительный. В 1998 г. очень значительным ущерб для себя отмечали 20% молодежи при 33–42% для остального населения. В наибольшей же степени от кризисов страдало материальное положение россиян средних возрастов – ведь именно они, с одной стороны, в наибольшей степени зависят от ситуации в экономике вообще и на рынке труда в частности, а с другой – выступают «донорами» как для более молодых россиян (будучи их родителями), так и для пожилых (в качестве детей).

Нельзя также пройти мимо того, что кризис 2015 г. негативным образом сказался на материальном благополучии прежде всего тех семей, которые несли высокую **иждивенческую нагрузку**. Так, если в феврале 2014 г.⁶ доля оценок россиянами своего материального положения как хорошего в 2 раза превышала долю оценок его как плохого (23–27% и 11–14% соответственно) вне зависимости от уровня иждивенческой нагрузки в их домохозяйствах, то в марте 2015 г. для тех из них, кто отличался высокой или скорее высокой иждивенческой нагрузкой⁷, доля негативных оценок превысила долю позитивных практически в полтора раза (23–27% и 17–18% соответственно). Таким образом, *кризис нарушил баланс между сложившейся системой доходов и расходов с учетом характера иждивенческой нагрузки в российских домохозяйствах и, в отличие от предыдущего периода, фактор иждивенческой нагрузки стал значимым для оценок ими уровня своего благосостояния.*

⁶ Данные исследования ИС РАН «Средний класс в современной России: 10 лет спустя», проведенного в феврале 2014 г.

⁷ Показатель иждивенческой нагрузки рассчитывался как отношение количества работающих членов домохозяйства к общему количеству членов домохозяйства. Высокая нагрузка объединяет диапазон значений от 0 до 0,33, скорее высокая – от 0,34 до 0,5, скорее низкая – от 0,5 до 0,75, низкая – от 0,76 до 1.

При этом в ряде случаев значима была не только величина иждивенческой нагрузки, но и ее тип. Так, наличие в качестве иждивенцев неработающих студентов или несовершеннолетних детей в домохозяйстве обычно соответствует тому этапу жизненного цикла семьи, когда взрослые ее члены находятся в благополучной фазе своей карьеры и не просто имеют относительно высокие доходы, но и характеризуются наибольшей устойчивостью их производственных позиций. Такая ситуация даже в период кризиса не создает высоких рисков для материального положения семьи, способных изменить вектор оценки материального положения с положительного на отрицательный. Поэтому даже весной 2015 г. позитивные оценки материального положения продолжали доминировать для членов домохозяйств такого типа над негативными (табл. 4.2). В то же время их общий позитивный настрой не означает, что кризис на них вообще не сказывается — наоборот, именно такие домохозяйства понесли наибольшие издержки от кризисных явлений в российской экономике. Это связано, в первую очередь, с «неэластичностью» расходов на детей, что мы уже фиксировали в рамках анализа последствий кризиса 2009 г.⁸, и только повышенный запас прочности позволяет им гасить, по крайней мере, в краткосрочной перспективе, негативные последствия кризиса.

Однако, в отличие от кризиса 2009 г., ситуация нынешнего кризиса более существенно ударила по домохозяйствам с инвалидами, расходы на которых, как и расходы на детей, тоже «неэластичны». В этих домохозяйствах доля оценивающих свое материальное положение как плохое за последний год увеличилась практически вдвое. Данная тенденция не была настолько ярко выражена в период кризиса 2008–2009 гг. С одной стороны, это является следствием существенного роста цен на лекарства в связи с ограничением торговых отношений между Россией и Европой как реакции на антироссийские санкции⁹. С другой стороны, наличие инвалидов в домохозяйстве ограничивает мобильность остальных его членов, в том числе и при поиске работы или выполнении производственных задач. Отчасти и поэтому в условиях кризиса 2014–2015 гг. чле-

⁸ Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. — М.: Альфа-М, 2009.

⁹ Недаром у россиян, в составе домохозяйств которых есть неработающие пенсионеры, инвалиды или хронически больные без инвалидности, чаще, чем у остального населения, вызывает тревогу (наряду с кризисом системы ЖКХ, ростом цен, падением уровня жизни населения) сокращение доступа к бесплатному социальному обеспечению, в том числе и медицинскому.

Таблица 4.2

Оценки россиянами, проживающими в домохозяйствах с разным типом иждивенческой нагрузки, своего материального положения, ситуации на работе и жизни в целом, 2015, %

Тип иждивенческой нагрузки, т.е. в составе домохозяйства присутствуют:	Материальное положение		Ситуация на работе		Жизнь в целом	
	Хорошо	Плохо	Хорошо	Плохо	Хорошо	Плохо
Безработные	9	38	15	27	17	14
Инвалиды 1 и 2 групп	13	35	33	19	22	20
Хронически больные, не являющиеся инвалидами	13	23	17	30	20	7
Неработающие пенсионеры	13	26	22	19	24	9
Неработающие студенты	23	18	23	15	40	6
Несовершеннолетние дети	22	21	28	13	35	6
Таких членов семьи нет	21	18	30	13	33	7

ны домохозяйств с инвалидами и, особенно, хроническими больными, не являющимися инвалидами и не имеющими положенных инвалидам льгот, характеризовались опережающим ухудшением ситуации на работе, которого не испытывали в кризис 2009 г., когда тенденция оптимизации состава рабочей силы не была так ярко выражена, как в последний кризис.

Таким образом, *материальное положение россиян, ухудшившееся в период кризиса, особенно заметно «просело» в таких социально-демографических группах, как жители сельской местности и ПГТ, имеющие несовершеннолетних детей представители наиболее активного трудоспособного возраста, а также члены домохозяйств с высокой иждивенческой нагрузкой, особенно при наличии в их составе людей с плохим здоровьем, в т.ч. инвалидов.* Существенным фактором этого ухудшения стали изменения, связанные с доходами, в первую очередь трудовыми. Но только ли на доходах этих групп россиян сильнее всего отразился текущий кризис?

Напомним, что экономический кризис 2014–2015 гг. позиционируется экономистами *на макроуровне* прежде всего как следствие структурных диспропорций в экономике и несостоятельности сложившегося в России экономического уклада, излишне чувствительного к ценам на нефть. Подобный его характер предполагает

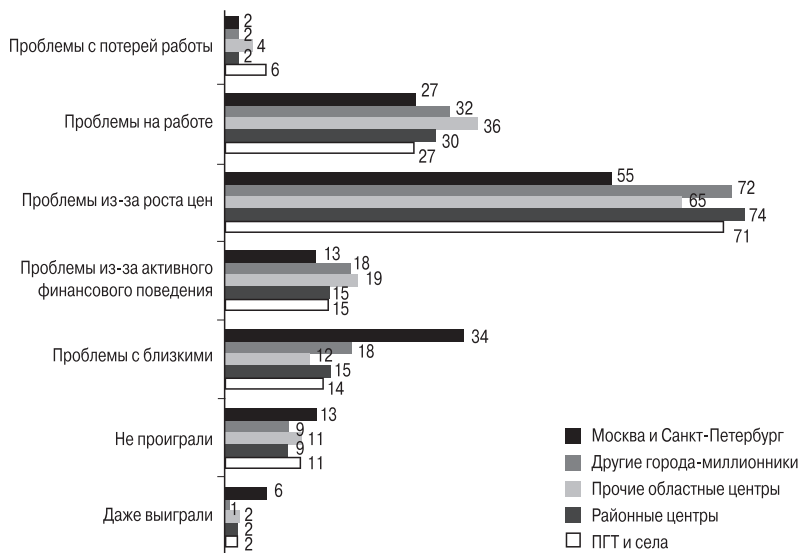
затяжное течение, т.к. на перестройку экономики требуется продолжительное время. Кроме того, сложности и непредсказуемости ситуации добавляет наличие политического контекста текущей ситуации, связанного с военными действиями на Украине и обострением отношений России с западными странами. *На микроуровне* краткосрочный эффект от происходящих процессов связан, в первую очередь, с ростом цен¹⁰, а также проблемами адаптации к новым реалиям рынка труда, которые и оказывают влияние на материальные условия жизни населения. Рассмотрим, с учетом этого, *формы последствий кризиса для различных социально-демографических групп населения.*

Значительный **рост цен** определил проигрыш от кризиса 2014–2015 г. в финансовом отношении практически для трех четвертей населения. Относительно меньшее влияние он оказал на жителей Москвы и Санкт-Петербурга (55% при 65–74% для жителей остальных населенных пунктов), хотя и им именно рост цен нанес основной ущерб. Неслучайно чаще всего в качестве одной из 5 наиболее тревожащих их проблем относительно ситуации в стране жители столиц называли весной 2015 г. рост цен на товары и услуги (в 63% случаев при 66–76% для жителей остальных населенных пунктов) и рост коммунальных платежей (наряду с кризисом системы ЖКХ) – в 35% случаев (48–58% для остального населения). При этом жители Москвы и Санкт-Петербурга чаще других отмечали, что в кризис пострадали их близкие, и это косвенно сказалось на них самих (34% и 12–18% соответственно) (рис. 4.3).

Рост цен также был относительно менее заметен для молодежи в возрасте до 25 лет (60% при 69–75% для остальных возрастных групп соответственно)¹¹. В целом рост цен вообще стал менее ощутим для этой части населения в период последних двух кризисов, чем для остальных россиян, хотя в последний кризис рост цен и молодежью воспринимался очень болезненно. Так, если в 2009 г. россиян до 26 лет этот фактор тревожил в 39% случаев (57–66% для остальных), то в 2015 г. – уже в 61% случаев (хотя и при 69–74% для остальных). В то же время в 1998 г. рост цен беспокоил их в той же степени, что и остальных (74% и 68–82% соответственно). При

¹⁰ Для справки: официальная инфляция в России составила 11,14% в 2014 г. и стала практически самой высокой с момента финансового кризиса 2008–2009 гг. В 2013 г. инфляция составила 6,5% (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/potr/2014/1-ipc.xlsx).

¹¹ Молодежь до 36 лет вообще в период кризиса 2014–2015 годов чаще остальных смогла не проиграть в финансовом отношении (12–13% по сравнению с 7–9% для остальных групп населения), а порой и выиграть (4 и 2% соответственно).

Примечание: Формы влияния приведены согласно классификации, представленной в главе 2 настоящей монографии. Данные по проблемам на работе приведены для работающего населения.

Рисунок 4.3. Оценки россиянами из разных населенных пунктов форм влияния на них экономического кризиса, 2015, %

этом население до 25 лет, наряду с теми, кто старше 65 лет, болезненнее почувствовало негативные эффекты кризиса через потери от него своих близких (по 23% против 12–17% для остальных групп населения). Это означает, что заметная часть молодежи, даже в случае отдельного от родителей проживания, как и часть пенсионеров, находится на иждивении или пользуется существенной материальной поддержкой своих близких. Интересно и то, что «донорство», даже безотносительно к возрасту, шире распространено в Москве и Санкт-Петербурге, чем в других населенных пунктах. Видимо, только уровень благосостояния жителей столиц позволяет осуществлять межсемейные трансферты в достаточно крупном размере, и эти трансферты первыми страдают в кризис.

Второе по значимости после роста цен последствие кризиса, с которым столкнулись россияне вне зависимости от возраста, места проживания и особенностей их домохозяйств — **проблемы, так или иначе связанные с работой**. И это неудивительно, т.к. рынок труда — один из основных механизмов, через которые идет пере-

стройка социально-экономической системы в условиях кризиса. При этом в силу существенной дифференцированности локальных рынков труда, эффекты подобной перестройки могут существенно отличаться в населенных пунктах разного типа.

От проблем, связанных с занятостью (задержка зарплат, уход в неоплачиваемый отпуск, падение зарплат и т.д.) в основном пострадали в кризис 2014–2015 гг. жители крупных городов (не считая Москвы и Санкт-Петербурга) (рис. 4.4). Наиболее частая проблема – сокращение доходов, которое отмечала почти треть (28–32%) работающих из городов-миллионников и областных центров при четверти (21–26%) работающих из остальных населенных пунктов. С необходимостью уйти в неоплачиваемый отпуск или угрозой увольнения имели дело 3–4%, а с задержками зарплаты – 2–7% работающих из населенных пунктов разного типа.

За период с октября 2014 г. по март 2015 г. доля неработающего населения увеличилась повсеместно, но если для горожан она стала выше на 1–4%, то для сельских жителей – на 9%, увеличившись с 25 до 34%. При этом доля неработающих пенсионеров в ПГТ и селах составляла только 19% при 15–22% для остальных населенных пунктов. В целом жители ПГТ и сел реже не работали в связи с обучением в вузах, но чаще – в связи с декретным отпуском или отпуском по уходу за ребенком. Неработающих по причинам, не связанным с учебной, нетрудоспособностью и уходом за детьми, среди них было 9%, в то время как среди жителей прочих населенных пунктов – только 3–6%. Следует отметить, что в феврале 2014 г., когда подготовка к сельскохозяйственному сезону только начиналась, этот показатель был равен 8%, а в октябре 2014 г., т.е. в момент окончания сезона, он составлял 5%. Таким образом, колебания доли безработных на селе в начале 2014 г. были связаны, в первую очередь, с изменением потребности в рабочей силе в аграрном секторе из-за сезонности. При этом к марту 2015 г. этот же фактор должен был сыграть на снижение безработицы, т.к. весенний период по уровню загруженности сопоставим с осенним, однако этого не произошло. Более того, 6% сельского населения отмечали, что потеряли работу из-за кризиса, в то время как для остальных россиян данный показатель был вдвое ниже.

Чаще с этой проблемой сталкиваются мужчины: они составили 57% доли тех, кто потерял работу. При этом в возрасте 36–65 лет работу теряли 9–10% мужчин (5–8% среди представителей более молодых когорт), а для женщин наибольший риск увольнений был сконцентрирован в группе пенсионного возраста (56–65 лет) –

среди них потеряли работу 9% при 2–6% среди более молодых. Жители сел и ПГТ с высшим образованием отмечали, что потеряли работу в кризис в 3% случаев, а имевшие среднее и среднее специальное образование – 5 и 8% случаев соответственно. Это означает, что, *несмотря на необходимость активизации сельскохозяйственного производства в период общей установки руководства страны на реализацию импортозамещения, рабочие места, ориентированные на реализацию данной задачи (в первую очередь, места рабочих) сокращались. Более того, по самооценкам занятых россиян риск потери работы в принципе чаще был свойственен жителям сельской местности, хотя, казалось бы, программа импортозамещения в условиях санкций Запада против России и ответных антисанкций со стороны нашей страны должна была дать принципиально иную картину.* О том, что потеря работы для них вполне возможна или высоковероятна, говорили весной 2015 г. более половины (55%) работающих из этих населенных пунктов, а 12% среди них даже отмечали, что такая вероятность очень велика (впрочем, допускали для себя потерю работы и около половины (46–50%) жителей остальных населенных пунктов). С учетом картины с занятостью вообще и с увольнениями в частности, можно утверждать, что пессимизм *сельских жителей относительно своего материального положения и его перспектив вполне обоснован.* Следует заметить, что в 2009 г. ситуация с подобными рисками была в селах менее острой. О вероятности потерять работу говорили тогда менее трети жителей мегаполисов (31%) и 37–43% работающих из других населенных пунктов.

Одновременно с ростом увольнений и опережающими рисками безработицы жители ПГТ и сел в наибольшей степени столкнулись с увеличением трудовой нагрузки. Так, если в октябре 2014 г. средняя рабочая неделя для них составляла 42,98 часов, то в марте 2015 г. – уже 44,52 часов, т.е. за полгода она выросла более чем на 1,5 часа или на 3,6%. Аналогичный рост наблюдался в районных центрах, в то время как для областных центров он был уже меньше, а в столицах и других городах-миллионниках трудовая нагрузка работающих даже снизилась (на 20,4 и 6,3% соответственно). Внутри же сельской местности, включая ПГТ, наибольший рост трудовой нагрузки наблюдался у россиян со средним специальным образованием – на 5,3%, и их нагрузка стала практически равна нагрузке работников со средним образованием (44,85 и 45,66 часов в неделю соответственно). Для работников с высшим образованием соответствующий рост составил в селах только 1,9%, достигнув

42,77 часов. Таким образом, интенсификация труда с сокращением рабочих позиций как таковых происходит не просто в селах, а непосредственно у работников аграрного сектора. Это означает, что в период кризиса идет оптимизация расходов на рабочую силу, приводящая к усилению эксплуатации работающих в сельском хозяйстве. При этом в крупных городах наблюдалась оптимизация расходов на рабочую силу с меньшим объемом увольнений, но с сокращением заработной платы при сохранении того же объема нагрузок. Исключением является лишь ситуация в Москве и Санкт-Петербурге, где сокращение заработной платы осуществлялось одновременно с сокращением продолжительности времени труда, хотя в разных группах эти процессы протекали по-разному.

Тем не менее, несмотря на развитие этих достаточно тяжелых для населения тенденций, в целом ситуация на работе во всех населенных пунктах и в октябре 2014 г., и спустя полгода все же чаще оценивалась россиянами скорее хорошо, чем плохо (табл. 4.3). Однако весной 2015 г. россияне вне зависимости от места проживания стали отмечать существенное ухудшение ситуации у себя на работе (особенно в самых крупных городах), хотя нигде оно не достигло уровня 2009 г., когда превышение положительных оценок ситуации на работе над отрицательными, и то небольшое, наблюдалось только в мегаполисах (9%).

Если говорить о проблемах на работе, с которыми столкнулись представители разных возрастных групп, то стоит отметить,

Таблица 4.3

Динамика оценок россиянами, проживающими в населенных пунктах разного типа, ситуации у них на работе, 2009–2015, %

Тип населенного пункта	2009			2014 (октябрь)			2015		
	Хорошо	Плохо	Разница	Хорошо	Плохо	Разница	Хорошо	Плохо	Разница
Москва и Санкт-Петербург	25	16	9	42	4	38	27	10	17
Другие города-миллионники	14	21	-7	41	7	34	29	12	17
Прочие областные центры	20	20	0	27	18	9	27	19	8
Районные центры	18	19	-1	31	11	20	28	14	14
ПГТ и села	22	21	1	33	8	25	27	15	12

Примечание: Данные в таблице приведены для работающего населения.

что чаще они встречались к весне 2015 г. у работающих россиян в возрасте 26–55 лет (28–31%, в то время как старшее поколение отмечало его в 24% случаев, а молодежь до 25 лет – в 25% случаев). Наиболее частой проблемой стало снижение зарплаты (16–28%¹²). Россияне в возрасте 56–65 лет чаще остальных за первые полгода кризиса теряли работу – 5%. При этом только работающая молодежь в возрасте до 35 лет оценивала тогда возможность оказаться безработными в ближайший год как исключительную и маловероятную в большинстве случаев (53–57%), в то время как для остальных возрастных групп данный показатель не превышал 49%. В 2009 г. убеждение в вероятности потерять работу доминировало (54%) только среди работающих в возрасте от 56 лет и старше, для остальных же этот показатель был равен 35–43%.

Субъективные ощущения населения от ситуации на работе привлекают прежде всего внимание к работающему населению старших возрастов. Так, если в начале 2014 г. для всех возрастных когорт до 55 лет доля оценок ситуации на работе как «хорошей» (29–36%) в 2,5–4 раза превышала долю ее оценок как «плохой» (7–12%), а для россиян в возрасте 55 лет и старше – даже в 5 раз (35% и 7% соответственно), то к 2015 г. разница соответствующих оценок для населения в возрасте до 55 лет не превышала уже 2,5 раза, а для тех, кто достиг возраста 55 лет, доля оценок «плохо» (12%) была лишь в полтора раза выше доли оценок «хорошо» (21%). Это означает, что часть населения предпенсионного и пенсионного возраста в кризисный период оказалась в очень уязвимом положении и, даже при сохранении занятости как таковой, условия ее работы ухудшились опережающими темпами.

Следует отметить, что ситуация на работе оценивалась чаще хорошо, чем плохо, вообще только молодежью до 25 лет (26% и 14% соответственно) и россиянами старше 55 лет (22% и 15% соответственно), хотя у данных социальных групп трудовая нагрузка в 2015 г. была существенно ниже, чем у остальных россиян (41,32–41,44 и 44,76–45,39 часов в неделю соответственно). При этом они реже населения средних возрастов получали на работе базовые

¹² При этом со снижением зарплаты сталкивались лишь 16% работающих в возрасте старше 55 лет, т.е. предпенсионного и пенсионного возраста, в то время как для остального работающего населения этот показатель был равен 25–28%. Учитывая, что представителей данной группы относительно чаще других увольняли, это значит, что основная часть из них занимала у себя на работе очень прочные позиции. Для остальных же в условиях кризиса был относительно других групп выше риск вообще остаться без работы, чем продолжать работать, но сократив доходы.

социальные гарантии (от официального оформления и получения «белой» зарплаты до дополнительных социальных льгот). Так, например, в 2015 г. «белую» зарплату получали 58% работников в возрасте до 27 лет и 60% работников старше 55 лет при 64–66% для остального населения. Эта ситуация дискриминации полярных возрастных когорт была свойственна рынку труда и в период кризиса 2009 г. Таким образом, *более позитивные оценки ситуации с занятостью младшими и старшими возрастными группами, в том числе в периоды кризиса, — результат не их реально большего благополучия, а, напротив, их исходно менее благополучных позиций на рынке труда, заставляющих их чаще считать благом почти любую работу. Впрочем, именно эта же неблагоприятность и позволяет работодателям использовать данные группы работников в качестве основных «жертв» при принятии оптимизационных кадровых решений.*

Такая характеристика как **особенности иждивенческой нагрузки** в домохозяйствах россиян также не остается незамеченной для рынка труда. Для россиян с высокой или скорее высокой иждивенческой нагрузкой с марта 2014 г. по март 2015 г. наблюдалось наиболее существенное снижение доли позитивно оценивающих ситуацию у себя на работе (на 16–18% при 2–7% для остальных) и многократное увеличение доли негативных ее оценок. Кроме того, среди тех россиян, у кого иждивенческая нагрузка была высокая или скорее высокая, более половины (52–53%) отмечали, что вполне возможно или с высокой вероятностью они в ближайший год могут оказаться безработными, в то время как для тех, у кого эта нагрузка была низкая или скорее низкая, этот показатель составлял менее половины (47–49%).

В целом более половины представителей домохозяйств с безработными (63%), хроническими больными (60%), инвалидами (51%) и неработающими пенсионерами (58%), в отличие от остального населения, говорили весной 2015 г. о том, что они имеют риски потери работы в ближайший год. Это еще раз подтверждает, что *текущий кризис не столько стимулирует принципиальное перестраивание производственных процессов в связи с необходимостью трансформации сложившейся экономической системы, сколько позволяет работодателям отказаться от «неудобной» рабочей силы.*

В целом же можно говорить, что *кризис 2015 г. не так сильно ударил по ситуации с занятостью населения, как кризис 2009 г. Это может свидетельствовать о том, что он носит несколько искусственный характер и скорее является поводом для оптимизации локальных производственных процессов, нежели реальным экономиче-*

ским кризисом. По крайней мере, он не стал точкой бифуркации для российской экономической системы с разворотом к активной производственной политике.

Несмотря на то, что кризис 2014–2015 гг. негативно сказывается на материальном положении россиян, общее настроение и *восприятие собственной жизни* у них достаточно позитивное. Традиционно собственную жизнь чаще оценивают хорошо жители крупных населенных пунктов, мегаполисов и городов-миллионников, а по мере уменьшения размера населенного пункта позитивные оценки встречаются реже. Так, например, после кризиса 2009 г. ситуация постепенно улучшалась для жителей всех населенных пунктов, достигнув к осени 2014 г. состояния, когда не менее трети населения вне зависимости от места жительства говорили о том, что их жизнь в целом складывается хорошо, и только 3–10% давали ей отрицательную оценку. Даже в ПГТ и селах в тот момент превышение доли оптимистов над долей пессимистов составляло 33%. К весне же 2015 г. произошел некоторый откат в этих показателях, особенно в полярных типах населенных пунктов — столицах и селах (табл. 4.4). Впрочем, это понятно с учетом падения доходов в Москве и Санкт-Петербурге, с одной стороны, и резкого обострения проблем с занятостью в селах — с другой, о которых говорилось выше.

Оптимизм в оценках своей жизни часто обуславливается, впрочем, не только объективными, но и психологическими факторами, в частности позитивным жизненным настроением, присущим молодости. Так, среди молодежи в возрасте до 35 лет позитивная оценка

Таблица 4.4

Динамика оценок россиянами, проживающими в населенных пунктах разного типа, своей жизни в целом, 2009–2015, %

Тип населенного пункта	2009			2013			2014 (октябрь)			2015		
	Хорошо	Плохо	Разница	Хорошо	Плохо	Разница	Хорошо	Плохо	Разница	Хорошо	Плохо	Разница
Москва и Санкт-Петербург	30	12	18	38	7	31	43	3	40	33	4	29
Другие города-миллионники	22	12	10	36	7	29	39	4	35	32	5	27
Прочие областные центры	18	7	9	31	1	30	34	10	24	37	7	30
Районные центры	15	12	3	34	5	29	33	6	27	31	8	23
ПГТ и села	15	15	0	29	5	24	37	4	33	28	10	18

того, как складывается их жизнь, в 2014–2015 гг. в разы превышала негативную и с развитием кризиса практически не изменилась. Для остального же населения нынешний кризис был сопряжен пусть с небольшим, но все же заметным ухудшением восприятия благополучности своей жизни в целом (рис. 4.4).

Ожидаемо, что оценка жизни в целом с октября 2014 г. по март 2015 г. в максимальной степени снизилась у тех россиян, домохозяйства которых характеризуются высокой иждивенческой нагрузкой. Среди них доля оценок собственной жизни как хорошей упала на 15% (с 44% до 29%), а как плохой – выросла на 7% (с 3% до 10%), в то время как для остального населения эти показатели были в разы ниже. *Таким образом, вслед за материальным положением россиян старше 25 лет в период кризиса ухудшается и их восприятие своей жизни в целом. Это сказывается и на их оценках общей ситуации в стране.*

Обстановка в стране в целом оценивалась населением весной 2015 г. как напряженная и кризисная. Подобное ее восприятие было свойственно жителям всех населенных пунктов (64–72%). Только около четверти россиян вне крупных городов (24–26%) воспринимали ее как нормальную и спокойную. В столицах же

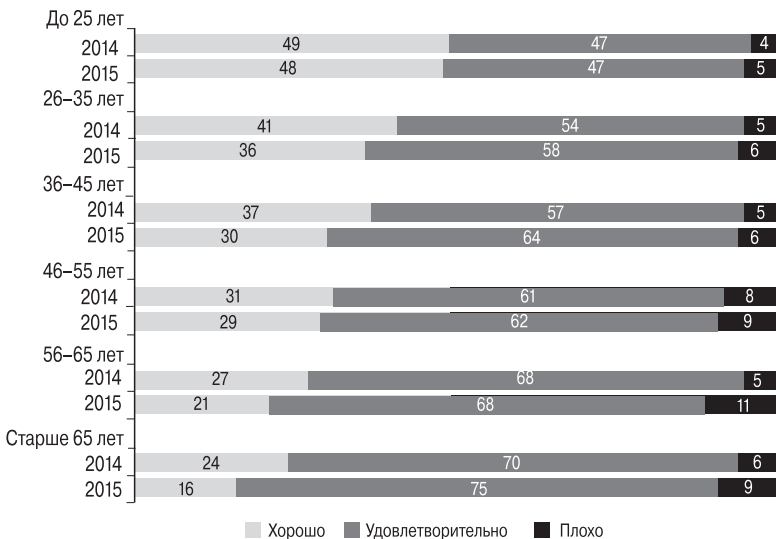

Рисунок 4.4. **Динамика оценок россиянами из разных возрастных когорт своей жизни в целом, осень 2014 – весна 2015, %**

и других городах-миллионниках, где острее и быстрее чувствуют вектор изменений, этот показатель был еще меньше и составлял около одной пятой (21–22%). Соответственно и динамика ситуации в стране за последний год оценивалась как перемены к худшему значительным большинством россиян вне зависимости от места проживания (62–74%).

Максимальный оптимизм относительно дальнейших перспектив развития страны демонстрировали при этом жители Москвы и Санкт-Петербурга: четверть из них весной 2015 г. думали, что дальше страна будет развиваться успешно, в то время как для россиян из прочих населенных пунктов данный показатель был не выше 20%. В кризис 2008–2009 гг. ситуация была в целом похожа: если в столицах считали положение нормальным 27%, то в остальных населенных пунктах — 10–14%. 13–17% оценивали его тогда как катастрофическое (при 10% среди жителей столиц). Подобная ситуация сохранялась и в 2010 г., когда среди жителей столиц положительно обстановку в стране оценивали 27%, а среди жителей остальных населенных пунктов — только 14–16%.

Таким образом, *жители крупных городов, в которых сосредоточена экономическая жизнь страны, будучи в целом более позитивными даже в кризисных условиях, острее ощущали кризис 2015 г. по сравнению с кризисом 2009 г., но с относительно большими надеждами смотрели в будущее.* С одной стороны, проживая в эпицентре социально-экономической жизни и в максимальной степени пользуясь достижениями современности, в том числе в сфере доступа к информации, они раньше остальных ощущали сокращение своих возможностей, а также угрозу этого сокращения. С другой стороны, имея некоторый «запас прочности», они рассматривали сложившуюся ситуацию как временную и просто настраивались ее пережить, тем более что вектор развития страны и действия ее руководства они поддерживали. Так, например, оценка антиросийских санкций была примерно одинакова для россиян, проживающих в различных населенных пунктах, — драматичные их последствия видели только 12–17% россиян. При этом жители столиц и других городов-миллионников чаще видели их негативное влияние, но считали его не очень значимым (49–50%), отмечая, тем самым, наличие пользы от санкций через способствование развитию отечественного производства (36–39%) — и, как было показано выше на примере жителей сел и ПГТ, такое мнение не лишено оснований. Да и в индустриальном секторе экономики, как было продемонстрировано в предыдущих главах, позитивный

эффект от санкций весьма проблематичен при том, что негативные последствия кризиса для работающих в нем очень ощутимы. Если же говорить о персональных потерях, то более половины жителей столиц (52%) почувствовали незначительные последствия антироссийских санкций на собственной жизни, а для 14% они имели даже значительные негативные последствия. Однако для большей части (52%) сельских жителей антироссийские санкции были скорее незаметны, и они не связывают с ними негативные эффекты своей жизни в последнее время — возможно, именно поэтому тяжелее эти эффекты и переносят.

В условиях более позитивной оценки ситуации в стране со стороны жителей столиц неудивительно, что они и о своем собственном психологическом состоянии чаще остальных говорят как об эмоциональном подъеме (7% при 4% для остального населения) и реже — как об ощущении раздраженности, озлобленности и агрессии (8% при 10–15% в других типах населенных пунктов). При этом спектр наиболее распространенных испытываемых эмоций для них тот же, что и для остальных россиян — спокойствие или ощущение тревоги (47% и 31% соответственно при 41–47% и 29–35% для остального населения). Если же говорить о том, как они оценивают психологическое состояние людей, которые окружают их в повседневной жизни, то это также спокойствие (48%) и тревога (42%); при этом для жителей других населенных пунктов порядок подобных эмоций обратный — чаще тревога и немного реже — спокойствие (43–50% и 36–39% соответственно). Чувства же агрессии, озлобленности и раздраженности жителями столиц у окружающих фиксировались в 14% случаев при 19–24% случаев в других типах поселений. *Таким образом, и социальные риски, связанные с общим напряжением среди населения, в Москве и Санкт-Петербурге в меньшей степени осязаемы.*

В целом спокойно к ситуации в стране относится и молодежь до 25 лет, которой обстановка кажется нормальной в трети случаев (34% при 18–25% для остальных возрастных когорт), а катастрофической только в 7% случаев (9–12% для остальных). Более того, россияне в возрасте до 35 лет в трети случаев (28%) говорят, что за последний год произошли перемены к лучшему (для остального населения этот показатель равен 20–25%) и еще 11% не заметили никаких перемен (для остальных возрастных групп этот показатель равен 5–9%). И даже антироссийские санкции для большей части этой возрастной группы остались незамеченными (53% не почувствовали на себе их влияния).

В этих условиях неудивительно, что и перспективы страны молодежь оценивала весной 2015 г. намного позитивнее, чем остальное население. Так, если среди россиян в возрасте до 25 лет большинство (52%) говорили тогда о том, что страна в ближайший год будет развиваться успешно или в ней ничего не изменится принципиально, то среди представителей остальных возрастных когорт доминирующая позиция – ожидание трудных для страны времен (53–68%). Подобный оптимизм связан с тем, что психологически молодежь до 25 лет, в отличие от остального населения, в большинстве случаев (57%) чувствовала себя спокойно (44% для населения в целом), в 1,5–2 раза реже испытывала тревогу (21% и 33% соответственно) и раздраженность, озлобленность, агрессию (6% и 12% соответственно), а чаще – эмоциональный подъем (9% и 5% соответственно). И точно так же она видит окружающую реальность: окружение молодежи в целом уравновешено (54% и только 38% для населения в целом), относительно чаще испытывает эмоциональную приподнятость (16 и 8% соответственно), реже – тревогу (28% и 45%) и озлобленность, агрессивность (13% и 21%).

У представителей групп с различным уровнем иждивенческой нагрузки оценка ситуации в целом соответствует ее общему состоянию, как впрочем, и оценка перспектив страны на ближайший год. Несколько чаще остальных ее называли весной 2015 г. катастрофической те, кто проживал совместно с безработными (14% при 9% по массиву в целом), что, видимо, связано с потерей существенного источника дохода – зарплаты – такими домохозяйствами. Спокойной ее также реже видели инвалиды (16% при 24% по массиву в целом), которые, как было показано выше, чаще фокусировали свое внимание на росте цен и болезненнее это воспринимали. Однако при этом оценка изменений последнего года несколько позитивнее была у тех россиян, кто проживал в домохозяйствах с высокой иждивенческой нагрузкой: 31% их и 21–25% остальных говорили о них как об изменениях к лучшему и 62% (68–71% среди остальных) – как о переменах к худшему. Представители домохозяйств с высокой иждивенческой нагрузкой несколько чаще говорили о том, что их не коснулись антироссийские санкции (49% при 37–43% россиян из домохозяйств с меньшей иждивенческой нагрузкой). Однако те, кто проживал совместно с безработными или хронически больными с ограниченной трудоспособностью, не имеющими инвалидности 1 или 2 групп, испытали на себе эффект антироссийских санкций существеннее остальных, т.к. связали с ними, видимо, и потерю работы, и рост цен на лекарства. В этих

группах почувствовали значительные негативные последствия от антироссийских санкций 27 и 20% соответственно, в то время как для населения в целом этот показатель был равен только 15%.

Неудивительно в этих условиях, что относительно чаще тревожно себя ощущали те, кто в составе своих домохозяйств имел инвалидов (40% при 33% в целом по массиву) и хронически больных (39%). При этом те, кто жил с безработными, несколько чаще испытывали агрессию и озлобленность (17% при 12% для населения в целом). Тревожность в окружающих чаще (а спокойствие и уравновешенность, соответственно, реже) видели те, у кого была высокая или скорее высокая иждивенческая нагрузка (47–50% против 41–42% для тех, у кого она низкая или скорее низкая), а также те, у кого были безработные, инвалиды и хронически больные в составе семьи.

В условиях общего беспокойства и тревоги именно те, кто в наименьшей степени поддаются панике, несмотря на понесенные потери и надвигающиеся угрозы, и кто с оптимизмом смотрят в будущее, чаще всего готовы поступиться своими собственными интересами на благо страны и общества. Так, чаще других наиболее серьезно пострадавшие от падения их доходов жители столиц отмечают, что людям надо ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества. Так считали весной 2015 г. более половины из них (54%), в то время как для жителей остальных населенных пунктов этот показатель был равен только 34–43%, и большинство их склонялись к тому, что личные интересы — это главное для человека. Следует отметить, что за полгода до этого ситуация была приблизительно такой же (51% и 41–45% соответственно). Более того, именно москвичи и петербуржцы в большинстве своем (61%) заявляли, что хотели бы быть полезными государству и обществу, в то время как остальное население в массе своей хотело бы просто жить так, как хочется (51–52%). При этом необходимо отметить, что *настроение и тех и других отчасти сформировано изменившейся внешнеполитической ситуацией*, т.к. в относительно спокойный 2012 год жители мегаполисов говорили о желании быть полезным не чаще остальных (50% и 50–56% соответственно). Турбулентность же последнего времени усилила у жителей столиц это желание, в то время как для всего остального населения оно за этот период, напротив, скорее ослабло.

Личные интересы важнее интересов государства и общества и для относительно молодых россиян. В возрасте до 45 лет об этом говорили весной 2015 г. две трети из них (62–66%). Для россиян 46–65 лет этот показатель снижался, но оставался более

половины (51–57%), а вот после 65 лет интересы страны и общества доминировали. Соответственно, и быть полезными обществу молодые россияне желали реже, чем жить так, как хочется (56–58% и 42–44% соответственно для россиян разных возрастных когорт до 35 лет). Качественный перелом происходил после 35 лет (51–53% россиян в возрасте 36–65 лет хотели бы быть полезными государству и обществу), а среди представителей старшей возрастной когорты (65 и более лет) доля желающих быть полезными стране составляла уже почти две трети (63%).

Интересно, что у жителей Москвы и Санкт-Петербурга качественный скачок показателя значимости интересов общества и страны в противовес личным интересам наблюдался весной 2015 г. также после 35 лет (табл. 4.5). Таким образом, *старшее поколение, говоря о ценности интересов страны и желании быть полезным государству, рассматривает эти приоритеты не столько как первоочередные для себя в настоящее время, сколько как некие нормативные установки, в то время как представители среднего возраста выводят из них и некоторую свою миссию. Это означает, что в Москве и Санкт-Петербурге население средних возрастов проявляло весной 2015 г. относительно высокую заинтересованность в благополучии не только личном, но и национальном, и готово было ради этого идти на те или иные персональные жертвы. Подобную ситуацию можно назвать своеобразным «ренессансом патриотизма» с формированием новой идентичности, основанной на желании действовать на благо*

Таблица 4.5

Ценностные установки жителей Москвы и Санкт-Петербурга относительно значимости интересов страны и общества, 2015, %

Установки	До 25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56–65 лет	Старше 65 лет
Людам следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества	42	44	57	58	69	64
Личные интересы – это главное для человека	58	56	43	42	31	36
Хотел бы быть полезным государству и обществу	42	48	67	62	73	79
Хотел бы жить так, как хочется	58	52	33	38	27	21

страны, а россиян средних возрастов из Москвы и Санкт-Петербурга можно рассматривать как точку локализации этой идентичности.

Таким образом, социально-демографические группы, которые в целом, несмотря на понесенные в условиях кризиса потери, остаются высокоресурсными, в непростых для страны обстоятельствах готовы принять поступающие вызовы и отвечать на них, действуя в интересах общества, а не своих собственных.

Раздел второй

ДЕМОКРАТИЯ УЧАСТИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КРИЗИС И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Глава 5. Демократия в представлениях россиян: рост оптимизма на фоне институционального кризиса

Демократия, как известно, это не просто статичный набор некоторых ценностей и институтов, возникающих раз и навсегда, но процесс ее развития, укоренения в системе общественных отношений. Социальные практики дают и иные примеры, когда наблюдается ее сужение, угасание, деградация. Для многих экспертов, анализирующих характер и направленность российского политического процесса последних лет, очевиден факт его дрейфа в сторону, противоположную демократии. Исследователи зачастую весьма пессимистично настроены и в отношении перспектив появления новых практик, того, что принято называть «демократией участия», полагая, что в условиях постепенного огосударствления большинства институтов гражданского общества, возможностей для проявления «живого творчества масс» становится все меньше, а зон «управляемого согласия» все больше. Соответственно нет недостатка в хлестких эпитетах с их стороны, характеризующих общественно-политическую систему современной России в качестве гибридной, управляемой, неинституционализированной и т.п. Что касается российской власти, то концепт «суверенной демократии» забыт, на смену ему пришла «фигура умолчания», которое уже в ближайшее время может смениться началом кампании по обоснованию тезиса о второстепенности, периферийности данной проблемы для нынешнего этапа развития российского общества.

Следует также иметь в виду, что недолгий по историческим меркам «демократический транзит» современной России совпал

по времени с кризисом традиционной модели демократии во многих странах Запада, а также с осознанием того, что далеко не все «демократии», попавшие во вторую и третью волну транзита, одинаково хороши. И в странах развитых демократий, демократий без прилагательных, и «недемократиях», к числу которых относится Россия, наблюдатели с тревогой замечают нарастающую усталость элит и значительного числа населения этих стран от неэффективности функционирования многих демократических институтов, сформировавшихся в иных исторических условиях и не справляющихся с вызовами XXI века.

Демократия и ее ключевые слагаемые оставались неоспоримыми ценностями до тех пор, пока в большинстве западных стран удавалось обеспечивать приемлемый, если не для всех, то для большинства граждан уровень и качество жизни, а также минимизировать влияние разнообразных неравенств на возможность самореализации и политического выбора. Но остаются ли они таковыми до сих пор? Многие исследователи начинают всерьез задумываться над этим вопросом. Демократические институты на Западе критикуют остро и постоянно с того самого момента, как они появились, причем сама эта критика была и остается необходимым условием их эффективного функционирования и одновременно демонстрацией способности демократических систем к саморазвитию и самосовершенствованию. Но практически никогда критики не ставили под сомнение системообразующую роль демократии в жизни современного общества.

Сегодня же получает определенное распространение точка зрения, согласно которой демократию не следует воспринимать в качестве некоего «естественного состояния», присущего современному обществу. Напротив, как отмечает Д. Белл, «демократия — это в высшей степени “неестественное состояние”, это исключительное достижение развитых обществ, подчеркивающее их особый характер и масштаб проделанного ими исторического пути»¹.

Тот факт, что либеральное правовое государство обычно является демократическим, еще не означает, по мнению В. Иноземцева, что оно не может быть иным. «Скорее, правильнее сказать, что демократия стала мощнейшим инструментом построения либерального правового порядка, но необходима ли она для его

¹ Белл Д. Демократия и права: великая дилемма нашего времени. В кн.: Демократия и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века / Под ред. В. Иноземцева. М.: Европа, 2010. С. 38.

сохранения, пока не очевидно»². Причем главную причину слабости современной модели демократии автор усматривает как в снижении экономической эффективности развитых демократических стран, так и в том, что значительная часть населения просто перестает нуждаться в демократических институтах с целью достижения групповых или индивидуальных интересов.

Как отмечает известный философ С. Жижек, мировой экономический кризис уже запустил механизм развода капитализма и демократии, и в скором времени можно будет увидеть очертания нового капитализма, который гораздо лучше сможет уживаться с авторитарными политическими системами. Как, например, в маленьком Сингапуре и огромном Китае, где в отличие от пиночетовского Чили быстрый экономический рост и благосостояние граждан уже не сопровождается масштабными политическими репрессиями³. Причем сторонники «капитализма без демократии», а их немало и в России (например, известный журналист и писатель Ю. Латынина), рассматривают приверженцев демократических взглядов не иначе как «торговцев подержанными идеями». Но большинство исследователей, признавая, что «золотой век» классической представительной демократии миновал, все же настроены не столь пессимистично, полагая, что ее кризис преодолим на путях «демократизации демократии», т.е. перехода от элитистской ее модели, локализованной сферой публичной политики и выборных процедур, к «демократии участия», где источниками легитимности власти, наряду с выборами, становятся институты гражданского общества, разнообразные формы общественной самоорганизации и интеграции.

В связи с этим, поиск ответа на вопрос о перспективах демократии участия в России представляется в настоящее время принципиально важным. Следует сразу оговориться, что однозначно оценить такие перспективы весьма непросто, так как россияне в большинстве своем, с одной стороны, по-прежнему дорожат некоторыми обретенными еще в перестроечные времена демократическими правами и свободами (неприкосновенность частной жизни, свобода слова, право собственности, свобода передвижения и др.), а с другой — разочаровались в способности большин-

² *Иноземцев В.* «Универсальная ценность» у «естественного предела»? В кн.: Демократия и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века. С. 52.

³ *Жижек С.* Вечный брак капитализма и демократии начинает распадаться. [Электронный ресурс] // Политру. 20 апреля 2013. URL: <http://polit.ru/article/2013/04/20/zizek/> (Дата обращения: 01.07.2015).

ства институтов, именуемых «демократическими», решать насущные проблемы граждан. Но что еще более существенно – потеряли веру в свою способность как-то влиять на их деятельность.

Тем удивительнее представляется весьма позитивный настрой значительного числа россиян в отношении отечественной версии демократии, зафиксированный весной 2015 г. Вопреки отчетливо выраженному авторитарному тренду, сегодня существенно большее число россиян (56%), чем еще три года назад (39%), склонны характеризовать (хотя значительная их часть и с оговорками) современную Россию в качестве страны в целом демократической (рис. 5.1).

Что это: просто казус, свидетельствующий о непонимании большинством населения сути демократии, или это проявление глубокого безразличия к ее ценностям и идеалам, в чем нас на протяжении многих лет пытаются убедить многие отечественные и зарубежные эксперты? Либо это одно из следствий «крымской весны», когда под влиянием патриотического воодушевления все отечественное начинает восприниматься, как и в советские времена, в качестве самого передового и прогрессивного?

Многолетние исследования свидетельствуют, что с пониманием сути демократии и ее ключевых слагаемых у наших сограждан никаких особых проблем нет. Более того, россиянам, многие из которых имеют уникальный опыт жизни в стране, в которой последовательно функционировали две альтернативные по своей сути политические системы, легче понять их разницу, чем, скажем, французам или голландцам. Неслучайно респонденты в возрас-

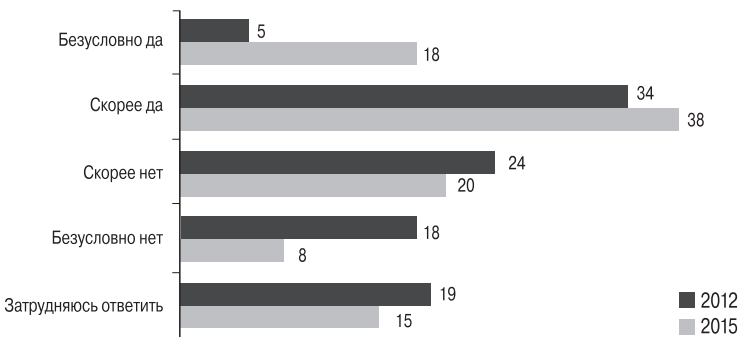

Рисунок 5.1. Динамика взглядов россиян на то, можно ли назвать нынешнюю Россию демократической страной, %

те 51–60 лет, которые еще помнят и времена «застоя», и времена «разгула демократии», несколько более сдержаны в оценках степени демократизма нынешней политической системы, чем «поколение нулевых», для которых социальный опыт локализован нынешними реалиями (52% против 59%).

Что же касается отторжения «российской почвой» демократических ценностей, то этот расистский по своей сути тезис также не имеет ничего общего с реальностью. Вспомним, с каким воодушевлением россияне восприняли в конце 1980-х – начале 1990-х гг. переход страны на демократические рельсы развития. Другой вопрос, что тогда запрос на демократическое переустройство общества был в первую очередь обусловлен надеждами на лучшую жизнь, хотя и стремление к свободе также было достаточно велико. Приоткрытие «железного занавеса» позволило многим нашим согражданам убедиться в том, что демократические политические режимы в Северной Америке и Западной Европе более эффективны с точки зрения развития экономики и социальных гарантий, чем советская система, существовавшая в стране последние 70 лет. Однако как только выяснилось (а произошло это довольно скоро), что демократия сама по себе не гарантирует быстрого роста уровня жизни и не спасает от административно-бюрократического произвола, начался стремительный откат и разочарование в ее ценностях. Пик этого разочарования пришелся на конец 1990-х гг. Как справедливо отмечает Б. Капустин, произошло это, прежде всего, потому, что в России практически с самого начала реформ из «демократического оборота» были выведены корпоративный сектор и рынок труда, что сделало российскую демократию дефектной, не способной служить справедливости, защите от экономической эксплуатации, снижения уровня неравенства в обществе, облегчению доступа к благам культуры и образования⁴.

Казалось бы, никаких принципиальных изменений в этом плане за последующие годы не произошло. Однако это не совсем так. В 2000-е гг. свертывание многих демократических прав и свобод до некоторой степени компенсировалось позитивными сдвигами в уровне и качестве жизни, если не всех, то весьма значительных слоев населения. А корреляция между уровнем жизни и принятием российской версии демократии прослеживается довольно определенно. Так, среди респондентов, на «хорошо» оценивающих

⁴ *Капустин Б.Г.* Почему демократия перестает работать. Политэкономический взгляд на современный мир // Русский журнал. 9 ноября 2011.

уровень своего материального благосостояния, довольных в той или иной степени российской демократией 66%, тогда как среди малообеспеченных таковых насчитывается 50%, что, впрочем, тоже немало. В то же время далеко не все российские граждане склонны соотносить уровень развития демократии в стране исключительно с «толщиной своего кошелька». Так, многие сравнительно «сытые» по российским меркам жители столиц весьма критично настроены в отношении отечественной модели демократии. Например, мнения жителей мегалополисов о том, можно ли считать сегодняшнюю Россию демократическим государством, разделились почти поровну. 41% опрошенных в этих городах согласен с такой характеристикой, 46% — не согласен. При этом однозначно уверенных в точности своей оценки с обеих сторон не так много — 9% и 12% соответственно. По всей видимости, в столицах еще сохранилось послевкусие от последних парламентских и президентских выборов 2011–2012 гг., сопровождаемых массовыми акциями протеста (рис. 5.2).

Следует также иметь в виду, что многие россияне ставят в заслугу нынешним властям предотвращение развала государства и стремление выполнять хотя бы на самом минимальном уровне свои социальные обязательства перед зависимыми от него группами и слоями населения (бюджетниками, пенсионерами и т.д.). В общественном сознании это выгодно их отличает от команды реформаторов Б. Ельцина — Е. Гайдара, ставившей во главу угла строительство капитализма в России и относившихся к поддержанию институтов социальной защиты достаточно формально. Вспоминая о тех годах, известный американский политолог С. Холмс в своей статье под характерным названием «Как слабость государства угрожает свободе» отмечал: «...Зрелище политической дезорганизации в посткоммунистической России напоминает о глубокой связи между либерализмом и действенной государственной системой. Представление об автономных личностях, которые могут свободно осуществлять свои права, только бы к ним не приставало государство, опровергается тревожными реальностями новой России. Российское общество можно уподобить сломанным песочным часам: верхи не эксплуатируют и не угнетают низы, даже не управляют ими — они их просто игнорируют»⁵.

Нынешние власти, безусловно, общество не игнорируют, скорее наоборот, все эти годы огромные усилия предпринимались для

⁵ Холмс С. Чему Россия учит нас теперь? Как слабость государства угрожает свободе // Pro et Contra. Гражданское общество. 1997. Т. 2. № 4. С. 140.

того, чтобы люди поверили, что современная Россия — успешная страна, что ею можно и нужно гордиться, что политическая стабильность и экономический рост — это всерьез и надолго. И надо сказать, что такие усилия не прошли даром. Их итогом стало не только формирование лоялистского, так называемого «путинского большинства», но и реальный, эмпирически подтверждаемый рост гордости и уважения россиян к своей стране, политическая система которой, по мнению этого большинства, безусловно, не безупречна, но в целом соответствует реалиям современной России. Успешной оказалась и многолетняя кампания по развенчанию гнилости «чуждых» нам ценностей либерализма, апологии единовластия, сакральности «государства» в качестве чуть ли не высшей ценности особой русской цивилизации. Особенно отчетливо это проявилось на фоне событий, происходящих в соседней Украине. Не без влияния электронных медиа, они напугали многих россиян перспективой «опрокидывания» государства, нарастания гражданского противостояния в результате «демократической революции». Возможно, посчитав, что такая «демократия» нам не нужна, многие наши сограждане смягчили свое отношение к российской модели государственного устройства.

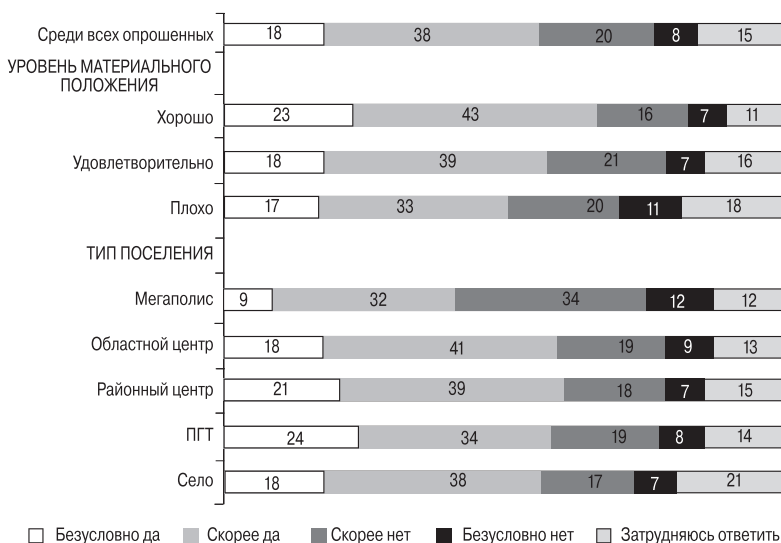

Рисунок 5.2. Мнение представителей различных групп населения о том, можно ли назвать нынешнюю Россию демократической страной, %

Вообще 2014 г. во многом оказался рубежным для страны, разбудив в российском большинстве архетипические пласты сознания, которые ожили после нескольких десятилетий спячки и стали формировать повестку дня, в том числе и политическую. Реанимировав гордость за страну, возвращающую себе, по мнению большинства населения, статус великой державы, они одновременно актуализировали и угрозы, которые сопровождают это возрождение (реальное или мнимое). Отсюда страх и неуверенность в своем будущем, а также стремление, причем не всегда отрефлексированное, примкнуть к большинству, особенно по вопросам, не затрагивающим (как многим представляется) жизненные интересы этого самого большинства. Надо признать, что на таком фоне демократия явно отошла в массовом сознании на второй план. Во всяком случае, стала менее актуальной, чем патриотизм в этатистской его интерпретации. При этом россияне, заявляющие о своем позитивном отношении к стране (любовь, гордость, уважение) и к президенту как «символу», олицетворяющему в их глазах российскую государственность, существенно чаще, чем респонденты, настроенные к власти более критично, характеризуют сегодняшнюю Россию как страну с развитой демократией (табл. 5.1).

Характерно и то, что патриотически настроенные россияне считают отечественный вариант государственного устройства не худшей альтернативой американскому, европейскому и тем более китайскому. Оценивая «демократичность» России и ряда зарубежных стран, большая часть респондентов (56%) уверенно ставит нашу страну на первое место. Меньшее число россиян уверены в демократичности таких стран, как Франция (52%), Германия (50%), США (41%) и Китай (23%) (см. табл. 2.2).

Понятно, что отвечая на данный вопрос, многие респонденты не смогли абстрагироваться от негативного информационного контекста в отношении западных стран, доминировавшего в последний год в связи с их позицией по Крыму, украинскому кризису и антироссийским санкциям. Но дело не только в этом. Запад действительно перестал, причем уже довольно давно, восприниматься россиянами в качестве образца для подражания. В связи с этим реформы, по мнению известного политолога Д. Травина, в том числе и в политической сфере, будут возможны только тогда, когда, во-первых, большинство групп интересов, сравнивая текущее положение дел с недавним прошлым, придет к выводу, что жить стало хуже. И во-вторых, если Запад сможет

Таблица 5.1

Мнение представителей респондентов, по-разному относящихся к России и деятельности В. Путина, %

Варианты ответа	Мнение о том, можно ли назвать Россию демократической страной				
	Безусловно да	Скорее да	Скорее нет	Безусловно нет	Затрудняюсь ответить
Среди всех опрошенных	18	38	20	8	15
Отношение к деятельности В. Путина на посту президента России					
Поддерживаю	22	42	17	5	14
Отчасти поддерживаю, отчасти – нет	12	36	24	9	19
Не поддерживаю	9	22	25	28	15
Главное чувство, которое выражает личное отношение к России					
Любовь	21	53	14	4	15
Гордость	27	40	15	4	15
Уважение	16	42	22	6	15
Равнодушие	16	29	24	14	16
Обида, стыд	12	25	27	23	14
Возмущение	12	26	25	21	17

доказать свое превосходство не санкциями, а экономическими успехами⁶.

Что же касается Китая, то при всей симпатии к этой стране, россияне понимают, что ее общественно-политическое устройство, мягко говоря, специфично. Это еще одно свидетельство того, что вопрос о том, какую страну считать демократической, а какую нет, не представляется им слишком сложным.

А тот факт, что в России сформировалась весьма своеобразная модель демократии, где самые высокие показатели общественного доверия имеют президент, армия и РПЦ, формирующие каркас российской государственности, а представительные органы вла-

⁶ *Травин Д.* Стратегия: Как созреть для реформ // Ведомости. № 3839 от 27.05.2015. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/05/27/593830-demonstratsionnii-effekt-i-zavisimost-ot-proidennogo-puti> (Дата обращения: 01.06.2015).

Таблица 5.2

Мнение россиян о том, можно ли назвать нынешнюю Россию и ряд других ведущих стран демократическими странами, %

Варианты ответа	Россия	США	Германия	Франция	Китай
Безусловно, да	18	11	15	14	6
Скорее, да	38	30	37	36	17
Скорее, нет	20	21	16	15	23
Безусловно, нет	8	14	7	7	22
Затруднились ответить	15	24	25	28	33

сти и общественные институты играют все менее значимую роль, многих наших сограждан особо не беспокоит. Это дает основание некоторым исследователям делать вывод о крайней эклектичности мировоззренческих установок россиян. Например, Д. Фурман утверждает, что причудливость, запутанность нынешней ситуации в стране и непредсказуемость нашего политического будущего — это, в конечном счете, порождение хаотичности, «кашеобразности» нашего массового сознания, не способного ни жить в условиях демократии, ни отказаться от нее, поскольку никаких альтернативных моделей у него нет. Сейчас оно застыло в ожидании, что решит начальство. Но в сознании начальства — те же противоречивость и неопределенность. Оно само не знает, куда плыть⁷.

Помимо исторических аналогий, в качестве аргумента наличия подобной неупорядоченности массового и группового сознания обычно приводятся данные исследований, свидетельствующие о якобы неизбывном патернализме и этатизме россиян. Представляется, что для переходных обществ, каковым является Россия, наличие такого рода ориентаций представляется вполне закономерным. Современная Россия является классическим «обществом риска». Напомним, что только за последние двадцать лет страна пережила две войны на своей территории, целый ряд вооруженных конфликтов в сопредельных государствах и три масштабных экономических кризиса. Отсюда и запрос на сильное государство, которое могло бы, с одной стороны, обеспечить безопасность и порядок, а с другой стороны — права и свободы граждан. В какой-то степени такой запрос в аналогичных ситуациях, по мнению Э. Гидденса, выступает в качестве компенсаторного

⁷ См.: Фурман Д. Импровизаторы у власти. «Независимая газета», 25 июня 2008 г.

механизма, уменьшающего степень неопределенности в социальных транзакциях. Имеется в виду то, что отдельно взятый человек, доверяющий существующим в обществе нормам, правилам, институтам, обретает чувство безопасности и уверенности в отношении окружающей его реальности⁸.

Таким образом, из того, что россиянам не импонирует либеральная версия демократии, вовсе не следует их приверженность авторитарным практикам. Общество отвергает не демократию, а результаты «ударного» строительства капитализма, поставившего экономику и социальную сферу (во всяком случае, значительные их сегменты) вне общественного, а нередко и правового контроля. Иначе говоря, россияне хотят иметь такую *демократию, которая бы помогла им хорошо жить и хорошо зарабатывать*.

Исследования, проводимые во многих европейских странах, также показывают высокий уровень корреляции между социальными завоеваниями трудящихся и «приятностью» демократии обществом. Прежде всего, в странах, где граждане на протяжении многих лет пользуются плодами социального государства (Голландия, Дания, Финляндия, Швейцария, Швеция). Неслучайно многие исследователи отмечают обратную связь между социальной ориентацией указанных государств и их традиционной цивилизационной демократичностью⁹.

Другой вопрос, что многие россияне действительно не имеют устойчивых мировоззренческих, идейно-политических взглядов, в чем сами откровенно признаются. Так, на прямой вопрос «имеете ли Вы определенные, устойчивые идейно-политические взгляды и убеждения» утвердительно ответили лишь 38% опрошенных, в то время как 62% честно признались в их отсутствии. Причем определенность во взглядах четко коррелирует с взрослением респондентов, обретением ими социального опыта. А вот группы опрошенных, по-разному относящихся к президенту, в этом отношении не имеют никаких различий (рис. 5.3).

Не следует также забывать, что многие гражданские права и свободы в России были фактически «дарованы» обществу, что не способствовало их укоренению в массовом сознании. Причем не только у рядовых граждан, но и у элит. Между тем, как показывает опыт функционирования классических демократий, именно элите, пре-

⁸ Giddens A. Runaway World: How globalization is Reshaping Our Lives. N.Y. Routledge, P. 35.

⁹ Храпцов А.Ф. Перспективы социального государства: Европа и Россия // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 3. С. 131–143.

Рисунок 5.3. Наличие или отсутствие определенных идейно-политических позиций среди респондентов различных возрастных групп и по-разному относящихся к деятельности В. Путина, %

жде всего, необходима вера в демократические идеалы, или хотя бы институционализированная привычка следовать демократической процедуре. Ничего похожего не было ни в 1990-е гг., нет и в настоящее время. Напомним, что запрос на «русского Пиночета» в свое время возник отнюдь не в толще «народной жизни», а в головах высоколобых интеллектуалов, часть которых до сих пор не только вхожи во многие властные кабинеты, но и по-прежнему убеждены, что российский капитализм и демократия — вещи пока несовместимые. Так, аналитики близкого к властям журнала «Эксперт» Т. Гурова и М. Рогожников вполне откровенно пишут, что в России еще не закончилась буржуазно-демократическая революция и, соответственно, о полноценной демократии в стране речи пока быть не может, а лозунг «свободных выборов» будет поддержан буржуазией только в том случае, если она будет уверена в том, что на этих выборах победят ее собственные или устраивающие ее кандидаты¹⁰. Собственно, это и наблюдается все последние годы. Такой настрой элит, безусловно, улавливается обществом, что накладывает свой отпечаток на восприятие окружающей реальности массовым сознанием.

¹⁰ Гурова Т., Рогожников М. Наша революция. О ключевых событиях прошедшего политического года // Эксперт, № 29 (812) / 23 июля 2012 г.

Тем не менее, было бы контрпродуктивным полагать, что у российской демократии (аутентичной и без прилагательных) нет будущего, в том числе и по причине наличия у россиян уже отмеченных и некоторых других специфических особенностей менталитета, который якобы отторгает ее ценности. Более внимательный анализ и, прежде всего, данные эмпирических исследований позволяют утверждать, что *в этой идеологической «каше» есть определенная логика и иерархия смыслов*, которая, конечно, очень далека от привычных доктринальных идеологических схем, с которыми привыкли работать профессиональные политологи. По мнению большинства из них, главным критерием демократии является политический плюрализм во всех его проявлениях: политическая конкуренция, состязательность, регулярные выборы и отсутствие партийной монополии. Е. Ясин в данный перечень еще включает свободу слова и информации, свободу ассоциаций, всеобщие гражданские права, свободу предпринимательства и право собственности — правовой фундамент рыночной экономики¹¹.

Итак, политический класс и значительная часть экспертного сообщества настаивают на локализации демократии лишь сферой политики и выборных процедур. И это понятно, учитывая, что не только в России, но и в любой стране политиков и тесно связанную с ними экономическую и интеллектуальную элиту беспокоила и беспокоит возможная «перегрузка» власти избыточными социальными требованиями, исходящими от различных групп и слоев общества, так же как и уровень компетентности «простого человека». Поэтому ни у российских властей, ни у либеральной оппозиции идея «социального государства» особой популярностью не пользуется. У обычных граждан такого рода опасений нет и, соответственно, у них более широкий взгляд на желаемую модель демократии. Для них она, судя по результатам исследований, является пакетной ценностью, которая актуализируется только в наборе других не менее важных слагаемых общего блага. В рафинированном, в чистом виде как совокупность только политических прав и свобод и электоральных возможностей она мало кого «цепляет». А что такое общественное благо и какая должна быть модель государственного устройства, чтобы его обеспечить на практике, россияне имеют вполне отчетливо выраженное представление.

¹¹ См.: Ясин Е. Приживется ли демократия в России. М.: Новое издательство, 2005. С. 38–39.

Так, когда речь зашла о ключевых слагаемых демократически организованного общества, респонденты на первое место поставили (с огромным отрывом от всех остальных) «равенство всех граждан перед законом» (эту позицию отметили 70% опрошенных), следом за этим «независимый суд» (34%) и «небольшую разницу в уровне доходов людей» (31%) (табл. 5.3). Следовательно, можно констатировать, что желаемая россиянами модель демократического общественного устройства, базируется на двух «китах»: правовой защищенности граждан и социальной справедливости, понимаемой, прежде всего, как отсутствие чрезмерных разрывов в доходах

Таблица 5.3

Динамика ответов на вопрос: «Что из приведенного списка абсолютно необходимо для того, чтобы Вы могли сказать: “Да, это и есть то общество, которое можно считать демократическим”»?»,
 % (до пяти ответов)

Варианты ответа	1998	2008	2015
Равенство всех граждан перед законом	54	74	70
Избрание президента непосредственно народом	26	35	29
Возможность свободно высказывать свои политические взгляды	37	18	18
Свобода печати	48	30	26
Свободные выборы власти	39	34	29
Свобода вероисповедания	24	15	14
Независимость суда	42	46	34
Наличие частной собственности	23	16	14
Наличие оппозиции, контролирующей президента и правительство	21	13	10
Участие граждан в референдумах по важнейшим для страны вопросам	18	19	19
Свобода выезда за рубеж	18	14	14
Свободный выбор профессии	18	15	12
Небольшая разница в уровне доходов людей	18	24	31
Свобода передвижения по стране	17	11	10
Право выбирать между несколькими партиями	16	7	5
Участие рабочих в управлении предприятиями	13	11	9
Право на забастовку	12	5	4
Самостоятельность регионов страны	10	9	6
Свободное членство в какой-то политической партии	4	3	2
Подчинение меньшинства решениям большинства	3	4	3
Что-нибудь еще	3	2	1
Нет ответа	1	10	10

разных групп населения. Причем запрос на правовое равенство, как необходимый атрибут демократии, был чрезвычайно устойчив все 2000-е гг., в то время как запрос на более равномерное распределение доходов актуализировался лишь в последние годы. Есть все основания полагать, что идея «демократии равных возможностей» в самых разных сферах и областях жизни в будущем получит еще большее распространение, поскольку она является общемировым трендом, представляя собой новое видение демократии XXI в.

На фоне указанных слагаемых демократии, все остальные актуализированы в гораздо меньшей степени. Это относится в первую очередь к «пакету» политических прав и свобод, включая независимые медиа, наличие политической оппозиции, а также такие инструментальные права, как участие в референдумах, свобода митингов и демонстраций, участие рабочих в управлении предприятиями, право на забастовку. Снижающийся интерес к некоторым аспектам демократии связан с тем, что многие права и свободы стали неотъемлемой частью повседневной жизни страны и не вызывают какой-то особой озабоченности. Это, например, свобода перемещения, выезд за рубеж, свобода вероисповедания, наличие частной собственности.

Деактуализация же некоторых других аспектов демократии обусловлена иными причинами. Так, тот факт, что значимость в глазах населения выборных процедур легитимации власти снизилась с 39% в 1998 г. до 29% в 2015 г., связан, прежде всего, с особенностями последних выборных кампаний в Государственную думу и в законодательные органы некоторых регионов, которые оставили у многих россиян неприятное «послевкусие». Но дело не только в этом. Сам институт выборов, так же как и представительная демократия в целом, воспринимается многими россиянами как формальность, если и нужная, то главным образом для того, чтобы не допустить безвластия и хаоса. Поскольку власть сегодня сконцентрирована в одних руках, вполне достаточным представляется раз в шесть лет избирать главу государства. Выборы президента страны считают необходимым условием дальнейшего развития демократии в стране почти треть россиян (29%), то есть ровно столько же, сколько реализацию принципа сменяемости власти. Впрочем, для групп населения, нацеленных на активное социальное действие, политические компоненты демократии по-прежнему весьма актуальны, чего нельзя сказать о гражданах, ориентируемых на статус-кво. Для них демократия чаще ассоциируется с небольшой разницей в доходах людей.

Значимость в массовом сознании таких слагаемых демократии, как свобода печати и возможность свободно высказывать свои политические взгляды, некогда занимавших высокие позиции в данной иерархии демократических ценностей, сократилась практически в два раза. То же самое можно сказать и о таком важном компоненте любого демократически организованного общества, как наличие оппозиции, оппозирующей власти. Системная, представленная в парламенте оппозиция многими гражданами воспринимается как часть властвующей элиты, роль которой заключается в том, чтобы канализировать общественное недовольство в нужное властям русло. Несистемная же оппозиция продолжает вызывать у значительной части общества настороженность.

Как следствие, последние места в перечне необходимых для полноценного функционирования любой демократической системы заняли такие ее компоненты, как «право выбирать между несколькими партиями» и «свободное членство в политических партиях». Нельзя сказать, что россияне настроены тотально «антипартийно», но и запроса на обновление существующей партийной системы пока не просматривается, поскольку эта система все чаще воспринимается россиянами в качестве своеобразного «архитектурного излишества», которое в принципе никому не мешает, но и особой пользы от него нет.

В целом же исследования показывают, что сформировавшееся в российском обществе отношение к демократии можно охарактеризовать как «благожелательный скептицизм», т.е. в целом позитивный настрой к ее базовым ценностям и нормам, сочетающийся, однако, с высокой степенью критичности ко всем ее институтам, особенно тем, которые по своему предназначению призваны формировать механизм перевода многообразных индивидуальных, групповых интересов на язык общезначимых проблем.

Так, по данным многолетних исследований, в рейтинге общественного доверия последние места стабильно занимают профсоюзы и политические партии (им в настоящее время доверяют всего 24% и 16% россиян соответственно), что говорит об их глубокой деградации. Некоторые перспективы имеются у неправительственных общественных и правозащитных организаций, занимающих восьмое место в рейтинге доверия и двенадцатое место в рейтинге недоверия. Всплеск доверия к телевидению на фоне интереса к событиям в соседней стране оказался краткосрочным, и весной 2015 г. доля, не доверяющая электронным медиа, вновь оказалась больше, чем доверяющая (41% против 38%). Но, безусловно, самым

тревожным представляется негативное отношение россиян к судебной системе и органам местного самоуправления, т.е. институтам, чаще всего взаимодействующим с населением (табл. 5.4). С этой точки зрения правы те, кто характеризует политическую и социальную сферу страны в качестве «неинституционализированной демократии». Причем речь идет не о дефиците тех или иных институтов, а способности многих из них выполнять свои обязанности перед обществом или, на худой конец, элементарно заниматься своим делом, в чем наши сограждане сильно сомневаются.

Тем не менее, мировой и отчасти отечественный опыт свидетельствует, что кризис институциональной сферы и традиционных политических структур (парламент, партии, профсоюзы) далеко не всегда ведет к свертыванию демократии. Скорее он сигнализирует о том, что соответствующие институты вступили в противоречие с социальной реальностью общества, структурированного иначе,

Таблица 5.4

**Ранги общественного доверия / недоверия
государственным и общественным институтам**

Доверяют	Ранги	Не доверяют
Президенту России	1	Политическим партиям
Российской армии	2	Судебной системе
Церкви	3	Полиции, органам внутренних дел
Правительству России	4	Органам местного самоуправления
Российской академии наук	5	Прессе (газетам, журналам)
Руководителю республики, губернатору Вашей области, края	6	Телевидению
Телевидению	7	Государственной думе России
Общественным и правозащитным организациям	8	Профсоюзам
Полиции, органам внутренних дел	9	Руководителю республики, губернатору Вашей области, края
Совету Федерации	10	Совету Федерации
Прессе (газетам, журналам)	11	Правительству России
Государственной думе России	12	Общественным и правозащитным органи- зациям
Органам местного самоуправления	13	Церкви
Судебной системе	14	Российской армии
Профсоюзам	15	Российской академии наук
Политическим партиям	16	Президенту России

чем в XX веке. Более того, кризис одних институтов может и часто сопровождается развитием новых практик, например, низовых форм демократии, разнообразных гражданских инициатив, не обязательно политических, горизонтальных коммуникационных связей и т.п. При этом «старые» институты также не стоит окончательно списывать со счета, по крайней мере, до тех пор, пока им не найдется адекватной замены.

Глава 6. Доверие общественным и политическим институтам

Доверие публичным институтам является важным фактором социально-экономического и политического развития общества. Высокий уровень институционального доверия свидетельствует о поддержке проводимого государством политического курса, одобрении целей и задач проводимых в стране преобразований — в том числе и в наиболее значимых для большинства населения областях жизни. Неслучайно институты стали одной из базовых слагающих разработанной в 2008 г. правительством РФ формулы экономического роста, известной как концепция четырех «и»¹. При этом низкое качество российских институтов, по сути, стало тормозом на пути достижения данной цели. Согласно Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), по качеству институтов Россия в 2014 г. занимала 97-е место из 144 стран, оказавшись между Никарагуа и Монголией². Казалось, отсутствие прозрачности, коррупция, фаворитизм могли бы полностью подорвать доверие граждан, прежде всего, государственным институтам. Однако, напротив, за последние 1,5–2 года наблюдается феноменальный рост доверия власти и, в первую очередь, президенту страны В. Путину. Хотя всего несколько лет назад авторы отмечали, что значительная часть населения перестала видеть в лице В. Путина единого общенационального лидера³. Все это позволяет говорить о складывании в сегодняшнем российском обществе парадоксальной ситуации, при которой граждане выражают большее или меньшее доверие институтам, несмотря на их низкую эффективность.

¹ Точки над «i» // Российская газета. 16 февраля 2008 г. Федеральный выпуск № 4591.

² The Global Competitiveness Report. 2014–2015. Geneva: World Economic Forum, 2014. P. 16–17.

³ Современная социальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 г. М.: ИСПИ РАН, 2014. С.159–160.

Объяснение данного парадокса связано с пониманием сложной, многомерной природы доверия. В рамках социокультурного подхода доверие означает самое общее, неопределенное отношение человека к социальным феноменам разного рода⁴ и рассматривается как следствие глубоко укоренившихся убеждений и представлений людей об обществе и своем месте в нем. Институциональная интерпретация акцентирует внимание на том, как люди оценивают деятельность государственных и общественных институтов.

Однако сегодня все большее распространение получает интегрированная теория, в рамках которой отсутствует строгое противопоставление социокультурного и институционального подходов. Согласно данной теоретической перспективе, доверие институтам — это результат взаимодействия людей с институтами, включая эмоциональные и рациональные компоненты, индивидуальный и коллективный опыт, старые и новые знания⁵. Данный подход особенно важен для понимания специфики доверия институтам в российском обществе. Здесь только за последние 25 лет наблюдались достаточно резкие колебания общественно-политических настроений, подъемы и спады гражданской активности, перемены политического курса. Таким образом, доверие институтам репрезентирует целый комплекс объективных и субъективных, социальных и политических отношений, являясь одновременно предпосылкой и следствием проводимой государством политики.

Одним из важных аспектов исследования является анализ структуры доверия, что позволяет сгруппировать институты по уровню высказываемого им доверия со стороны граждан (табл. 6.1).

Результаты опроса показывают крайнюю неравномерность распределения доверия публичным институтам. Наибольшее доверие россияне оказывают президенту РФ (78%), российской армии (65%) и православной церкви (50%). Данные институты образуют своеобразную «державную триаду», что позволяет провести определенную аналогию с известной доктриной «официальной народности», основой которой стали идеи православия, самодержавия и народности. В отношении президента РФ и российской армии

⁴ Левада Ю.А. Механизмы и функции общественного доверия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 3 (53). С. 7–12.

⁵ Mishler W., Rose R. Generation, Age, and Time: The Dynamics of Political Learning during Russia's Transformation // American Journal of Political Science. 2007. Vol. 51. № 4. P. 832.

**Уровень доверия россиян государственным
и общественным институтам, март 2015, %**

Институты	Доверяют	Не доверяют	Затруднились ответить	Разница уровней доверия и недоверия
Президенту России	78	11	11	67
Правительству России	49	30	21	19
Руководителю республики, губернатору	43	34	23	9
Органам местного самоуправления	27	48	25	-21
Государственной Думе	29	41	30	-12
Совету Федерации	30	34	36	-4
Политическим партиям	17	55	28	-38
Полиции, органам внутренних дел	32	49	19	-17
Прессе	30	47	23	-17
Телевидению	38	41	19	-3
Российской армии	65	18	17	47
Профсоюзам	24	41	35	-17
Судебной системе	26	50	24	-24
Православная церковь	50	21	29	29
Общественным организациям	35	28	37	7
Российской академии наук	47	15	38	32

также зафиксирован наибольший перевес числа респондентов, выражающих доверие, над теми, кто выражает недоверие – 67% и 47% соответственно.

На первый взгляд, доверие россиян концентрируется вокруг государствообразующих институтов, однако это не совсем так. Наши сограждане больше доверяют институтам, чья деятельность воспринимается ими как забота об общем, коллективном благе. При этом уровень доверия государственным институтам, призванным защищать общественный порядок, права и законные интересы граждан, оказывается на несколько порядков ниже: полиции, органам внутренних дел доверяют 35%, а судебной системе – всего 26% россиян. Также вырисовывается своеобразная вертикаль доверия государственным органам власти и управления (по ана-

логии с вертикалью власти): Правительство РФ, руководитель субъекта федерации, органы местного самоуправления, которым доверяют соответственно 49, 43 и 27% респондентов. В данном контексте важно отметить, что Российской академии наук (РАН) доверяют 47% граждан, хотя и при значительной доле респондентов, не определившихся с ответом (38%). Это говорит о том, что, несмотря на неоднозначные оценки деятельности РАН, как собственно и результатов проводимой в ее отношении реформы, практически половина россиян отмечает общегосударственную значимость отечественной науки.

Сравнительно низкий уровень доверия зафиксирован в отношении представительных институтов власти – Государственной думы (29%) и Совета Федерации (30%), а меньше всего россияне доверяют политическим партиям (17%). При этом минимальный уровень доверия представительным институтам отмечен среди жителей мегаполисов, 21% которых доверяют Государственной думе РФ, 23% – Совету Федерации и всего 5% – политическим партиям. И это при том, что государственное финансирование политических партий, набравших более 3% на федеральных выборах, с 1 января 2015 г. было увеличено более чем в два раза⁶. Низкий уровень доверия представительным органам власти является, пожалуй, самым показательным признаком неэффективности институциональной системы в целом. Причина тому лежит даже не столько в отсутствии у граждан интереса к конкретной политической партии или идеологии, сколько в общем представлении о том, что партии в сегодняшней России не являются основой общественно-политического порядка⁷.

По сравнению с представительными институтами средства массовой информации (СМИ), особенно телевидение, по мнению россиян, заслуживают даже большего доверия. По крайней мере, СМИ дают иллюзию сопричастности текущим событиям, поскольку большинство людей не имеют возможности прямого наблюдения и анализа реальных политических процессов. Другой путь вовлечения в публичную сферу респонденты связывают с деятельностью общественных организаций – 35% из них высказали им свое доверие. При этом уровень доверия таким традиционным

⁶ Федеральный закон РФ от 14 октября 2014 г. № 300-ФЗ «О внесении изменений в статью 33 Федерального закона «О политических партиях» // Российская газета. 17 октября 2014 г. Федеральный выпуск № 6510.

⁷ *Саква Р.* Партия и власть в современной России: между представительством и мобилизацией // Политическая наука. № 1. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 61.

общественным организациям, как профсоюзы, оказался ниже — всего 24%, к тому же 47% россиян вообще не доверяют данному институту. Таким образом, россияне в большей степени доверяют институтам, олицетворяющим государство в целом, и в меньшей степени институтам, которые реализуют частные интересы — территориальные, отраслевые, групповые, индивидуальные. Однако если на уровне государственной идеологии результаты опроса и могут свидетельствовать о некотором консервативном повороте в духе теории официальной народности, то общая динамика и специфика проявления доверия отдельным институтам показывают более сложную и противоречивую картину.

Как показывают результаты опроса (табл. 6.2), минимальный уровень доверия практически всем институтам, в том числе и Президенту РФ, был отмечен в 2012 г., а максимальный — в конце 2014—начале 2015 г. За этими значениями стоит влияние важных внутри- и внешнеполитических процессов и событий. Если минимальный уровень доверия был реакцией общества на проведение и результаты президентских выборов 2012 г., то уровень доверия, зафиксированный в марте 2015 г., безусловно, содержит оценку граждан деятельности институтов в условиях кризиса 2014—2015 гг., связанного с событиями на Украине и последовавшими за ними санкциями со стороны ведущих западных стран.

Данные таблицы 6.2 показывают, что в течение 2014 г. уровень доверия практически всем институтам вырос, за исключением православной церкви и РАН, в отношении которых был отмечен небольшой спад на 5% и 1% соответственно. Но данные изменения вряд ли можно считать результатом влияния кризиса. В первом случае это, скорее, обратный эффект активного продвижения церкви в публичную сферу, а во втором — следствие информационной кампании, сопровождавшей реформу РАН. Что касается периода кризиса, то сравнение данных, полученных в октябре 2014 г. и марте 2015 г., показывает разнонаправленную динамику. Притом что уровень доверия президенту РФ остался прежним (78%), уровень доверия в отношении всех органов власти и управления снизился, но при этом немного повысился в отношении правоохранительных (+4%) и судебных (+2%) органов. Также следует отметить падение уровня доверия прессе (–3%) и телевидению (–6%), что очевидно объясняется «усталостью» граждан от «украинской» темы и ростом тревоги относительно положения дел внутри страны.

Тем самым, применительно к начальной стадии кризиса можно говорить о складывании своеобразного кредита доверия боль-

Таблица 6.2

**Динамика уровня доверия россиян государственным
и общественным институтам, %**

Уровень доверия	2009	2010	2012	2014 март	2014 окт.	2015 март	Изменение с окт. 2014 по март 2015 г.
Президенту России	73	71	55	60	78	78	0
Правительству России	60	57	43	43	56	49	-7
Руководителю региона	48	45	38	43	48	43	-5
Органам местного самоуправления	*	*	*	32	34	27	-7
Государственной думе России	29	25	24	25	32	29	-3
Совету Федерации	31	27	24	28	34	30	-4
Политическим партиям	13	12	15	15	17	17	0
Полиции, органам внутренних дел	24	21	21	30	28	32	4
Прессе (газетам, журналам)	26	31	21	32	33	30	-3
Телевидению	35	38	31	41	44	38	-6
Российской армии	63	49	50	61	62	65	3
Профсоюзам	23	23	21	24	26	24	-2
Судебной системе	22	19	17	24	24	26	2
Православной церкви	52	56	55	55	50	50	0
Общественным и правозащитным организациям	41	35	37	31	37	35	-2
Российской академии наук	*	*	43	43	42	47	5

Примечание: * Обследование по данным вопросам не проводилось.

шинству институтов. Не в последнюю очередь это связано с повышением уровня доверия президенту РФ В. Путину. Однако данные марта 2015 г. показывают определенное разочарование россиян в эффективности институтов в условиях кризиса — за исключением института президента и силовых структур. То, что «фактор Путина» по мере продолжения кризиса «срабатывает» все меньше, показывают данные следующей таблицы (табл. 6.3).

Данные таблицы 6.3 показывают, что «фактор Путина» способствует повышению уровня доверия всем институтам, однако даже среди сторонников действующего президента недоверие преобладает по отношению к органам местного самоуправления, политическим партиям, судебным и правоохранительным органам, профсоюзам и прессе. При этом среди его оппонентов недоверие преобладает в отношении всех институтов. Тем не менее, за период с октября 2014 г. по март 2015 г. распределение институцио-

Таблица 6.3

Уровень доверия россиян государственным и общественным институтам в зависимости от отношения к деятельности В. Путина на посту президента России, март 2015, %

Уровень доверия	Отношение к деятельности В. Путина на посту президента России		
	Поддерживаю	Отчасти поддерживаю, отчасти нет	Не поддерживаю
Президенту России			
Доверяю	98	55	13
Не доверяю	1	14	77
Правительству России			
Доверяю	67	27	8
Не доверяю	17	44	81
Руководителю республики, губернатору			
Доверяю	57	26	14
Не доверяю	22	46	73
Органам местного самоуправления			
Доверяю	37	15	11
Не доверяю	40	58	75
Государственной думе			
Доверяю	40	15	7
Не доверяю	30	54	77
Совету Федерации			
Доверяю	41	16	5
Не доверяю	23	45	76
Политическим партиям			
Доверяю	21	12	8
Не доверяю	49	61	73
Полиции, органам внутренних дел			
Доверяю	39	23	16
Не доверяю	42	55	72
Прессе			
Доверяю	36	22	19
Не доверяю	43	51	62

Таблица 6.3 (окончание)

Уровень доверия	Отношение к деятельности В. Путина на посту президента России		
	Поддерживаю	Отчасти поддерживаю, отчасти нет	Не поддерживаю
Телевидению			
Доверяю	47	29	17
Не доверяю	36	45	68
Российской армии			
Доверяю	78	50	33
Не доверяю	11	23	55
Профсоюзам			
Доверяю	29	18	12
Не доверяю	34	47	66
Судебной системе			
Доверяю	32	19	9
Не доверяю	44	56	77
Православной церкви			
Доверяю	58	41	26
Не доверяю	14	26	53
Общественным организациям			
Доверяю	39	30	28
Не доверяю	24	33	46
Российской академии наук			
Доверяю	54	38	29
Не доверяю	10	17	42

Примечание: *) В таблице не указана категория респондентов, затруднившихся с ответом, и цветом выделены значения, свидетельствующие о преобладании недоверия среди сторонников В. Путина.

нального доверия среди сторонников и оппонентов действующего президента изменилось. Продолжающийся кризис повысил градус недоверия среди оппонентов В. Путина по отношению к церкви, политическим партиям, полиции, СМИ, и, напротив, способствовал некоторому росту уровня доверия армии и общественным организациям. Данные изменения показывают особенности влияния кризиса в его начальной и текущей стадии. «Державные» институты только в начальной стадии кризиса сплачивают обще-

ство, а по мере продолжения или углубления кризиса растет роль общественной самоорганизации. В целом можно сказать, что с октября 2014 г. по март 2015 г. зона институционального доверия стала более «рыхлой», а влияние «фактора Путина» — не таким однозначным, более противоречивым.

В данном контексте интерес представляет распределение доверия институтам в зависимости от того, насколько граждане нуждаются в поддержке государства (рис. 6.1).

Как показывают результаты опроса, граждане, которые не нуждаются в поддержке государства, т.е. самодостаточные, в меньшей степени доверяют «державным» институтам, по сравнению с гражданами, которые отмечают свою зависимость от государства. Не противопоставляя себя государству как таковому, они отражают пусть не большой, но потенциал развития общества по формуле «децентрализация — самоуправление — самоорганизация».

В целом обеспечение высокого уровня доверия государственным, прежде всего державным, институтам вполне может стать актуальной проблемой для власти накануне парламентских (2016) и президентских (2018) выборов. Но уже сейчас понятно, что доверие институтам — это результат взаимодействия многих факторов, и попытка искусственно усилить влияние одного или некоторых из них имеет исключительно краткосрочные эффекты. В частности, об этом говорит уровень доверия институтам в зависимости от оценок воссоединения Крыма с Россией и ситуации на востоке Украины (табл. 6.4).

Оценка воссоединения Крыма с Россией как геополитической победы «прибавляет» в уровне доверия, прежде всего, государственным институтам. В группе респондентов, имеющих подобную оценку, уровень доверия выше, чем в среднем по выборке. президенту РФ, армии и телевидению доверяют на 8% больше респондентов, общенациональным органам власти и управления и православной церкви — на 5–6%, правоохранительным и судебным органам, а также общественным организациям — на 3%, политическим партиям — на 2%. Оценка данного события как ошибочного решения, напротив, снижает уровень доверия всем без исключения институтам. Что касается событий на востоке Украины, то среди респондентов, сочувствующих силам ополченцев, уровень доверия институтам примерно на 1,5–2% выше, чем в среднем по выборке. Но здесь важно отметить, что даже среди респондентов, сочувствующих силам украинской армии, уровень доверия президенту РФ и российской армии выше, чем уровень недоверия. Данные оценки ясно свидетельствуют, что

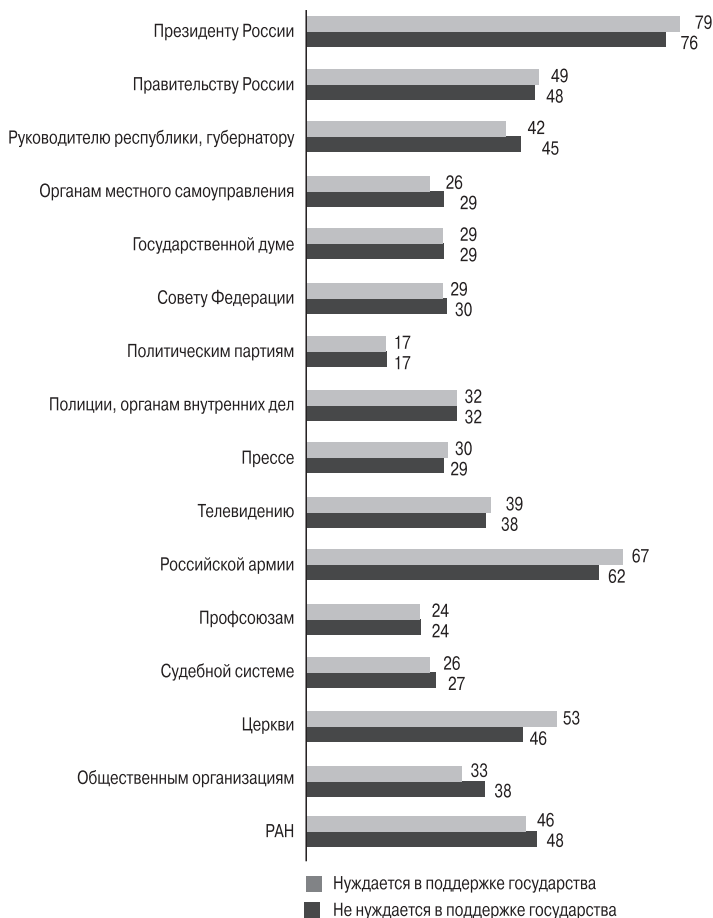

Рисунок 6.1. **Уровень доверия россиян государственным и общественным институтам в зависимости от степени нуждаемости в поддержке со стороны государства, март 2015, %**

критика действий власти совсем не означает «измены Родине», как это иногда трактуется в публичных дискуссиях. В целом влияние событий на уровень доверия институтам меньше, чем влияние «фактора Путина». Если деятельность президента В. Путина воспринимается как достаточно стабильный фактор, то воссоединение Крыма с Россией и военные действия на востоке Украины имеют свое развитие — не всегда и не во всем положительное.

Уровень доверия россиян государственным и общественным институтам в зависимости от оценок событий, март 2015, %

Государственные и общественные институты	Оценка воссоединения Крыма с Россией			Оценка ситуации на востоке Украины		
	Победа России	Имеет позитивные и негативные последствия	Ошибочное решение	Сочувствую ополченцам	Сочувствую украинской армии	Никому не сочувствую
Президенту России	86	67	39	85	64	63
Правительству России	58	35	28	56	38	33
Руководителю региона	49	34	27	49	39	32
Органам местного самоуправления	32	18	21	29	27	24
Государственной думе	35	18	22	33	31	20
Совету Федерации	36	19	19	35	28	18
Политическим партиям	19	11	20	18	16	14
Полиции, органам внутренних дел	36	24	25	34	33	26
Прессе (газетам, журналам)	34	22	20	34	26	21
Телевидению	44	30	20	45	24	26
Российской армии	73	52	39	73	53	48
Профсоюзам	27	18	20	26	27	20
Судебной системе	29	22	18	27	33	21
Православной церкви	55	43	31	55	44	39
Общественным и правозащитным организациям	38	30	38	36	34	32
Российской академии наук	51	40	39	51	37	40

Институциональное доверие, в том числе и доверие Президенту РФ, распределено в социальном пространстве российского общества неравномерно (рис. 6.2).

Сравнение уровня доверия президенту РФ со стороны различных социальных групп и в динамике в период с октября 2014 г. по март 2015 г. раскрывает незначительные, но все-таки показательные изменения. Наибольшее влияние на уровень доверия президенту страны оказывает фактор возраста и материальной обеспеченности. Среди старшей возрастной группы президенту РФ доверяют

82% респондентов, в то время как среди молодежи 18–30 лет – 73%. Что касается материального положения, то среди хорошо обеспеченных респондентов уровень доверия достигает 89% и всего 64% среди плохо обеспеченных респондентов. В ходе кризиса уровень доверия президенту РФ немного (на 2%) снизился среди молодежи до 30 лет и материально обеспеченных респондентов. В то время как среди других возрастных групп, а также среди плохо обеспеченных респондентов он повысился примерно на те же 2%. Еще одной заметной тенденцией в условиях кризиса стало выравнивание уровня доверия среди населения различных типов поселений. Так, в октябре 2014 г. президенту РФ доверяли 68% жителей мегаполисов, 76% – областных, краевых и республиканских центров, 78% – районных центров, 81% – поселков городского типа и 84% – сельских поселений. В марте же 2015 г. разрыв между минимальным и максимальным значением в уровне доверия жителей различных типов поселений составил всего 3 пункта. При этом уровень доверия жителей мегаполисов повысился с 68% до 78%.

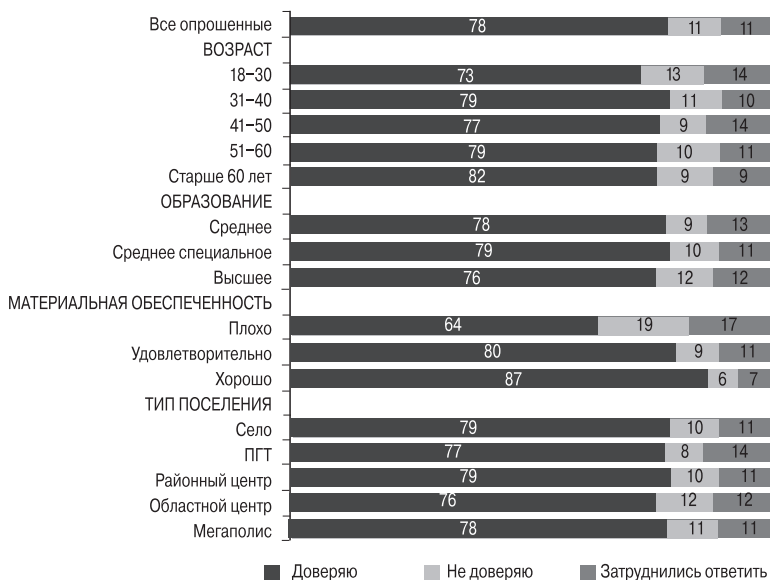

Рисунок 6.2. Уровень доверия россиян президенту России в зависимости от возраста, образования, материального положения и типа поселения, март 2015, %

Не менее интересным представляется анализ структуры доверия другим институтам из державной триады «президент – армия – православная церковь» (табл. 6.5, 6.6).

В отношении российской армии и православной церкви отмечены те же тенденции, что в отношении президента РФ: наибольшее влияние на уровень доверия оказывают возраст и материальное обеспечение. Однако в данном случае большее влияние приобретает поселенческий фактор. Среди жителей различных типов поселений наименьший уровень доверия армии и православной церкви проявляют жители поселков городского типа (ПГТ) – 59 и 43% соответственно.

Таблица 6.5

Уровень доверия россиян российской армии, март 2015, %

Уровень доверия	Доверяю	Не доверяю	Затруднились ответить
<i>Все опрошенные</i>	65	18	17
ВОЗРАСТ			
18–30	57	24	19
31–40	63	19	18
41–50	66	16	18
51–60	70	16	14
Старше 60 лет	73	14	13
ОБРАЗОВАНИЕ			
Среднее	65	17	18
Среднее специальное	67	17	16
Высшее	62	20	18
МАТЕРИАЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ			
Плохо	61	20	19
Удовлетворительно	66	18	16
Хорошо	67	17	16
ТИП ПОСЕЛЕНИЯ			
Село	66	17	17
ПГТ	59	16	25
Районный центр	65	19	16
Областной центр	65	16	19
Мегалополис	65	27	8

Таблица 6.6

Уровень доверия россиян православной церкви, март 2015, %

Уровень доверия	Доверяю	Не доверяю	Затруднились ответить
<i>Все опрошенные</i>	50	21	29
ВОЗРАСТ			
18–30	46	24	30
31–40	49	22	29
41–50	48	20	32
51–60	50	24	26
Старше 60 лет	60	14	26
ОБРАЗОВАНИЕ			
Среднее	50	21	29
Среднее специальное	51	21	28
Высшее	49	22	29
МАТЕРИАЛЬНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ			
Плохо	47	26	27
Удовлетворительно	49	21	30
Хорошо	56	15	29
ТИП ПОСЕЛЕНИЯ			
Село	55	18	27
ПГТ	43	21	36
Районный центр	50	22	28
Областной центр	45	21	34
Мегаполис	55	23	22

По сравнению с жителями других типов поселений жители ПГТ в меньшей степени доверяют государственным и общественным институтам — за исключением президента РФ, прессы и телевидения. Это связано не только с особенностями расселенческо-поселенческой организации территории страны, последствиями радикальных социально-экономических преобразований, но и с тем, что текущий кризис больше всего ударил именно по жителям ПГТ. Как показывают результаты опроса, за время кризиса оценка ситуации в стране имела наиболее негативную динамику именно среди жителей ПГТ. С октября 2014 г. по март 2015 г. здесь на 17% уменьшилась доля тех, кто считает ситуацию в стране нормальной, спо-

койной, и на 15% увеличилась доля тех, кто считает, что ситуация в стране стала напряженной, кризисной (в среднем по выборке — на 11% в обоих случаях).

Таким образом, доверие институтам в российском обществе распределено крайне неравномерно: высокий уровень доверия президенту РФ, армии и православной церкви и одновременно низкий уровень доверия представительным и общественным институтам. Но и в триаде державных институтов доверие россиян концентрируется, прежде всего, вокруг института президентства. Все это дает основание согласиться с мнением ряда исследователей, которые характеризуют институциональное доверие в российском обществе как иерархическое, но с коротким радиусом действия⁸. При всей концентрации доверия вокруг института президента РФ, уровень доверия институциональной системе в целом является невысоким. Как уже было показано, такие институты, как суд, политические партии, парламент, местное самоуправление, не пользуются достаточным доверием россиян. Однако высокий уровень доверия высшему должностному лицу государства не является эквивалентом доверия институциональной системе в целом.

О том, что консолидация российского общества вокруг государственных институтов не является устойчивой, говорит и отношение россиян к деятельности В. Путина на посту президента РФ (рис. 6.3).

Притом что в целом отношение россиян к деятельности В. Путина на посту президента РФ за последние полгода практически не изменилось, различие между социальными группами по ряду показателей стало более глубоким. Прежде всего, стоит отметить более низкий уровень поддержки В. Путина среди респондентов с плохим уровнем материальной обеспеченности (43%), тогда как среди обеспеченных респондентов она почти на 30% выше. Это говорит о высоком социальном неравенстве, сложившемся в российском обществе, которое в условиях текущего кризиса усилилось. Еще в октябре 2014 г. среди плохо обеспеченных респондентов уровень поддержки В. Путина был не намного, но все-таки выше — 45%.

С учетом ухудшения социально-экономического положения значительной части населения в условиях кризиса интерес представляет влияние социального самочувствия на уровень поддержки

⁸ *Mishler W., Rose R. What are political consequences of trust? A test of cultural and institutional theories in Russia // Comparative political studies. 2005. Vol. 38. № 9. P. 1056.*

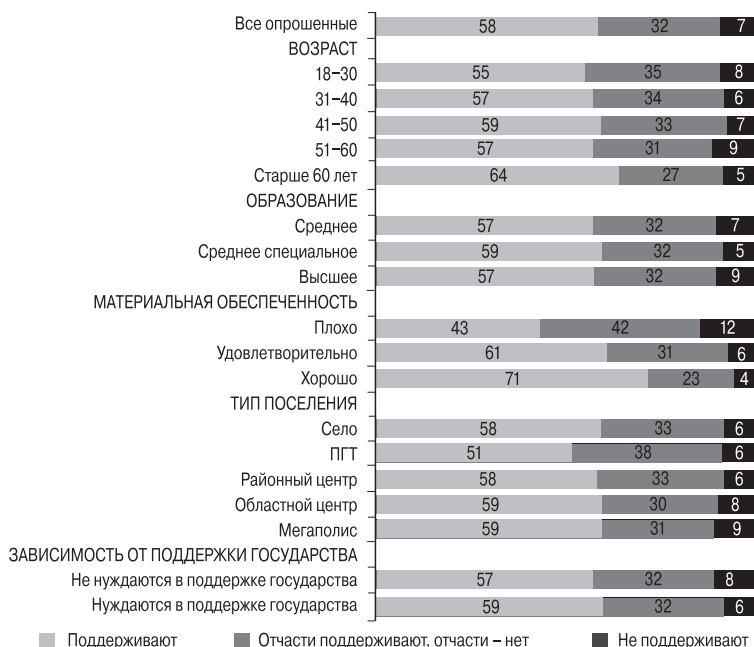

Рисунок 6.3. Отношение россиян к деятельности В. Путина на посту президента России, март 2015, %

(на рисунке не указана категория респондентов, затруднившихся с ответом)

деятельности президента В. Путина. Так, среди тех, кто оценивает нынешнюю обстановку в России как «нормальную и спокойную», действующего президента поддерживают 75%, а среди тех, кто оценивает обстановку как «катастрофическую», — 31%. Соответственно среди оптимистов доля оппонентов В. Путина составляет всего 3%, а среди пессимистов — 28% (рис. 6.4).

Отношение к деятельности действующего президента РФ в контексте общего восприятия населением развития ситуации в стране является достаточно показательным. Основные тревоги связаны с оценкой текущей ситуации, в то время как итоги последнего года в целом оцениваются более позитивно, а в будущее россияне смотрят с надеждой. Соответственно, среди тех, кто считает, что напряжение в обществе существенно снижается, уровень доверия В. Путину достигает 78%, а среди тех, кто считает, что уровень напряженности существенно возрастает, — всего 35%. При этом недовольство в отношении президента РФ концентрируется среди

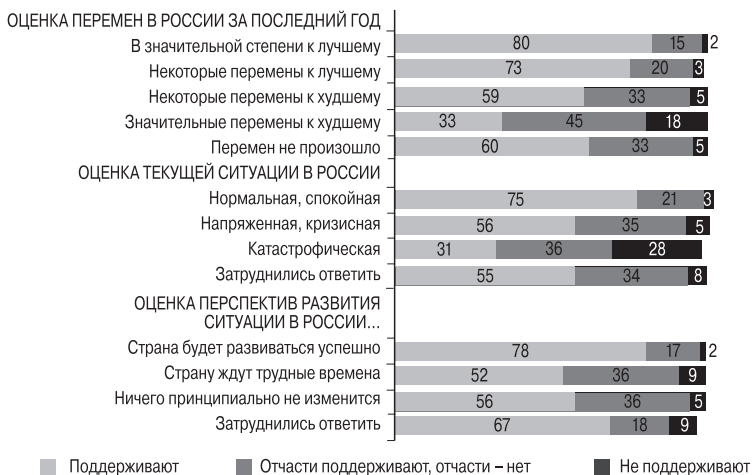

Рисунок 6.4. **Отношение россиян к деятельности В. Путина на посту президента России в зависимости от оценок развития ситуации в стране, март 2015, %**
(на рисунке не указана категория респондентов, затруднившихся с ответом)

респондентов, испытывающих чувство озлобленности и агрессии (рис. 6.5).

Безусловно, в абсолютных цифрах доля респондентов, негативно относящихся к деятельности президента В. Путина, незначительна. Россияне с различным социальным статусом в целом его поддерживают (табл. 6.7). Однако не вызывает сомнения, что эмоциональный настрой и психологическое самочувствие граждан являются важными факторами поддержки существующего общественно-политического порядка.

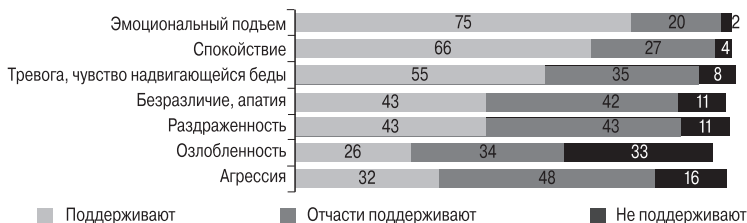

Рисунок 6.5. **Отношение россиян к деятельности В. Путина на посту президента России в зависимости от повседневного эмоционально-психологического состояния россиян, март 2015, %**
(на рисунке не указана категория респондентов, затруднившихся с ответом)

Таблица 6.7

**Отношение к деятельности В. Путина на посту президента России
в зависимости от оценки респондентами своего положения
в обществе, март 2015, %**

Варианты ответа	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо
Поддерживаю деятельность В. Путина	68	57	40
Отчасти поддерживаю деятельность В. Путина	24	34	44
Не поддерживаю деятельность В. Путина	5	7	13
Затрудняюсь ответить	3	3	3

В условиях действующих санкций со стороны ведущих западных стран, продолжающейся политики изоляции страны на международной арене особый интерес представляет отношение россиян к деятельности президента В. Путина в зависимости от их отношения к источнику угроз для России (рис. 6.6).

Среди тех, кто считает, что основные угрозы для России исходят из-за рубежа, уровень поддержки действующего президента РФ выше почти в два раза, чем среди тех, кто считает, что источник угроз находится внутри страны (67% и 35% соответственно). Среди тех, кто считает, что источник угроз находится внутри страны, выше доля тех, кто поддерживает президента РФ частично (43%), а доля его оппонентов составляет 19%. Все это говорит о том, что даже противники внешнеполитического курса президента В. Путина, безусловно, видят в нем сильного мирового лидера. Об этом свидетельствует также отношение россиян к деятельности президента РФ в зависимости от оценок воссоединения Крыма с Россией и ситуации, сложившейся на востоке Украины (табл. 6.8).

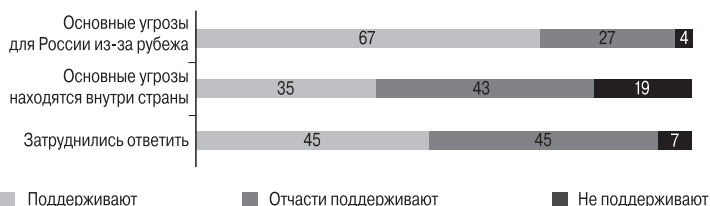

Рисунок 6.6. Отношение россиян к деятельности В. Путина на посту президента России в зависимости от оценки характера угроз для России, март 2015, %
(на рисунке не указана категория респондентов, затруднившихся с ответом)

Таблица 6.8

**Отношение россиян к деятельности В. Путина на посту президента
России в зависимости от оценок событий, март 2015, %**

Варианты ответа	Оценка воссоединения Крыма с Россией			Оценка ситуации на востоке Украины		
	Победа России	Имеет позитивные и негативные последствия	Ошибочное решение	Сочувствуют ополченцам	Сочувствуют украинской армии	Никому не сочувствуют
Поддерживают	68	42	23	67	41	41
Отчасти поддерживают, отчасти – нет	25	46	34	28	30	43
Не поддерживают	4	8	40	3	23	13
Затруднились ответить	3	3	3	3	6	3

Как показывают результаты опроса, воссоединение Крыма с Россией и ситуация на востоке Украины, рассматриваемые государством, казалось бы, в русле решения одной геополитической задачи, воспринимаются населением по-разному. Если первое событие фактически способствовало поляризации общества на сторонников и оппонентов В. Путина, то влияние второго события оказалось менее определенным. Даже среди респондентов, сочувствующих украинской армии, большая их часть все-таки высказывает поддержку действующему президенту РФ (41%). При этом, конечно, необходимо учитывать, что в абсолютных цифрах доля тех, кто поддерживает украинскую армию в противостоянии с ополченцами на востоке Украины, совсем незначительна – всего 5%.

Сравнение отношения к институту президента и к деятельности лично В. Путина показывает различие символического и личностного восприятия мира политики. В целом можно сказать, что отношение россиян к деятельности В. Путина носит, скорее, личностный и, как следствие, более противоречивый и динамичный характер по сравнению с более абстрактным, устойчивым и символическим отношением к институту президентской власти. Сегодня В. Путин, безусловно, воспринимается нашими согражданами как ключевая фигура мировой политики – причем как среди его сторонников, так и среди оппонентов, даже несмотря на то, что

динамика оценок важнейших внешнеполитических решений власти является, скорее, негативной, чем позитивной.

Таким образом, в ходе кризиса, вызванного санкциями ведущих западных стран и ответными действиями России, отчетливо проявилась амбивалентная природа институционального доверия. По большому счету и само понятие доверия осмысливается именно во временном контексте, когда у каждого из участников взаимодействия есть возможность убедиться как в обоснованности доверия к другому, так и в оправданности такого отношения для себя⁹.

⁹ *Белянин А.В., Зинченко В.П.* Доверие в экономике и общественной жизни. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010. С. 81.

Глава 7. Политическое и социальное участие: новые практики

В условиях институционального кризиса чрезвычайно важное значение приобретает участие граждан в общественной и политической жизни страны, которое через запросы различных групп и слоев населения задает основные приоритеты общественного развития. При этом речь не идет о систематической включенности, скорее о наличии правовых и институциональных возможностей для реализации гражданами своих политических и гражданских прав в тот момент, когда они это сочтут необходимым, и в тех формах, которые они посчитают нужными. В противном же случае утрачивается главный критерий, позволяющий отличать подлинно демократический процесс от формального ритуала, систематического манипулирования и управляемого согласия¹.

Главная проблема нашей страны, особенно последних лет, как раз состояла в том, что в рамках существующей институциональной «матрицы» гражданского общества грань между подлинной общественной самодеятельностью и множеством ее симулякров постоянно стирается. Тем не менее, ситуация выглядит не столь однозначной, как это иногда представляется. Во-первых, в современном, сложно организованном обществе поставить под контроль государства всех агентов рынка и гражданских инициатив практически невозможно. Для этого у него просто нет финансовых и административных ресурсов.

Наличие пусть формальных, зачастую имитационных или находящихся в «замороженном» виде демократических институтов лучше, чем их полное отсутствие, т.к. в этом случае сохраняется возможность быстрого возврата к ранее существовавшим демократическим практикам и быстрого перевода в формат действующих новых. Прежде всего, это касается института выборов. Как совер-

¹ Козн Д.Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь Мир, 2003. С. 28–29.

шенно справедливо отмечает Т. Шульман, «потемкинская деревня остается потемкинской только до той поры, пока в нее не приходят жить люди — тогда она внезапно начинает наполняться настоящей жизнью. Исследования показывают, что чем больше демократических институций гибрид сымитирует, тем выше его шансы со временем превратиться в настоящую, без эпитетов демократию»².

Выборы мэра Москвы осенью 2013 г., а также глав некоторых регионов и муниципальных образований наглядно продемонстрировали способность (при наличии доброй воли) власти и населения выстраивать отношения по демократическим правилам. При этом выяснилось, что за десятилетие отсутствия конкурентных выборов ни избираемые, ни избиратели не утратили хорошей «электоральной формы».

Во-вторых, опросы показывают, что после трехлетней политической «спячки» общество начинает просыпаться. События вокруг Крыма и Украины стимулировали рост интереса к информации о жизни страны, ближайших соседей и мира в целом, а также повысили градус политической жизни. Так, если в 2013 г. внимательно и постоянно интересовались политикой всего 20% населения, то к весне 2015 г. — уже 29%. Соответственно доля тех, кто ею не интересуется вовсе, снизилась с 38% до 29%. Большинство же, причем довольно устойчивое (40%) интересуется политикой «факультативно», от случая к случаю (табл. 7.1). Говорить о формировании долгосрочного тренда пока преждевременно, тем не менее, «стена равнодушия» большинства наших сограждан ко всему, что прости-

Таблица 7.1

**Динамика уровня интереса россиян
к политическим событиям в стране, %**

Варианты ответа	2013	2015
Внимательно следят за информацией о политических событиях в стране	20	29
Внимательно за информацией о политических событиях не следят, но изредка обсуждают их с друзьями, родственниками	40	40
Лично участвовали в течение последнего года в политической деятельности (в работе политических партий, митингах, демонстрациях, забастовках)	2	2
Политикой не интересуются	38	29

² Шульман Е. Авторитарные режимы: мутанты, бастарды, гибриды [Электронный ресурс] // Slon.ru от 03.05.2015. URL: <https://slon.ru/posts/48948> (Дата обращения: 01.06.2015).

рается за пределы их непосредственной среды обитания, начинает давать трещину.

Традиционно более внимательно следят за перипетиями политической жизни страны россияне старших возрастных групп, тогда как молодежь продолжает политикой интересоваться слабо (18% интересуются и внимательно следят). В то же время обращает на себя внимание повышающийся градус политизации в группах респондентов среднего возраста и особенно жителей двух столиц. Лишь 17% жителей Москвы и Санкт-Петербурга демонстрируют равнодушие к событиям в стране и за рубежом. Но и в российской глубинке не наблюдается отторжения от того, что происходит за пределами их собственной жизни (табл. 7.2). Это свидетельствует о том, что спад протестной активности не тождественен угасанию политической и общественной жизни в стране. Скорее, имеет место *перераспределение потоков активности как с точки зрения форм ее реализации, так и объектов, на которые она направлена*. Скажем, несистемная оппозиция, благодаря наличию в ее рядах большого количества известных писателей, музыкантов, журналистов, актеров, способна компенсировать спад уличной протестной активности организацией публичных встреч, дебатов, лекций, концертов, поддерживая тем самым интерес к актуальной для них политической повестке и деятельности оппозиции в целом.

Энергия недовольной части общества, протестовавшей три года назад на улицах российских городов, сегодня также находит свой выход в социальных сетях, форумных площадках в Интернете, в том числе вокруг некоторых СМИ. Это очень напоминает самую середину 1980-х гг., когда «идти в политику» было еще рано, но обсуждать в полупроформальной обстановке уже можно было все.

Что же касается уровня собственно политического участия, то он на сегодняшний день сравнительно невысок (около 2% принимающих личное и, что важно, деятельное участие в работе политических партий, в разнообразных политических акциях и т.п.). При этом мы должны отдавать себе отчет в том, что политическое и общественное участие для подавляющей массы населения — занятие хоть и важное, но вторичное. На первых местах для россиян традиционно находятся работа, профессиональная самореализация, поддержание достойного уровня и качества жизни. Кроме того, в отличие от советских времен, когда существовал своеобразный «государственный заказ» на общественную самодеятельность, как дополнительное, но очень существенное условие профессиональной самореализации, сегодня участие или неучастие — резуль-

Таблица 7.2

**Интерес к политическим событиям в стране представителей
различных социально-демографических групп, %**

Социальные группы	Внимательно следят за информацией о политических событиях в стране	Внимательно за информацией о политических событиях не следят, но изредка обсуждают их с друзьями, родственниками	Лично участвуют в течение последнего года в политической деятельности	Политикой не интересуются
Среди всех опрошенных	29	40	2	30
ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ				
18–30	18	37	1	43
31–40	24	43	2	32
41–50	28	45	2	25
51–60	37	39	2	23
старше 60	43	37	1	19
ТИП ПОСЕЛЕНИЯ				
Мегалополис	33	48	2	17
Областной центр	30	38	2	30
Районный центр	29	38	2	31
Поселок городского типа	25	43	1	31
Село	25	41	2	33

тат свободного выбора каждого человека. И нет ничего удивительного в том, что, когда заходит речь о конкретных формах такого участия, первую позицию занимает *голосование на выборах*, то есть самый простой и необременительный вид выражения своей политической позиции.

Кроме того, фиксируемое массовыми опросами снижение интереса к «большой политике» сопровождается, особенно в молодежной среде, латентной политизацией значительных сегментов разного рода субкультур и неформальных движений. Приметой времен также стала актуализация неполитического гражданского активизма и изменение качества этого участия. Оно становится

более осмысленным, социально мотивируемым и для многих совершенно бескорыстным. Есть ощущение, что наше общество, особенно его молодая часть, устало от разобщенности и эгоизма. Это очень важная оценка социальной диагностики, учитывая, что совсем недавно политическая и общественная деятельность, не сулившая каких-то прямых материальных или карьерных выгод, рассматривалась значительной частью населения, включая активистское «продвинутое» меньшинство, как сугубо маргинальная.

Сегодня ситуация выглядит иначе. Во всяком случае, на уровне декларируемых мотивов участия. Как видно из приводимых данных (рис. 7.1), основных побуждающих людей к социальному действию мотивов два — возможность защитить свои права и возможность общаться с людьми, разделяющими те же ценности, взгляды, убеждения (по 18%). Довольно высокое, третье место занимает идеалистический мотив «бороться за идеалы и стремиться сделать мир лучше» (12%). Для каждого девятого (11%) важным является возможность поучаствовать в конкретных делах, принести пользу. По 8% опрошенных отметили возможности личного роста и развития, которые дают гражданские практики, возможность почувствовать себя свободным и сделать более разнообразной и яркой свою жизнь. Впрочем, немало среди россиян и тех, кто включается в гражданскую активность не в силу собственных интересов, идей и стремлений, а за компанию (8%). Что же касается протестных мотивов, то ныне они не очень актуальны, стремлением выразить протест против существующей власти свою гражданскую активность объясняют 5% респондентов. Еще меньше тех, кем движет азарт политической борьбы (2%).

Следует отметить, что на этом фоне слабо актуальными выглядят мотивы, связанные с восприятием гражданской активности как сферы, в которой можно преуспеть материально, сделать карьеру. Так, только 5% опрошенных сказали, что ими движет возможность подзаработать, еще меньше (1%) рассчитывают на политическую карьеру. С одной стороны, такие данные можно интерпретировать как преобладание гражданских в своей основе мотивов социального действия, а с другой — как свидетельство того, что подавляющее большинство наших сограждан не рассматривают ни общественное, ни политическое участие в качестве «социальных лифтов», возможностей для индивидуального продвижения. Между тем, в условиях сокращающегося рынка занятости, особенно для молодежи, именно «третий сектор» мог бы стать (и отчасти становится) стартовой площадкой для реализации жизненной энергии многих ее представителей.

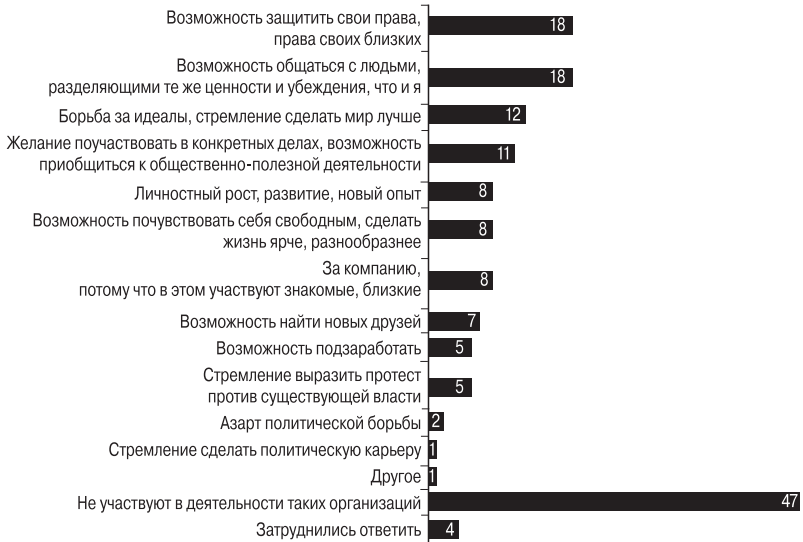

Рисунок 7.1. Мотивы участия в общественно-политической деятельности, %
(можно было выбрать не более четырех ответов)

Что же касается форм участия, в которых реализуются вышеназванные цели, то они весьма многообразны. Но в обобщенном виде они сводятся к двум типам — политические и социальные движения. Как отмечает О. Яницкий, первые так или иначе нацелены на изменение социального порядка, институциональной системы и даже смену власти. Социальные же движения скорее ориентированы на совершенствование существующего социального порядка, улучшение качества жизни, включая сохранение природы и культуры³.

Причем и те и другие все более активно задействуют современные информационные технологии и зачастую действуют в логике, альтернативной традиционным политическим институтам. Некоторые эксперты даже считают, что коммуникативный аспект демократии, связанный с бурным развитием Интернета и социальных сетей, в XXI в. будет более важен, чем институциональный. Другие же относятся к новым интернет-технологиям довольно скептически и даже настороженно, усматривая в них своеобразное проявление «нового деспотизма». Безусловно, мобилизационный

³ Яницкий О.Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый Хронограф, 2013. С. 76–77.

потенциал социальных сетей, как показали события последних лет, оказался явно переоцененным. Соответственно, эйфория по поводу «твиттер-революции» рассеялась. Но, по меньшей мере, в двух аспектах роль Интернета для российского общества оказалась чрезвычайно важной. Во-первых, он разрушил (хотя бы до некоторой степени) монополию влияния электронных медиа, индустрии развлечений и массовой культуры на умы людей и тем самым вернул вкус и интерес к публичной политике, спорам, дискуссиям, обмену мнениями значительной части населения, прежде всего городской молодежи. Во-вторых, он дал толчок многим отнюдь не виртуальным гражданским инициативам, а также позволяет «высветить» реакцию властей на многие волнующие общество проблемы.

Неслучайно среди форм общественного участия интернет-сообщества привлекают наибольшее внимание россиян (7%). Наряду с этим, 6% работают на общественных началах в органах местного самоуправления, по 4% в волонтерских и благотворительных организациях (табл. 7.3). Безусловно, это немного. Но как мы помним, на рубеже 1980-х — начала 1990-х гг. именно небольшие объединения «неформалов» дали России целую плеяду известных

Таблица 7.3

Динамика участия в деятельности каких-либо общественных организаций, объединений и сообществ, % (любое число ответов)

Варианты ответа	2014	2015
Социальные волонтерские движения (помощь пострадавшим при пожарах, наводнениях и т.п.)	4	4
Экологические организации	2	2
Профсоюзы	7	5
Благотворительные организации	2	4
Местное самоуправление, ТСЖ	4	6
Общества защиты прав потребителей	1	2
Правозащитные организации	2	1
Объединения по защите памятников культуры, архитектуры и т.п.	1	2
Интернет-сообщества	6	7
Религиозные организации	2	2
Другое	1	1
Не приходилось участвовать в перечисленных организациях, объединениях и сообществах	78	77

ныне общественных и политических деятелей. И сегодня «вторая волна неформалитета» выступает триггером многих общественных инициатив, а также своеобразной «кузницей кадров» неизбежной уже в ближайшее время ротации общественной и политической элиты России. С этой точки зрения статистические характеристики не всегда адекватно отражают интенсивность участия, значимость тех или иных организаций как для общества, так и отдельных граждан, особенно тех, на нужды которых не может или не хочет откликнуться государство.

Например, проект Soyuzpokoleniy.ru занимается помощью пожилым людям, проект Osobennyedeti.ru ориентирован на помощь и адаптацию детям, больным ДЦП, фонд «Солидарность» организует помощь тяжелобольным детям, сиротам, малоимущим семьям. Существует целая сеть организаций, занимающихся помощью бездомным животным (kotopes.info, priut-info.ru).

Успешно работали волонтерские инициативы в ходе организации помощи пострадавшим от стихийных бедствий — как, например, проект «Амур '13», участники которого организовали волонтерскую помощь пострадавшим в результате наводнения на Дальнем Востоке, или проекты gusbereza.ru, predanie.ru, участники которых оказывали помощь пострадавшим от наводнения в Крымске. Благотворительные инициативы в России многообразны и широко поддерживаются гражданами. Другой вопрос, что гражданская самоорганизация в России носит хотя и интенсивный, но несколько хаотичный характер, коллективная солидарность в России реализуется не через устойчивую сеть контактов и интеракций, а через интерес к проблеме — чем выше внимание к проблеме, тем активнее солидарность.

При этом практика показывает, что между политическим и общественным участием нет жесткого «водораздела». В последнее время заметно актуализировались «пограничные» по своей сути формы активизма — политические по объекту приложения этой активности, но самостоятельные по способам ее реализации. Например, по собственным оценкам, около 6% россиян (и практически каждый десятый молодой человек) были вовлечены в последние федеральные выборные кампании в качестве «политических волонтеров» (наблюдателей, агитаторов, сборщиков подписей). Однако и «чисто социальные» движения могут трансформироваться в политические, причем в ряде случаев в радикально политические, если не удастся в рамках законных возможностей добиться поставленных целей или «достучаться» до властей. Чаше

всего подобная трансформация характерна для движений, борющихся за гражданские и трудовые права граждан. Любопытно, что в последнее время наметилась и обратная тенденция — «социализация политических движений». Это проявляется в том, что участники многих, даже протестных, движений (например, таких как «движение за честные выборы») стремились не акцентировать особого внимания на общеполитических требованиях и манифестирования идеологической самоидентификации в надежде на то, что, с одной стороны, в их ряды вольются люди, далекие от политики, а с другой — что движение не смогут «подмять» партийные функционеры и политические активисты тех или иных партий.

Известный европейский социолог И. Крастев недавно проанализировал опыт последних политических выступлений молодежи таких разных стран, как США, Испания, Бразилия, Греция и Россия, и нашел в них некоторые общие черты. Первой из них является то, что он назвал «участие без представительства», то есть практически ни в одной из перечисленных стран в организации социального протеста не принимали участие официальные профсоюзы и партии. Вторая общая черта заключается в их идеологической гетерогенности, а третья — в том, что если не доминирующую, то очень важную роль во всех этих выступлениях играл «глобальный средний класс»⁴.

В нашей стране характер общественных преобразований также все в большей степени начинает определять новое поколение российской молодежи, которое составляет костяк городского среднего класса и которое, как показали события трехлетней давности в Москве и других городах страны, далеко не так аморфно, инертно, аполитично, как это многим представлялось ранее. «Новые горожане»⁵ или, по крайней мере, их значительная часть, с одной стороны, уже вкусили плоды «потребительской революции» и имеют довольно высокую планку жизненных притязаний,

⁴ *Крастев И.* О политике протеста в эпоху глобализации: уход, шум и нелояльность // Стенограмма онлайн-беседы с председателем правления Центра либеральных стратегий (София), научным сотрудником Института гуманитарных наук (IWM, Вена) Иваном Крастевым, проведенной 9 апреля 2015 года Школой гражданского просвещения в рамках программы *i-forum-2015*. Ведущие: Александр и Светлана Шмелевы. [Электронный ресурс] // Polit.ru от 06.05.2015. URL: <http://polit.ru/article/2015/05/06/krastev/> Дата обращения: 01.06.2015).

⁵ См., например: *Мышленникова Д., Еренко Э.* От жителя — к горожанину. Новые форматы городской гражданской культуры. Пермь. Центр ГРАНИ. 2012 [Электронный ресурс] // URL: http://nko.economy.gov.ru:81/upload/141253_Новые%20форматы%20городской%20гражданской%20культуры.pdf (Дата обращения: 01.06.2015).

а с другой — у них не так широк «горизонт возможностей», так как многие ключевые позиции в экономике и политике заняло и еще долго будет сохранять поколение 90-х, то есть те, кому сейчас 40–50 лет. Отсюда — рост внутриспоколенческой конкуренции и нарастание противоречий между идущими друг за другом поколением 90-х и «нулевыми».

В настоящее время даже выходцы из относительно благополучных семей сталкиваются с целым рядом проблем и угроз, вызывающих у них серьезные опасения. Это, прежде всего, трудности самореализации, такие как получение хорошего образования, занятость, карьерный рост. Исследования показывают некоторое снижение доли молодых людей, уверенных в том, что в жизни многого можно добиться, опираясь на собственные способности, добросовестность, знания. Соответственно, с определенной долей уверенности можно прогнозировать осознание значительной частью «нового среднего класса» необходимости участия и в политической жизни, и в социальном переустройстве общества на основаниях более справедливых, чем имеет место сегодня.

Во всяком случае, уже сейчас интерес к социальному участию значительной части российской молодежи и респондентов с уровнем доходов выше среднего выражен довольно определенно. По большинству показателей востребованность различных ее форм респондентами в возрасте 18–30 лет несколько превышает показатели других возрастных групп. 16% представителей этой группы заявили о своем участии в интернет-сообществах, 7% — в деятельности волонтерских движений, по 4% — в экологических и благотворительных организациях. Та же тенденция прослеживается и в группах респондентов с разным уровнем образования и материального положения — чем он выше, тем чаще они включены в разнообразные сети социального взаимодействия (табл. 7.4). Это важно, учитывая, что еще десять — пятнадцать лет назад наивысший уровень включенности демонстрировало старшее поколение россиян.

Таким образом, «демократия участия», даже на фоне сужения пространства публичной политики, может (при определенных условиях) в ближайшем будущем стать важным элементом общественно-политической системы нашей страны. Совершенно очевидно, что ее функционирование невозможно лишь в сфере публичной политики, особенно на фоне ограниченности возможностей властей разного уровня (кадровых, финансовых) в решении актуальных для населения социально-экономических проблем, в особенности на местах. Создание отвечающего интересам боль-

Таблица 7.4

**Уровень активности представителей различных возрастных групп
в деятельности общественных организаций, объединений и сообществ, %
(любое число ответов)**

Варианты ответа	Среди всех опрошенных	Возрастные группы, лет				
		18–30	31–40	41–50	51–60	старше 60
Социальные волонтерские движения (помощь пострадавшим при пожарах, наводнениях)	4	7	4	4	2	1
Экологические организации	2	4	2	2	2	2
Профсоюзы	5	6	5	6	5	2
Благотворительные организации	3	4	4	4	4	1
Местное самоуправление, ТСЖ	6	3	5	7	7	9
Общества защиты прав потребителей	1	2	1	1	1	3
Правозащитные организации	1	1	1	1	1	1
Объединения по защите памятников культуры, архитектуры и т.п.	2	3	2	1	1	1
Интернет-сообщества	7	16	8	4	3	1
Религиозные организации	2	2	2	2	2	2
Другое (отряды самообороны, спортивные объединения)	1	1	1	0		1
Не пришлось участвовать в перечисленных организациях, объединениях и сообществах	77	70	76	78	81	84

шинства граждан подлинно демократического порядка в стране может стать результатом только «общественно-государственного партнерства». Соответственно ключевым аспектом современной демократической «повестки дня» становится проблема структурирования гражданского общества таким образом, чтобы оно могло влиять на государство, на равных взаимодействовать с ним.

В ее решении наметилось два принципиально разных подхода. Первый концепт, продвигаемый в основном исследователями из академической среды, предполагает своеобразную конвергенцию государства и гражданского общества, в том числе путем инкорпорирования гражданских институтов во властные структуры, прежде всего на местном уровне⁶. Примерно об этом же говорит

⁶ См.: *Никовская Л., Якимец В., Молокова М.* Гражданские инициативы и модернизация России. 2011. М.: Ключ-С, С. 51.

член Общественной палаты И. Дискин, анализируя перспективы достижения «нового социального контракта», т.е. установление системы правил, которыми руководствуются каждая из сторон⁷.

Второй подход прямо противоположен первому и предусматривает выстраивание альтернативных государству институтов и структур, т.е., по сути, формирование своеобразного «гражданского общества – 2». Данный подход, безусловно, любопытен, но практически не реализуем, поскольку социальное участие не может осуществляться в «безвоздушном пространстве», исключительно на общественных началах. Рано или поздно оно потребует подключения финансовых и административных ресурсов, а следовательно, и контактов с властью.

Особенность нынешней ситуации состоит в том, что власть отнюдь не против делегировать решение многих жизненно важных, прежде всего, социальных проблем институтам гражданского общества, что позволит «разгрузить» многие государственные органы, решить проблему кадрового голода на уровне местного самоуправления и, что немаловажно, преодолеть существующие в обществе патерналистские настроения. С этой точки зрения, интерес представляет мнение самих россиян о приоритетных направлениях «общественно-государственного партнерства». К сферам и областям жизни, где без усилий самих граждан решить волнующие их проблемы затруднительно, респонденты отнесли практически всю социальную сферу (здравоохранение, образование, активная старость, адаптация социально уязвимых групп населения). В данном случае речь, конечно, идет не столько о партнерстве, сколько о фиксации того очевидного факта, что в указанных сферах рассчитывать на поддержку государства не всегда возможно и надо как-то «крутиться» самим. Но довольно большое число респондентов выделили сферы, выходящие за рамки частных интересов, имеющие общезначимый характер. 43% отметили важность активного участия граждан в защите окружающей среды, 41% – прав человека, 38% – в благотворительной деятельности. Неожиданно высокий процент (30%) получила опция «диалог между поколениями», что, по всей видимости, связано с пониманием того, что традиционные институты ретрансляции опыта поколений (школа, семья, медиа) с этой задачей не справляются и, соответственно, могут и должны быть дополнены граждански-

⁷ Дискин И. Что впереди? Россия, которая (все еще) возможна. М.: РОССПЭН, 2014. С. 240–245.

ми институтами, лидерами общественного мнения, новыми формами коммуникации и т.д. (рис. 7.2).

Здесь чрезвычайно важным представляется не только включенность граждан в решение тех или иных общезначимых проблем, но и то, что в ряде случаев восстанавливаются разрушенные ранее управленческие структуры, а иногда и сама ткань деформированной повседневной жизни. Известный исследователь массовых движений О. Яницкий иллюстрирует эту тенденцию примером первого опыта общественной консолидации, произошедшей в ходе борьбы с гигантскими пожарами 2010 г., когда в условиях фактически повсеместной ликвидации института охраны природы гражданскому обществу удалось до некоторой степени заместить государственные природоохранные службы, восстановить прежние связи и даже создать принципиально новые⁸. Общественный энтузиазм имеет, однако, и оборотную сторону, прикрывая в ряде случаев разгильдяйство и безответственность властей разного уровня.

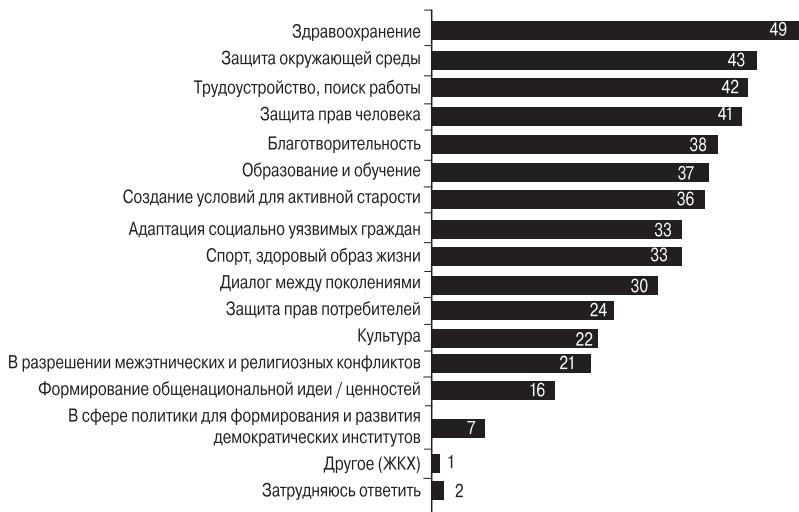

Рисунок 7.2. Мнение россиян о том, в каких сферах и областях жизни необходимо активное участие граждан для решения важных для общества проблем, 2014, % (любое число ответов)

⁸ Яницкий О.Н. Мобилизационный потенциал гражданского общества // Мир России. 2011. № 2. С. 114.

Есть ряд сфер, в которых участие граждан оценивается респондентами как менее целесообразное. Это такие сферы, как культура, разрешение межнациональных и религиозных конфликтов, формирование ценностей, политика и развитие демократических институтов. Данная позиция, по всей видимости, обусловлена пониманием того, что есть сферы, где «живое творчество масс» при всем желании не может и не должно заменять собой профессионалов и работающие государственные институты.

Если сравнить зоны общественного внимания, которые считают важными россияне и жители Европейского союза (табл. 7.5), то обнаруживается как ряд совпадений, так и заметные различия. Совпадения в основном касаются нижней части предложенного списка приоритетов. А вот в первой части есть определенные несовпадения. Так, респонденты ЕС полагают, что главной сферой при-

Таблица 7.5

Иерархия приоритетов общественного участия респондентов России и стран ЕС*

Россия	Сферы приоритетного общественного участия	Европейский союз
1	Здравоохранение	2
2	Защита окружающей среды	4
3	Трудоустройство, поиск работы	8
4	Защита прав человека	6
5	Благотворительность	1
6	Образование и обучение	3
7	Создание условий для активной старости	7
8	Адаптация социально уязвимых граждан	5
9	Спорт, здоровый образ жизни	9
10	Диалог между поколениями	11
11	Защита прав потребителей	13
12	Культура	10
13	В разрешении межэтнических и религиозных конфликтов	12
14	Формирование общенациональной (общеевропейской) идеи	15
15	В сфере политики для формирования и развития демократических институтов	14

Примечание: * Исследование «European Parliament Special Eurobarometer 75.2», 13.04–2.05.2011 г. Поскольку выборки двух исследований существенно различны, приводим лишь ранжирование приоритетов респондентов России и ЕС.

ложения усилий гражданского общества является исключительно социальная сфера — благотворительность, здравоохранение, образование, защита окружающей среды, адаптация социально уязвимых групп населения. Для россиян помимо того же здравоохранения, экологии, благотворительности важным представляется также включенность общественности в решение проблем трудоустройства и защиты прав человека. Здесь, видимо, сказывается стремление сформировать государственно-общественные механизмы защиты гражданских и трудовых прав прежде всего от чиновничьего произвола и произвола многих работодателей.

Понятно, что россияне не претендуют на многое. Речь, по сути, идет о формировании каналов прямой и обратной связи потребителей общественных благ с их производителями и «поставщиками». Скажем, начавшаяся широким фронтом «оптимизация» всего, что имеет какое-либо отношение к интеллектуальной деятельности и образованию — Российской академии наук, высшей школы, среднего и дошкольного образования беспокоит многих, если не всех граждан страны. Однако как-то «достучаться» до властей, повлиять на осуществляемые реформы до последнего времени не получалось не только у многочисленных обычных «пользователей» данных услуг, но и специалистов, занятых в этих сферах.

Безусловно, конструктивное взаимодействие государственных органов и общественных институтов возможно только на основе, во-первых, такого раздела сфер влияния, который устраивал бы и тех и других, позволяя всем заниматься своим делом и, во-вторых, с более активным, чем это имеет место сейчас, использованием тех институтов, которые по своему функциональному назначению именно на такое взаимодействие нацелены. Имеются в виду органы местного самоуправления, поскольку организация публично-политической власти по принципу самоуправления предполагает участие граждан в управлении делами соответствующих локальных сообществ⁹.

⁹ В отечественной литературе также часто используются аналогичные термину «локальное сообщество» понятия «местное сообщество», «территориальный коллектив», «территориальный публичный коллектив».

Глава 8. Самоуправление без самоорганизации: что важнее — форма или содержание?

Один из самых известных американских философов XX в. Дж. Дьюи в свое время отмечал, что «демократия — это нечто большее, чем форма правления; в первую очередь это способ ассоциативной жизни, коммуникативно закрепленный общий опыт»¹. Именно на уровне местных сообществ наиболее сильно проявляется взаимосвязь и взаимовлияние политического и общественного участия. При этом первая из них более формализована и нормирована, в то время как вторая допускает более широкое использование неформальных, самоорганизующихся практик. Но это в идеале. В действительности ситуация выглядит несколько иначе. Прежде всего, бросается в глаза очевидное несоответствие между огромным числом организационных структур, формально действующих от имени и в интересах локальных сообществ², и их сравнительно небольшим общественным активом, а также скромным уровнем социального одобрения и поддержки. Принято считать, что в любом демократически организованном обществе чем ближе уровень публичной власти к гражданам, тем больше степень их непосредственного участия в соответствующих политических процессах и процедурах, тем теснее, доверительнее взаимоотношения между обществом и властью. В России, как показывают исследования, ситуация все последние годы была и остается иной. Наша страна

¹ *Dewey J. Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education.* N.Y. 1966, P. 87.

² Согласно информационно-аналитическому материалу, подготовленному Министерством регионального развития Российской Федерации к парламентским слушаниям на тему «Вопросы совершенствования системы организации местного самоуправления в Российской Федерации», прошедших 14.04.2014 г., по состоянию на 1 января 2014 года «в органах местного самоуправления занято около 720 тыс. человек, из них 242 тыс. — депутаты представительных органов муниципальных образований и 478 тыс. — работники органов местного самоуправления, среди которых 336 тыс. — это муниципальные служащие».

в этом плане напоминает перевернутую пирамиду — каждый нижестоящий управленческий уровень уступает вышестоящему в степени поддержки гражданами. Причин указанной дифференциации оценок множество, они достаточно подробно проанализированы в литературе, отметим лишь, что показатель «доверия» фиксирует в основном сложившиеся в общественном сознании представления об иерархии властных уровней, о наличии (или отсутствии) у них как «символического капитала», так и реальных ресурсов для решения актуальных для населения проблем.

Данные исследований отчетливо свидетельствуют о том, что, несмотря на определенные успехи в формировании публичной власти на местном уровне, достигнутые в первые несколько лет после вступления в силу Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 131-ФЗ), в стране продолжается многолетний кризис муниципального развития. На это, в частности, указывают такие факторы, как ограниченность и нерегулярность участия граждан в решении вопросов местного значения, носящая скорее характер самодеятельности, чем самоуправления; абсентеизм значительной части населения к процессам муниципальной публичной политики, отсутствие паттернов трансформации культурных и гражданских инициатив в инициативы политические.

Между тем, действующее российское законодательство не испытывает недостатка в правовых механизмах, позволяющих гражданам участвовать в местном самоуправлении. Федеральный закон № 131-ФЗ предусматривает как формы прямого непосредственного осуществления населением местного самоуправления, так и формы совместного с муниципальными властями участия в решении волнующих граждан проблем. К первым относятся местный референдум, муниципальные выборы, сходы граждан, отзыв депутата, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, а ко вторым — правотворческая инициатива граждан, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, собрание граждан, конференция граждан (собрание делегатов), опрос граждан и обращения граждан в органы местного самоуправления.

Закрепление в законодательстве вышеперечисленных форм участия является важной гарантией прав и свобод граждан и корреспондируется с конституционной нормой, предусматривающей, что местное самоуправление осуществляется, прежде всего, в фор-

мах прямого волеизъявления и уже во вторую очередь через выборные и другие органы местного самоуправления. Однако в реальности современным российским обществом легальные формы участия в местном самоуправлении востребованы крайне мало. Если соответствующие практики и существуют, то реализуются они в основном по инициативе местных органов власти и только в тех случаях, когда обращение к ним прямо предусмотрено законом. К числу таких обязательных «демократических процедур» относятся местные выборы, референдумы, голосования по вопросам изменения границ муниципального образования или преобразования муниципального образования, сходы граждан и публичные слушания. Случаи когда «простые люди» используют инициативные формы участия, например, правотворческую инициативу или отзыв депутата для отстаивания своих интересов при решении вопросов местного значения, по-прежнему являются редкостью.

Например, судя по статистике Центральной избирательной комиссии Российской Федерации³, в 2014 г. местные референдумы проводились, за единственным исключением, только в тех ситуациях, когда это прямо было предусмотрено законодательством. На 236 из 246 прошедших местных референдумов принимались решения о введении или использовании средств самообложения граждан, которые в соответствии с частью 2 статьи 56 Федерального закона № 131-ФЗ не могли быть приняты иным способом. Еще девять референдумов было проведено по вопросу преобразования муниципальных образований, для которых также требуется учет мнения жителей. Единственный местный референдум, организованный не для формального выполнения закона, а для реального объединения жителей вокруг значимой для муниципального образования проблемы, состоялся в Рахьинском городском поселении Ленинградской области и был посвящен вопросу закрытия полигона твердых бытовых отходов. Однако и в этом случае *инициатором волеизъявления стали не сами граждане, а органы местного самоуправления соответствующего муниципального образования.*

Поэтому сегодня со всей определенностью можно констатировать, что в России сложилась весьма своеобразная система, которую можно охарактеризовать как «*самоуправление без самоорганизации*». Объяснения такого положения дел всегда примерно одни и те же, и сводятся к констатации нарастающей «олигархизации» власти

³ См.: Официальный сайт ЦИК РФ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom> (Дата обращения: 26.04.2015)

на местах, ее замыкании на реализации интересов местных элит, а не граждан. Например, А.Е. Чирикова, В.Г. Ледяева и Д.Г. Сельцер, исходя из материалов качественного эмпирического исследования, проведенного ими в двух небольших городах Пермского края, пришли к выводу о том, что сложившаяся в настоящее время в российской провинции система локальной власти позволяет ее субъектам ориентироваться не только на достижение общественно значимых целей, но и успешно реализовывать свои персональные и/или корпоративные интересы. Причем последний мотив является едва ли не наиболее распространенным в пространстве муниципальной политики, где имеется широкий диапазон возможностей использования служебного положения и/или связей с носителями публичной власти для личного обогащения⁴. Следствием подобного положения вещей является нарастающее отчуждение местных властей от граждан. Согласно данным опроса ИС РАН «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия», проведенного в январе 2014 г., подавляющее большинство россиян, причем в совершенно разных типах поселений, в диапазоне от 75% до 85% соглашались с тем, что, что в их регионе, городе, поселке население не способно влиять на решения, принимаемые властью по важным для них проблемам (см. рис. 8.1).

Однако это только одна сторона дела, причем достаточно очевидная и многократно описанная⁵. Гораздо реже исследователи задаются вопросом о том, есть ли у самих граждан потребность

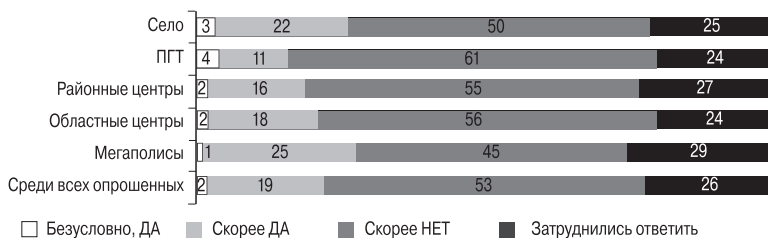

Рисунок 8.1. **Представления россиян о том, могут ли граждане в регионе, городе, поселке влиять на решения местной власти по поводу важных для них проблем, % (один ответ)**

⁴ См.: Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. 2014. № 2 (140). С. 103–104.

⁵ Например, выводы об элитистском характере городской власти делались еще представителями так называемой «чикагской школы» на материалах исследований, проводившихся в 30–40-х гг. XX века в малых американских городках.

в участии в том, что называется «местным самоуправлением»? Насколько их интересует и волнует то, что происходит в среде их непосредственного обитания. Обладают ли они достаточной информацией о «проблемных зонах» своих территорий в ситуации, когда даже местные электронные медиа в основном «заточены» на федеральную «повестку дня»? Исследования демонстрируют довольно противоречивую картину. С одной стороны, интерес россиян к жизни локальных сообществ чрезвычайно высок. Так, 45% опрошенных регулярно, а еще 47% время от времени обсуждают события местной жизни (в своем городе, селе, районе) с друзьями, родственниками, и в этом смысле местная проблематика несколько не уступает в степени востребованности событиям регионального и федерального масштаба (табл. 8.2).

Интерес к обсуждению локальной повестки дня в целом почти не зависит от типа населенного пункта. Единственным исключением являются мегаполисы, в которых она заметно меньше,

Таблица 8.2

Уровень интереса к обсуждению с друзьями, родственниками событий, происходящих в стране, в вашем регионе, муниципальном образовании (городе, селе, районе), % (один ответ)

Варианты ответа	Среди всех опрошенных	Тип населенного пункта				
		мега-полисы	областные центры	районные центры	ПГТ	село
СОБЫТИЯ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В СТРАНЕ						
Обсуждаю часто	44	38	48	46	35	43
Обсуждаю время от времени	48	56	47	46	58	48
Не обсуждаю	8	6	5	8	7	9
СОБЫТИЯ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В ВАШЕМ РЕГИОНЕ						
Обсуждаю часто	40	32	41	41	29	42
Обсуждаю время от времени	52	58	52	50	63	49
Не обсуждаю	8	10	7	9	8	9
СОБЫТИЯ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В ВАШЕМ МУНИЦИПАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ (городе, селе, районе)						
Обсуждаю часто	45	36	43	47	40	49
Обсуждаю время от времени	47	50	49	45	52	43
Не обсуждаю	8	14	8	8	8	8

чем среди всех опрошенных. В них, как уже отмечалось выше, на городском уровне активно действуют и создают информационные поводы не только местные, но и федеральные власти. Кроме того, в Москве и Санкт-Петербурге муниципалитеты, как самостоятельные субъекты городской публичной политики, вообще мало известны простым жителям, т.к. управлением городским хозяйством в столицах занимаются органы государственной власти.

С другой стороны, уровень реальной включенности граждан в деятельность органов местного самоуправления по-прежнему низок. Как уже отмечалось, лишь около 6% опрошенных россиян заявили об опыте подобного участия. Отчасти это объясняется конфликтным, в большинстве случаев, характером взаимоотношений местных властей и их контрагентов по самоуправлению из числа заинтересованных граждан. Отсюда избыточная регламентация форм гражданского участия, сложные процедуры, малейшее отклонение от которой дает власти возможность отменить результаты волеизъявления граждан, с одной стороны, а с другой — консультативный, необязательный характер большинства имеющихся практик, безусловно, демотивирует многих граждан, даже потенциально готовых к такому участию⁶.

Налицо парадокс: «местное самоуправление» зачастую выступает антагонистом самого себя, когда не только общество не доверяет местной власти, но местная власть не доверяет обществу. Опыт общения с муниципальными руководителями показывает, что у многих из них существует уверенность в том, что подлинная открытость вредна для дела, а большинство активистов являются «городскими сумасшедшими» или ортодоксальными оппозиционерами. Из этого следует априорный вывод о невозможности конструктивного диалога и сотрудничества с ними.

Не в этом ли кроется причина многочисленных неудачных попыток обеспечения участия населения в решении вопросов местного значения? Если к этому прибавить, что на протяжении уже практически 20 лет не удается добиться существенных успехов в решении таких ключевых проблем, как определение предметов ведения органов местного самоуправления и эффективных механизмов их разграничения с предметами ведения других уровней публичной политической системы, обеспечение сбалансирован-

⁶ См. подробнее: *Маркварт Э., Савранская О.Л., Шугрина Е.С., Кокин И.А.* Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Совершенствование форм и механизмов участия жителей в местном самоуправлении». М.: РАНХиГС при Президенте РФ, 2015. С. 124–125.

ности доходов и расходов бюджетов муниципальных образований, то возникает вопрос о целесообразности (во всяком случае, начиная с некоторого уровня) существования такого, безусловно, демократичного по своей интенции, но совершенно недееспособного в наших реалиях института.

Может быть, стоит в этом слове убрать первые четыре буквы, как многое встанет на свои места? Например, в Москве нет *de facto* местного самоуправления, тем не менее, граждане постоянно взаимодействуют с городскими властями и на уровне префектур, и на уровне правительства Москвы, влияя на принимаемые ими решения, а в тех случаях, когда их требования игнорируются, находят легальные возможности оказывать давление на власти.

С этой точки зрения трудно не согласиться с позицией С.Г. Соловьева, который отметил, что «исследовав разнообразные источники, составляющие российскую муниципальную теорию и множественную практику построения российского местного самоуправления последних 20 лет, можно с достаточной степенью вероятности предположить, что этой основной причиной разнообразных проблем, возникающих в современной системе местного самоуправления, является ее конституционное отделение от системы государственной власти»⁷. Исходя из этого вывода, он предлагает привести в соответствие с требованиями здравого смысла нормативные положения о местном самоуправлении⁸.

Так или иначе, более чем двадцатилетний не очень удачный опыт функционирования системы местного самоуправления показывает, что реализация интересов населения требует не столько формальных процедур, сколько разнообразных каналов, технологий и форм взаимодействия самых разных субъектов социального действия. Речь идет, во-первых, о создании правовых условий для реального включения людей в процесс управления муниципальными образованиями (например, предоставление гражданам возможности влиять на формирование местного бюджета посредством использования механизма партиципаторного бюджетирования⁹), во-вторых — обеспечение императивности решений, прини-

⁷ Соловьев С.Г. Местное самоуправление и государственная власть: от конституционного разделения к объединению (по мотивам послания президента Российской Федерации) // Вопросы правоведения. 2014. № 1 (23). С. 43.

⁸ Там же. С. 45.

⁹ Подробнее см.: В России тестируют партиципаторное бюджетирование // ИА Regnum. 31.10.2013 URL: <http://www.regnum.ru/news/1726739.html> (Дата обращения: 17.04.2015).

маемых жителями посредством механизмов прямой демократии, в-третьих — урегулирование в законодательстве особенностей группового участия в местном самоуправлении. Как справедливо отмечает один из отцов-основателей российского законодательства о местном самоуправлении В.И. Васильев: «видимо, для того, чтобы формы прямой демократии стали действенными, надо не просто определять возможность их применения, но и расширять перечень дел, при решении которых они должны обязательно использоваться»¹⁰.

Отдельного упоминания требует вопрос о сообществах. Участие в самоуправлении может быть индивидуальным, но чаще всего это групповое действие. Персонально гражданин может обратиться с петицией к органам власти, однако для того, чтобы добиться значимых результатов, необходимы согласованные усилия групп людей, объединенных общими интересами. В случае с самоуправлением такой интерес связан с заинтересованностью в благоустройстве и развитии общей для них территории проживания. Группы жителей, которые также в литературе часто называются местными или территориальными сообществами¹¹, внутри территориального публичного коллектива, по мнению многих исследователей, являются необходимым условием местной демократии и самоуправления¹².

К сожалению, для современной России характерен относительно невысокий уровень ассоциативной активности и социальной кооперации вокруг проблем местного значения. Во многом это связано с тем, что действующее федеральное законодательство не учитывает и не нормирует особенности индивидуального и группового участия в местном самоуправлении. Федеральный закон № 131-ФЗ при регулировании форм местной демократии оперирует такими терминами, как «население» и «граждане», которые по своей этимологии хоть и предполагают групповое участие, но

¹⁰ *Васильев В.И.* Местное самоуправление: закон первый // Местное право. 2015. № 1. С. 5.

¹¹ Например, см.: *Бабичев И.В.* Муниципальное право: системно-структурный анализ юридических конструкций. М.: Инфра-М, 2010; *Ледяев В. Г.* Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.

¹² Например, см.: *Де Токвиль А.* Демократия в Америке. Книга вторая (электронный ресурс). URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Tokville_Democracy_2.pdf (Дата обращения: 30.06.2015); *Dewey J.* Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education. N.Y., 1966. P. 87.; *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

при этом задают неверные смысловые конструкции. Как отмечает А.Е. Балобанов, «население» является счетным термином, в основу которого положена принадлежность совокупности людей к определенной ограниченной территории¹³. В свою очередь, термин «граждане» указывает на совокупность людей, имеющих максимальный набор прав и свобод, обусловленный их принадлежностью к соответствующему государству (граждане). В указанном Законе оба эти термина используются как синонимы конституционному термину «народ» и подразумевают генеральную совокупность людей, проживающих на территории определенного публично-территориального образования и являющихся в его границах источником власти. Исходя из данной трактовки, использование в законодательстве терминов «население» и «граждане» уместно в случае регулирования таких форм прямой демократии, как местные выборы и референдумы, в результате которых принимаются общеобязательные решения от имени всего публично-территориального образования. Однако самоуправление не может быть сведено лишь к выборам и референдумам. Поэтому законодательство должно предоставлять и гарантировать не только электоральные формы участия в решении вопросов местного значения, но возможности для инициативной активности отдельных граждан и их объединений (сообществ).

Удачной, как показывает практика, организационной формой ассоциативной активности, канализации общественных инициатив является территориальное общественное самоуправление, которое, во-первых, лишено налета политизации и формализации, присущего местному самоуправлению, во-вторых – располагается в «шаговой доступности» и сфокусировано на создании наиболее благоприятных условий для объединения усилий (физических или материально-финансовых) жителей для благоустройства совместно используемых публичных пространств (дворов, игровых площадок, междомовых проездов, скверов, парков и т.д.). Не являясь уровнем публичной власти, они, тем не менее, в ходе реализации общих интересов жителей определенной территории, могут вступать в самые разные взаимодействия, в том числе и с органами власти. То, что у этой формы самоорганизации есть определенный потенциал роста, свидетельствуют и результаты исследования. Так, согласно данным опроса «Гражданский активизм: новые субъекты

¹³ См.: Балобанов А. Е. К пониманию местного самоуправления // Городское управление. № 9. 2010. С. 42.

общественно-политического действия» (табл. 8.3), 50% респондентов допускают возможность участия в публичных слушаниях по вопросу размещения новых объектов капитального строительства, но при этом реальный опыт участия в подобного рода мероприятиях есть только у 7% опрошенных. В инициативные группы граждан по сбору подписей в поддержку или против какого-либо нововведения, строительства потенциально могли бы войти 42%, но на практике в них участвовали опять же только 7% респондентов. В добровольных дружинах по охране общественного порядка, судя по данным исследования, состоят или состояли 5% россиян, а готовы вступить в их ряды 34%. Наиболее же близки по уровню реального и потенциального участия такие формы активности, как субботник по благоустройству двора (48% и 33% соответственно), а также собрания собственников жилья в многоквартирном доме, членов ТСЖ, членов дачного кооператива и т.д. (26% и 38%)¹⁴.

Таблица 8.3

Уровень реального участия и потенциальной готовности россиян в решении проблем по месту жительства, %
(один ответ по каждой позиции)

Варианты ответа	Уже принимали участие	Не принимали участия, но готовы	Не готовы принять участие
В работе собраний собственников жилья в многоквартирном доме, членов ТСЖ, членов дачного кооператива и т.д.	26	38	36
В субботнике по благоустройству двора Вашего дома	49	33	18
В публичных слушаниях по вопросу размещения в Вашем населенном пункте / районе крупного города новых объектов капитального строительства	7	50	43
В деятельности добровольной дружины по охране общественного порядка	5	34	61
В инициативной группе граждан по сбору подписей за или против какого-либо нововведения, строительства и т.п.	8	42	50
В работе представительного органа муниципального образования	4	34	62

¹⁴ Подробнее о результатах опроса см.: *Петухов Р. В.* Локальные сообщества и гражданский активизм // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 4 (122). С. 61–62, 25; *Петухов В. В., Бараш Р. Э., Седова Н. Н., Петухов Р. В.* Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 11–19.

Также весьма перспективными представляются общественные формирования, которые не пытаются дублировать государственные органы, а с учетом своих возможностей оказывают давление на государственные органы, «принуждая» их выполнять вмененные им обязанности. Речь идет, прежде всего, о многочисленных «движениях одного требования»: «синих ведерках», обманутых пайщиках и дольщиках жилищных пирамид, экологах, защитниках архитектурного наследия и т.п. Такого рода движения открывают путь в политику, в том числе и муниципальную, новым субъектам, предлагают для обсуждения новые проблемы и ценности.

При этом следует иметь в виду, что в ходе реализации многочисленных гражданских практик в рамках местных сообществ могут расходиться интересы не только властных органов и населения, но и интересы разных групп граждан. Скажем, автомобилистов, которые заинтересованы в строительстве паркинга возле своего дома, и родителей, которым в этом же месте нужна детская площадка или сквер. И таких примеров тысячи. Поэтому чрезвычайно важным направлением совершенствования правового регулирования участия в местном самоуправлении должно стать закрепление процедур, обеспечивающих бесконфликтную конкуренцию несовпадающих интересов различных групп (сообществ) жителей. «Ручное» согласование таких потребностей, практикуемое во многих российских муниципальных образованиях, является более-менее эффективным только в условиях низкого уровня общественной активности. В случае роста заинтересованности граждан в систематическом участии в управлении муниципалитетом процесс соотнесения интересов разных групп (сообществ) жителей должен получить свою правовую регламентацию, что позволит, с одной стороны, избежать социальных конфликтов, а с другой стороны – создаст конкурентную среду, способствующую повышению качества гражданского участия.

Раздел третий

ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕГРАЦИИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ ВРЕМЕНИ

Глава 9. Гражданская и этническая идентичность россиян: совместимость или противостояние

Россия не единственная страна в мире, где люди говорят на разных языках, имеют разные оттенки кожи и исповедуют разные религии. И везде единство многообразия этнического, социального, культурного и конфессионального признается ценностью общества, целью государства и интересом всех граждан во имя мирной, созидательной жизни. В книге первой задуманного серийного издания «Российское общество и вызовы времени» в поле внимания была идентичность русских в связи с рассмотрением «Русского мира» в контексте событий на Украине¹. В данном разделе книги второй в центре внимания — реализация Стратегии государственной национальной политики в двух основных направлениях — формирование общероссийской гражданской идентичности, ее совместимость с этнической идентичностью граждан и обеспечение межнационального согласия. В полиэтнических государствах в сфере межнациональных отношений находит также отражение и экономическое состояние общества, обеспечение равенства возможностей в благосостоянии и социальном продвижении, которое влияет на удовлетворенность жизнью граждан разных национальностей, и политическое состояние государства, поскольку единство общества в его представлениях на цели развития, оптимальное для страны государственное устройство, федеративные отношения проецируется на сферу отношений людей разных национальностей.

¹ См.: Российское общество и вызовы времени. Книга первая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2015.

Проявлением интегрированности полиэтнического пространства является идентификация граждан с обществом, страной, государством. С анализа ее и целесообразно начать рассмотрение того, как декларированные направления политики власти находят отражение в массовом сознании россиян.

Характер идентичности — ее позитивная или негативная направленность, интенсивность, актуализация и сила социально-психологической сопряженности, образно говоря, «сила чувствования», ощущение общности — важные показатели состояния общества. Неслучайно растет число научных исследований в мире и в нашей стране, посвященных национальному самосознанию, национальной идентичности², издаются специальные журналы (международный журнал «National Identities» — национальные идентичности и др.). Феномен национальной идентичности, используемый в международном пространстве чаще в значении гражданской идентичности политической нации, изучается разными научными дисциплинами. Одними из первых о необходимости понимания термина нации не только в этнокультурном значении, традиционно используемом в российской науке, но и в политическом стали писать этнополитологи. Они акцентируют внимание на отличии национального самосознания от этнического на историческом наследии российской идентичности и ее смыслах, политических и культурных компонентах³. Политологи, рассматривая идентичность гражданской нации, фокусируют внимание на конструировании идентичности государством и «группами интересов» (И.С. Семенов), на осмыслении единого политического пространства, коллектива (П.В. Панов), разделенного на иерархически выстроенные аскриптивные (приписываемые) группы с общими представлениями картины мира по Брубейкеру, изучают многообразие форм коллективных идентичностей, стратегии нациестроительства в современном мире⁴.

Психологи идентичность понимают главным образом как самоотождествление, концентрируя внимание на ее формировании за счет сопоставлений мы—они: «Наша общая судьба другим быть словно зеркала».

Социологи одними из первых в отечественной науке начали изучать гражданскую идентичность на конкретном представительном эмпирическом материале (М.К. Горшков, Е.Н. Данилова,

² Только в России этой теме посвящено более сотни книг.

³ Тишков В.А. Российский народ. М.: Наука. 2013. Введение, гл. 1, 2.

⁴ Идентичность как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО РАН, 2011.

Л.М. Дробижева, А.Г. Здравомыслов, Н.Е. Тихонова, В.А. Ядов и др.). Ими велось изучение и того, «кто мы», и того, «какие мы»⁵. В поле их зрения — степень ассоциированности социальных и этнических групп с представлением, образом «мы — граждане России», интенсивность, степень ощущения связи с ним, представления, ассоциированные с этим образом, факторы, влияющие на характер общенациональной идентичности.

Естественно, жесткого междисциплинарного различия в изучении нет, при широком раскрытии идентичности — «какие мы» и при более «конкретном» — «кто мы» — исследователи опираются на работы Э. Эриксона, который понимал идентичность как «самотождествление», имеющее социально-культурную основу и обращающая внимание на связь идентичности с идеологией. Используют исследователи и выводы Г. Тэжфела и Дж. Тернера о категоризации в социальных восприятиях человека, концепцию Д.Г. Мида о формировании идентичности в процессе взаимодействия с другими.

Но трактовки гражданской идентичности различаются. Для политологов (П.В. Панов) — это «интерпретация индивидом социальной реальности», «общность коллективных представлений о мире», включая «образ этой группы, как того самого микроколлектива, в рамках которого мир приобретает целостность и понятность... идентификации себя с этим коллективом оказывается политическим»⁶.

Некоторые исследователи придают особое значение лояльности власти. Например, А.И. Миллер пишет о нации, т.е. практически об объекте ассоциации в идентичности, что это «прежде всего способ легитимации власти»⁷.

Для В.А. Тишкова национальная идентичность — «один из видов групповой идентичности, по принадлежности к нации» (в значении государственно-территориальной, политико-правовой общности) на основе «политических, историко-культурных и морально-правовых характеристик»⁸. Это общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе, как чувство принадлежности к ним. Особенно выделяется им, что это общность «по отношению к государству», «признание государства своим».

⁵ Российская идентичность в условиях трансформаций / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Наука, 2005.

⁶ Идентичность как предмет политического анализа. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 117.

⁷ Миллер А.И. Тема нации в российской политике последних лет // Два президентских срока В.В. Путина: динамика перемен. М., 2008. С. 320.

⁸ Тишков В.А. Указ. соч. С. 64, 66, 67, 105, 106.

Этнополитологи с 1990-х гг. постоянно пытались закрепить понятие национальной идентичности только за политической нацией, именуя идентичность этнокультурной общности (русских, белорусов, татар, чувашей, чеченцев и других российских народов) этнической идентичностью. В доктринальное пространство, в дискурс власти и политических элит вошел термин «российская нация», «гражданская идентичность», «мы – российская нация». У подобной трактовки есть немало сторонников среди ученых, особенно тех, кто занимался изучением стран мира. Наряду с этим термином использовали понятие «этнос», «народ». Но «народ» также используется в двойном значении: и как этническая общность, и как граждане страны.

Традиции оказались сильными, главным все же стала такая реальность, которая проявлялась в том, что русские, татары, чеченцы, тувинцы, осетины и другие не переставали воспринимать и именовать себя как нацию. И тогда В.А. Тишков стал использовать формулу: «мы – нация наций»⁹. Но это означает, что в научном пространстве национальная идентичность не перестает иметь двойное значение. Поэтому целесообразно использовать понятие гражданской идентичности как идентичности граждан общероссийского пространства. А в случае использования понятия национальной идентичности оговаривать, в каком значении оно используется.

Социологи стараются давать операциональные определения, которые можно проверить эмпирическим путем. В социологической трактовке гражданская идентичность – это самоотождествление себя с гражданами страны, представление о ее народе, государстве, стране, чувство общности, солидарности с ними, ответственность за дела в стране.

Гражданская идентичность, как и другие виды коллективных идентичностей, включает в себя не только когнитивные компоненты, эмоциональные, но и регулятивные. Деятельностные элементы и отличают чаще всего гражданскую идентичность, скажем, просто от страновой и государственной. Они стимулируются интересами политическими, социальными, личностными.

Представления и чувства идентичности формируются СМИ и художественной культурой, символами и ритуалами, языком, религией, историческим наследием. Обратим внимание, что последнее понимается не как исторические знания, а как часть культурного капитала, «это не экскурс в прошлое, а прославление прошлого»

⁹ Тишков В.А. Российский народ. М.: Наука, 2013. С. 9.

(Лоуэнталь), часто мифического прошлого, но очень важного для коллективной идентичности¹⁰. В этом смысле Э. Хобсбаум образно называл историю формой вдохновения и идеологией. Так же и художественная культура для формирования идентичности выступает как культурное наследие, а аккумулирует это наследие, как правило, элита и государство.

Именно государство заинтересовано в выполнении идентичностью *функции консолидации общества*, приверженности к территориальной целостности, обеспечения лояльности стране, государству, сплоченности социальных фрагментов общества. Но и само общество заинтересовано в позитивной идентичности для благоприятного социально-психологического самочувствия граждан, их сплоченности, которые способны становиться ресурсом общественного развития.

Изменчивость коллективных и индивидуальных идентичностей зависит не только от усилий «конструкторов», но и от состояния общества, устойчивости исторического и культурного наследия, инновационных процессов в политике, моральных представлений людей, их ценностных ориентаций. Вот почему в данной главе рассматривается не только динамика гражданской и этнической, локальной идентичности, но и возможные основания ее изменений.

Идентичности современных людей множественные. Их значимость для конкретных людей в различных условиях меняется, но важно, что чаще всего они не исключают друг друга. В фокусе исследования, положенного в основу настоящего раздела книги, соотношение гражданской российской идентичности и этнической идентичности. Прежде чем перейти к содержательному рассмотрению современной российской идентичности, остановимся на ее динамике.

После распада СССР, когда страна потеряла привычные территориальные очертания, пересматривалась ее история и доминировали негативные оценки ее социального устройства, для многих людей просто неясно было, с чем можно себя ассоциировать. Судя по опросам Института социологии РАН в 1992 г. (руководитель В.А. Ядов) и Института комплексных социальных исследований в 1998 г. (руководитель М.К. Горшков) около половины респондентов (47%) еще ассоциировали себя с «советским народом».

¹⁰ *Тишков В.А.* Про разные истории (размышления по поводу статьи Сергея Нарышкина) // Вестник российской нации. 2010. № 4–5, С. 627.; *Lowenthal D.* The Heritage Crusade and the Spoils of History. L.: Viking, 1997. P.X., 110–111.

С «россиянами» испытывали чувство общности (часто и иногда) — 71–74%¹¹. Опросы, охватывающие большие территории и шире включающие в выборочную совокупность этническое разнообразие респондентов — Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (RLMS) и Европейское социальное исследование (ESS) в 2006 г. и в 2008 г. фиксировали гражданскую идентичность у 66–68% россиян. В 2012–2015 гг. ощущение связи с гражданами страны по данным ESS, RLMS и Мониторинга ИС РАН¹² испытывали 74–84% респондентов. Несмотря на то, что активно национально ориентированные политики и среди русских, и среди других национальностей страны говорили, что слово «россияне» им не кажется отражающим наше общефедеративное единство, представление «мы — граждане России» стало не только разделяемым более $\frac{2}{3}$ населения, но и устойчивым. Оно воспринимается как русскими, так и практически в равной степени людьми других национальностей (74% и 68% соответственно¹³). Исследования, проводившиеся в ряде республик — Башкортостане, Татарстане, Саха (Якутии), Мордовии, Чувашии, свидетельствовали, что и люди титульных национальностей и, естественно, русские в республиках не реже имеют гражданскую идентичность — в перечисленных республиках 80% и более¹⁴.

Более четверти россиян (27% по данным мониторинга ИС РАН в 2015 г. и 28% по данным RLMS в 2013 г.) отмечали, что они ощущают сильную связь с гражданами России. Это практически такая же по уровню связь, как и со своей национальностью.

Судя по устойчивости данных, в том числе ответов об ощущении сильной связи с гражданами страны, почти не отличающимся показателям в возрастных и образовательных группах, массовой ориентации на ценность государства (что стало особенно очевид-

¹¹ Российская идентичность в условиях трансформаций / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Наука, 2005.

¹² Проект «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», рук. ак. М.К. Горшков. Далее — Мониторинг ИС РАН. Первая волна — осень 2014 г., вторая волна — весна 2015 г.

¹³ Русские в настоящем проекте изучаются на основе их представленности в общероссийском пространстве. Данные по ним репрезентативны. «Другие национальности» аккумулируют национальности в соответствии с их представленностью среди российского населения и не являются репрезентативными для каждого конкретного народа. Поэтому там, где это возможно, мы добавляем имеющиеся в ИС РАН данные, репрезентативные для конкретных народов.

¹⁴ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Дробужева Л.М. М.: РОССПЭН, 2013. С. 6.

но к 2014 г.), стабилизации уровня доверия к власти и окружающим, утверждение новой гражданской идентичности произошло в 2000-е гг., особенно во второй половине первого десятилетия и в 2014–2015 гг. Олимпиада в Сочи, события в Крыму только выявили консолидационные умонастроения в обществе – социальные и этнические.

Для содержательного раскрытия гражданской идентичности и сопоставления ее с этнической важно знать, каковы основания сопричастности и солидаризации в этой идентичности, почему люди ассоциируют себя с гражданами страны (табл. 9.1).

Как видно из ответов людей разных национальностей¹⁵, основным объединяющим фактором является общее государство (66–69%). Далее значимыми объединяющими интеграторами являются общая территория и государственный язык (48–54%). Треть граждан считают объединяющими общие символы (36–38%).

Результаты исследования фиксируют достаточно высокое сходство у русских и других национальностей значимости факторов идентификации – они совпадают в 4 случаях (государство, символы, обычаи, праздники и черты характера) и почти совпадают еще в 3 случаях (территория, язык, ответственность за судьбу страны), т.е. в 7 из 9 факторов. Но выявляются и отличия. Они вполне объ-

Таблица 9.1

**Интеграторы гражданской идентичности ответы на вопрос:
«Что больше всего объединяет Вас со всеми гражданами страны?»**

Интеграторы	Русские	Другие национальности	В целом по массиву
Общее государство	66	69	66
Территория	54	48	54
Государственный язык	49	44	49
Историческое прошлое	49	30	49
Общие символы (флаг, герб)	36	38	37
Родственные, дружеские связи	34	25	33
Ответственность за судьбу страны	33	26	32
Обычаи, праздники	32	33	32
Черты характера	8	7	8

¹⁵ Из-за разной по масштабам представленности в выборке людей других национальностей трудно провести по ним конкретный анализ связи переменных. Выводы же по русским вполне представительны.

ясными — дружеские и тем более родственные связи в обыденных представлениях людей больше сопряжены с этнической идентичностью. А вот в истории не случайно Э. Хобсбаум видел риск для построения идентификаций¹⁶. В полиэтнических государствах история, историческая память — это поле поиска для «героических вдохновений» у каждого народа. И в сложносоставных обществах (а Россия была внутренней империей, которую большинство населения таковой не считало) конструирование общего исторического прошлого — довольно сложный процесс.

И, как видно из результатов опросов, половину русских истории объединяет в государственную общность, а среди других национальностей видят ее общей 30%. И не только потому, что у каждого народа есть общая с другими историческая память, свое историческое наследие, но еще и потому, что это наследие люди воспринимают по-разному (для одних тувинцев вхождение в СССР и Россию — благо, для кого-то — потеря суверенитета). Именно поэтому формирование представлений об общей истории как о культурном капитале исследуют историки¹⁷.

Поясним важность идентификаций по признаку «ответственности за судьбу страны». Этот индикатор проходил одним из основных признаков именно гражданской идентичности в международных исследованиях. В повторяющихся общероссийских исследованиях Института социологии РАН с 2011 г. «ответственность за судьбу страны» разделяют, идентифицируя себя с гражданами России, 30–32%, а в российских республиках, где ИС РАН регулярно проводит опросы — Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), от 30 до 50%. То, что компоненты гражданской идентичности присутствуют в нашей общероссийской идентичности, подтверждается и тем, что во время опросов люди отвечают на вопрос именно о том, в какой степени они ощущают близость, связь с гражданами России.

Выбирая принципы жизни, более половины респондентов (56%), которые ощущают себя гражданами России, солидаризировались с суждениями: «чтобы отстаивать свои интересы и права, необходимо за них активно бороться».

Гражданскую составляющую в российской идентичности нам предстоит еще укреплять. Поэтому, исходя из анализа факторов, идентифицирующих сейчас граждан России, очевидно, что обще-

¹⁶ Hobsbaum E. J. On history. L.: Weidenfeld and Nicholson, 1997. P. 357.

¹⁷ Тишков В.А. Про разные истории (размышления по поводу статьи Сергея Нарышкина) // Вестник российской нации. 2010. № 4–5. С. 627.

российская идентичность на данном этапе — *гражданско-государственная*. Такая идентичность, несомненно, солидаризирует современное российское общество: около 80% респондентов согласились с тем, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации». Важно отметить, что ощущения русских и других национальностей в этом совпали — 79% и 78% соответственно.

Сопричастность к гражданам России практически не различается по образовательным группам и немного больше выражена (75–77%) у людей старше 50 лет (против 69% у 18–30-летних). Солидаризирующие чувства практически в равной мере выражены и у людей разного уровня образования, и в возрастных группах от 31 года до 60+ (80–84%), но она несколько меньше у молодежи 18–30 лет (74%).

Среди ощущающих связь с гражданами России больше тех, кто «хотел бы быть полезным государству и обществу» — 52% против 41% у людей, такой связи не ощущающих, и меньше среди тех, кто «хотел бы жить так, как самому хочется».

Россияне, связывающие себя с гражданами России, в значительной степени чаще ощущают любовь, гордость и уважение к сегодняшней России (75% в сравнении с 55% не ощущающих такую связь). И вместе с тем они больше открыты для взаимодействия с людьми иной национальности: 83% из них полагают, что «государство должно поддерживать культуру всех народов страны» (среди не ощущающих связь с гражданами России — 78%). Чувствующие себя гражданами России чаще присоединяются к мнению о том, что «Россия — общий дом для всех народов» — 51% против 44% не ощущающих связи с россиянами.

Среди респондентов с гражданской идентичностью, особенно ощущающих ее в значительной степени, больше доверяющих президенту РФ и Правительству РФ: президенту страны доверяют 93,5% против 78% не ощущающих связи с гражданами России, Правительству — 72% против 48% соответственно. Таким образом, представление о том, что гражданская идентичность является ресурсом сплоченности полиэтнического пространства, вносит вклад в уверенность людей в движении в позитивном направлении и находит подтверждение в массовых представлениях россиян.

Активное формирование гражданской идентичности властью, политической и научной элитой началось не только потому, что в массовом сознании был кризис идентичности после распада Союза, но и потому, что в ситуации 1990-х гг. в стране имела

место гиперболизированная этническая идентичность, особенно, конечно, там, где имел место национализм и сепаратизм. В России он был не повсеместным и отличался от союзных республик, реализовывающих политику сецессии. Но опасность того, что происходило в Прибалтийских республиках, Закавказье, на Украине, глубоко проникала в сознание россиян, формируя ксенофобию ко всему этнически иному. Неприятие радикального национализма, прежде всего, этнонационализма охватывало не только элиты, но все население. У значительных кругов оно перенеслось на все этнически маркированное пространство. Доходило до того, что говорить что-то положительное в отношении понимания этнического (этнонационального) самосознания стало считаться чем-то предосудительным в либеральных кругах, чем-то неприемлемым в контексте развития демократии. Рост этнонациональной идентичности порой интерпретировался как национализм. И в этот период объективным исследователям приходилось писать, что национализмы бывают разные, важно отличать гражданский (условно общегосударственный, страновой) и этнический (в расистском варианте этнонациональный) национализмы, что они могут быть агрессивными, радикальными и принимать либеральные формы (в случаях, когда признаются права «других», права человека, допускается многопартийность и т.д.).

В общественное сознание понимание вариантности всего этнического, в том числе этнического самосознания стало приходить в конце 1990-х и особенно в 2000-е гг.¹⁸ И все-таки в настоящее время, поскольку в мире вообще и в ближнем зарубежье в частности имеют место гипертрофированные формы этнической (этнонациональной) идентичности, доходящие до этноизоляции, национализма, следует пояснить, о совместимости какой этнической идентичности с гражданской идентичностью идет речь.

Теоретическая разработка эмпирического материала по изученным этническим группам, находившимся в относительно спокойных ситуациях межнационального (межэтнического) взаимодействия и обстановке напряжений и конфликтов, стала основанием для выделения разных типов этнической идентичности: нормальной идентичности, этноцентричной, этнодоминирующей, этнического фанатизма, а в другом направлении — этноиндифферентной, этнонигилизма в форме космополитизма и амбивалентной (невы-

¹⁸ Дробизева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.

раженной, сдвоенной, строенной). Встречались респонденты, которые вообще затруднялись определить свою этничность и настаивали, что они ощущают или чувствуют себя просто россиянами. Это было и в 1990-е, и в 2000-е гг.

В дальнейшем анализе речь идет о совместимости гражданской идентичности россиян именно с нормальной этнической идентичностью. При этом подчеркнем: к норме мы относим такую идентичность, при которой *образ своего народа воспринимается как положительный, естественный патриотизм, который не перерастает в фаворитизм, когда имеют место толерантные установки на общение с людьми других национальностей.*

В «чистом виде» группы с нормальной идентичностью выделить трудно. Часто могут присутствовать элементы этноцентричной идентичности в значении акцентированности на свою этническую идентичность («Я никогда не забываю о своей национальности»). Крайние формы этноцентризма — этноэгоизм, этноизоляция, тем более этнодоминирование в норме рассматриваться не могут, но в нее могут быть включены элементы так называемой маловыраженной или невыраженной идентичности. Они проявляют себя в массиве тех, кто идентифицирует себя с какой-то этничностью «в некоторой степени».

О том, насколько гражданская идентичность может быть совместима с нетолерантными межэтническими установками, речь пойдет позже. На данном же этапе анализа зафиксируем, что по результатам исследования 2015 г. ощущение близости с гражданами России — гражданская идентичность — у большинства россиян совмещается с их этнической идентичностью. Так, 94% в составе тех, кто отвечает, что чувствуют себя гражданами России, ощущают общность и с людьми своей национальности. Причем с гражданами России ассоциируют себя и 91% респондентов, для которых характерна актуализированная этническая идентичность (установка: «я никогда не забываю о своей национальности»). Среди полностью согласных с мнением «в наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации (народа)» 91% полностью согласны или скорее согласны с тем, что человеку нужно ощущать себя и частью своей национальности.

Естественно, возникает вопрос, почему могут быть так сопряжены гражданская и этническая идентичности.

Исследуя данный вопрос, прежде всего заметим, что повсеместный рост в постсоветской России этнической идентичности, происходивший в 1990-х — первом десятилетии 2000-х гг., и ее ста-

бильно высокий уровень в настоящее время фиксируется как общероссийскими, так и региональными исследованиями. Происходит процесс становления новой русской идентичности, в равной мере как и идентичностей инациональных россиян, принадлежащих к числу автохтонных российских народов, переосмысление содержания и роли этнической идентичности в процессах нациестроительства. В начале 1990-х гг. русские заметно отставали от других национальностей в выраженности этнического самосознания, но уже к концу первого десятилетия 2000-х гг. интенсивное нарастание самосознания у них было очевидным.

Потребность в принадлежности к социальной общности как аффилиативная составляющая идентичности проявляется при ответе на вопрос: «О каких из перечисленных групп Вы можете сказать “это — мы?” Определите степень близости к ним».

Настоящее исследование показало: идентичности, построенные на традиционных связях — этнических, религиозных, земляческих, в той или иной мере разделяются большинством опрошенных: 76% россиян ощущают близость с людьми своей национальности, 80% — с земляками, 66% — с людьми своей веры.

В сравнении с русскими, инациональные россияне обнаруживают большую актуальность традиционных связей: в «*значительной степени*» чувствуют близость с людьми своей национальности 25% русских и 39% инациональных россиян, в «*значительной степени*» испытывают чувство близости с людьми своей веры 22% русских и 36% инациональных россиян, с земляками — соответственно 35% русских и 42% инациональных россиян. Русские чаще «*в некоторой степени*» испытывают чувство близости к людям своей национальности и веры, к землякам. От 16% до 21% русских вовсе не испытывают идентификации с этими общностями, среди инациональных россиян таких 9–11%.

За 20 лет трансформационного развития русские прошли путь от этнической индифферентности (размытого этнического самосознания) к этнической актуализации, означающей активный поиск культурных, идеологических, в некоторой степени и политических оснований для нового самосознания. Сегодня идентификация с людьми *своей национальности*, ощущение близости с ними (по сумме ответов «в значительной степени» и «в некоторой степени») переживают 75% русских и 82% россиян других национальностей.

В обществе, СМИ, в сфере публичной политики дискутируются пути развития современного российского государства. Каким ему надлежит стать? Русским национальным государством с этни-

ческими меньшинствами или российским национальным государством с многоэтнической нацией¹⁹? Вторая модель государственного устройства предполагает, что русский язык и культура (как профессиональная, так и повседневная, на основе традиционных досоветских и советских практик) выступают скрепляющей основой российской государственности.

Формирование российской нации в значительной степени опирается на этническое самосознание и этническую идентичность русского большинства. Особой ролью русского языка и культуры, проявляющейся как в целом на уровне государства, так и на уровне повседневности, обеспечивается их консолидирующая функция и поддерживается русская этническая идентичность. Сегодня на русских как на этническое большинство страны объективно налагается необходимость осознания своей роли в процессах нациестроительства. Поэтому важно оценить социокультурные ресурсы русской этнической идентичности: установки социального сосуществования и представления о том, кого можно считать русским, меру этнической солидарности и готовность принимать ответственность за судьбу страны, ценностные основы самосознания. Все эти характеристики имеют не только общекультурное и коммуникативное измерение. Их представленность в сфере политических дискуссий и дискурсе общественно-политических движений означает, что этничность остается актуальной. Именно поэтому при анализе этнической идентичности и ее ценностных характеристик русским уделяется специальное внимание.

Этническое самосознание и этническая идентичность — как русских, так и инациональных россиян — воссоздаются с опорой на утвердившиеся ценности и символы своей этнической культуры. Становление новой постсоветской идентичности происходит, в том числе, через осознание принадлежности к своему народу, своей этнокультурной традиции, критически осмысливается опыт советского проекта и общности «советский народ».

Исследование характеристик этнической идентичности и этнической солидарности позволяет обнаружить наиболее востребованные «опоры» для формирования обновленного самосознания. При ответе на вопрос: «Что больше всего объединяет Вас с людьми Вашей национальности?» наравне с универсальными, одинаково значимыми признаками этнической общности (терри-

¹⁹ Дробизева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. С. 20.

тория, культура, внешний облик) выделяются и те, которые имеют большее значение для этнического большинства или для россиян других национальностей.

Субъективными критериями, объединяющими людей одной национальности выступают, в первую очередь, культурные характеристики (общность «языка», «культуры», «обычаев, обрядов»), общность территории («родная земля, территория, природа») и историческая память (общность «исторического прошлого»). Эти характеристики одинаково значимы и для русских, и для инонациональных россиян, их выбирают подавляющее большинство респондентов. При ответе на вопрос «Что больше всего объединяет Вас с людьми Вашей национальности?» $\frac{3}{4}$ опрошенных в качестве этнообъединяющего признака указывают «язык» (76% среди русских и 68% среди инонациональных россиян), примерно $\frac{2}{3}$ называют «культуру» (64% и 60% соответственно), чуть более половины называют «территорию, родную землю, природу» (54% среди обеих категорий).

«Религию» как признак, объединяющий людей одной национальности, выбирают около $\frac{1}{3}$ опрошенных – 31% среди русских и 38% среди инонациональных россиян. Наименее заметны антропологические характеристики этничности – «черты характера» (20%) и «внешний облик» (15%) – они реже всего используются в качестве критериев самоотнесения к той или иной этнической общности (в равной мере русскими и инонациональными россиянами) (табл. 9.2).

Разный «вес» в определении того, что более всего объединяет с «людьми своей национальности» имеют такие критерии, как «общая государственность» и «историческое прошлое». Русские, в сравнении с россиянами других национальностей, чаще указывают на общность государства (34% против 23%) и историческое прошлое (51% против 39%), что уже объяснялось при анализе их гражданской идентичности.

Историческое прошлое и государство – критерии этнической принадлежности, выходящие за рамки признаков этнокультурного единства. Их большая значимость для русских отражает особые характеристики их как большинства, восприятие русскими своей этнокультурной общности в общероссийском масштабе.

При сравнении гражданской и этнической идентичности видно, что именно государственность, русский язык и общая территория стали основаниями устойчивой совмещенности идентичности этнической и гражданско-государственной.

Таблица 9.2

Критерии этнической идентичности россиян, март 2015, %
Распределение ответов на вопрос: «Что больше всего объединяет Вас с людьми Вашей национальности?» %

Критерий	Среди всех опрошенных	Русские	Люди других национальностей
Язык	75	76	68
Культура	63	64	60
Родная земля, территория, природа	53	54	54
Историческое прошлое	49	51	39
Обычаи, обряды	47	46	52
Общая государственность	33	34	23
Религия	32	31	39
Черты характера	20	20	21
Внешний облик	15	15	18

Инонациональные россияне, в сравнении с русскими, чаще упоминают религию (39% против 31%) и обычаи, обряды (52% против 46%) (табл. 9.3), что отражает их большую вовлеченность в этнокультурную традицию в целом, бóльшую сохранность этой традиции, в сравнении с русскими.

Дело в том, что русская традиционная культура (в сравнении с этнокультурами других российских народов) в советский период претерпела большие потери. В эпоху СССР русские стали носителями советской культуры – внеэтнической по духу, но русскоязычной по форме. Утрата русской этнокультурной традиции проходила в период сталинской модернизации, когда в первую очередь силами русских (вместе с украинцами и белорусами) была проведена индустриализация страны, создавались и осваивались отрасли промышленного производства. Русские первыми из народов СССР прошли путь экстенсивной урбанизации (к концу 1980-х гг. доля горожан среди русских превышала 80%)²⁰. Это создало основания для того, чтобы статусное самосознание русских было высоким, а этнокультурные традиционные основы русской этничности – «растраченными», размытыми и слабыми. В том числе по этой причине крах советского государства русскими переживался наиболее болезненно. Если в целом в стране в начале 1990-х гг. социологи фиксировали «взрыв этничности», то это относилось, в первую очередь,

²⁰ Русские. Этносоциологические очерки / Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М., 1992.

к титульным национальностям республик, которые в период либерализации получили открытый доступ к своей этнической культуре прошлого. Население постсоветской России разом «вспомнило» о своей этничности, нерусские национальности получили возможность свободно использовать свой язык в повседневном общении и на уровне публичного дискурса, в республиках расширили работу СМИ на языках титульной национальности, возникли этнонациональные общественные движения. Со второй половины 1990-х гг. начинается подъем религиозного сознания и формирование религиозных идентичностей.

У русских в этот период наблюдалась стагнация этнического самосознания и растущие этнические фобии. С заметным отставанием, лишь к концу 1990-х — началу 2000-х гг. они активно включились в процессы «этнического ренессанса», стали наращивать потенциал позитивного этнического самосознания. В социологических исследованиях этот потенциал фиксировался через индикаторы *субъективной значимости этнической идентичности* (согласие с суждением «я никогда не забываю о своей национальности») и *этнической солидарности* (согласие с суждением «в наше время человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности») ²¹.

По данным 2015 г., субъективная значимость этнической идентичности высока — 79% россиян «никогда не забывают о своей национальности» (при этом полностью согласны с этим утверждением 45%), и только 12% не разделяют это мнение. Этническая солидарность, выражающаяся в поддержке суждения — «в наше время человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности», столь же высока — 79% (при этом 40% опрошенных полностью согласны с этим мнением).

Актуальность этничности для инонациональных россиян остается более высокой: «никогда не забывают о своей национальности» 77% русских и 87% инонациональных россиян (полностью согласны с этим мнением, соответственно, 43% и 52%). Считают, что «в наше время человеку необходимо ощущать себя частью своей национальности» — 80% и 76% соответственно (при этом полностью согласны с этим мнением 40—42% среди обеих категорий, а 9% русских и 11% инонациональных россиян не разделяют это мнение) (табл. 9.3).

Этническая солидарность русских отражает процессы внутринациональной консолидации. На сегодняшний день эта установка

²¹ Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М., 2011.

Таблица 9.3

Этническая и гражданская солидарность среди русских и россиян других национальностей, 2015, %
(*степень согласия с суждением «В наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности» и «В наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации»*)

Степень согласия	Гражданская солидарность		Этническая солидарность	
	Русские	Другие национальностей	Русские	Другие национальностей
Полностью согласен	39	48	40	42
Скорее согласен	40	30	40	34
Скорее не согласен	6	4	7	9
Не согласен	2	3	2	2
Затруднились ответить	12	15	12	13

среди русских превысила показатели 2014 г. и достигает практически максимальных значений. За период 2014–2015 гг. доля полностью согласных с этим суждением выросла на 10% среди русских и на 12% среди инонациональных россиян. Этническая солидарность не зависит от образования, но усиливается с возрастом. В группах людей старше 60 лет суждение «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности» поддерживают 87%, а в группе 18–30-летних — 73%. При этом высокая этническая солидарность совмещается с государственно-гражданской солидарностью (см. табл. 9.3).

Как видим, гражданская и этническая солидарность у русских практически совпадают и по масштабам и по значимости. У других национальностей тенденция та же, значимость гражданской идентичности для некоторых из них даже выше. Это касается, видимо, больше тех, кто живет вне своей этнической среды.

Высокие показатели этнической и гражданской солидарности отражают актуальность для современных россиян мотивов общественной, групповой принадлежности, а чувство гражданской и этнической общности в той или иной мере реализует эту потребность.

Сегодня установка этнической солидарности работает как элемент социального капитала, один из факторов общественной консолидации. Для этнического большинства страны она является базой для формирования российского патриотизма, социального

оптимизма и лояльности стране и власти. Этническая солидарность русских, так же как для респондентов других национальностей, сегодня не является препятствием для формирования российской идентичности – среди тех, кто чувствует *потребность в принадлежности к общероссийской нации*, установка этнической солидарности достигает 90%.

Этническая солидарность возрастает среди сторонников возрождения страны как великой державы и не отличается ростом в среде сторонников русских националистов. Она падает в среде тех, кто выступает за сближение с Европой и с Западом и выражает приверженность западной демократии (до 45%). Этническая солидарность снижается в группах людей, испытывающих эмоциональные трудности и фрустрации: среди тех, кто оценивает свое обычное, повседневное эмоциональное состояние как «состояние безразличия, апатии», чувство этнической солидарности падает (до 66%).

Одной из фундаментальных основ межэтнического согласия и патриотизма выступает комплекс позитивных чувств, связанных с восприятием современной России. Независимо от национальности, большинство россиян воспринимают свою страну с любовью, гордостью и уважением (эти чувства испытывают 67% русских и 65% нерусских россиян). Негативные чувства – обида/стыд, возмущение и равнодушие – испытывают 18% среди русских и 17% нерусских россиян. В качестве главных чувств, испытываемых к современной России, чаще всего называются гордость (24–21% соответственно) и уважение (25–31% соответственно) (табл. 9.4).

Высокие показатели этнической солидарности русских и актуализация их этнической идентичности ставят вопрос об интегра-

Таблица 9.4

Чувства, выражающие личное отношение к современной России, %

Главное чувство, выражающее личное отношение к современной России	Среди всех опрошенных	Русские	Другие национальности
Любовь	17	18	13
Гордость	24	24	21
Уважение	26	25	31
Равнодушие	5	5	8
Обида/стыд	7	7	5
Возмущение	6	6	4
Затруднились ответить	15	15	18

ционном потенциале современного русского самосознания. Важно понять, какое содержание вкладывается русскими (и инонациональными россиянами) в понятие русскости, какие критерии наиболее популярны при определении того, кого можно считать русским, на каких основах сформирована категория «русские»? Этот вопрос сегодня имеет не только этнокультурное, но и политическое значение. Статья В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» активизировала политические дебаты о характере русской этничности и роли русских в поддержании общероссийской интеграции. Напомним, что президент призвал каждого ответственного политика и общественного деятеля к пониманию того, что гражданское и межнациональное согласие является необходимым условием самого факта существования России. «Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию...», «...самоопределение русского народа... это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром»²².

На открытых публичных площадках, в СМИ, в программах политических общественных движений предлагаются различные интерпретации русскости – от призыва признавать русским любого гражданина России до включения в эту категорию только тех, кто является русским по происхождению и «крови».

Согласно данным настоящего исследования, русские – это в первую очередь культурная общность. При этом критерий происхождения учитывается, но он не является ведущим. Наиболее весомым критерием русскости в глазах опрошенных является *воспитание в традициях русской культуры*. Готовность принять «в русские» любого гражданина России крайне невелика – лишь 7% готовы назвать русским любого гражданина России. Среди иноэтничных россиян этот критерий более востребован – 16% готовы считать русским любого россиянина с российским гражданством (табл. 9.5).

Воспитание в традициях русской культуры является самым популярным критерием русскости (его указывают 49% русских и 37% инонациональных россиян), поэтому можно с уверенностью говорить о том, что русская культура сегодня выступает очевидным интегратором и русскости, и российского общества. Иные интегральные критерии русскости, такие как «*кто честно трудится во благо России*», «*кто любит Россию*» уступают критерию культуры, набирая, соответственно, 30–28% среди русских и 26–22% среди инонациональных россиян. Русская самоидентификация («*кто сам себя счи-*

²² Независимая газета. № 007 (5494) от 23 января 2012 г.

Таблица 9.5

Кого россияне считают русским, %

Русским считают того...	Русские	Другие национальности
Для кого русский язык является родным	37	26
Кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры	49	37
Кто честно трудится во благо России	30	26
Кто русский по происхождению и по крови	39	38
Кто придерживается православной веры и ее традиций	12	10
Кто сам себя считает русским	27	37
Кто любит Россию	28	22
Любого гражданина РФ	7	16

тает русским») как критерий принадлежности к русским важнее для инонациональных россиян (37%), среди русских его указали 27%.

Русский язык как основа этнического самосознания уступает критерию культуры – 37% русских и 26% инонациональных россиян считают, что владение русским языком как родным является необходимым условием принадлежности к русским. Возможно, в этом проявляется очевидная этноопределяющая функция языка (русский язык является основой русской культуры), а также обнаруживается государственный, национальный (а не сугубо этнический) статус русского языка, его востребованность и использование всеми гражданами страны как языка межнационального общения.

Интегрирующим критериям русской этничности (признание русскими всех, кто воспитывался в традициях русской культуры, кто сам себя считает русским, кто любит Россию, кто честно трудится на ее благо) – противостоит критерий, который можно назвать примордиальным, основанным на понимании русскости как общности происхождения и кровного родства. В политическом пространстве разнообразных концепций русского национализма примордиальный критерий этничности становится ведущим и используется в качестве аргумента для защиты коллективных интересов этнического большинства. В массовом сознании этот критерий русскости («кто русский по происхождению и по крови») важен далеко не для всех – его упоминают меньше половины респондентов – 39% русских и 38% инонациональных россиян. Выбор данного критерия отражает обыденный уровень

восприятия национальной принадлежности по родственным связям и национальности родителей.

Как отмечалось выше, большинство россиян испытывают положительные чувства к России, более половины опрошенных называют любовь, гордость и уважение в качестве главных чувств, испытываемых ими к России. Наиболее важными сферами аккумуляции позитивных чувств являются те, которые поддерживают переживание гордости за свой народ и причастность к его историческому прошлому. При ответе на вопрос: «*В каких ситуациях Вы наиболее сильно ощущаете принадлежность к своему народу?*» 51% россиян всех национальностей переживают наиболее сильные этноаффилятивные чувства, когда слышат об успехах людей их национальности в науке, спорте, культуре; когда слышат о выдающихся достижениях людей их национальности в прошлом (41%); когда обсуждается историческое прошлое их народа (35%). Песни о России и фольклор являются непосредственными и устойчивыми сферами аккумуляции чувств этнической общности — их называют 38% русских и 20% инонациональных россиян.

Политическая активность, связанная с защитой «интересов их народа на митингах и демонстрациях», практически не вызывает этноаффилятивных чувств — их упоминают лишь 6%. Но факты ущемления людей по их национальности вызывают отклик у 22% россиян (в равной мере русских и нерусских) (табл. 9.6).

Таблица 9.6

Сферы аккумуляции этнических чувств, %

Ситуации, когда наиболее сильно ощущают принадлежность к своему народу...	Русские	Другие национальности	Среди всех опрошенных
Когда слышат песни о России, читают сказки, былины, предания их народа	38	20	37
Когда слышат о выдающихся достижениях людей их национальности в прошлом	42	39	41
Когда узнают, что люди их национальности в чем-то ущемлены	22	22	22
Когда слышат об успехах людей их национальности в науке, спорте, культуре	53	43	51
Когда участвуют в митингах, демонстрациях в защиту интересов их народа или узнают о них	6	7	6
Когда обсуждается историческое прошлое их народа	36	34	35

А если выделить всех россиян, придерживающихся установок этнической солидарности, то нельзя не отметить, что они демонстрируют яркие мировоззренческие особенности, в числе которых — более позитивное, оптимистичное восприятие развития России, установки российского патриотизма (лояльности государству и обществу, любовь к Родине), державные ориентации, характеризующиеся чувствами исторической общности и духовного единства. Складываясь на основе этнической идентичности и потребности в принадлежности к своей этнической общности, позитивная этническая солидарность русских и других народов (как иррациональный мотив социального согласия) выступает одной из основ общественной консолидации и поддерживает мотивы гражданского участия.

В целом, как показали результаты проведенного исследования, среди русских укрепляется очевидное большинство с устойчивым общероссийским гражданским самосознанием, совмещающимся с этнической идентичностью и растущей рускостью.

Глава 10. Идентичности и установки молодежи в сфере межэтнического общения

Процесс формирования российской нации имеет две ключевые составляющие — взаимодополнение и синтез этнической и гражданской идентичности, а также социальное воспроизводство, поколенческую преемственность развивающихся идентификационных характеристик социума. В этом отношении принципиальное значение приобретает динамика национальной идентичности и межнациональных отношений (которая была ранее рассмотрена в составе населения страны в целом) в молодежной среде.

В связи с этим в настоящей главе обратимся к анализу установок и идентичностей молодежной когорты. Важно понять, отличаются ли их представления в сфере межэтнического общения сравнительно с группами старших поколений, и если да, то чем это обусловлено. Молодые граждане сегодняшней России — это люди в возрасте 18—30 лет, те, чье взросление пришлось на «нулевые» и «десятые» годы, которые в дискурсе определяются как стабильные и отличающиеся, особенно в последние несколько лет, серьезными изменениями в общественно-политическом контексте.

Установки и поведение в сфере межэтнических отношений, как правило, связаны с общей удовлетворенностью жизнью. По некоторым ключевым показателям молодежь ожидаемо ощущает себя в какой-то степени лучше, чем старшие когорты. Нынешнюю объективно кризисную ситуацию в России спокойной, нормальной называют 28% молодежи, в остальных возрастах — 19—22%, оценки перспектив России на ближайший год также выше (23% молодежи считают, что страна будет развиваться успешно, 17% в других возрастах). Различия невелики, но в совокупности означают, что молодежь смотрит на жизнь оптимистичнее. Молодые люди чаще ощущают себя спокойно (52%, у остальных возрастов — не выше 44%) и реже ощущают тревогу. Оценка собственной материальной обеспеченности у молодежи выше, чем у остальных возрастных когорт. Исходя из опыта изучения установок на межэтническое

взаимодействие, можно предположить, что общая удовлетворенность жизнью будет позитивно сказываться на установках молодежи. Так ли это по результатам осуществленного исследования?

С точки зрения ключевых идентичностей социально-культурного поля молодежь практически не отличается от остальных респондентов: иерархия идентичностей молодежи почти полностью совпадает со средним по массиву опрошенных, а отличия незначительны. Актуализированные (ответ «в значительной степени») этническая и гражданская идентичности — на одном и том же уровне (26% и 25%) (рис. 10.1). Однако если учесть всех, кто в той или иной степени ощущает близость с гражданами России и людьми своей национальности, то очевидно, что это большинство молодежи: 69% демонстрируют установку государственно-гражданской идентичности и 75% — этнической идентичности. Кроме того, это означает, что ощущать себя одновременно человеком своей национальности и гражданином России для большинства молодежи не становится проблемой, это вполне совместимые идентичности.

Чуть более выражены локальные идентичности — «земляки» (77%, из них 31% — в значительной степени) и «жители того же города или села» (77%, из них 30% — в значительной степени). Говоря о разных возрастах, следует отметить отличия молодежи от самой старшей возрастной когорты — локальные идентичности (земляки, жители того же города или села) для людей старше 60 лет, по данным нашего исследования, важнее, чем для молодежи. Кроме того, для молодых людей меньше, чем для представителей других возрастов, значима религиозная идентичность.

Рисунок 10.1. Идентичности российской молодежи, %

Сколько-нибудь заметно в молодежной когорте выделяется только молодежь мегаполисов – почти все изучаемые нами идентичности в составе данной группы молодежи ниже, чем в остальных молодежных группах. Так, всего 8% молодежи мегаполисов в значительной степени идентифицируют себя с гражданами России (28–34% у молодежи в других типах поселений), 9% ощущают близость с жителями своего города (30–37% в других типах поселений), 18% ощущают близость с земляками (31–35% в других типах поселений), 16% ощущают близость с людьми своей национальности (22–30% в других типах поселений). Общность взглядов – идентичность, которую в целом разделяют больше всего респондентов везде и во всех возрастах – разделяется половиной молодежи мегаполисов, и в этом молодые люди мегаполисов похожи на молодежь крупных городов (в небольших городах и селах – 40–43%).

Несмотря на то, что уровни государственно-гражданской идентичности молодежи и остальных респондентов сходны, идентичность в молодежной среде все же актуализирована в несколько меньшей степени. Так, 74% молодежи в той или иной степени согласны, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации (народа)» (в остальных возрастах свыше 80%).

Ключевые идентификаторы государственно-гражданской идентичности для молодежи совпадают с актуальными для всех респондентов – это общее государство (65%), территория (56%), государственный язык (49%), историческое прошлое (40%), общие символы (флаг, герб) (38%), обычаи, праздники (31%), культура (30%), ответственность за судьбу страны (27%), родственные и дружеские связи (27%), черты характера (7%), ничего не объединяет (2%).

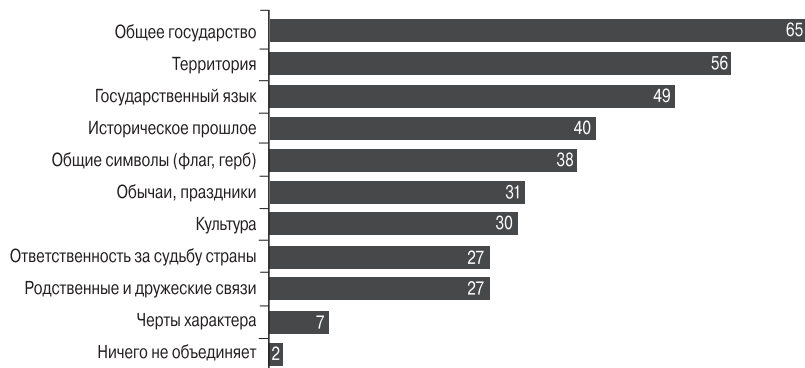

Рисунок 10.2. **Факторы, объединяющие молодежь по ее самооценке со всеми гражданами России, %**

шлые и родственные, дружеские связи: для старших поколений их значимость несколько выше (47% против 40% у молодежи и 33% против 27% у молодежи). Очевидно, с возрастом люди уделяют родственным связям больше внимания, а осознанность подхода к истории выше.

Молодежь мегаполисов и здесь несколько выделяется, для нее менее значимы родственные и дружеские связи — только 13% молодежи мегаполисов называют эти факторы, объединяющие их со всеми гражданами (у молодежи в остальных типах поселений 21–35%). Для них также менее значимы обычаи, праздники и общие символы, ответственность за судьбу страны (19% против 26–32% у молодежи в других типах поселений). Напротив, более важными факторами молодежь мегаполисов называет территорию (56%) и историю страны (52%).

В исследовании также рассматривался эмоциональный аспект государственно-гражданской идентичности. Подавляющее большинство опрошенной молодежи испытывает по отношению к своей стране позитивные эмоции — уважение (26%), гордость (22%), любовь (15%) (табл. 10.1). Если говорить о совокупности позитивных чувств, то их испытывают 63% молодежи, а 20% в совокупности испытывают различные негативные эмоции — возмущение (7%), обиду, стыд (4%) или равнодушие (9%). Различия по возрасту здесь малозаметны, но значимы статистически: молодежь чуть реже, чем старшие когорты, особенно в сравнении с людьми 60+, демонстрирует в ответах любовь к родине и чуть чаще — равнодушие.

Самые важные идентификаторы по национальности для молодежи — язык, в меньшей степени — культура, а также родная земля /

Таблица 10.1

Эмоции респондентов по отношению к современной России, %
(один ответ от опрошенных в каждой возрастной когорте)

Эмоции	18–30	31–40	41–50	51–60	60+
Любовь	15	17	17	17	22
Гордость	22	25	25	20	27
Уважение	26	26	25	28	24
Равнодушие	9	4	6	2	3
Обида, стыд	4	6	8	11	7
Возмущение	7	6	5	8	4
Затруднились ответить	17	16	14	14	13

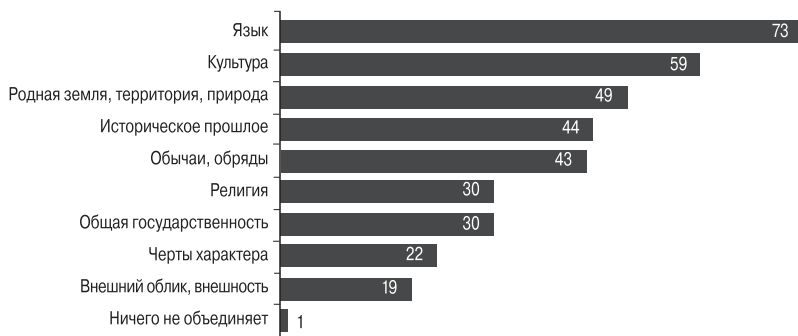

Рисунок 10.3. **Факторы, объединяющие молодежь по ее самооценке с людьми своей национальности, %**

территория, историческое прошлое, обычаи, обряды (рис. 10.3). По данным исследования отчетливо прослеживается, что культура, родная земля, историческое прошлое — это факторы, значимость которых с возрастом возрастает, и хотя различия невелики, можно сделать вывод: у молодежи параметров для ощущения единства, близости с людьми своей национальности меньше, чем у старших поколений. Однако при том, что этническая идентичность в молодежной среде действительно актуализирована в несколько меньшей степени, чем у старшего поколения, в целом это высокий уровень актуализации: 73% молодых людей в той или иной степени согласны с тем, что человеку нужно ощущать себя частью своей национальности (у людей старше 60 лет — 86%). Добавим к этому, что 76% молодежи согласны с тем, что никогда не следует забывать о своей национальности (в составе самых старших возрастных групп — 83%).

Хотя о восприятии патриотизма в массовом сознании россиян речь пойдет в отдельной главе, здесь все же отметим: максимальную поддержку среди молодежи находят позитивные коннотации патриотизма, связанные с трудом на благо родной страны, любовью к стране (рис. 10.4). В целом можно сказать, что понимание патриотизма в молодежной среде практически не отличается от всего массива опрошенных, но молодые люди в некоторых ответах менее однозначны. Например, труд на благо страны однозначно (ответ «да») относят к патриотизму 54% молодежи, в то время как в составе самой старшей когорты — 74%. Очевидно, что это связано с различным пониманием ценности труда, вытекающим из-за разницы возраста и жизненного опыта.

Рисунок 10.4. Патриоты – это люди, которые... %
(ответы молодежи, сумма вариантов «Да» и «Скорее да»)

При том, что уровень этнической идентичности молодежи практически не отличается от остальных, круг ситуаций, в которых молодые люди ощущают принадлежность к своему народу, все-таки уже, чем у респондентов старших возрастов. Чаще всего молодежь ощущает принадлежность к своему народу в ситуациях, когда слышит об успехах людей своей национальности в науке, спорте, культуре (48%) (табл. 10.2). Другие ситуации, в той или

Таблица 10.2

В каких ситуациях наиболее часто ощущают принадлежность к своему народу, % (от опрошенных в каждой возрастной когорте)

Ситуации	18–30	31–40	41–50	51–60	60+
Когда слышат песни о России, читают сказки, былины, предания их народа	29	33	38	40	49
Когда слышат о выдающихся достижениях людей их национальности в прошлом	35	43	40	45	47
Когда узнают, что люди их национальности в чем-то ущемлены	19	22	24	25	20
Когда слышат об успехах людей их национальности в науке, спорте, культуре	48	49	55	55	53
Когда участвуют в митингах, демонстрациях в защиту интересов их народа или узнают о них	7	4	7	5	5
Когда обсуждается историческое прошлое их народа	34	37	35	33	38
Другое	1	1	1	1	2
Затруднились ответить	19	15	13	12	10

иной мере значимые для людей остальных возрастов как контекст для актуализации этнической идентичности, в молодежной среде менее значимы.

Особенно это заметно при оценке ситуаций, связанных с конкретными историческими факторами: 35% молодых людей отмечают ощущения принадлежности к своему народу, когда слышат о выдающихся достижениях людей их национальности в прошлом (в других возрастах — 40–47%). А 29% молодежи ощущают принадлежность к своему народу, когда слышат песни о России, читают сказки, былины, предания их народа (33–49% в других возрастах). Подобные различия могут быть связаны и с более скромными знаниями молодежи истории своего народа, которая связана с фольклором и с психологической установкой «жить здесь и сейчас». При этом в целом история как катализатор идентичности для молодежи важна и находится примерно на том же уровне, что и в составе других когорт: 34% молодежи по самопризнанию ощущают принадлежность к своему народу, когда обсуждается его историческое прошлое. Причем для молодежи в мегаполисах ситуации, связанные с историей, оказываются более важными, чем для остальных. Например, в случаях, когда обсуждается историческое прошлое народа (51% против 27–35% у молодежи из менее крупных городов), когда звучат песни, былины, предания народа (36% против 24–30%), и более важными, чем для остальных, — в ситуациях, когда люди их национальности в чем-то ущемлены (26% против 6–20%).

Представления о своем народе у молодежи и старших поколений в основном совпадают, а имеющиеся различия можно объяснить возрастными характеристиками. Так, отвечая на вопрос о том, каких качеств недостает людям их национальности, молодежь реже, чем люди старше 60, говорит о недостатке духовности, нравственности (23% против 36%), и чуть чаще — о недостатке работоспособности, самостоятельности и предприимчивости (табл. 10.3). Среди русской молодежи соотношение остается таким же, заметных различий не наблюдается. В целом же необходимыми качествами называются уважение друг к другу, взаимопомощь, честность.

В связи с актуальным дискурсом статуса русских вызывает интерес, как воспринимают данную ситуацию молодые респонденты. Для русской молодежи одинаково важными являются такие факторы отнесения к русским, как культура и происхождение: 47% русской молодежи считают, что русским можно назвать того, кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры,

Таблица 10.3

**Каких качеств, по оценкам молодежи, недостает людям моей
национальности, %**

Качества	18–30	31–40	41–50	51–60	60+
Уважение друг к другу	53	54	56	61	56
Честность	39	37	36	34	38
Работоспособность	26	24	28	22	21
Самостоятельность	14	12	10	12	9
Взаимопомощь	41	38	38	44	41
Предприимчивость	13	13	14	7	8
Духовность, нравственность	23	25	25	27	36
Ответственность	27	31	30	28	30
Уверенность в своих силах	21	21	23	20	16

и 43% считают, что русский человек – это русский по крови, по происхождению. Важной также представляется роль языка: 35% считают, что русский язык в качестве родного – основание называться русским. Обращает на себя внимание, что самоопределение в этническом поле считают важным не более четверти (26%) русской молодежи. Наконец, мнение о том, что любого гражданина России можно назвать русским (такие идеи периодически возникают в публичном пространстве) поддерживает не более 8% русской молодежи (табл. 10.4). Честный труд во благо России и, в меньшей

Таблица 10.4

«Кого бы Вы могли назвать русскими» %
(от опрошенных в каждой подкатегории)

Русский это...	Русская молодежь	Остальная молодежь
Тот, для кого русский язык является родным	35	28
Тот, кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры	47	38
Тот, кто честно трудится во благо России	22	23
Тот, кто русский по происхождению, по крови	43	38
Тот, кто придерживается православной веры и ее традиций	12	13
Кто сам себя считает русским	26	40
Тот, кто любит Россию	23	18
Любой гражданин РФ	8	12

степени, любовь к России называются чаще людьми старших возрастов, особенно в самой старшей возрастной когорте.

Статус и роль русских в государстве – вопрос, который, так или иначе, периодически затрагивается, особенно в контексте реализации Стратегии государственной национальной политики. В своей тенденции позиции молодежи по статусу русских в несколько большей степени склоняются к выделению особенности этого статуса. При этом различия не столь существенны, но статистически значимы: 13% молодежи считают, что «Россия должна быть государством русских людей» (у самого старшего поколения 6%), в целом во всех старших возрастах выше доля согласных с суждением, что «Россия – общий дом многих народов...» (табл. 10.4). В целом следует отметить, что установку на равноправие всех народов Российской Федерации поддерживает всего 40% молодежи, и это самая низкая цифра среди респондентов разных возрастов.

В процессе анализа характера межэтнических отношений и установок людей их оценки, как правило, дифференцируются на оценки в стране в целом и в своем населенном пункте. В последнем случае оценочные суждения и установки чаще всего базируются на постоянном и непосредственном взаимодействии лицом к лицу, с тем, что видят и слышат респонденты в среде своего общения. И напротив, оценки межэтнических отношений в России формируются, прежде всего, под влиянием дискурса СМИ, общественного мнения, внешних событий, общего настроения людей. Вероятно, поэтому оценки межэтнических отношений в стране в целом чуть хуже, чем оценки того, что происходит непосредственно вокруг себя, где на первом плане в этноконтактной ситуации находятся

Таблица 10.4

Мнения молодежи о статусе русских в государстве, %

Статус русских	18–30	31–40	41–50	51–60	60+
Россия должна быть государством русских людей	13	11	9	12	6
Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны в целом	36	38	33	33	39
Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	40	45	49	51	47
Затруднились ответить	11	6	9	4	8

обычные люди, а не стереотипы и предубеждения. Кроме того, в различных возрастах оценки процессов и взаимодействий в стране в целом во многом схожи, что подтверждает влияние на такие оценки не только собственного опыта, но и внешних дискурсов.

Оценки в составе молодежной когорты характера межэтнических отношений в населенном пункте, где живут ее представители, таковы: 41% молодежи оценивают их в целом позитивно (из них 9% оценивают межэтнические отношения как доброжелательные и 32% как спокойные), 33% заявляют о том, что отношения внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует, и 16% в целом оценивают межэтнические взаимодействия вокруг себя как сложные и потенциально конфликтные (из них 14% — как напряженные и 2% — на грани открытых столкновений) (табл. 10.5).

Хотя приведенные данные мало отличаются от оценок респондентов старших возрастов, обращает на себя внимание тенденция: чем старше, тем более позитивно респонденты оценивают межэтнические отношения в своем населенном пункте, соответственно оценки молодежи оказываются самыми низкими. Например, если среди молодежи позитивно оценивают межэтнические отношения 41%, то среди респондентов старше 60 лет — 50%, а негативная оценка характера межэтнических отношений в своем городе или селе у молодежи в 2 раза выше (16% против 8% в составе старшей возрастной когорты). Очевидно также, что молодежь воспринимает ситуацию острее, а ее установки на межэтническую коммуникацию в целом носят более негативный характер. Например, чувство враждебности к людям других национальностей очень часто и довольно часто ощущают 13% молодежи и 7% людей старше

Таблица 10.5

Оценка характера межэтнических отношений, %
(от опрошенных в каждой подкатегории)

Оценки	В стране	В своем городе / селе
Доброжелательные	8	9
Спокойные	26	32
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	38	33
Напряженные	15	14
На грани открытых столкновений	3	2
Затруднились ответить	10	10

60 лет. Никогда не ощущают чувства враждебности к этническим другим 36% молодежи и 52% людей старше 60 лет (рис. 10.5).

Негативные установки часто соседствуют с трудностями, испытываемыми респондентами в материальной сфере, и зависят от общей удовлетворенности жизнью. Чем хуже молодые респонденты оценивают свою жизнь, тем чаще они оценивают межэтнические отношения негативно. Так, среди тех, чья жизнь, по собственному мнению, складывается удачно, 50% в совокупности оценивают межэтнические отношения в своем городе или селе как положительные (11% и 39%). Среди тех же, кто оценивает ее в целом плохо, 26% говорят о позитивном характере отношений (3% и 23%) (табл. 10.6). Аналогичная тенденция прослеживается при анализе зависимости оценки отношений от оценки собственной материальной обеспеченности и это позволяет заключить, что молодежь может переносить социальную неудовлетворенность в сферу межэтнических отношений.

Тот факт, что установки молодежи в сфере межличностных отношений имеют менее позитивный характер, чем установки людей старших возрастов, подтверждается и оценками молодых людей их отношения к приезжим из национальных республик России и стран ближнего зарубежья. При выявлении оценок такого отношения на трех разных уровнях — страновом, локальном и уровне непосредственного общения было установлено: молодежь реже, чем представители старших возрастных групп, соглашается с тем, что отношение в обществе к приезжим хорошее. Однако при всем том 66% молодых людей считает, что россияне в целом позитивно (доброжелательно, спокойно) относятся к при-

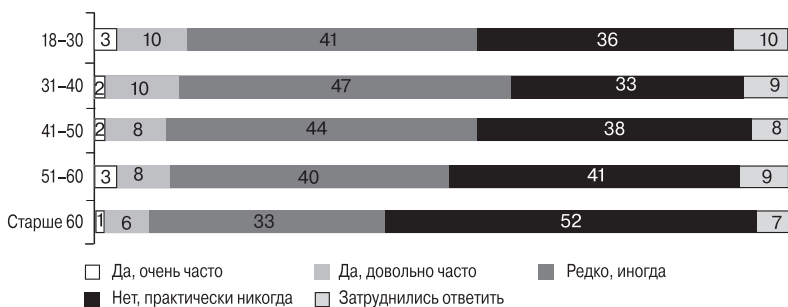

Рисунок 10.5. Частота проявления по самооценкам чувства враждебности к людям других национальностей, %
(от опрошенных в каждой возрастной когорте)

Таблица 10.6

Оценка молодежью характера межэтнических отношений в своем городе/селе в зависимости от оценки собственной жизни, %

Характер отношений	Жизнь складывается...		
	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо
Доброжелательные	11	6	3
Спокойные	39	28	23
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	30	37	27
Напряженные	12	15	18
На грани открытых столкновений	1	4	8
Затруднились ответить	9	10	21

езжим из других республик России и стран ближнего зарубежья. Так же в целом позитивно они оценивают и отношение к приезжим жителей своего города или села. А лучше всего молодежь оценивает свои собственные отношения с приезжими по соседству, в непосредственной локальности. В целом позитивно их оценивают 78% представителей молодежной когорты (табл. 10.7).

Что же касается представлений молодых жителей мегаполисов о характере отношений к приезжим в стране в целом и в их городе, то оно намного хуже: только 42–47% из них соглашаются с тем, что отношение к приезжим хорошее. Особенно заметны различия в оценках молодежи столиц и сел (табл. 10.8).

Судя по результатам проведенного исследования, одна из возможных причин негативных установок — ощущение конкуренции в разных жизненных ситуациях, особенно в сфере занятости и власти. Так, треть молодых респондентов (35%) считает, что национальность человека влияет на его возможность получить самую лучшую работу, столько же — на возможность занять высокий пост в органах власти, а 23% полагает, что национальность человека влияет на возможность открыть свое дело (табл. 10.9). Причем молодежь, проживающая в мегаполисах и областных, республиканских центрах, отмечает влияние национальности человека на возможности своего продвижения чаще, чем молодежь из малых городов и сел. Скорее всего, это может быть связано с более высоким уровнем конкурентности в городах в целом и зачастую с очевидным влиянием национальности на статусное продвижение в российских республиках. Только возможности открытия собственного бизнеса оцениваются молодежью примерно одинаково.

Таблица 10.7

**Оценка отношения к приезжим
(сумма ответов «согласны» и «скорее согласны»), %
(от опрошенных в каждой возрастной когорте)**

Оценка	18–30	31–40	41–50	51–60	60+
Россияне в целом хорошо относятся к приезжим из других республик России и стран ближнего зарубежья	66	70	75	74	78
Жители их города (села) хорошо относятся к таким приезжим	67	70	75	74	79
Там, где они живут (в доме, во дворе, микрорайоне), у них хорошие отношения с приезжими	78	82	84	84	86

Таблица 10.8

**Оценка отношения к приезжим в разных типах поселений
среди молодежи, % (сумма ответов «согласны» и «скорее согласны»,
от опрошенных в каждом типе поселений)**

Оценка	Мега-полисы	Крупные города	Райцентры	ПГТ	Села
Россияне в целом хорошо относятся к приезжим из других республик России и стран ближнего зарубежья	42	64	65	60	81
Жители их города (села) хорошо относятся к таким приезжим	47	69	69	63	72
Там, где они живут (в доме, во дворе, микрорайоне), у них хорошие отношения с приезжими	73	83	74	78	79

Таблица 10.9

**Оценка влияния национальности на успех в разных сферах, %
(от опрошенных в каждой возрастной когорте)**

Там, где Вы проживаете, национальность человека влияет на его возможности..?	18–30	31–40	41–50	51–60	60+
Устроиться на самую лучшую работу	35	35	30	33	25
Занять высокий пост в органах власти	35	35	31	34	28
Открыть свое дело	23	21	19	22	18

Исходя из данных исследования, можно говорить о том, что чем хуже молодые люди оценивают свое материальное состояние и успешность, тем чаще они связывают возможности продвижения в жизни с национальностью человека, причем в оценке продвижения в сфере власти это наиболее заметно. Так, считают, что национальность влияет на возможность занять высокий пост в органах власти, 26% тех, кто оценивает свою материальную обеспеченность хорошо, и 43% тех, кто оценивает ее плохо (табл. 10.10).

При этом о собственном опыте ущемленности по национальности говорят всего 7% молодежи (без отличий с респондентами других возрастов), а более чувствительными факторами, из-за чего молодежь ощущает ущемленность, стали возраст (24%) и бедственное материальное положение (15%). Подобное состояние противоречия между ожиданиями и реальными ощущениями ущемленности, особенно в молодежной среде, вполне отвечает сложившемуся порядку вещей.

Итак, по многим изучаемым нами показателям молодежь практически не отличается от респондентов других возрастов, в частности это касается уровней ключевых идентичностей социально-культурного поля: этническая и государственно-гражданская идентичности актуализированы у четверти молодых респондентов и для трех четвертей важны в той или иной мере. Локальная и земляческая идентичности для молодежи чуть важнее. Ключевые идентификаторы – общее государство, территория, государственный язык. В российской идентичности у молодежи менее, чем у других когорт, выражен эмоциональный компонент, а понимание патриотизма связано с положительными коннотациями.

Таблица 10.10

**Оценка молодежью влияния национальности на успех
в разных сферах в зависимости от материального обеспечения
и удовлетворенности жизнью, %**

Там, где Вы проживаете, национальность человека влияет на его возможности..?	Материально обеспечены...			Жизнь складывается...		
	Хорошо	Удовл.	Плохо	Хорошо	Удовл.	Плохо
Устроиться на самую лучшую работу	27	38	37	32	37	50
Занять высокий пост в органах власти	26	36	43	32	64	50
Открыть свое дело	23	23	27	21	24	40

Глава 11. Ресурс межнационального согласия в условиях ухудшения экономической и политической конъюнктуры

Характер межэтнических отношений в полиэтнических странах является важным показателем состояния общества и подвержен влиянию факторов не только внутреннего, но и внешнего порядка. Исторические события убеждают: даже тем странам, которые относятся к устоявшимся демократиям, не удастся избежать конфликтных ситуаций на этнической почве. События последнего десятилетия в Северной Ирландии и Шотландии в Великобритании, Каталонии и Стране Басков в Испании, сожженные машины и демонстрации во Франции, споры о мультикультурализме в Германии говорят о том, что независимо от основ государственного устройства (федерация или унитарное государство) самим государствам приходится заниматься и нациестроительством, и регулированием межэтнических отношений. Большую сложность механизм таких процессов приобретает в условиях политических и экономических трансформаций, кризисных экономических ситуациях. И в этом контексте решения насущных проблем Россия не одинока. На межэтнические отношения в нашей стране влияют и прежние постконфликтные ситуации после замирения конфликта в Чеченской республике, осетино-ингушского конфликта, и интересы стратегического характера в Кавказском регионе, проявившиеся после распада бюрократической системы мирового порядка, реализуемые не только экономическими, но и информационными средствами и выразившиеся, в том числе, в появлении «черкесского вопроса», вернувшегося в активную фазу в условиях подготовки к зимней Олимпиаде в Сочи. Земельные споры, передел собственности – все способно было осложнять межнациональные, межэтнические отношения. Двухтысячные годы страна прожила без массовых насильственных конфликтов. А то, как справляются люди с новой ситуацией после воссоединения Крыма с Россией, как на это влияет эскалация событий на Украине, многомесячные санкции Запада, в известной мере должно было ответить осуществленное исследование.

Как известно, вхождение в Российскую Федерацию Крыма состоялось как вхождение республики, не имеющей этнического наименования (все остальные республики в РФ имеют наименования по титульной национальности). В Крыму было реализовано право на самоопределение, а в политической и научной трактовке давно шли споры, кто имеет право на самоопределение — нация или народ территории. Когда русское население Крыма поставило вопрос о самоопределении, в российских республиках политические акторы сразу вспомнили, что ученые и политики настаивали на том, что национального (этнокультурного) самоопределения не может быть и Крымская республика самоопределялась от имени народа Крыма. Но дебаты по данному вопросу актуализировались. Проявлением этого были такие отдельные события, как вывешивание флага ФРГ в Калининграде или заявления активистов в Астраханской области о необходимости образования республики.

После признания трех государственных языков в Крыму в республиках с крупным этническим представительством кроме русских и титульной национальности оживились требования признания государственными языками и языков этих народов (например, татар в Башкортостане).

Новую ситуацию создавал рост национального самосознания русских. Теперь это уже был не ответ на национализм 90-х гг. в республиках, а ответ на победы Олимпиады и на новую геополитическую обстановку. Не только в Москве, Санкт-Петербурге, но и в других регионах почувствовали новую ситуацию с расколом русского национализма (одни поехали поддержать Майдан, другие — воевать в Донецк и Луганск).

Наконец, новым вызовом стали проявления финансово-экономического кризиса. Закрытие предприятий, временная приостановка выплат зарплат, дополненные антироссийскими санкциями ряда ведущих стран, появившаяся безработица стимулировали поиск ответственных в лице «иных» заморских или отечественных врагов.

Так называемая ситуация поиска «козла отпущения» давно известна в социологии. Если в Москве, Санкт-Петербурге, некоторых других больших городах инокультурные мигранты, которые чаще бывают в образе «иного», «не своего», занимали производственные ниши, на которые местное население редко претендовало, что переносило основной фокус страхов на их повседневное поведение, то в Сибири, на Дальнем Востоке, в Саха (Якутия) представители инокультурного населения были реальными конкурен-

тами за рабочие места, что способно обострять оценку межэтнических отношений. Учитывать в общероссийских исследованиях все разнообразие ситуаций по регионам нет возможности, но в целом тренд в межэтнических отношениях они все же улавливают.

В современных условиях не только в России, но и других полиэтнических государствах осторожное или негативное отношение к притоку инокультурных мигрантов переносится вообще на иных по цвету кожи, разрезу глаз и культуре. Весной 2015 г. по данным исследования ИС РАН межнациональные отношения в стране как доброжелательные и спокойные оценивало 35% респондентов. Внешне спокойными, но внутренне напряженными их определяло 39%, напряженными они представлялись 14% и на грани открытых столкновений 2%. Однако оценки в стране и в конкретном месте проживания различались (рис. 11.1).

Различия, как видно, очень небольшие, но в целом в каждом конкретном месте они оцениваются лучше, поскольку здесь человек их оценивает чаще по своему опыту. Оценка же складывается по стране в целом, главным образом, по информации телевидения и прессы.

Обращает на себя внимание заметная доля (35%–39%) чувствующих внутреннее напряжение. Скорее всего, это люди, либо не забывшие прежние конфликты, либо вообще чаще испытывающие фобии, либо сами сдерживающие себя от проявления враждебности к «другим».

Различается оценка отношений по этническому признаку. Русскими отношения оцениваются как доброжелательные и спокойные в стране на 8% ниже, а внешне спокойными – на 13%. В конкретном городе, селе как доброжелательные и спокойные их видят 33% русских и 61% людей других национальностей, а ис-

Рисунок 11.1. Оценка межнациональных отношений в стране и в городе (селе) проживания, %

ключительно внешне спокойными – 35% русских и 25% других национальностей, напряженными соответственно – 11% и 8%, на грани открытых столкновений – 2% и 1%. То, что русские оценивают состояние межнациональных отношений хуже, а люди других национальностей лучше – это, скорее, позитивный признак. Ведь люди, которые находятся в меньшинстве, по теории вероятности могут чаще сталкиваться с нежелательным отношением к ним. Возможно, также русские чаще судят о состоянии межнациональных отношений по сообщениям в СМИ, по слухам, а наши инонациональные россияне – по отношению к ним или таким как они.

Важно, что раздражение к людям других национальностей испытывают «редко, иногда» 42% русских и 37% лиц других национальностей, а «часто» совсем немного – не более 10%, среди тех и других «практически никогда» 39% и 48% соответственно.

По данным Левада-Центра оценка межнациональных отношений как напряженных (по состоянию на июль 2014 г.) уменьшилась за год значительно – с 43% в 2013 г. до 23% в 2014 г. В опросах ИС РАН часть оценивающих эти отношения как напряженные «уходят» в ответ: «внешне спокойные, но внутренне напряженные».

Недоброжелательность (и это понятно) более всего проявляется по оценке самого местного населения, прежде всего, к инокультурным мигрантам. Отношения как «напряженные» в месте проживания оценивают 9–13% респондентов, а недоброжелательно относятся к мигрантам 28% (объединены ответы «согласен» и «скорее согласен»).

Больших возрастных различий в оценке состояния межнациональных отношений не наблюдается. Но все же в тенденции положительные оценки у молодежи встречаются реже (доброжелательными и спокойными в городе, селе их оценивают 41% в возрасте 18–31 года, а в 60 лет и старше – 50%, 50–49 лет – 46%; враждебность к «другим» часто испытывают 13% молодых и 7% людей старше 60, а «редко, иногда» – соответственно 41% и 33%). Не фиксируется также и значимого влияния образования на оценку отношений, хотя ранее практически всегда выявлялась положительная роль образования в снятии многих этнических предрассудков. Очевидно, влияет на восприятие характера отношений тип поселения (табл. 11.1).

В мегаполисах люди чаще сталкиваются с конфликтными ситуациями вообще и в том числе такими, в которых придается значение этническому несходству. При этом наблюдается меньше людей, которые затруднились оценить подобные ситуации, а больше тех, кто чувствует раздражение, оценивая однозначно состоя-

Таблица 11.1

**Оценка россиянами состояния межнациональных отношений
в поселениях разного типа, %**

Оценки	Тип поселений		
	Мегаполис	Областной центр	Село
ОЦЕНКА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОРОДЕ/СЕЛЕ			
Доброжелательные	1	7	11
Спокойные	27	36	39
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	48	37	29
Напряженные	17	10	9
На грани открытых столкновений	2	1	1
Затруднились ответить	5	9	10
ЧУВСТВУЮТ ВРАЖДЕБНОСТЬ К ЛЮДЯМ ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ			
Да, очень часто	2	2	2
Да, довольно часто	13	9	8
Редко, иногда	57	42	32
Практически никогда	26	38	47
Затруднились ответить	2	8	11

ние межнационального общения как внешне спокойное, но внутренне напряженное. В областных центрах ситуация спокойнее, но хуже, чем в сельской местности, где межэтнические контакты в принципе реже, а если и имеют место, то в большинстве случаев они давние, привычные и в целом наблюдается меньше случаев контактов с вновь прибывшими мигрантами. Люди чувствуют возможное влияние этничности на их социальную жизнь в конкретных жизненных ситуациях. По результатам исследования, проведенного весной 2015 г.¹, видно, что около трети россиян ощущали это влияние (табл. 11.2).

В целом по стране независимо от национальности люди полагают, что неравный доступ к престижным видам деятельности может быть обусловлен, в том числе, и этнической принадлежностью претендента. Выше уже было показано (табл. 11.1), что чаще этнические различия ощущаются в городах. Но, как видно из данных на рис. 11.2, они отмечаются в областных и республиканских центрах.

¹ Анализ данных осуществлен *М.А. Евсеевой*.

Таблица 11.2

Оценка россиянами влияния этничности в социальной жизни, %

«Как Вы считаете, там, где Вы живете, национальность человека влияет на его возможности...»	Русские	Другие национальности
... устроиться на самую лучшую работу	33	31
... занять высокий пост в органах власти	33	36
... открыть свое дело	21	20

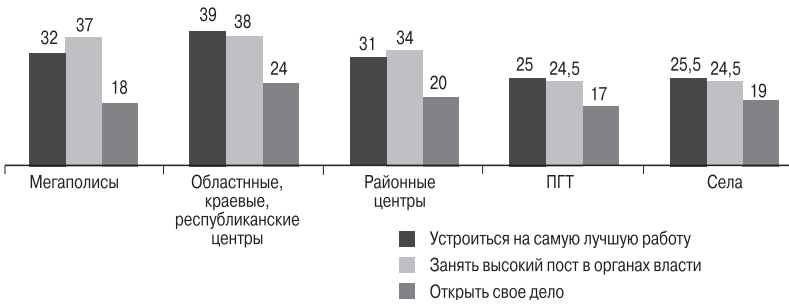

Рисунок 11.2. Оценка россиянами разных типов поселений влияния этничности в социальной жизни, %

Полученные данные ожидаемы, поскольку именно в регионах идет конкуренция и за доступ к власти, и к престижным местам, в том числе борьба за собственность. Подобные оценки основываются не только на результатах социологических опросов, но и на наблюдениях в разных экономико-географических районах страны и информации СМИ.

В реальности с ущемлением своих прав или возможностей из-за национальности сталкивались 4% русских. Среди представителей других национальностей больше – 19%. (Всего по массиву опрошенных – 5,5%.) Можно предположить, что на деловую сферу межнациональных отношений проецируются проявления неуважительного отношения к национальным особенностям, которое чаще всего встречается в бытовой сфере.

Так или иначе, представления о возможности влияния национальной принадлежности на доступ к лучшей работе, власти и бизнесу связаны с оценкой межнациональных отношений на конкретной территории (табл. 11.3, 11.4).

Таблица 11.3

Представления россиян о влиянии национальности человека на его возможности устроиться на самую лучшую работу в зависимости от оценки межнациональных отношений, %

Оценки / Чувства	Национальность человека влияет на его возможности... устроиться на самую лучшую работу			
	Русские		Другие национальности	
	Да	Нет	Да	Нет
ОЦЕНКА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОРОДЕ/СЕЛЕ				
Доброжелательные и спокойные	35	53	56	68
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	44	36	27	26
Напряженные и на грани открытых столкновений	20	10	16	6
ЧУВСТВУЮТ ВРАЖДЕБНОСТЬ К ЛЮДЯМ ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ				
Да, очень часто	4	1	4	4
Да, довольно часто	14	7	15	2
Редко, иногда	49	44	39	39
Нет, практически никогда	33	47	42	55

Кoeffициент хи-квадрат Пирсона – ,000.

В составе тех, кто видит влияние национальности на престижные виды деятельности, оценки межнациональных отношений как положительных и ненапряженных меньше (среди считающих, что есть влияние национальности на устройство на работу, доброжелательными отношения видят 38%, а среди тех, кто этого не видит, – 55%).

Важно, что абсолютное большинство среди русских, так же как и среди других национальностей, считают, что насилие в межнациональных и межрелигиозных отношениях недопустимо – 87% и 86% соответственно. Но полностью разделяющих данное мнение среди молодежи (18–30 лет), жителей мегаполисов чуть меньше (на 9–10%). И в случае, если «нарушается справедливость в отношении моего народа и веры», допускают насилие 35% русских и 36% лиц других национальностей.

Ситуация, когда значимая часть русских, так же как людей других российских национальностей, стали выражать готовность на нарушение справедливости в их понимании отвечать насилием

Таблица 11.4

Представления россиян о влиянии национальности человека на его возможности занять высокий пост в органах власти в зависимости от оценок межнациональных отношений, %

Оценки / Чувства	Национальность человека влияет на его возможности... занять высокий пост в органах власти			
	Русские		Другие национальности	
	Да	Нет	Да	Нет
ОЦЕНКА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ГОРОДЕ/СЕЛЕ				
Доброжелательные и спокойные	37	52	60	67
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	43	37	24	27
Напряженные и на грани открытых столкновений	20	11	16	5
ЧУВСТВУЮТ ВРАЖДЕБНОСТЬ К ЛЮДЯМ ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ				
Да, очень часто	3	2	5	3
Да, довольно часто	14	7	13	3
Редко, иногда	50	44	39	39
Нет, практически никогда	33	47	43	55

Коэффициент хи-квадрат Пирсона – ,000

ем, относительно новая. По массовым опросам она фиксируется последние 5–10 лет. Подобная прожективная реакция может быть связана как с распространяемой СМИ информацией о нарушении общественного порядка инокультурными мигрантами, так и с уровнем общей агрессии, провоцируемым беззаконием, коррупцией, беззащитностью людей перед нарушениями их прав.

Неслучайно около половины русских людей (45%) полагают, что «жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями», треть россиян в целом и русских также считают, что в «экономическом отношении Россия все сильнее отстает от ведущих мировых держав». Подобное недовольство положением россиян питает их настроения готовности к ужесточению контроля в обществе за деятельностью СМИ и Интернета (41%), за общественными объединениями и формирует настроения поддержки «сильной, жесткой власти» для России: 58% русских (53% среди других национальностей) присоединились к мнению о том, что «России необходима «твердая

рука», которая наведет порядок в стране». В этом контексте, видимо, следует рассматривать и готовность к насилию «если нарушается справедливость в отношении к моему народу».

Готовность к жесткой внутренней политике дает основание говорить о сохранении исторического и советского шлейфа в ментальности россиян². Но все же не все поддерживают такую политику. Более 40% не согласны с ней, а в молодежных возрастных группах таких больше на 10–15%.

После известного исследования Т. Адорно³ об авторитарном типе личности при всей его критике мало кто сомневался в связи межэтнических (межнациональных) установок людей с политической обстановкой в стране. В таких условиях важно выявить, что же при всех имеющихся фобиях, наличии подчас противоречивых интересов людей разных национальностей все-таки их солидаризирует, вокруг чего происходит сплочение общества? Если исходить из определения чего-то особо важного для каждого человека, то в исследовании выявлены следующие объединяющие общественные характеристики: «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе», «дружба, общение». То есть то, что выявлялось как востребованные ценностные качества россиян. (Респондентам предлагалось выбрать, что для них «важно» и «не важно» по значению от 1 – «не важно» до 5 – «очень важно» на сегодняшний день. Перечисленные показатели набирали значение выше четырех).

В последние годы социологические наблюдения выявляли большое стремление общества к символическим ценностям, желаниям. По результатам нынешнего исследования четверть русских и 32% среди людей других национальностей хотели бы «вернуть России статус сверхдержавы». Желание видеть Россию «одной из наиболее развитых и политически влиятельных стран мира» есть и у русских, и у людей других национальностей – 54% и 43% соответственно. И такая цель получила самый большой выбор среди других, к которым, по мнению наших сограждан, надо стремиться. Таким образом, не статус величия как супердержавы волнует большую часть россиян, а экономически достойное и политически равноправное государство как игрок на мировом пространстве.

² Гудков Л. Безнравственность и цинизм – очень важные составляющие российского общественного пространства. [Электронный ресурс] // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады URL: <http://www.levada.ru/25-12-2014/beznravstvennost-i-tsinizm-ochen-vazhnye-sostavlyayushchie-rossiiskogo-obshchestvenno-go-p> (Дата обращения: 29.06.2015).

³ Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Астрель, 2012.

Именно такое направление развития страны выбирали респонденты, определяя ее будущее. Большинство населения согласилось с суждением о том, что «Россия должна быть великой державой, с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире» (68% русских и среди других россиян — 66%). Треть респондентов и в нынешний период оценивают положение России в мире как великой державы.

Вместе с тем обращает на себя внимание то, что те, кто полагает, что Россия должна стать великой державой, в большинстве своем считают, что это нужно сделать главным образом через создание «развитой современной экономики» (59% среди русских, 57% среди других национальностей) и через обеспечение «высокого уровня благосостояния» (53% и 52% соответственно).

Есть и доля тех, кто полагает, что величие страны должно быть достигнуто через обеспечение «высокого уровня культуры и возрождение национального духа россиян» (39% русских и 33% среди других россиян).

Именно подобные характеристики желаемой великой державы определяли положительное отношение населения к воссоединению Крыма с Россией, так же как и чувства исторической справедливости, которые в настоящее время солидаризируют россиян.

Нередко отмеченный спектр социальных чувств россиян интерпретируют как своеобразные имперские умонастроения, имея в виду под империей в данном случае метрополию с внутренними территориями. Однако это далеко не так, хотя бы в силу ограниченности таких настроений. Во всяком случае, стремление регулировать международные конфликты обнаружилось не более чем у 13% респондентов.

Тем самым, судя по результатам общенациональных исследований, тяга к территориальной гегемонии отнюдь не доминирует в русском и российском самосознании. Проявление «имперского синдрома», характерное для малой доли населения, совмещается с достаточно широко распространенным мнением об открытости государства для граждан независимо от их национальности. Ведь мнение «Россия должна быть государством русских людей» поддерживало в 2014–2015 гг. всего 10–11%, при небольших различиях в возрастных группах (в младшей возрастной группе 18–30 лет его разделяло 12%, а среди тех, кому за 60, — 6%).

В контексте анализируемой проблемы весьма интересным представляется вопрос об отношении наших сограждан к тому, какова должна быть политика государства по отношению к культу-

ре и религии большинства населения страны – русских и по отношению к культуре и религии всех народов России. Соответствующие результаты приводятся на рисунках 11.3 и 11.4.

Очевидно, что за приоритетность поддержки русской культуры и православия выступают, прежде всего, русские – 63% и меньше – 30% среди других национальностей. Причем среди молодежи такая поддержка не меньше, чем среди среднего и старшего поколения. Но в то же время русская открытость, политика советского прошлого и путинской эпохи очевидно проявляют себя. В подавляющем большинстве (73%) русские полагают, что *государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России*. Доля русских, не согласных с равной поддержкой всех народов, – 18% (26% среди них не согласных и с преимущественной поддержкой русских), а среди других национальностей с преимущественной поддержкой русских не согласны 57%. При-

Рисунок 11.3. Мнения россиян о преимущественной поддержке русской культуры, 2015, %

Рисунок 11.4. Мнения россиян о поддержке культуры всех народов России, 2015, %

чем за год (с 2014 г.) в составе русских позиции не изменились, а в составе других национальностей россиян усилились претензии на равенство.

Таким образом, большинство русских, понимая необходимость поддерживать межнациональный мир, согласны с поддержкой государством культуры и религии других народов. В то же время среди самих представителей других национальностей какие-то предпочтения русским готовы отдать 38%. Обратим внимание и на то, что практически одинаковой оказалась доля русских (33% и 35%), полностью поддерживающих как политику преимущественной поддержки русской культуры и религии, так и политику равной поддержки культуры и религии всех народов России.

В основе полной поддержки — это уверенное личностное мнение людей. Ответ «скорее согласен» можно считать в известной мере продиктованным либо существующим общественным мнением, либо декларируемой государством политикой. Но и подобная позиция в отношении поддержки русских и равной поддержки всех народов также практически совпадает, как это видно по доле выбравших данный ответ (30% и 38%).

В последнее время специалисты, изучающие межэтнические установки людей в Европе и США, отмечают, что в современном обществе ныне принята политкорректность и многие респонденты не говорят во время опросов честно о своем неприятии людей иных культур и цвета кожи. В связи с этим Петтигрю и Мертонс предлагают использовать так называемые «тонкие формы» изучения межэтнических отношений. К подобным «тонким формам» относят и вопросы об отношении к признанию и поддержке меньшинств. Таким образом, можно считать, что полученные ответы русских о признании государственной политики поддержки культуры и религии народов страны — это тоже подтверждение их открытости. Каких-либо заметных различий в разных возрастных и образовательных группах в представлениях русских по данному вопросу нет. Шире стремление к особому положению русских в государстве распространено среди жителей мегаполисов. Скорее всего, это объясняется их более частыми контактами с инациональными мигрантами.

Следует отметить, что в последние годы в сравнении с недавним прошлым в идеологическом плане состоянию и развитию межнациональных отношений властями уделяется, несомненно, значительное внимание. Как известно, перед президентскими выборами 2012 г. В.В. Путин сформулировал свое понимание политики

в этой сфере в статье «Россия: национальный вопрос»⁴ и уделил ей большое внимание в выступлении на Валдайском форуме осенью 2013 г. «Ставя под вопрос нашу многонациональность, начиная эксплуатировать тему русского, татарского, кавказского, сибирского, какого угодно еще любого национализма и сепаратизма, мы встаем на путь уничтожения нашего генетического кода»⁵.

Анализ результатов мониторинговых исследований Института социологии РАН (а ранее — ИКСИ РАН) и исследований, проводимых в российских республиках, показывает динамику массовых представлений о характере российского государства с точки зрения места этничности в нем. В 1995 г. большинство граждан — 65% соглашалось с мнением «Россия — общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ». В свою очередь, 11% считали, что Россия должна быть государством русских людей, а 14% полагали, что «русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу народа в целом». За 2001—2007 гг. последние две позиции набирали число сторонников до 19% и 31% соответственно, т.е. увеличились вдвое. А поддержка позиции «общий дом для многих народов» снижалась с 61% до 46% в 2015 г.

Как видно из данных таблицы 11.5, с 2007 г. определившаяся тенденция практически не менялась. Большая доля среди всех опрошенных респондентов выбирала позицию «Россия — общий дом народов». Однако и доля сторонников больших прав рус-

Таблица 11.5

Представления россиян о характере Российского государства, 1995–2015, %

Суждения	1995	2007	2011	2015
Россия должна быть государством русских людей	11	16	14	10
Россия – многонациональная страна, но русские составляют большинство, и поэтому должны иметь больше прав	14	31	31	36
Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	65	48	47	46

⁴ Владимир Путин. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012 г.

⁵ Путин В.В. Выступление на Валдайском форуме. 19.09.2013 г. URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения: 05.06.2015).

ских в государстве не падала. Получается, что в целом в обществе в последние годы как бы уравниваются две позиции сторонников России как общего дома многих народов и России с преимущественными правами русских.

По данным на рис. 11.5 видно, что позиции русских и других национальностей по данному вопросу практически противоположны. Причем принципиальное значение в этом имеют возрастные различия.

Среди людей старше 50 лет до 50% респондентов разделяют мнение о равных правах в общем доме — России, а среди 18–30 летних — 40%. О России как государстве с преимуществом для этнического большинства согласны в старшем возрасте 39%, а среди молодых — 46%.

Изучение динамики русскости, потребностей в доминировании имеет не только научно-аналитическое, но этнополитическое значение. Энтузиасты «русского проекта» противопоставляют гражданской нации, идеологии лояльности государству, приоритета общенациональных интересов (тому, что в мировой науке называют гражданским национализмом) национальное государство русской нации с этническими меньшинствами, которые могут либо становиться русскими, либо признавать государствообразующий статус русских. «Когда народ вернет себе государство, он станет нацией... нация выше государства», — пишет идеолог русского национализма А. Савельев⁶.

Идеология эта не новая, она в разной мере осуществляется в ряде государств постсоветского пространства. И к чему она приводит для не доминирующего народа — очевидно не только на укра-

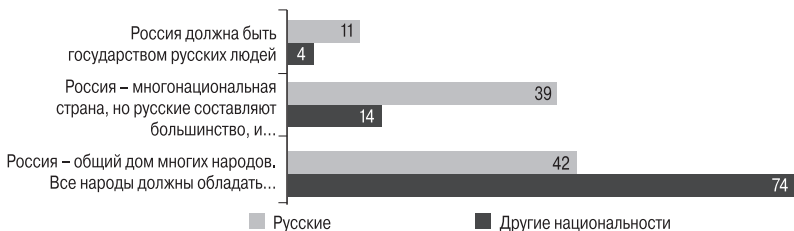

Рисунок 11.5. Мнение русских и людей других национальностей о России как общем доме для российских народов, 2015, %

⁶ Савельев А.Н. Национальная гордость // Золотой Лев. № 142–143. www.zlev.ru (дата обращения: 05.06.2015).

инском, но и на латышском, эстонском опыте, где выстраиваются сценарии демократии для большинства, а меньшинства далеко не всегда с этим готовы соглашаться.

Проект же общероссийского дома — это проект национального государства, с мононациональным российским народом, российской нацией, основу которой составляют русская культура и язык и в которую входят другие российские национальности. Согласно этому проекту статус русских и русскости повышают через улучшение условий жизни регионов преимущественного проживания русских, через создание условий для их социального роста, не ущемляющего представительства в политическом пространстве, через утверждение не конфронтирующих российской и русской идентичности. Как отмечал В. Путин на Валдайском форуме, «нужно уважать право меньшинства на отличие, но и право большинства не должно быть поставлено под сомнение»⁷.

Напомним, что президент РФ призвал каждого ответственного политика и общественного деятеля к пониманию того, что гражданское и межнациональное согласие является необходимым условием самого факта существования России. На период проведения исследования межнациональное напряжение ощущали не более $\frac{1}{5}$ части населения, но внутреннюю напряженность — более трети. Возможно, это связано не только с внутрироссийскими межнациональными отношениями, но с давлениями «внешнего врага». Балансирующим является представление о том, как интересы народов должны быть выражены в государстве.

Представление о России «как общем доме многих народов, где все народы обладают равными правами и никто не должен иметь преимуществ» разделяют в последние годы около 50% граждан. При этом русскими в ряде республик данная позиция поддерживается шире, чем в российском пространстве в целом и в районах преимущественного проживания русских. Так, в Башкортостане, Татарстане, Саха (Якутии) ее разделяют 80–90% русских⁸ (по представляемому в книге общероссийскому опросу — 46%).

От установок этнического большинства в сфере межэтнических отношений и их представлений о том, каким государством является Россия, во многом зависит массовая поддержка той или иной модели национально-государственного развития России.

⁷ Путин В.В. Выступление на Валдайском форуме. 19.09.2013 г. URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения: 05.06.2015).

⁸ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Дробизева Л.М. — М.: РОССПЭН, 2013. С. 62, 322.

Наиболее востребованной со стороны русского большинства является модель многонационального российского государства на основе русского языка и культуры. При этом межнациональное согласие определяется способностью государства обеспечить реализацию жизненно важных интересов личности, всего общества в его этническом многообразии, мобилизации ресурсов для принятия решений, удовлетворяющих основных участников взаимодействия.

Особо следует обратить внимание на то, что события в Крыму и Украине, 70-летие Победы способствовали подъему патриотизма в стране. Естественно было ожидать, что это повлияет и на состояние межнациональных отношений. Судя по мониторинговым опросам Левада-Центра, они улучшились в 2014 г. в сравнении с 2013 г. По исследованиям ИС РАН весной 2015 г. данные отношения оставались балансирующими с доминантой ощущения внутренической напряженности.

Правомерно, однако, поставить вопрос: какой патриотизм положительно влияет на межнациональные отношения?

В настоящее время понятие «патриотизм» становится снова востребованным в общественном сознании. Ведется разработка различных программ по патриотическому воспитанию населения. В отечественной литературе и публицистике предпринимаются усилия по созданию новой «патриотической идеологии» как на основе классического «советского» ее варианта, так и по наполнению ее принципиально новым содержанием. Задача социологического исследования состоит в том, чтобы оценить то, в каких вариантах содержания данное понятие распространено на уровне повседневного сознания и как разные варианты связаны с теми или иными социально-политическими диспозициями россиян. Для этой цели в настоящем исследовании был разработан блок вопросов-суждений повседневности, отражающих различные смысловые варианты понятия «патриотизм» в бытовом дискурсе⁹.

Проведенный по результатам опроса 2015 г. *факторный анализ* ответов на вопросы этого блока позволил выявить три смысловых измерения понятия «патриотизм» в сознании современных россиян (табл. 11.6).

⁹ Основой большинства суждений стали соответствующие суждения из инструментария, разработанного В.Д. Шапиро и его коллегами в 2007 г. См.: ИНАБ 2007. № 3. Подростки и юношество в многонациональной Москве: формирование этнического самосознания и межэтнических отношений. — М.: Институт социологии РАН, 2007.

Таблица 11.6

**Факторное распределение суждений о патриотизме
в массовом сознании россиян**

Патриоты в России – это люди, которые:	Факторы		
	1	2	3
Хвалят все отечественное, ругают все зарубежное	,622		
Борются с иностранным влиянием	,741		
Борются с засильем мигрантов	,804		
Стремятся к тому, чтобы другие государства боялись России	,832		
Борются с недостатками в стране		,512	
Поддерживают дружественные отношения между людьми разных национальностей		,693	
Трудятся на благо страны		,710	
Знают историю своей страны		,740	
Интересуются культурой, традициями своей страны		,746	
Считают, что Россия лучше, чем другие страны			,674
Любят свою страну такой, какая она есть			,816

Нетрудно заметить, что в первый фактор объединяются суждения, так или иначе отражающие некий «охранительный» смысловой аспект этого понятия в сознании респондентов, консолидацию на основе защиты России против внешней экспансии как политической, так и культурной. Во второй фактор объединяются суждения определенного конструктивного плана, что можно обозначить как «гражданский» патриотизм. Наконец, в третий фактор объединились всего два понятия, отражающие в эмоциональном недифференцированном виде самое простое определение патриотизма как любви к своей стране, что можно обозначить как «эмоциональный» патриотизм.

Проведенный далее двухступенчатый кластерный анализ ответов позволил обнаружить также три группы респондентов по характеру их ответов на вопросы рассматриваемого блока. **В первую** группу вошли респонденты, практически согласившиеся со всеми предложенными суждениями, т.е. в сознании которых патриотизм в равной мере категорично представлен во всех указанных выше смысловых аспектах. **Во вторую** группу вошли респонденты, давшие по всем суждениям промежуточные оценки, т.е. *скорее* согласные с суждениями «гражданского» и «эмоционального» аспектов и *скорее* не согласные с суждениями «охранительного»

характера. **В третью** — респонденты, которые выразили высокую степень согласия со всеми аспектами «гражданского» и «эмоционального» аспектов понятия «патриотизм», но и столь же высокую степень несогласия с суждениями, отражающими «охранительный» смысловой аспект этого понятия. Поскольку респонденты первой и третьей групп отличаются только высоким уровнем согласия с «охранительным» аспектом понятия патриотизм, то мы обозначили для краткости представителей первой группы представителями «охранительного» патриотизма, второй — «умеренного», а третьей — «гражданского» патриотизма. Распределение опрошенных по трем указанным группам представлено в таблице 11.7.

Анализ представленных в таблице 11.7 распределений дает основание сделать вывод о том, что бытующая в настоящее время в общественном сознании идеология патриотизма не обеспечивает единства в обществе в полной мере, даже несмотря на то, что доминирует вариант умеренного патриотизма. В общей сложности 54% респондентов по поводу этой идеологии находятся в равновесном противостоянии, где предмет расхождений является включение или невключение в содержание современного российского патриотизма «охранительных» смыслов¹⁰.

Прежде всего, необходимо оценить, какой из представленных вариантов осмысления патриотизма способствует поддержанию межнационального согласия в многонациональной России, преодолению межэтнической интолерантности и ксенофобии. Для решения данной задачи была рассмотрена связь разных вариантов патриотизма с теми или иными аспектами межнационального взаимодействия в России. Очевидно, что представители разных

Таблица 11.7

Распределение опрошенных по группам вариантов содержания понятия «патриотизм», %

Вариант понятия «патриотизм»	%
Охранительный	27
Умеренный	46
Гражданский	27

¹⁰ Здесь важно указать, что предиктором «охранительного» варианта патриотизма является полное согласие с суждениями «охранительного» смысла, а предиктором «гражданского» варианта — несогласие с теми же суждениями. Именно это дает основание говорить о противостоянии носителей подобных двух вариантов.

Таблица 11.8

Распределение оценок принципов межнационального взаимодействия у респондентов, носителей разных вариантов понятия патриотизм, %

Оценка разных принципов межнационального взаимодействия	Варианты истолкования патриотизма		
	Охранительный вариант патриотизма	Умеренный вариант патриотизма	Гражданский вариант патриотизма
<i>Государству следует поддерживать в первую очередь культуру и религию большинства населения страны – русских</i>			
1. В целом согласны	75	72	49
2. В целом не согласны	25	28	51
<i>Государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России (как русских, так и нерусских)</i>			
1. В целом согласны	81	78	89
2. В целом не согласны	19	22	11
<i>Насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо</i>			
1. В целом согласны	85	85	92
2. В целом не согласны	15	15	8
<i>Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры</i>			
1. В целом согласны	50	44	35
2. В целом не согласны	50	56	65
<i>Все средства хороши для защиты моего народа</i>			
1. В целом согласны	71	61	43
2. В целом не согласны	29	39	57
<i>В наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности</i>			
1. В целом согласны	91	89	85
2. В целом не согласны	9	11	15
<i>Я никогда не забываю о своей национальности</i>			
1. В целом согласны	91	86	86
2. В целом не согласны	9	14	14

групп по-разному оценивают базовые принципы национального обустройства в стране.

Сравнение данных, представленных в таблице 11.8, показывает, что сторонники «гражданского» варианта понятия «патриотизм», в отличие от сторонников «охранительного» и «умеренного» вариантов, в гораздо меньшей степени согласны с принципом

государственного приоритета в развитии русской культуры и, в то же время, в большей степени согласны с тем, что государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России. Носители «гражданского» варианта патриотизма являются безусловными сторонниками ненасильственного разрешения межнациональных и межрелигиозных споров. Наконец, они в меньшей степени признают значимость национальной категоризации как на уровне группы, так и в личностном самоопределении. Иначе говоря, сторонники «гражданского» концепта патриотизма демонстрируют более высокий уровень этнической толерантности.

Как итог, представители «гражданского» варианта патриотизма совершенно иначе понимают принципы национально-государственного устройства России (табл. 11.9).

Как видно из сравнения распределений, представленных в таблице 11.8, люди с гражданским вариантом понятия «патриотизм» в подавляющем большинстве выбирают принцип равноправия всех народов России. Дополнительное представление об уровне межнациональной толерантности у людей с «гражданским» патриотизмом дают распределения ответов на вопрос о том, как часто респонденты испытывают чувство враждебности к людям других национальностей (табл. 11.10).

Таблица 11.9

Выбор принципов национально-государственного устройства России у носителей разных вариантов понятия «патриотизм», % от ответивших

Варианты национально-государственного устройства России	Варианты истолкования патриотизма		
	Охранительный вариант патриотизма	Умеренный вариант патриотизма	Гражданский вариант патриотизма
Россия должна быть государством русских людей	17	11	6
Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны в целом	42	45	26
Россия – общий дом многих народов. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	41	44	68

Таблица 11.10

Уровень враждебности к людям других национальностей у носителей разных вариантов понятия «патриотизм», %

Чувствуете ли Вы в настоящее время враждебность к людям других национальностей?	Варианты истолкования патриотизма		
	Охранительный вариант патриотизма	Умеренный вариант патриотизма	Гражданский вариант патриотизма
Очень часто, довольно часто	16	12	8
Редко, практически никогда	84	88	92

Таким образом, можно сделать вывод о том, что многовариантность идеологем патриотизма, бытующая в современном российском социуме, не дает оснований утверждать, что само это понятие в полной мере может служить существенным фактором консолидации россиян на основе межнационального согласия. Консолидационный потенциал такой идеологемы пока реализуется менее чем на треть своих возможностей. В то же время анализ полученных данных показывает, что консолидирующим многонациональную Россию понятием может стать трактовка и продвижение в общественном сознании «гражданского» понятия патриотизма. Один из путей решения этой задачи — включение в программы патриотического воспитания наряду с уже широко представленным там «военным» компонентом, т.е. ценностей защиты Отечества, еще компонент, утверждающий и демонстрирующий преемственность и других культурно-исторических ценностей народов России, включая ценности межнационального и межрелигиозного согласия.

Раздел четвертый

РЕЛИГИОЗНЫЕ СМЫСЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Глава 12. Религия в институциональной проекции: политические и ценностные ракурсы

Этнополитические и ценностные аспекты социальных трансформаций с необходимостью учитывают и религиозное измерение, что вызвано многообразием форм присутствия религиозного фактора в современных общественных и политических процессах. Во многом это проявляется в возвращении религиозных смыслов в публичное пространство и неоднозначности формирующихся социально-политических практик. Институциональная сторона религиозного присутствия может быть рассмотрена и как деятельность религиозных институтов в поле публичной политики, и как использование религиозной идеологии и риторики в качестве легитимации деятельности различных политических субъектов, и как соотношение светских и религиозных институтов и соответственно государственной политики. При этом духовное влияние религии не ограничивается пределами ее институциональных форм, а увлечение формальной стороной религиозности не является показателем воцерковленности или соответствия статусу «верующего». Религиозные организации и их лидеры все больше начинают выполнять социальнозначимые и политические функции, следствием чего является выбор определенной политической стратегии и векторы массовых настроений и доминирующих оценок в массовом сознании¹.

В российском контексте институциональное преломление религиозного фактора в политических и ценностных параметрах представляется многоаспектным. С одной стороны, ключевым для социальной консолидации и деятельности религиозных организаций является доверие населения к религиозным институтам и авторитет религиозных лидеров, чьи заявления во многом формируют политическую и социальную повестку дня. С другой стороны,

¹ См.: Norris P., Inglehart R. Sacred and Secular. Religion and Politics Worldwide. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

влияние конфессионального фактора на политические и ценностные предпочтения ставит вопрос о способах и формах воздействия религиозного фактора на общественные устроения, а также актуализирует управленческий вопрос государственно-конфессиональной политики и возможности социальной консолидации, учитывающий исторический опыт существования в российском обществе различных мировоззренческих и религиозных традиций². Одновременно политико-институциональная проекция отражает вопросы легитимности различных институтов в глазах последователей различных конфессий, приоритетные формы политического участия, тогда как ценностный ракурс предполагает специфику подобного участия и выбор доминирующего вектора социальных действий.

Как уже ранее отмечалось, проблема доверия государственным и общественным институтам представляется одним из важнейших факторов, способствующих как стабилизации социально-политической жизни, так и эффективности взаимодействия общества и власти. Чем выше уровень доверия к институтам, тем выше вероятность того, что в необходимых случаях к ним будут апеллировать для улучшения ситуации, не стремясь их разрушить.

Насколько же легитимность социально-политических институтов в России высока в глазах различных религиозно-мировоззренческих групп и влияет ли религиозно-мировоззренческий фактор на уровень доверия тех или иных социальных и политических институций?

Как видно из данных, приводимых в таблице 12.1, принадлежность к традиционным российским конфессиям — православию и исламу накладывает заметный отпечаток на оказываемый уровень доверия в позитивную сторону, несколько повышая лояльность и доверие граждан. При общей тенденции в иерархии доверия к общественным и государственным институтам, когда наибольший уровень доверия наши сограждане демонстрируют трем институтам — президенту, армии и Церкви, воспроизводя исторически проверенный каркас устойчивости социально-политической системы, религиозно-мировоззренческий фактор оказывает явное влияние на распределение ответов. Приверженцы православия и ислама демонстрируют еще больший уровень доверия к президенту РФ — 82%, тогда как только 70% в составе внеконфессиональных

² Существование в поле российской цивилизации религий, самих по себе имеющих цивилизациеобразующий статус, является свидетельством и атрибутом более глубокой субстанциональной сущности.

Таблица 12.1

**Доверие представителей религиозно-мировоззренческих групп
к государственным и общественным институтам, %***

Доверие институтам	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
Президенту России	78	82	82	70	63
Правительству России	49	52	42	40	40
Руководителю республики, губернатору Вашей области, края	43	47	51	34	34
Органам местного самоуправления	27	28	29	24	25
Государственной думе РФ	29	31	28	28	23
Совету Федерации	30	32	27	24	25
Политическим партиям	17	17	16	16	16
Полиции, органам внутренних дел	32	33	30	28	27
Прессе (газетам, журналам)	30	32	26	30	22
Телевидению	38	42	31	34	28
Российской армии	65	69	54	55	53
Профсоюзам	24	25	21	21	20
Судебной системе	26	27	18	25	25
Церкви	50	60	37	28	19
Общественным и правозащитным организациям	35	37	28	38	28
Российской академии наук	47	50	41	44	41

Примечание: *В таблице приведены ответы «доверяю».

верующих и 63% атеистов доверяют институту президента РФ. По отношению к двум другим отмеченным институтам именно принадлежность к православию увеличивает уровень поддержки данных институтов. Российской армии доверяют 69% православных, тогда как у мусульман, внеконфессиональных верующих и атеистов уровень доверия ниже на 14–15%.

Церковь представляется россиянам одним из наиболее важных социальных и политических институтов с высокой степенью авторитета и уровнем поддержки. Ей доверяют 50% наших сограждан, и, естественно, наиболее высок доверия к Церкви как институту в среде приверженцев православия – 60%. Отметим и достаточно высокий уровень доверия к Церкви у мусульман – 37%. Что же касается внеконфессиональной группы, то в ее составе Церкви доверяет

каждый четвертый и даже среди атеистов – каждый пятый. Несмотря на достаточно высокий уровень доверия к другим институтам гражданского общества, Церковь является лидером, что свидетельствует о ее легитимности в глазах россиян и о том высоком социальном ожидании, которое связывается с деятельностью религиозных институтов в социальной и духовно-нравственной сфере.

Целесообразным представляется остановиться на трех моментах: доверие к прессе, политическим партиям и Российской академии наук (РАН). Академия наук опережает по уровню доверия (47%) практически все социальные и политические институты, за исключением отмеченных выше трех, подтверждая свой общественнопризнаваемый статус одного из важнейших социальных институтов. Среди приверженцев православия уровень доверия наивысший – РАН доверяет 50%, тогда как у атеистов и мусульман – 41%. В любом случае, столь высокий уровень доверия к церкви и РАН коррелирует как с признанием их социальной значимости, так и с амбивалентностью массового сознания россиян: наличия одномоментно веры в Бога и рационализма в равных пропорциях³.

Два других показателя корреспондируют с признанием значимости атрибутов демократического устройства. Низкий уровень доверия к прессе (не более 30% во всех мировоззренческих группах, а у атеистов – 22%) и самый низкий уровень доверия к политическим партиям (не более 17% во всех религиозно-мировоззренческих группах) отражает как реакцию, которая была продемонстрирована нашими согражданами после теракта в январе 2015 года в Париже⁴, так и предпочтения в иерархии институтов демократического социально-политического устройства⁵.

³ См. подробнее: Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Весь Мир, 2015. С. 167–196.

⁴ См. подробнее: Пресс-выпуск № 2761 «Россия и Запад: друзья? враги?» 28.01.2015 // Официальный сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс] // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115130> (дата обращения: 18.06.2015).

⁵ Дискуссию о демократии, например, см.: Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования. Научная монография / Редколлегия: И.С. Семенов (отв. ред.), В.В. Лапкин, В.И. Пантин. М.: ИМЭМО РАН, 2014; Демократия и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века / ред. В.Л. Иноземцев. М.: Европа, 2010.; *Globalization theory: approaches and controversies* / Edit. by A. McGrew and G.D. Held. – Cambridge: Malden, Mass., Polity Press, 2007. 1 vol.; *Rosavallon, P. La contre-démocratie: la politique à l'âge de la défiance.* – Paris: Éd. du Seuil, 2006, и др.

Динамика уровня доверия к Церкви как социальному институту (рис. 12.1) подтверждает ее высокую аттрактивность, объясняемую не только общественными ожиданиями, но и реальной деятельностью Церкви, прежде всего ее социальным служением и солидаристским потенциалом. Одновременно морально-нравственный авторитет Церкви и признание ее исторической роли в созидании российского общества и государства позволяет говорить о распространении ее влияния и на неверующую часть населения. Так, Церкви доверяют 64% верящих в Бога, но и среди неверующих таковых 30%. Доверие к Церкви не зависит от уровня образования и более выражено у жителей мегаполисов и сел, чем у жителей других типов поселений (55% против 45%). Наряду с этим, Церкви доверяет 50% русского и 42% нерусского населения, что еще раз демонстрирует приверженность к цивилизационным, а не партикуляристским формам межэтнического общежития. Также, несмотря на то, что уровень доверия к Церкви повышается с возрастом и больше всего ей доверяют люди в возрасте старше 60 лет – 60%, но и молодое поколение признает легитимность Церкви и связывает с ней свои общественные ожидания – таковых 46%.

Устойчивость подобных данных подтверждается их соразмерностью с результатами других исследовательских организаций. Так, по данным ВЦИОМ, ежемесячный индекс одобрения деятельности Русской православной церкви с марта по июнь 2015 г. равен 58 (индекс рассчитывается как разница между положительными и отрицательными ответами), отражая высокую степень одобрения деятельности данного общественного института. Для

Рисунок 12.1. Уровень доверия / недоверия россиян Церкви как социальному институту (1998–2015), %

сравнения – индекс одобрения деятельности политических партий – 16, Общественной палаты – 16, а оппозиции – отрицательное значение – -1⁶.

Таким образом, собственно в институциональном пространстве значение религиозной идентификации проявляется, в том числе, и в более высоком уровне доверия, высказываемом приверженцами институционализированных конфессий, что может свидетельствовать об амортизирующем характере влияния традиционных российских религиозных течений. В условиях слабого функционирования политических институтов церковь как институт именно гражданского общества и выполняющего социальнозначимые и солидаризирующие функции, прежде всего, в публичном пространстве оказывается действенной и востребованной. В сущности, она выступает субъектом целеполагания, способным артикулировать проблемы, участвовать в их решении и формулировать долговременные стратегии социального развития.

Принадлежность к традиционным российским конфессиям повышает и степень поддержки деятельности лично В.В. Путина на посту президента РФ (табл. 12.2).

Наибольшую поддержку деятельность В.В. Путина находит в среде приверженцев православия – таковых 63%, среди приверженцев ислама – 58%. Две другие религиозно-мировоззренческие группы демонстрируют гораздо большую скептичность

Таблица 12.2

Отношение к деятельности В. Путина на посту президента России среди представителей религиозно-мировоззренческих групп, %

Отношение	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты	Верят в Бога	Атеисты
Поддерживают	58	63	58	49	43	63	51
Отчасти поддерживают, отчасти – нет	32	29	35	38	41	30	36
Не поддерживают	7	5	4	11	13	5	11
Не ответили	3	3	3	2	3	2	2

⁶ См. подробнее: *Одобрение деятельности общественных институтов* / Официальный сайт ВЦИОМ. [Электронный ресурс] // URL: http://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/ (Дата обращения: 18.06.2015).

в оценке деятельности президента РФ. В составе верующих вне конфессий таковых 49%, а среди атеистов – на треть меньше, чем среди православных, – 43%. Также уровень поддержки деятельности В.В. Путина на посту президента РФ существенно повышает вера в Бога: среди верящих в Бога ему доверяет 63%, среди атеистов – 51%. Данные цифры демонстрируют, что принадлежность к институционализированным российским конфессиям повышает не только лояльность к основным политическим и социальным институтам, но и оказывает существенное влияние на уровень поддержки действий конкретно первого лица государства. Принимая во внимание неготовность верующих на активные протестные действия, можно предположить, что религиозно-мировоззренческий фактор является конструктивным ресурсом для социальных преобразований, а *приверженцы традиционных российских религий составляют социальную базу поддержки верховной власти при проведении внешней и внутренней политики*. Во многом это является манифестацией глубинных историко-цивилизационных оснований российского социально-политического процесса⁷.

Институциональная проекция доверия Церкви и религиозным организациям сопряжена с проблемами доверия и авторитетности религиозных лидеров⁸. Увеличение количества религиозных движений, отстаивающих зачастую социально-политические интересы, участие религиозных лидеров в мероприятиях светского характера и восприятие религиозного авторитета как критерия истинности, включая наделение статусом политического лидера посредством религиозных смыслов, ведет к тому, что религия приобретает все больший вес в публичном пространстве и играет все большую роль в формировании общественного мнения. Так, например, согласно рейтингу журнала *Forbes*, папа Франциск занимает четвертое место в списке самых влиятельных людей мира 2014 г. после президента России В.В. Путина и лидеров США

⁷ По мнению В.С. Соловьева, «отечество пребывало единственной христианской страной, где национальное государство без оговорок утверждало свой исключительный абсолютизм, делая из церкви атрибут национальности, послушное орудие мирской власти, где устранение божественного авторитета не уравновешивалось даже свободой человеческого духа» / *Соловьев В.С. «Оправдание добра» // Соч. В 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1988. С. 224.* Согласно Н.А. Бердяеву, государственное православие все время религиозно обосновывало и укрепляло самодержавную монархию и государственную мощь / *Бердяев Н.А. Русская идея // Русская идея. Судьба России. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. С. 125.*

⁸ *Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М.: АСТ, 2008. С. 168, 182–190.*

и КНР Барака Обамы и Си Цзиньпина⁹. В этих условиях актуализируется проблема религиозной и конфессиональной идентичности, когда значение религиозной идентификации проявляется, в том числе, и в возможностях политической мобилизации и политического участия, основанных на религиозных референтах.

Если обратиться к выбору россиян, то в перечне авторитетов по важным общественным и политическим проблемам лидером является ближнее окружение и родители, четверть россиян «сами себе голова», тогда как из политических и общественных авторитетов, известных журналистов и блогеров, деятелей науки и культуры, лидеров общественных движений и объединений, видных представителей своей национальности, большинство — 17% — выбирают известных политических деятелей, а все остальные являются авторитетом только для 2–10% наших сограждан.

Обращаясь к авторитетности религиозных лидеров, можно отметить следующее: только для 5–7% россиян мнение духовных и религиозных лидеров является значимым по важным общественным, политическим проблемам. Больше всего прислушиваются к авторитету религиозных лидеров мусульмане — 15%, среди приверженцев православия авторитет религиозных лидеров востребован у 6%, среди верующих вне конфессии — всего у 2%. Следует отметить, что вопреки бытующим представлениям, к религиозным и духовным лидерам больше прислушиваются жители мегаполисов (15%), тогда как во всех остальных типах поселений, включая сельские, — не более 5%. Для атеистов духовные и религиозные лидеры не являются выбираемыми авторитетами. Вера в Бога также не обеспечивает абсолютную значимость для общественного и политического поведения мнения религиозных и духовных лидеров.

Если обратиться к данным других исследовательских центров, то по результатам опроса, проведенного Левада-Центром в 2014 г., большинство граждан, например, не приравнивают главу РПЦ к самой Церкви. 62% опрошенных заявили, что можно хорошо относиться к РПЦ, но критиковать действия патриарха. В свою очередь, 21% считает, что все, кто критикует деятельность главы РПЦ, плохо относятся и к самой церкви. При этом считают Патриарха Кирилла умным (42%), порядочным (31%), добрым и честным (по 24%), сильным (22%), выдающимся и бескорыстным (по 14%). Негативные черты, как показал опрос Левада-Центра, отмечает

⁹ Самые влиятельные люди мира — 2014: рейтинг Forbes / FORBES [Электронный ресурс] // URL: <http://www.forbes.ru/rating-photogallery/272505-samyev-vliyatelnye-lyudi-mira-2014-reiting-forbes/photo/1> (дата обращения: 18.06.2015).

незначительное меньшинство: 5% исходят из того, что он «не внушает доверия», по 4% назвали патриарха лицемерным, заурядным, слабым, корыстолюбивым, 2% — недалеким и 1% — злым. 32% респондентов не смогли никак охарактеризовать главу Русской православной церкви (РПЦ)¹⁰.

Несмотря на расширение ресурсной, в том числе ценностно-идеологической, базы Церкви и иных религиозных организаций как социально-политических институтов, религиозные и духовные лидеры пока не формируют общественно-политические ориентации и поведение. Следует подчеркнуть разведение в общественном сознании россиян Церкви как института и религиозных и духовных лидеров. Церковь как институт пользуется значительным доверием россиян как один из конституирующих социальное пространство России в историко-цивилизационной проекции и современном статусе, включая морально-нравственную и ценностно-охранительную функции. Востребовано в данном контексте и участие Церкви и других религиозных организаций в социально и политически значимых мероприятиях, в межконфессиональном сотрудничестве. Религиозные и духовные лидеры не формируют в полной мере в глазах россиян векторы политических и общественных трансформаций. Это во многом определяется и позицией Церкви, настаивающей, что ее поле деятельности — поле спасения человека, его души, а не политические деяния, что отражается в выступлениях и обращениях Святейшего Патриарха Кирилла¹¹.

Необходимо также подчеркнуть проявившуюся роль религиозных лидеров в глазах последователей ислама, что позволяет в управленческих стратегиях повысить действенность использования влияния духовенства для преодоления деструктивных тенденции и социальной консолидации общества. По мнению Председателя Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман Российской Федерации муфтия шейха Равиля Гайнутдина, могут выделяться такие базовые принципы, на которых должна строиться ответственность современных религиозных лидеров перед челове-

¹⁰ См.: Россияне отделяют патриарха от церкви 03.02.2014 // ЛЕВАДА-ЦЕНТР. Аналитический центр Юрия Левада. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.levada.ru/03-02-2014/rossiyane-otdelyayut-patriarkha-ot-tserkvi> (дата обращения: 18.06.2015).

¹¹ См., например: Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Входа Господня в Иерусалим после Литургии в Храме Христа Спасителя. 05.04.2015 // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата [Электронный ресурс] // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4021259.html> (Дата обращения: 18.06.2015).

ством: во-первых, ценности той или иной эпохи преходящи, вечные же ценности даны нам в религии; во-вторых, представление о гуманизме, человеческом в человеке должно базироваться на Божьем промысле о человеке; в-третьих, следует занимать твердую позицию в отстаивании религиозного благочестия и морали, нужно говорить прямо и максимально открыто. Все эти принципы обоснованы вторым пониманием ответственности, когда *«ответственность перед человечеством мыслится как ответственность за человечество»*¹².

Соотношение религиозных институтов и института религиозного лидерства как формирующего векторы и способы общественного поведения ставит проблему смыслов, которую наши сограждане вкладывают в роль религии и религиозной жизни в индивидуальной и повседневной жизни. Каково же реальное воздействие религиозной веры на социально-культурное и духовно-нравственное состояние современного российского общества?

Как следует из данных таблицы 12.3, в числе представленных позитивных воздействий религиозной веры на жизнь современного российского общества респонденты православной группы в первую очередь выделили утешение в беде и удержание от дурных поступков — обе эти позиции выходят на первое место, набирая одинаковый процент поддержки. Все другие точки зрения имеют уже заметно меньший удельный вес сторонников. В частности, в пределах 21–23% набирают поддержку такие позиции, как защита от несчастий и болезней (2-е место), придание жизни смысла и сохранение национальных традиций и культуры (3-е место), духовно-нравственное возрождение общества (4-е место). За ними следует помощь в объединении людей и совершенствовании их морального облика. Наконец, на самом последнем месте среди приведенных возможных позитивных воздействий — роль религии в патриотическом воспитании. Суждения о том, что религией лишь пользуются политики для достижения своих целей, о ее бесполезности или негативном воздействии на жизнь человека и общества, имеют среди православных ярко выраженный маргинальный характер: в частности, о возможности конфликтов на религиозной почве заявил лишь 1%, а сторонников того, что религия мешает нормальной жизни, вообще не нашлось.

¹² Выступление Председателя Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман Российской Федерации муфтия шейха Рафиля Гайнутдина на V съезде лидеров мировых и традиционных религий 10 июня 2015 г. в Астане // Официальный сайт Совета муфтиев России [Электронный ресурс] // URL: <http://www.muslim.ru/articles/279/13391/> (дата обращения: 18.06.2015).

Таблица 12.3

**Мнение представителей религиозно-мировоззренческих групп
о влиянии религии и религиозной веры на жизнь человека и общества,
(допускалось до трех ответов), %**

Роль религии и религиозной веры	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
Дает смысл жизни	19	22	36	10	2
Удерживает от дурных поступков и помогает стать высоконравственным человеком	37	44	55	19	11
Охраняет от несчастий и болезней	19	23	25	9	4
Утешает в беде и помогает пережить ее	38	44	44	26	14
Способствует сохранению национальных традиций и культуры	19	22	21	7	10
Обеспечивает духовно-нравственное возрождение общества	17	21	14	5	5
Помогает объединению людей, делает их лучше	14	16	27	7	5
Не приносит ни пользы, ни вреда	8	5	4	14	21
Мешает нормальной жизни	2	0	1	5	7
Привносит конфликты	2	1	2	4	5
Воспитывает патриотизм	3	3	3	2	1
Религией просто пользуются политики	7	4	4	18	20
Затруднились ответить	16	11	8	22	33

В мусульманской группе представление о глубокой позитивности влияния религиозной веры на жизнь людей выражено даже более отчетливо: ряд принципиально важных суждений на эту тему набирает более высокий процент поддержки. Так на первое место респонденты-мусульмане поставили удержание от дурных поступков, причем эту позицию поддержало более половины опрошенных (55%). На второе место выходит утешение в беде (44%), на третье – придание жизни смысла (36%). Далее следуют помощь в объединении людей и их совершенствовании (27%), охранение от несчастий, сохранение национальных традиций и культуры, духовно-нравственное возрождение общества, на последнем месте – воспитание патриотизма. Суждения о негативном воздействии религиозной веры по процентным показателям у мусульман близки к православной группе и столь же периферийны.

Во внеконфессиональной и особенно атеистической группах все перечисленные выше суждения о положительном воздействии религиозной веры набирают значительно более низкий процент сторонников. Среди внеконфессионально-религиозных лиц относительно более высокий показатель имеет утешение в беде (26%), на второе место выходит удержание от дурных поступков (19%), однако практически такой же процент — 18% представителей данной религиозно-мировоззренческой группы поставили использованию религии политиками, а на четвертое — суждение о бесполезности религиозной веры — 14%. Все остальные суждения, как позитивные, так и негативные, набирают во внеконфессиональной группе менее 10% каждое.

Среди атеистов пятая часть (20%) опрошенных считает религиозную веру абсолютно бесполезной и практически столько же рассматривает ее как один из инструментов политики. На третье место респонденты данной группы поставили ее роль утешения в беде (14%), на четвертое — удержание от дурных поступков (11%), на пятое — сохранение национально-культурных традиций (10%). Все остальные влияния — и положительные, и отрицательные — набирают менее 10% каждое. При этом в атеистической группе треть респондентов затруднилась ответить на поставленный вопрос.

Таким образом, поддержка суждений о позитивном воздействии религиозной веры на жизнь людей наиболее значительна у респондентов — приверженцев традиционных российских религий, прежде всего у мусульман. Наиболее значимыми формами религии и религиозной веры признаются личностно-персональные проекции, связанные с нравственным развитием человека, его совершенствованием, с духовной поддержкой в трудных жизненных ситуациях, преодолением бед и болезней и приданием жизни смысловых ориентиров. Духовно-нравственное возрождение общества и общественная солидарность также представляются сферами, в которых влияние религии и религиозной веры конструктивно-созидательно. Несколько меньше признание роли религиозной веры в сохранении национально-культурных традиций. Вероятно, отдавая эту прерогативу Церкви и религиозным организациям как институтам сквозь призму цивилизационной значимости, с данным положением соглашаются даже 10% атеистов. Положительную роль религии и религиозной веры в некоторых аспектах признает и некоторая часть атеистов: примечательно, что лишь 6% из них утверждает, что религиозная вера мешает

нормальной жизни, и только 5% полагает, что она приносит конфликты в общественную жизнь.

Поставленная проблема соотношения признания консолидирующей роли института Церкви и, как следствие, высокого уровня доверия к ней, невысокий авторитет мнений религиозных и духовных лидеров по общественным и политическим вопросам является отражением восприятия влияния религии и религиозной веры на жизнь человека и общества, приоритетным из которых являются сферы духовно-нравственные, солидаристские, культурные, а также смысло-жизненные и утешительные. Проблема религии и политики в массовом сознании респондентов религиозно-мировоззренческих групп либо не присутствует, либо присутствует в контексте использования политиками религии в своих целях. Такое восприятие пересекается с предназначением Церкви, артикулируемым Святейшим Патриархом Кириллом в проповеди к пастве: «Церковь служит тем целям, которые дают людям полноту жизни как здесь, на земле, так и в вечности, а потому, когда Церковь начинает обслуживать политические интересы, идеологические моды и пристрастия века сего, когда Церковь начинает свое учение трансформировать в угоду популярной в данный момент человеческой мысли, она сходит с того кроткого молодого осла, на котором ехал Спаситель, и пытается взобраться на коня победителя, на котором римские триумфаторы, возвращаясь после побед, гордо восседали, показывая свою человеческую силу собравшемуся народу»¹³. Именно из-за разнонаправленности восприятия роли религии и религиозной веры, специфики религиозных институтов и новых религиозных рефренов и референтов общественно-политической жизни современности, новых форм присутствия религиозного фактора в политике, в зазоре между «должным» и «сущим» возникают многие противоречия современных социально-политических процессов, вызывая драматические реакции общества.

Контекст институциональной проекции и признания важности религиозной веры и религиозной регуляции индивидуальной и общественной жизни конкретизируется через ряд показателей, среди которых целесообразно остановиться на двух: посещение Церкви в свободное время как признание приоритетности цер-

¹³ Проповедь Святейшего Патриарха Кирилла в праздник Входа Господня в Иерусалим после Литургии в Храме Христа Спасителя. 05.04.2015 // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата [Электронный ресурс] // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4021259.html> (дата обращения: 18.06.2015).

ковно-религиозной жизни, и участие наших сограждан в деятельности религиозных организаций как структурирующей публичную активность в секуляризованном пространстве посредством общественных или гражданских инициатив.

Посещение Церкви в свободное время отражает значимость религиозной регуляции повседневной жизни человека, его вовлеченность в приходскую жизнь и высокую потребность духовных исканий и общения с Богом. Можно предположить, что выбор в пользу Церкви из всех форм досуга свидетельствует о приоритетности религиозной идентичности как онтологической и о вовлеченности в структурированное посредством религии и Церкви социальное и личностное пространство. С другой стороны, это люди, составляющую реальную социальную базу Церкви.

Признание значимости религии и религиозной веры в структуре индивидуальной и коллективной идентичности, обращение к Богу, потребности в социальнозначимых формах солидарностей и духовно-нравственном наполнении жизни предопределили стабильное возрастание количества людей, выбирающих среди различных форм проведения свободного времени посещение Церкви, и расширение социальной базы религиозных организаций. Динамика данного показателя (рис. 12.2) свидетельствует о возрастании за последние 7 лет практически в 2 раза (с 7% до 12%) количества россиян, для которых религиозная составляющая неотделима ни от каких форм повседневной жизни¹⁴. Несмотря на то, что это далеко не приоритетная форма проведения досуга, следует отметить,

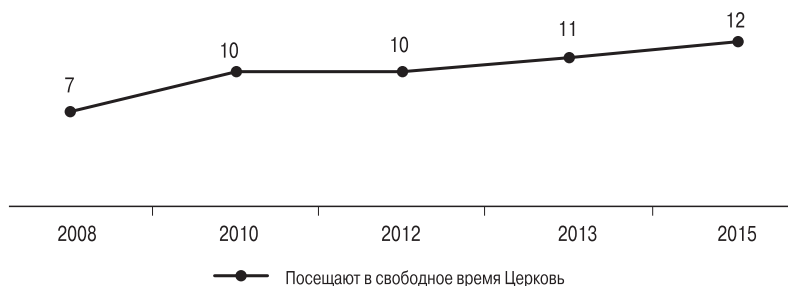

Рисунок 12.2. **Динамика посещения россиянами Церкви, других религиозных собраний в свободное время, %**

¹⁴ О других исследованиях см., например: Росстат: кинотеатры и бары стали популярнее церковей и спортзалов. 01.06.2015 // Известия [Электронный ресурс] // URL: <http://izvestia.ru/news/587159> (дата обращения: 18.06.2015).

что уровень посещаемости Церкви и других религиозных организаций не только свидетельствует о том, что десятая часть нашего общества соотносит свою жизнь прежде всего с религиозными ориентирами, но и фиксирует возрастание потребности в формах солидарности в противовес социальной атомизации и увлечению потребительским поведением.

Как вытекает из данных рис. 12.3, 15% православных (данное число также возросло по сравнению с предыдущими годами)¹⁵ и 8% мусульман выбирают в свободное время посещение Церкви или мечети, и даже 1% атеистов и 2% верующих вне конфессии приходят в храм. Выбор из множества дорог «дороги к храму», осуществляемый нашими согражданами все чаще, не зависит от уровня образования, но зависит от возраста и типа поселения: если в селах и других типах поселениях таковых 10%, то жителей мегаполисов уже 23%. Также молодежь ходит в свободное время в Церковь меньше — среди молодых людей в возрасте 18–30 лет таковых 6%.

Проблема участия в деятельности религиозных организаций является частным случаем более широкой методологической проблемы — степени развитости форм гражданского участия и гражданских инициатив в поле российской публичной политики, а также самоорганизующихся форм общественных солидарностей или групп интересов¹⁶.

Рисунок 12.3. Посещение Церкви, других религиозных организаций представителями религиозно-мировоззренческих групп, 2015, %

¹⁵ См.: Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой — М.: 2009; О чем мечтают россияне: идеал или реальность / Ред. М.К. Горшков, Р. Крумм, Н.Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2013.

¹⁶ О других исследованиях, относительно участия россиян в деятельности общественных организаций, см., например: Общественные организации: «не был, не состоял, не участвовал...». Пресс-выпуск № 2691 от 10.10.2014 / Официальный сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс] // URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115017> (дата обращения: 05.07.2015).

Несмотря на достаточно высокий уровень доверия общественным организациям, подавляющее большинство наших сограждан никогда не принимали участие в деятельности общественных организаций ни с целью отстаивания своих интересов, ни с целью сохранения культурного наследия, ни с благотворительными целями (табл. 12.4). Это отражает как неразвитость активистской политической культуры, так и проблематичность гражданских форм общественной активности вследствие отсутствия механизмов диалога с государственными институтами и неразвитости правового поля. Однако в различных типах общественных организаций принимают участие четверть россиян (прежде всего это благотворительные, волонтерские движения, а также различные формы самоуправления), что свидетельствует о потребности в преодолении социальной атомизации и самоорганизации для решения вопросов, направленных на воссоздание социального пространства. Религиозно-мировоззренческий фактор не оказывает практически

Таблица 12.4

Участие представителей религиозно-мировоззренческих групп в деятельности общественных объединений за последний год, %

Общественные объединения	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
Социальные волонтерские движения (помощь пострадавшим при пожарах, наводнениях)	4	4	3	3	4
Экологические организации	2	2	4	3	3
Профсоюзы	5	5	3	4	3
Благотворительные организации	4	3	6	5	4
Местное самоуправление, ТСЖ	6	6	5	6	7
Общества защиты прав потребителей	2	2	2	1	0
Правозащитные организации	1	1	2	0	0
Объединения по защите памятников культуры, архитектуры и т. п.	2	2	3	1	2
Интернет-сообщества	7	7	4	9	10
Религиозные организации	2	2	5	0	0
Другое	1	1	1	1	1
Не приходилось участвовать в перечисленных организациях, объединениях и сообществах	77	77	81	79	78

никакого влияния на гражданскую активность. Что касается участия в деятельности религиозных организаций, то об этом заявили только 2% наших сограждан вне зависимости от возраста, уровня образования, типа поселения. Причем следует отметить, что если среди православных таковых также 2%, то в среде приверженцев ислама таковых 5%, что, вероятно, связано с развитыми формами религиозной общественной деятельности и поощрением ее в вероучении. Это проявляется также в том, что в деятельности благотворительных организаций принимает участие в два раза больший процент приверженцев ислама, чем православных (6% против 3%).

Расширение социальной базы Церкви и других религиозных организаций может свидетельствовать о потребности в преодолении ценностной аномии и повышении значимости форм солидарностей, альтернативных политическим и гражданским. Участие в деятельности религиозных организаций пока не является распространенной практикой, однако институционализированные формы гражданской активности и гражданского участия представляются востребованными как формы «общего дела».

Соотношение ценностных ориентаций и религиозно-мировоззренческих предпочтений определяет специфику трансформационных процессов и общественный настрой на определенные формы политических интенций. Выбор ценностных приоритетов может определить стратегии поиска консенсуса между различными мировоззренческими сегментами российского общества, а также предпочтительную регулятивную ценностную иерархию (табл. 12.5).

Если обратиться к логике выбора между альтернативными ценностными суждениями, то можно отметить общие закономерности и совпадающие принципиальные позиции. Однако религиозно-мировоззренческий фактор накладывает заметный отпечаток на предпочтение тех или ценностей или стратегий в качестве общественных образцов. Приверженцы традиционных российских конфессий – православия и ислама – демонстрируют большое стремление следовать за традиционными патерналистскими ценностями, а также ценностями коллективизма, общественной пользы, труда и гуманизма. Приверженцы православия (58%) и ислама (59%) более ориентированы на патерналистские ценности и ценности традиционализма, причем в последнем случае именно мусульмане более четко демонстрируют данную ориентацию (53 и 44%) соответственно. В двух других группах ценностные позиции проявлены более слабо. Так, без помощи государства не смогут прожить 52% внеконфессиональных верующих и 49% атеи-

Таблица 12.5

**Выбор представителей религиозно-мировоззренческих групп
из альтернативных суждений, %***

Пары суждений	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
Я смогу сам(-а) обеспечить себя и свою семью и не нуждаюсь в поддержке со стороны государства	44	42	41	48	51
Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить	56	58	59	52	49
Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества	41	43	41	34	37
Личные интересы – это главное для человека	59	56	58	66	63
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	57	56	47	66	63
Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций	43	44	53	34	37
Чтобы отстаивать свои интересы и права, необходимо за них активно бороться	56	55	44	62	56
Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	44	44	56	36	43
Только на интересную работу можно потратить значительную часть жизни	53	53	51	57	50
Главное в работе – это сколько за нее платят	47	47	47	42	50
Свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл	61	63	56	63	54
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	39	37	44	36	46
Материальных успехов люди должны добиваться сами, а те, кто этого не хочет, пусть живут бедно – это справедливо	45	43	38	53	49
Надо проявлять гуманность, те, кто материально преуспел, должны помогать и заботиться о тех, кто не преуспел	55	57	62	47	51
Хотел бы быть полезным государству и обществу	50	51	55	51	41
Хотел бы жить так, как хочется	50	49	46	49	59

Примечание: *Суммы цифр по каждой паре суждений могут быть менее 100%, т.к. не указаны затруднившиеся с ответом.

стов, а традиционалистские установки демонстрируют всего треть данных религиозно-мировоззренческих групп. Активистские установки при выборе стратегии достижения своих интересов больше всего присущи верующим вне конфессий (62%), затем атеистам и православным (56% и 55% соответственно), тогда как приспособительные алгоритмы больше характерны для мусульман: активистов среди них меньше половины (44%).

В выборе между приоритетами личного и общественного, несмотря на общие доминирующие установки на примат личных интересов, именно последователи российских религиозных течений демонстрируют чуть больший коллективизм и солидарность — 43% православных и 41% мусульман, тогда как более эгоистичны верующие вне конфессий и атеисты — 34% и 37%. С одной стороны, это демонстрирует атомизацию российского общества, с другой — солидаризирующие возможности традиционных российских конфессий.

В перечне таких ценностей, как труд, свобода, гуманизм и полезность обществу по степени востребованности лидирует свобода вообще, не связанная с материальным благополучием. Так, о приоритете свободы над деньгами говорят 63% православных и внеконфессиональных верующих. Более легко обменяют свободу на богатство мусульмане и атеисты — таковых среди них 44% и 46%, тогда как о свободе как о главной ценности заявляют 56% мусульман и 54% атеистов. Вопрос о нравственной нагруженности труда и его наполнении значим для 57% верующих вне конфессий, 53% православных, для мусульман и атеистов чуть меньше — 51% и 50% соответственно, а для остальной части всех мировоззренческих групп первостепенным является оплата труда. Таким образом, на структуру ценностного восприятия труда накладывает отпечаток принадлежность к духовной традиции, чуть перенаправляя смысл труда к его наполнению.

Справедливость и гуманизм в ценностной структуре занимают различные позиции в зависимости от религиозно-мировоззренческой принадлежности. По мнению 43% православных и 38% мусульман бедность — это справедливое положение, поскольку обусловлено нежеланием самим добиваться успехов. Более жестки в данных оценках внеконфессиональные верующие и атеисты: среди них разделяют подобные суждения соответственно 53% и 49%. Противоположного мнения о гуманности и милосердии, о необходимости помощи тем, кто сам не смог достичь успеха, придерживаются 57% православных, 51% атеистов и 47% верующих вне

конфессий. Наиболее человечную позицию занимают мусульмане — таковых 62%, что во многом связано с особенностями исламского вероучения и обязательностью благотворительности и помощи неимущим.

Выбор между желанием быть полезным обществу и государству и жизнью согласно своим желаниям делит российское общество пополам. Это относится к приверженцам православия и внеконфессиональным верующим. Атеисты больше готовы идти только за своими желаниями — 59% выбирают индивидуалистическую парадигму жизни, тогда как 41% хотели бы следовать общественно полезным и социально значимым принципам. Наибольшее число желающих приносить пользу государству и обществу среди мусульман — таковых 55%, тогда как противоположные ценностные приоритеты выбирает 46% приверженцев ислама.

Ценностные ориентации демонстрируют: при вполне определенном общем векторе приоритетов принадлежность к традиционным российским конфессиям повышает ориентацию на традиционализм, справедливость, гуманизм, полезность обществу, солидаризм, что еще раз подтверждает влияние принадлежности к исторически существующим в поле российской цивилизации религиозным течениям на социальную консолидацию, нравственную атмосферу и солидарные алгоритмы общежития. Поскольку традиционные российские конфессии, обладающие большим социальным и культурным авторитетом, уже имеют сформулированные концептуальные подходы, то религиозные организации могут формулировать и транслировать идеи, осуществлять деятельность, способствующую ценностной консолидации и снижающую издержки социальных трансформаций и кризисных ситуаций¹⁷.

¹⁷ См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: Изд. Московской Патриархии, 2000; Основные положения социальной программы российских мусульман / Совет муфтиев России. Ярославль: ДИА-пресс, 2001; Основы социальной концепции иудаизма в России. М.: КЕРООР, 2002; Социальная позиция протестантских Церквей России. М., 2009.

Глава 13. Религиозно-конфессиональный фактор и светскость государства

Напряженные и даже острые общественные дискуссии в российском обществе, затрагивающие такую деликатную сферу, как религия, свидетельствуют о сложном процессе поиска новых форм взаимоотношения между светским и религиозным, между государством и религиозными организациями, между традиционными смыслами и новыми эпистемами современности. К сожалению, в России подобные дискуссии приобретают крайние формы, поскольку культура толерантного уважительного диалога еще не сложилась, а «дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое правое дело»¹. Точкой пересечения основных дискуссий представляется политико-правовой принцип светскости, заложенный в политический контекст современности, структурирующий государственно-конфессиональные отношения и выстраивающий во многом саму сущность взаимоотношений между церковью, обществом и государством². Наиболее пессимистичные оценки сводятся

¹ См.: Померанец Г.М. Догматы полемики [Электронный ресурс] // Персональный сайт Григория Померанца и Зинаиды Миркиной. URL: http://www.pomeranz.ru/p/pub_dogmats.htm (дата обращения: 18.06.2015).

² Это проявляется и в новых социальных практиках, демонстрирующих противоречивость и актуальность в оценках манифестации религиозной ориентации или наоборот – ее противоположности. Так, «ношение христианских символов – нательных крестов – может быть расценено некоторыми работодателями как нарушение «корпоративной культуры» (см. «Европейская цивилизация – от Миланского эдикта до христианофобии». Выступление митрополита Илариона на Международной научно-практической конференции «Духовный подвиг святых равноапостольных Константина и Елены – начало и торжество христианского мира в истории человечества» // Официальный сайт Отдела Внешних Церковных Связей 02.10.2012 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mospat.ru/ru/2012/10/02/news71824/>) (дата обращения: 18.06.2015). С другой стороны, для пользования продукцией Apple несколько священников в России уже поменяли значок с изображением надкушенного яблока, которое символизирует описанный в Библии первородный грех, на эмблемы с изображением креста (см.: Российские священники пытаются охристианить устройства Apple, меняя надкушенное яблоко на крест. 03.10.2012 /

к утверждению, что светский проект потерпел решающее поражение, утратив монополию на описание реальности.

Несмотря на то, что данный принцип коррелирует с теорией секуляризации, именно последняя подвергается деконструкции³. Сознание своей принадлежности к секулярному обществу теперь уже не связано с уверенностью в том, что культурная и социальная модернизация может осуществляться только за счет уменьшения влияния религии на индивида и общество. Даже такой сторонник теории секуляризации, как П. Бергер, настаивает, что «если ранее мы говорили о процессе секуляризации и утрате иллюзий социума как тенденции долговременной и неизбежной, то сейчас ей на смену приходит тенденция десекуляризации, основанная, в частности, на переоценке социальной значимости религии»⁴.

Религия живет, «религиозное» эволюционирует, а секуляризация в социально-политической сфере в крайних формах⁵ сопровождается прямо противоположными тенденциями (например, требования предоставления возможностей соблюдения религиозных предписаний в публичной сфере). Социологические исследования показывают, что нет прямой корреляции между религиозностью населения и принципом светскости, т.е. уровень религиозности населения не зависит от конституционно закрепленного принципа светскости⁶. Поиски снятия противоречивости между религи-

Комсомольская правда [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kp.ru/online/news/1262447/> (дата обращения: 18.06.2015).

³ Модернизационная парадигма исследования воздействия религиозного фактора на общество и политику, настаивавшая на том, что постепенно «религиозное мышление, практика и религиозные институты утрачивают свое значение» (*Wilson B. Religion in secular society: a sociological comment.* — Л.: Watts, 1966. P. 14), как это происходило в случае европейской истории, не удовлетворяет эпистемологическим запросам современности и параметрам реальной жизни. Ю. Хабермас высказывает идею о том, что значимость религиозного фактора, проявляющегося в различных обществах от современных до традиционных, показывает, что «западноевропейский путь развития, специфический рационализм которого признавался некогда моделью для всего остального мира, представляется сегодня скорее исключением, чем правилом, то есть неким «девиантным маршрутом» (*Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество — что это такое?* [Электронный ресурс] // Русский журнал URL: <http://www.russ.ru/pole/Protivvoinstvuyuschego-ateizma> (дата обращения: 18.06.2015).

⁴ *Berger P. L. Le réenchantement du monde.* Paris: Fayard, 2001.

⁵ См., например: ЕСПЧ: за христианку, но против христиан. 17.01.2013 [Электронный ресурс] // Официальный сайт представительства РПЦ в Страсбурге. URL: <http://www.strasbourg-geor.org/?topid=1023> (Дата обращения: 18.06.2015).

⁶ См. подробнее: www.europeansocialsurvey.org; Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; / под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Весь Мир, 2015. С. 171–174.

озным и светским в политической сфере предопределяет предложение различных парадигм. В ряду многих предлагаемых можно выделить: алармистские проекты, связанные с фундаменталистским обострением различий; диалоговые стратегии; гражданский, несколько утопичный, новый космополитизм, основанный на ценности Другого и Инаковости; идеи постсекулярного общества. Данные модели улавливают и пытаются выстроить объяснительную модель многообразного присутствия религиозных интенций в социальной ткани и в публичном пространстве, поскольку новые религиозные смыслы современности диверсифицированы и проникают в области, ранее для них несвойственные, проблема соотношения традиции и современности в религиозных координатах отражает поиски новых форм социальности, ощущение нарождающегося нового мира, переосмысление ткани политического.

Противоречия не только между различными религиозными традициями, но и между религиозным и светским акцентировали необходимость выработки новых политико-правовых форм сопряжения разнородности; они также свидетельствуют о переходе данных проблем в поле реальной общественной и политической жизни, приобретающих формы внешнеполитических и внутривнутриполитических угроз социальной стабильности⁷.

Неслучайно предложения идеологической и социальной альтернативы линейности Модерна как идеи преодоления социальной несправедливости и неравенства представляются лейтмотивом идеологии исламистских политических субъектов. Трагичным примером является деятельность организации «Исламское государство» (ИГ), сущность которой чужда и Западу, и традиционным культурам Ближнего Востока и выходит за границы «знакового мира». В определенной мере ИГ можно назвать феноменом мира Постмодерна, ведь «быть меньшим, более легким, более подвижным — это признак совершенства и «прогресса»⁸, несмотря на четкую демонстрируемую архаизацию политики.

⁷ Подтверждением являются драматические события в Сирии, Нигерии, Ливии, Франции, общественные резонансы в России. См., например, дискуссию в информационном пространстве: В деле о новосибирском «Тангейзере» появился новый фигурант. 04.03.2015 [Электронный ресурс] // Известия URL: <http://izvestia.ru/news/583641> (дата обращения: 18.06.2015); Штейнер А. Казус Тангейзера. О гражданском обществе по-русски. 06.04.2015 [Электронный ресурс] // «Лента.Ру» интернет-газета / URL: <http://lenta.ru/columns/2015/04/06/tannhauser/> (дата обращения: 18.06.2015) и мн. др.

⁸ Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер Пресс, 2008. С. 20.

Формы, которые приобретают данные проблемы в процессе социально-политических трансформаций в России, отражают как общие тенденции, так и цивилизационную специфику нашего общества. Тем более важно понимать, насколько распространение исламского экстремизма тревожит наших сограждан на фоне других событий и процессов последнего времени и отражает восприятие данной угрозы, имеющей глобальный и приоритетный характер. И здесь приходится констатировать, что среди всего спектра событий и процессов в жизни страны собственно религиозные угрозы находятся в самом конце списка. Причем следует отметить, что религиозно-мировоззренческий фактор не оказывает существенного влияния на иерархию угроз. Во всех религиозно-мировоззренческих группах наибольшую тревогу вызывает рост цен на товары и услуги, рост жилищно-коммунальных платежей и связанный с данной угрозой низкий уровень жизни значительной части населения России. Вторую ступень занимают социальные угрозы вымывания из социального пространства общественных благ — таких как сокращение доступа к бесплатному образованию и медицинскому обеспечению, а также уровень бюрократии и коррупции. Распространение исламского экстремизма тревожит только 6% россиян, причем наиболее озабочены этой проблемой атеисты и верующие вне конфессий — по 10% соответственно, чуть меньше мусульман — 8% и в два раза меньше православных. Чуть больше озабочены данной угрозой наши сограждане с высшим образованием (8%) и жители мегаполисов (12%). Вероятно, именно образованным жителям городов более явно видны последствия данного явления как угрожающего стабильности социально-политического пространства. Таким образом, несмотря на глобальный характер и реальную опасность для безопасности России⁹, данная угроза не входит в число приоритетных в жизненных установках россиян, для которых решение возникших проблем внутренней жизни в связи с кризисом, а также проблемы социальной справедливости более осязаемы и больше их тревожат. С другой стороны,

⁹ См., например: Уход молодежи в «Исламское государство» — уже не только кавказская проблема. 22.06.2015. [Электронный ресурс] // Информационное агентство «REGNUM» URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1935906.html>; В сирийской Пальмире боевики «ИГ» взорвали две исламские святыни. 23.06.2015 [Электронный ресурс] // RG.RU — интернет-портал «Российской газеты». URL: <http://www.rg.ru/2015/06/23/palmira-anons.html>; СБ РФ назвал опасностью для России возвращение в страну бывших боевиков ИГ. 24.06.2015 [Электронный ресурс] // Информационный портал «ИНТЕРФАКС» URL: <http://www.interfax.ru/world/449342> (Дата обращения: 18.06.2015) и мн. др.

это может свидетельствовать о срабатывании *исторического опыта мирного сосуществования приверженцев различных религиозных традиций и культурного взаимопроникновения в поле российской цивилизации, формирующего долговременные установки на отсутствие серьезного внутреннего напряжения и расколов вследствие межрелигиозных противоречий.*

С новыми вызовами и угрозами тесно связана проблема миссионерства и прозелитизма — распространения той или иной религии среди лиц другой религиозно-мировоззренческой ориентации, в том числе в регионах, для народов которых данная религиозная система не является традиционной. В связи с этим представляется важным выявление отношения респондентов к распространению религий в зависимости от их религиозно-мировоззренческой ориентации.

Как показано в таблице 13.1, наибольший процент сторонников во всех группах набирает точка зрения, согласно которой препятствий для распространения любых религиозных мировоззрений быть не должно, и мировоззренческий выбор — личное дело каждого человека. При этом самый высокий показатель наблюдается среди мусульман, однако православная и внеконфессиональная группы по данной позиции набирают почти такой же

Таблица 13.1

Отношение представителей религиозно-мировоззренческих групп к распространению религий, %

Позиции отношения	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
Каждая религия должна проповедоваться там, где она традиционно существует	24	25	28	19	21
Всем религиям должен быть открыт путь в любую страну и к любой национальности: каждый человек должен сам решить, какую религию ему принять или не принять	37	39	40	38	25
От распространения чуждых религий увеличиваются конфликты	19	19	11	25	24
Затруднились ответить	20	18	21	18	30

процент сторонников. Лишь у атеистов поддержка названной точки зрения в полтора раза ниже. Вместе с тем, от пятой части до четверти и выше респондентов всех группах считает *недопустимой проповедь религии за пределами ее традиционного распространения*. Наибольший процент сторонников данного подхода имеет мусульманская группа, лишь немного от нее отстает православная, тогда как самый низкий показатель наблюдается среди внеконфессионально-религиозных лиц.

Более радикальная точка зрения, связывающая распространение нетрадиционных религий с усилением конфликтности, набирает меньший процент сторонников. Самую высокую поддержку она имеет во внеконфессиональной группе, причем респонденты-атеисты набирают почти идентичный процент. Наиболее низкий показатель имеют мусульмане. Наконец, наибольший процент затруднившихся дать ответ присутствует в атеистической группе. Таким образом, несмотря на заметный удельный вес во всех группах сторонников свободы религиозной проповеди, доля ее противников — в умеренном или радикальном вариантах — у православных, атеистов и внеконфессионально-религиозных лиц все же преобладает. Причем в двух последних группах доминирует более радикальный вариант. Только среди мусульман сторонники и противники свободы распространения религий составляют примерно равные доли.

В многоконфессиональных государствах, где сосуществуют различные религиозные течения, проблема равенства их возможностей, равноправного диалога является наиболее острой. Важность религиозной самоидентификации в плане ее влияния на отношение к важнейшим проблемам консолидации современного российского общества делает необходимым выявление точки зрения различных религиозно-мировоззренческих групп на современное положение религиозных институтов в стране, взаимоотношения между приверженцами разных религий и возможности их конструктивного сотрудничества, а также на институционально-нормативную проекцию данной проблемы.

Как показывают данные таблицы 13.2, среди всех россиян самый высокий процент сторонников имеет точка зрения о реальных преимуществах Русской Православной Церкви при формальном равенстве всех религиозных организаций, действующих на территории страны, — с этим согласны 31%. Несколько меньший уровень поддержки имеет утверждение о действительном осуществлении на практике принципа религиозного равенства (23%). На

Таблица 13.2

Отношение представителей религиозно-мировоззренческих групп к суждениям о равенстве религий и религиозных организаций, %

Позиции отношения	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
В России на практике осуществляется принцип равенства всех религий и религиозных организаций перед законом	23	25	28	16	12
Формально все религиозные организации равны, но реально Русская Православная Церковь имеет преимущества	31	34	20	30	21
Формально все равны, но реально в регионах компактного проживания мусульман их организации имеют преимущества	9	9	7	13	10
Равенства между религиозными организациями нет	10	8	8	20	19
Затруднились ответить	28	24	38	21	38

третье место выходит утверждение об отсутствии между религиозными организациями реального равенства (10%), практически такой же процент поддержки набирает позиция, согласно которой при формальном равенстве религий в регионах компактного проживания мусульман реальные преимущества имеют мусульманские религиозные организации. Практически треть наших сограждан затруднилась ответить на данный вопрос.

Суждение о реальном осуществлении в стране равенства религиозных организаций набирает самый высокий процент в мусульманской группе (28%), лишь немного ниже данный показатель у православных (25%), за которыми со значительным отрывом следует внеконфессиональная группа (16%), а самый низкий уровень поддержки можно наблюдать среди атеистов (12%). Утверждение о реальных преимуществах Русской Православной Церкви наиболее высокий уровень поддержки имеет в православной группе, где его сторонниками является около трети опрошенных, несколько ниже данный показатель среди внеконфессионально-религиозных лиц, на последнем месте — респонденты-мусульмане — 20% (причем практически такой же показатель имеет атеистическая группа). Точка зрения о преимуществах мусульманских религиоз-

ных организаций в местах компактного проживания мусульман во всех группах набирает наименьший процент сторонников, причем самый низкий показатель имеет как раз в мусульманской группе (7%), а самый высокий – во внеконфессиональной (13%).

Наконец, позиция об отсутствии реального равенства религиозных организаций имеет заметный уровень поддержки во внеконфессиональной и атеистической группах (об этом говорит каждый пятый из этих групп), тогда как и у православных, и у мусульман данный показатель незначителен – 8%. При этом от 20% до 40% респондентов разных религиозно-мировоззренческих групп затруднились ответить на поставленный вопрос, причем самый высокий процент здесь у мусульман и атеистов.

Таким образом, именно приверженцы традиционных российских религий в наибольшей мере выражают согласие с позицией, в соответствии с которой в современной России на практике осуществляется принцип равенства религиозных организаций. Во внеконфессиональной и особенно в атеистической группах данная точка зрения имеет наименьшую поддержку, скорее даже наоборот – в них превалирует убеждение в фактическом неравенстве религий и религиозных организаций и де-юре, и прежде всего де-факто.

Вместе с тем среди православных респондентов самый высокий удельный вес имеют сторонники суждения о реальных преимуществах Русской Православной Церкви при декларируемом равенстве всех религиозных организаций, причем данная точка зрения присутствует и в других группах, хотя в меньшем масштабе. Примечательно, что аналогичное суждение относительно мусульманских религиозных организаций в местах компактного проживания мусульман находит гораздо меньшую поддержку, причем наименее значительную – как раз в мусульманской группе. Тем самым можно сделать вывод об отсутствии конфликтности в восприятии институционально-нормативного статуса различных религий и религиозных организаций при некотором признании особой роли Русской Православной Церкви, что имплицитно ее важнейшей исторической ролью, несравнимым вкладом в формирование культуры и государственности, институциональной устойчивостью и влиятельностью, а также многочисленностью приверженцев¹⁰.

¹⁰ «И когда мы говорим о единстве современной многонациональной России, мы должны помнить, что огромную, если не решающую роль в формировании этого единства сыграла Православная Церковь». См.: Слово *Святейшего Патриарха Кирилла*

Неслучайно, возможность диалога между различными религиозными и культурными группами как стратегия оформления разнообразия в рамках определенных политических императивов представляет собой один из самых серьезных вызовов, с которым сталкивается современная демократия. Конституционное закрепление равенства всех религий и религиозных организаций перед законом является проекцией демократического устройства общества и соответствующего ценностно-институционального проекта.

Демократия, представляющая собой едва ли не основную несущую конструкцию политической модернизации, еще недавно представлявшаяся глобальной по охвату и универсальной по влиянию «третьей волной», в контексте современных реалий, несомненно, нуждается в переосмыслении. Существующие дискуссии имеют очень широкую вариативную шкалу: от идеала и определенного *finalité politique* до признания демократии «пустым понятием»¹¹. Парадигма постмодерна¹² отнесла демократию к разряду кочующих в общественном дискурсе глобальных спекулятивных категорий мировой политики, участвующих в формировании геополитического капитала западной культуры. Изменение референциальных значений философско-политических универсалий демократии, свободы, равенства, прав человека в качестве несущих конструкций политического бытия, рефлексивных схем и идеологических интенций вызывает к жизни новые политические практики и мировоззренческие дискуссии. Одним из аргументов против нормативности демократии являются «моральные искажения», включающие в себя все злоупотребления свободой, которые облегчаются гарантированностью гражданских свобод, разграничением государственной и частной сфер и принципом политической правомерности всех мнений и всех вкусов¹³.

Когда речь идет о свободах и правах человека и о том, какими характеристиками наделяется в представлениях россиян демократическое общество, то оказывается, что за 17 лет произошла существенная трансформация в понимании значимости основополагающих характеристик.

ла на заседании Высшего Церковного Совета 25 июня 2015 года. Русская Православная Церковь. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4134246.html> (Дата обращения: 18.06.2015).

¹¹ Bernardi B. La démocratie. Paris: GF-Flammarion, 1999. P. 13.

¹² Canet R., Duchastel J. La nation en débat: entre modernité et postmodernité. Outremont: Éditions Athéna, 2003. P. 101.

¹³ Бешлер Ж. Демократия. Аналитический очерк. — М.: UNESCO, 1994. С. 168–186.

Согласно данным рис. 13.1, если в 1998 г. о свободе вероисповедания говорили 24% как о необходимом атрибуте, то сегодня на необходимости данной свободы настаивает всего 14%. В 1998 г. свобода печати была абсолютной характеристикой демократического общества для 48% россиян, а к 2015 г. этот показатель упал практически в 2 раза и свобода печати как необходимая характеристика оказалась важна только для 26%. Однако, если о равенстве всех граждан перед законом в 1998 г. говорили 54% россиян, то в настоящий период уже 70%. Иначе говоря, произошла девальвация значимости прав и свобод человека, когда, казалось бы, неоспоримые демократические институты потеряли практически половину своей значимости (аналогичная тенденция прослеживается и по другим показателям), а приоритет равенства всех перед законом стал основным мотивом целеполагания.

Следует отметить, что иерархия в выстраивании необходимости институциональных атрибутов демократии одинакова во всех религиозно-мировоззренческих группах (табл. 13.3): неоспоримым лидером является равенство всех перед законом, причем приверженцы традиционных конфессий больше настаивают на этом, чем атеисты и верующие вне конфессий. Свобода печати представляется в три раза менее значимой, причем православные и атеисты больше признают ее необходимость (25–27%), чем мусульмане и верующие вне конфессий (22–23%). Свободу вероисповедания считают абсолютно необходимой 15% православных,

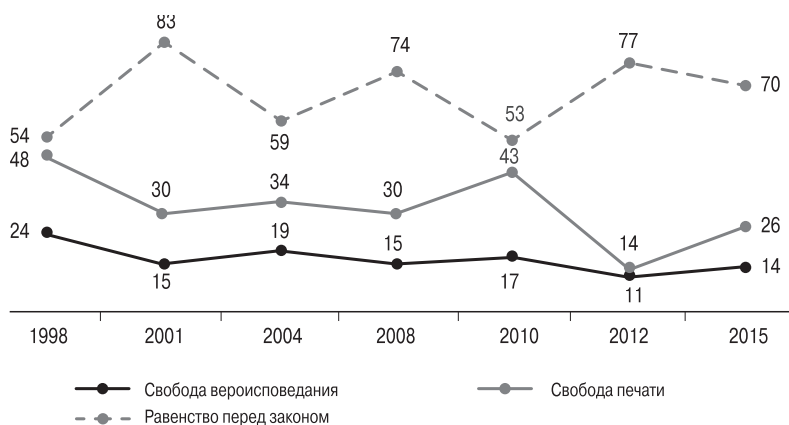

Рисунок 13.1. **Динамика значимости признаков демократии в массовом сознании россиян, %**

Таблица 13.3

Значимость прав и свобод для того, чтобы можно было сказать: «Да, это и есть то общество, которое можно считать демократическим», по мнению представителей религиозно-мировоззренческих групп, %

Признаки демократии	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
Равенство всех граждан перед законом	70	72	68	65	64
Свобода печати	26	26	22	23	27
Свобода вероисповедания	14	15	21	11	6

21% мусульман, 11% верующих вне конфессий и лишь 6% атеистов. Вера в Бога повышает значимость данного признака демократии — его выбирают 17% верующих в Бога и всего 10% неверующих. Это может свидетельствовать либо о достаточно спокойном мировоззренческом климате и институциональной реализованности данного принципа в глазах россиян, либо о незначимости подобного атрибута в сравнении с институциональным выражением социальной справедливости и равенства.

В связи с этим представляется важным выяснить, сталкивались ли приверженцы различных мировоззрений и религий с какими-либо формами гражданской дискриминации (табл. 13.4).

Среди приверженцев всех выделенных религий и мировоззрений имеются лица, в разных жизненных ситуациях и по разным причинам подвергавшиеся дискриминации, хотя процент таковых в целом не очень значителен. В качестве главной из этих причин во всех группах, кроме мусульманской, был назван возраст (22%). На втором и третьем местах, также за исключением мусульман, — дискриминация из-за бедственного материального положения (15–18%) и по гендерному признаку (9–10%). Все другие причины дискриминации отметил заметно меньший процент респондентов: ввиду национальной принадлежности — в пределах 4–7%, из-за политических взглядов — 3–5%, по вероисповедному признаку — 1–3%. Таким образом, для подавляющего большинства респондентов трех названных групп факты дискриминации, с которыми им приходилось сталкиваться, никак не были связаны с их национальной или религиозной принадлежностью.

Таблица 13.4

Приходилось ли представителям религиозно-мировоззренческих групп лично испытывать ущемление своих прав или возможностей, %*

Причины дискриминации	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий
Из-за пола	9	9	6	10
Из-за возраста	22	23	12	22
Из-за политических взглядов	5	4	10	3
Из-за национальности	6	4	21	7
Из-за вероисповедания	3	3	14	2
Из-за бедственного материального положения	15	16	12	18

Примечание: *В таблице приведены ответы «да».

В отличие от них респонденты-мусульмане среди причин дискриминации на первое место поставили как раз национальную принадлежность (21%), которую отметила пятая часть опрошенных. На второе место вышло вероисповедание (14%), на третье — возраст (12%) и плохое материальное положение (12%); далее следуют политические взгляды и на последнем месте — гендерный признак. Причем национальная и религиозная принадлежность, равно как и политические взгляды как причины дискриминации, набирают в мусульманской группе самый высокий процент, тогда как удельный вес других причин существенно ниже. Подобная ситуация характеризует ряд линий напряжений, связанных с необеспечением равенства для всех мировоззренческих групп, что определяет необходимость коррекции управленческих и политических практик, а также воссоздание толерантного и равноправного смыслового общественного пространства и обеспечения на практике декларируемых принципов политического и социального общежития.

Одновременно вопрос о равном обеспечении свободы печати и свободы вероисповедания начинает играть новыми гранями в связи с публичными посягательствами на символы религиозной веры, оскорблениями чувств верующих. 85% наших сограждан (87% православных, 91% мусульман, 68% атеистов) считают, что никогда не может быть оправдания оскорблению чувств верующих (рис. 13.2).

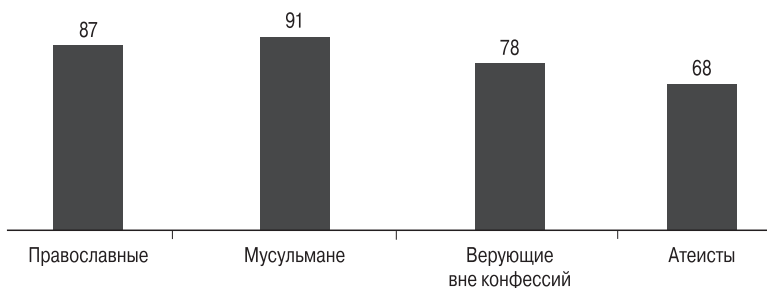

Рисунок 13.2. **Невозможность оправдания оскорбления чувств верующих ни при каких обстоятельствах, по мнению представителей религиозно-мировоззренческих групп, 2015, %**

Следует отметить, что молодежь несколько более лояльно относится к оскорблению чувств верующих: 78% молодых людей полностью отрицают возможность оправдания подобных поступков и 14% говорят о возможности допустимости таких действий иногда (против 10% в целом по массиву). Также жители мегаполисов более лояльны, чем жители сел, – 74% против 90%, в других типах поселений таковых 85%.

Если обратиться к драматическому случаю в январе 2015 г. в Париже, то по данным исследовательской службы «Левада-Центр», россияне в целом осуждают нападение на редакцию Charlie Hebdo. Однако главной его причиной 59% из них считают публикацию «провокационных» карикатур на пророка Мухаммеда, оскорбляющих чувства верующих. По 19% опрошенных возлагают вину на французские власти, которые неэффективно борются с терроризмом, и на «распространение исламского фанатизма», 16% видят причину теракта в слишком либеральной миграционной политике. При этом 68% респондентов полагают, что публикация таких карикатур недопустима в принципе и только 12% уверены, что они отражают одну из точек зрения, имеющих право на существование.

Наши сограждане солидарны с позицией российских властей, которые считают, что карикатуры оскорбляют духовно-нравственные основания общества и личности, и поддерживают рекомендацию Роскомнадзора для СМИ не публиковать карикатуры на религиозные темы: «Люди не воспринимают это как цензуру, наоборот, они считают, что государство таким образом защищает чувства верующих и предотвращает межнациональные

конфликты»¹⁴. Только небольшой процент опрошенных полагает, что такие публикации и есть свобода слова в свободной стране, и в «этом огромная разница между тем, как восприняли этот теракт во Франции, выйдя на улицу именно за свободу, и как его восприняли у нас»¹⁵.

Исходя из подобных предпочтений, можно сделать вывод, что вероятная сфера регулирования взаимоотношений между религией и правами и свободами человека должна находиться именно в нормативной плоскости, что позволит снизить риски и нивелировать конфликтность обнажившихся противоречий. Одновременно следует обозначить более широкую проблему понимания современной политики и политического устройства общества путем включения в него социокультурных факторов, что влечет за собой изменение концептуальных и политико-прикладных схем и подходов.

Пересмотр понимания прав и свобод человека актуализировал вопрос о *соотношении свободы, долженствования и ответственности: они должны существовать вместе, в равновесии*, поскольку являются истоками и основанием данной концепции и способа политического развития. На сегодняшний день в обществе отчетливо прослеживаются такие тенденции, как условность и индивидуализация истины; крайнее толкование свободы — с одной стороны, а с другой — возвращение религиозных форм солидарности и мобилизации, замещающих собой формы традиционные гражданские и политические. Это имплицитно подразумевает поиск новых форм диалога и взаимодействия между религиозными идентичностями и светскими, определения ценностной основы для такого диалога при наличии различных мировоззренческих и иных предпочтений. Как следствие — актуализируется вопрос о пересмотре границ принципа светскости: является ли данный политико-правовой принцип предельным, или сегодня возникают какие-то точки пересечения религиозного и светского, что предполагает поиск новых политических и юридических форм их взаимоотношений.

Если обратиться к таблице 13.5, то оказывается, что сторонниками крайнего принципа светскости являются 30% россиян, которые считают, что религиозные организации должны работать только в сфере удовлетворения религиозных потребностей верующих или вообще не должны вмешиваться в общественную жизнь. Сле-

¹⁴ См.: *Мы не Шарли. 29.01.2015* / [Электронный ресурс] // ЛЕВАДА-ЦЕНТР. Аналитический центр Юрия Левады / URL: <http://www.levada.ru/29-01-2015/my-ne-sharli> (дата обращения: 18.06.2015).

¹⁵ Там же.

Таблица 13.5

Сферы общественной жизни, в которых, по мнению представителей религиозно-мировоззренческих групп, можно связывать надежды с позитивной деятельностью религиозных организаций, %
(допускалось до трех ответов)

Сферы	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
В сфере удовлетворения только религиозных потребностей верующих	21	22	18	21	18
В разрешении межнациональных разногласий	16	19	21	8	5
В духовном и нравственном воспитании людей	35	41	45	18	10
В нейтрализации агрессивных настроений и пропаганды насилия	12	13	14	8	7
В деле смягчения жестких форм социального протеста	11	12	10	8	7
В сфере милосердия и благотворительности	27	31	31	13	15
В культурном творчестве	9	10	11	6	4
В сохранении культурного наследия	21	23	23	11	11
В позитивном воздействии на политическую жизнь	2	2	6	1	1
Религиозные организации вообще не должны вмешиваться в общественную жизнь	9	6	7	25	24
Затруднились ответить	23	20	17	27	37

дует отметить, что второй показатель набирает больший процент поддержки среди атеистов и внеконфессиональных верующих — таковых четверть. Остальные, включая даже атеистов, считают, что религиозные организации играют социально значимую роль в различных сферах общественной жизни и, соответственно, органам государственной власти необходимо сотрудничать с религиозными организациями в определенных сферах: от традиционных и заканчивая связанными с поддержанием культурной самобытности. Причем плодотворное участие религиозных организаций в общественной жизни непосредственно связано с возможностью конструктивного сотрудничества приверженцев различных религий и мировоззрений, что напрямую зависит от ориентаций и настроений последователей основных российских конфессий, прежде всего православных и мусульман.

Среди сфер общественной жизни, в которых деятельность религиозных организаций могла быть наиболее позитивной,

респонденты православной и мусульманской групп на первое место поставили духовно-нравственное воспитание людей, причем у мусульман данный показатель наиболее высокий (45% и 41% соответственно). На втором месте в данных группах — милосердие и благотворительность (30%), на третьем — сохранение культурного наследия (23%), причем показатели в обеих группах одинаковые. Далее, и у православных и у мусульман следуют имеющие близкие значения — разрешение межнациональных разногласий, нейтрализация агрессивных настроений и пропаганды насилия, смягчение жестких форм социального протеста, культурное творчество (в пределах 10–20%). На самом последнем месте — позитивное воздействие на политическую жизнь (хотя при этом у мусульман процент здесь в три раза выше). Таким образом, нельзя не увидеть, что шкала предпочтительных сфер социальной и культурной деятельности у православных и мусульман практически совпадает. Интересными представляются предпочтения атеистов: на первое место выходит сфера милосердия и благотворительности (15%), на второе — сохранение культурного наследия (11%), на третье — духовно-нравственное воспитание (10%). Далее следуют возможности религиозных организаций в нейтрализации агрессивных настроений и пропаганды, смягчение жестких форм социального протеста, разрешение межнациональных разногласий, культурное творчество. Самое последнее место также занимает возможность позитивного воздействия на политическую жизнь.

Особо следует отметить, что в отличие от православных и мусульман уровень поддержки социальной деятельности религиозных организаций у атеистов значительно ниже. Так, только сферы деятельности, занявшие первые три места, набирают 10% и более, однако в атеистической группе наблюдается самый высокий процент респондентов, затруднившихся с ответом на данный вопрос. Внеконфессионально-религиозные респонденты первое место отдают сфере духовно-нравственного воспитания, второе — милосердию и благотворительности, третье — сохранению культурного наследия. Последующие места занимают разрешение межнациональных разногласий, нейтрализация агрессивных настроений и пропаганды, смягчение жестких форм социального протеста (одинаковый процент), культурное творчество. Нельзя не заметить, что, несмотря на различия в количественных значениях показателей, большинство респондентов всех групп связывает позитивную социальную деятельность религиозных организаций в первую очередь с духовно-нравственной областью, милосердием

и благотворительностью, сферой культуры, при этом сфера политики должна оставаться свободной от вмешательства религиозных организаций.

Даже при наличии достаточно высоких показателей поддержки крайних форм светской организации общества, большинство респондентов все же отмечают серьезную позитивную роль социальной деятельности религиозных организаций в самых разнообразных сферах, поддерживают активную социальную роль религиозных институтов. Нельзя не видеть, что, при всех различиях в количественных значениях показателей, большинство респондентов всех групп связывает благоприятную социальную деятельность религиозных организаций в первую очередь с духовно-нравственной областью, милосердием и благотворительностью, сферой культуры. Наряду с этим обращает на себя внимание и тот факт, что направления деятельности, связанные с политической жизнью, набирают незначительный процент поддержки. Примечательно и то, что одна из наиболее важных в плане конституирования российской гражданской нации задача разрешения национальных разногласий во всех группах по своей приоритетности занимает четвертое место. Наибольший процент поддержки она имеет среди мусульман, от которых лишь незначительно отстают православные респонденты, тогда как во внеконфессиональной и атеистической группах процентный показатель значительно ниже (у атеистов – в четыре раза). Из направлений деятельности, связанных со сферой культуры, более высокий процент поддержки имеет сохранение культурного наследия, выходящее на третье место (причем у внеконфессиональных лиц и атеистов процентный показатель также более чем вдвое ниже). Однако культурное творчество везде имеет уже значительно более низкий уровень поддержки. Следует особо подчеркнуть, что россияне совершенно не хотят видеть религию и религиозные организации в политической сфере, что отражает устойчивое восприятие россиянами религиозных институтов как собственно социальных институтов.

Если сравнивать полученные результаты с данными опроса ВЦИОМ, то они практически совпадают, отражая отмеченные тенденции в восприятии взаимоотношений между религиозными организациями и государством, религией и обществом. Так, каждый третий (32%) считает, что представителям церкви не следует как-либо вмешиваться в светскую жизнь, а заниматься проблемами веры и религии. Наряду с этим 18% отмечают нынешнее чрезмерно активное участие религиозных институтов в общественной

жизни (среди атеистов — 36%, тогда как среди православных в два раза меньше — 15%). Другие же (14%), напротив, ратуют за увеличение роли церкви в решении острых социальных вопросов. При этом 18% сетуют, что ее участие в жизни страны недостаточно. Церкви следует влиять на духовную жизнь социума, но не вмешиваться в политику — таково представление об идеальных взаимоотношениях церкви, общества и государства у 47% наших сограждан. И столько же (47%) отмечают, что в настоящее время Церковь верно выстраивает свои отношения с социумом, высказывая свою позицию только при необходимости и не вмешиваясь в вопросы, ее не касающиеся¹⁶. По мнению авторов опроса, россияне в целом хотят жить в светском государстве, однако не против участия церкви в моральной и духовной жизни общества.

Данные положения демонстрируют отражение в массовом сознании россиян реальной социальной роли институционализированных религиозных организаций в современной России. Признание конструктивной активности религиозных организаций в сохранении исторического наследия свидетельствует об уверенности в конституирующей роли традиционных российских религий в строительстве общества и государства, в сохранении исторической памяти и как следствие — в российской идентичности¹⁷. Вопрос о возможности и формах сотрудничества представителей различных религий (особую важность здесь имеет православно-мусульманский диалог) является проекцией проявления религии как идентификационного критерия, а также параметров выстраивания общероссийской идентичности. Обращаясь к возможности сотрудничества приверженцев различных религиозных традиций в России, следует еще раз подчеркнуть две актуализировавшиеся проблемы: социально значимых форм деятельности религиозных организаций и соотношения светского и религиозного.

А в какие сферы общественной жизнедеятельности наши сограждане не хотели бы, чтобы вмешивались религиозные организации?

Несмотря на имеющие место острые дискуссии, связанные с границами допустимости какого бы то ни было присутствия

¹⁶ См. подробнее: Церковь и общество: вместе или порознь. Пресс-выпуск № 2861 от 23.06.2015 / [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295> (Дата обращения: 18.06.2015).

¹⁷ В данном контексте конструктивным выглядит такая форма сотрудничества государства и религиозных организаций, как бюджетное финансирование восстановления религиозных памятников культурного значения, а также совместные усилия в разрешении межнациональных разногласий.

религиозных организаций и религии в публичном пространстве, единственной сферой, где признается отрицательное воздействие религиозной организации, — экстремистские действия (около четверти наших сограждан). Во всех остальных, даже таких как сферы образования и науки — только от 6% до 9% россиян (достигая самого высокого показателя у атеистов — 13%) говорят о том, что в них религиозные организации могут сыграть негативную роль¹⁸.

Если пристально оценить данные, представленные в таблице 13.6, то можно заметить, что около половины опрошенных во всех группах затруднились ответить на вопрос о негативной роли религиозных организаций в общественной жизни. При этом самый высокий процент имеют здесь православные респонденты, а наименьший — верующие вне конфессий. Только весьма небольшая доля респондентов во всех религиозно-мировоззренческих группах считает, что религиозные организации могут играть в общественной жизни негативную роль. Исключение составляет опасность **религиозного экстремизма**, на которую указало по всей совокупности около четверти опрошенных (29% мусульман, 22% православных, 24% атеистов). Одновременно уровень негативной оценки влияния религиозных организаций в области сохранения традиций и культурного наследия — от 1% в православной группе до 5% в мусульманской; защиты гражданских и политических прав — от 2% у православных до 4% во внеконфессиональной группе; законности и правопорядка — от 3% у мусульман до 5% в остальных группах; личностных взаимоотношениях — от 2% у православных и атеистов до 8% среди внеконфессионально-религиозных лиц; семейных отношений — от 1% во внеконфессиональной группе до 5% в мусульманской. Таким образом, точка зрения о негативной

¹⁸ Показательны не только цифры, которые показывают массовые умонастроения, но и потенциал конструктивного сотрудничества, демонстрируемый, например, на различных конференциях и институционализированных дискуссионных площадках, обозначающий возможности для развития диалога в поле исторической памяти, обеспечения смыслового единства российской идентичности. Например, перед 70-летним юбилеем Великой Победы прошла конференция «Духовный фактор народной Победы», организованная Национальным исследовательским ядерным университетом МИФИ, РПЦ (митрополитом Иларионом), Центром молодежных программ и проектов и Молодежным интеллектуальным центром «Лаборатория мысли» в МИФИ, посвященная роли Церкви в Великой Отечественной войне (См. Официальный сайт конференции «Духовный фактор народной Победы». URL: <http://pobeda70-merphi.ru>; В МИФИ прошла конференция «Духовный фактор народной Победы». 06.05.2015 Русская Православная Церковь. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4069457.html>). (дата обращения: 18.06.2015).

Таблица 13.6

**Сферы общественной жизни, в которых можно ожидать негативное влияние деятельности религиозных организаций, по мнению представителей религиозно-мировоззренческих групп, %
(до трех ответов)**

Сферы	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
Сфера милосердия и благотворительности	3	4	8	1	0
Экономическая сфера	10	10	12	9	9
Общественно-политическая деятельность	7	6	10	10	10
Разрешение межнациональных разногласий	5	5	10	7	4
Сохранение традиций и культурное наследие	2	2	5	3	1
Защита гражданских и политических прав	3	2	3	4	3
Сфера науки	9	9	7	11	13
Сфера образования	6	5	5	10	12
Экстремистские действия	24	22	29	33	24
Сфера законности и правопорядка	5	5	3	5	5
Семейные отношения (заключение брака, воспитание детей)	3	3	5	1	3
Личностные взаимоотношения	3	2	6	8	2
Сфера морали и нравственности	3	3	5	7	4
Затруднились ответить	53	54	45	39	52

роли религиозных организаций в жизни общества (за отмеченным исключением, касающимся религиозного экстремизма), носит ярко выраженный периферийный характер во всех религиозно-мировоззренческих группах.

Данный вопрос имеет, безусловно, дискуссионный характер. Но он маркирует время поиска новых подходов к сопряжению религиозного и светского, признания социальной значимости религии. Он может быть также свидетельством того, что крайние идеологические и политические позиции относительно форм присутствия религии в сферах общественной жизни и государственно-конфессиональных отношений уже неприемлемы.

Глава 14. Консолидирующий потенциал межнационального и межрелигиозного сотрудничества в России

Вопрос о возможности и формах сотрудничества представителей различных религий (особую важность, как уже отмечалось, имеет православно-мусульманский диалог) является проекцией проявления религии как идентификационного критерия, а также возможностей и параметров выстраивания *общероссийской идентичности*. Для общественного настроения и поведения во все периоды истории российской цивилизации было характерно, как правило, терпимое отношение к людям других верований и убеждений, их лояльные или же доброжелательные взаимосвязи в разных сферах личной и общественной жизни.

Особенности поликонфессионального устройства России как ее специфической цивилизационной атрибутики, формирующей во многом преимущества России, ставят проблему соотношения общегражданской и национальной идентичности с учетом религиозного фактора. Процесс самоидентификации любого политического пространства, будь то нация-государство либо наднациональное объединение, как правило, имеет временное и пространственное измерения: любое политическое «мы» нуждается в общей истории и совокупности представлений о внешнем мире. Обязательным является и идентичностное измерение, потому что в основе объединения людей вокруг политических целей всегда лежит представление об общем благе, соотнесение коллективного прошлого, настоящего и будущего с определенной системой ценностей, которые и служат основой политического единства. Обращение к общей истории демонстрирует, что «государства потому и существуют, что каждое новое поколение их граждан воспроизводит и разделяет общее представление о своей стране и считает себя единым народом»¹.

¹ Тишков В.А. Самоопределение российской нации // Международные процессы. 2005. № 2 (8). С. 22.

Ключевой проблемой здесь представляется именно формирование общей идентичности, а точнее сказать – «формирование гражданской идентичности на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастности к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями как необходимое условие сохранения единства страны»².

Проблема соотношения национальной, религиозной и общегражданской идентичности отражает соотношение религиозных и этнических оснований и гражданских параметров, вытекающих именно из цивилизационного контекста соотношений партикулярного и универсального. Более высокий уровень в иерархии национальной идентичности составляет общероссийская идентичность, связанная с осознанием принадлежности к своей стране и к сопричастности единой исторической судьбе. Историческое устройство России, возросшее влияние религиозных организаций и повышение значимости религии и Веры для множества людей обозначили четкую роль традиционных для России религиозных течений и организаций³.

Для выявления возможного потенциала различных религий и мировоззрений в плане консолидации современного российского общества для решения стоящих перед страной проблем важным представляется выявление степени влияния религиозно-мировоззренческого и национально-этнического факторов на формирование идентичности российского населения и в первую очередь определение того, какое место занимает национальная и религиозная принадлежность в общей структуре коллективной идентичности.

² Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай», 19.09.2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ URL: <http://news.kremlin.ru/news/19243/print> (дата обращения: 13.06.2015).

³ Многие религиозные культурно-просветительские проекты направлены именно на эти преимущества специфического цивилизационного устройства России: см.: Православный священник провел мастер-класс по межрелигиозному диалогу для глав региональных исламских общин России 28.04.2015 / [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4059080.html> (дата обращения: 13.06.2015); В Казани прошел круглый стол, посвященный 1000-летию преставления святого князя Владимира и православно-исламским отношениям 21.04.2015 / [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4051172.htm> (дата обращения: 13.06.2015); Шатер Рамадана 2015. Культурно-благотворительный проект [Электронный ресурс] // URL: <http://shater-ramadana.ru> (дата обращения: 27.06.2015).

Как следует из данных таблицы 14.1, среди респондентов всех религиозных и мировоззренческих ориентаций в плане их самоидентификации решающую роль играет общность взглядов на жизнь: во всех группах, кроме мусульманской, данная самоидентификация выходит на первое место, набирая свыше 40% опрошенных, причем у православных и атеистов данный показатель близок к половине всех представителей данных групп (48% и 49% соответственно).

В мусульманской группе на первое место выходит земляческая самоидентификация, за которой следует общность взглядов на жизнь и далее – практически идентичный процент набирают религиозный и национальный факторы идентичности (40%). Последующие места в порядке убывания показателя занимают общности места проживания, профессиональных занятий, российского гражданства, материального достатка.

Таким образом, основное различие между православной и мусульманской группами при ответах на данный вопрос состоит в том, что у мусульман более важными факторами коллективной идентичности выступают национальная и религиозная принад-

Таблица 14.1

Ощущение россиянами близости лиц различной религиозно-мировоззренческой ориентации с теми, о ком они могли бы сказать «это – Мы», %*

«Это – Мы»	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
Люди той же профессии, занятия, что и они	33	34	31	32	32
Люди такого же достатка, что и они	25	27	23	21	18
Граждане России	27	29	26	21	19
Люди той же национальности, что и они	27	28	40	21	15
Жители их города/села	32	34	37	23	25
Земляки	36	38	48	26	29
Люди их веры, того же вероисповедания, что и они	24	28	41	8	7
Европейцы	5	4	8	5	4
Люди таких же взглядов на жизнь, что и они	48	48	43	45	49

Примечание: *В таблице приведены ответы «в значительной степени».

лежность. В шкале идентичностей мусульманской группы они обе занимают третье место, тогда как в православной – пятое с разницей в 10%. Также у респондентов-мусульман более важную роль играет фактор землячества, выходящий на первое место (48%). Европейская идентичность занимает периферийное место в данных группах, однако у мусульман данный показатель вдвое выше, нежели у православной группы (8% и 4% соответственно).

Следует отметить, что принадлежность к традиционным российским конфессиям повышает уровень ощущения себя гражданином России, а также национальный и религиозный фактор общности, причем наиболее ярко два последних проявляются у последователей ислама. При этом в общественном сознании превалирует коллективная идентификация с параметрами, не сводимыми к европейским, что еще раз подтверждает приверженность россиян вне зависимости от их религиозно-мировоззренческой ориентации к собственному цивилизационному устройению и концепции бытия.

Самоидентификация во многом предопределяет выстраивание личностной контактной зоны мировоззренческого и социально-культурного характера – выявление близкого круга общения, в той или иной мере разделяющего интересы, жизненные принципы и цели субъекта. Во многом это отражает возможность и действенность форм солидарности и мобилизаций, а также степень и уровень атомизации общества.

О потребности в единомышленниках во всех религиозно-мировоззренческих группах заявили до половины и выше всех опрошенных (табл. 14.2), причем в целом самые высокие показатели имеют православные, самые низкие – атеисты, что еще раз демонстрирует солидаристский потенциал религиозных традиций и институций. Более всего среди россиян ощущается потребность в единомышленниках во взглядах на мораль и нравственность – об этом говорят 68% опрошенных, 56% нуждаются в консолидации по вопросам внутренней политики, 53% – внешней политики и национальных отношений, примерно столько же хотели бы иметь солидарные взгляды на культурные предпочтения и 46% нуждаются в единомышленниках по религиозным вопросам.

В православной группе лидирует потребность в единомышленниках по вопросам морали и нравственности (65%), на втором месте – в культурно-эстетических предпочтениях (57%), далее практически идентичный процент набирает общность взглядов на проблемы современной внутрirosсийской ситуации и внутрен-

Таблица 14.2

Потребность представителей религиозно-мировоззренческих групп в единомышленниках – людях, разделяющих их интересы, принципы, жизненные цели, %*

Единомышленники нужны...	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
В вопросах внутренней политики, ситуации в России	56	56	46	52	50
В вопросах внешней политики, ситуации в мире	53	55	46	51	48
Во взглядах на мораль и нравственность	63	65	59	62	54
В вопросах национальных отношений	53	55	51	46	41
В вопросах религии	46	50	61	32	22
Во взглядах на музыку, литературу, искусство	54	57	43	54	45

Примечание: *В таблице указаны суммы ответов «нужны и их достаточно» и «нужны, но их мало».

ней политики руководства страны, внешней политики и международного положения, проблемы межнациональных отношений (55%). Потребность в единомышленниках по религиозным вопросам находится на последнем месте, хотя и о ней заявила половина православных респондентов. В мусульманской группе, напротив, первое место занимает общность взглядов на проблемы религии, и незначительно отстают от нее вопросы морали и нравственности (61% и 59% соответственно). Потребность же в единомышленниках в других областях уже заметно меньше.

Сравнение ответов респондентов православной и мусульманской групп свидетельствует о различиях в подходах к выбору единомышленников и как следствие – предпочтительных форм солидарностей. Так, если у православных доминирует общность взглядов по проблемам нерелигиозного характера, в частности, единство культурно-эстетических предпочтений выходит на второе место после отношения к морально-нравственным проблемам, тогда как религиозная близость – на последнем месте, то у мусульман, наоборот, на первое место выходит как раз религиозная общность, а культурно-эстетические предпочтения занимают последнее место. Несколько ниже, в сравнении с православными, и потребность мусульман в единомышленниках по вопросам межнациональных отношений. Вместе с тем вопросы морали и нравственности имеют

в мусульманской группе также довольно высокий показатель, близкий по своему значению к религиозным проблемам.

Во внеконфессионально-религиозной группе на первое место выходит также потребность в единомышленниках по морально-нравственным проблемам (62%), на второе – в культурно-эстетических предпочтениях (54%). В атеистической группе потребность в единомышленниках как в целом, так и по ряду вопросов заметно ниже, нежели в остальных группах. Лишь в отношении общности взглядов на проблемы внутренней и внешней политики, а также культурно-эстетических предпочтений показатель немного выше, чем в мусульманской группе. Лидирует у атеистов также морально-нравственная проблематика (54%), за которой следуют внутри- и внешнеполитические предпочтения.

Из потребностей к наличию солидаризирующих интенций в различных сферах россияне выражают нормативно-нравственные предпочтения, что свидетельствует о большой озабоченности общества данной проблемой. Что касается религиозных и национальных форм солидарностей, то наиболее высока она у приверженцев ислама, заметно ниже у православных и еще более низкая – во внеконфессиональной и особенно атеистической группах. Что касается *потребности в национальной форме солидарности*, то здесь наиболее высокий показатель имеет православная группа; на втором месте – мусульмане, за которыми следуют внеконфессионально-религиозная и атеистическая группа.

Однако наличие потребности в единомышленниках не равнозначно реальному наличию таковых. Поэтому вопрос о действенности и наличии подобных коммунитарных форм представляется основополагающим, поскольку задает координаты социальной консолидации и возможностей ценностного консенсуса в пространстве межнациональных и межрелигиозных отношений. Недостаток единомышленников испытывают чуть больше одной пятой россиян, причем в наибольшей степени это проявляется у православных, в наименьшей – у атеистов. Во всех религиозно-мировоззренческих группах самый высокий показатель имеет недостаток единомышленников по вопросам морали и нравственности (до 28%), тогда как недостаток единомышленников по религиозным вопросам занимает последнее место (12–18%), за исключением мусульман, у которых соответствующий показатель заметно выше (24%). Также именно в мусульманской группе и самый высокий процент, касающийся малого числа единомышленников по проблемам национальных отношений.

В данном контексте представляется целесообразным выявление отношения между приоритетностью религиозной и национальной идентичностями и потребностью в единомышленниках по вопросам религии и межнациональных отношений (табл. 14.3).

В православной группе пятое место религиозной принадлежности в общей шкале идентичностей соответствует аналогичному пятому месту потребности в единомышленниках по религиозным вопросам, как и недостатку таковых. В мусульманской же группе религиозная идентичность в шкале идентичностей выходит на третье место, тогда как потребность в единомышленниках по религиозным вопросам — на первое, а их недостаток — также на третье. Во внеконфессиональной и атеистической группах низкий процент религиозной идентичности соотносится с почти столь же низким процентом потребности в единомышленниках по религиозным вопросам, как и недостатка в таковых.

Что касается соотношения показателей, связанных с национальной сферой, то в православной группе при относительно невысоком уровне национальной идентичности и потребности в единомышленниках по национальным вопросам отмечается более высокий показатель недостатка таких единомышленников. В мусульманской же группе взаимосвязь между национальной идентичностью и потребностью в единомышленниках по

Таблица 14.3

Соотношение приоритетной идентичности россиян, потребности и недостатка в единомышленниках, %

Вид соотношения	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	24	28	41	8	7
Потребность в единомышленниках по вопросам религии	46	50	61	32	22
Недостаток единомышленников по вопросам религии	17	18	24	15	12
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	27	28	40	21	15
Потребность в единомышленниках по вопросам национальных отношений	53	55	51	46	41
Недостаток единомышленников по вопросам национальных отношений	22	23	26	22	18

национальным вопросам и их недостатком выражена еще более явно.

Следует подчеркнуть: несмотря на то, что в общей шкале приоритетных форм коллективных идентичностей национальная и религиозная идентичности не являются доминирующими, однако потребность в наличии таких форм солидарностей наиболее явно прослеживается у приверженцев традиционных российских конфессий. Взаимосвязь между уровнем религиозной и национальной идентичности и показателями потребности и недостатка единомышленников по религиозным и национальным вопросам наиболее отчетливо проявляется именно у мусульман. В целом же можно говорить о том, что в данных религиозных общностях более четко прослеживается потребность в национальной идентичности, чем в религиозных формах консолидации, что еще раз подчеркивает глубинные алгоритмы существования российской цивилизации как поликонфессиональной и обладающей мирными императивами сосуществования и взаимодействия различных религиозных традиций.

Традиционные религии, обладая высоким культуротворческим потенциалом, в ходе истории всегда выступают в качестве системообразующего фактора («этнической доминанты») формирования развитых этнорелигиозных общностей. На территории России таковыми стали православно-христианская, мусульманская и буддийская этнорелигиозные общности, симбиоз которых во многом определил культурно-историческое своеобразие российской цивилизации. Помимо названных, в составе российско-евразийского суперэтнуса⁴ традиционно присутствовали также представители ряда других этнорелигиозных общностей – православных христианских, иудейской, приверженцы традиционных верований и пр. Вместе с тем полного тождества национального и религиозного феноменов не наблюдается ни в одной из этнорелигиозных общностей, в составе которых в той или иной пропорции обязательно присутствуют инорелигиозные элементы (иногда в ходе исторической эволюции образующие самостоятельные субэтнические и этнические единицы), как и лица нерелигиозной мировоззренческой ориентации.

Принимая во внимание актуализировавшуюся потребность в единомышленниках по вопросам межнациональных отноше-

⁴ Об этом см.: *Логинов А. В.* Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. М.: Большая российская энциклопедия, 2013.

ний и учитывая историческую многонациональность и поликонфессиональность цивилизационного устройства, представляется значимым выявление реальной религиозно-мировоззренческой принадлежности респондентов, входящих в состав различных этнорелигиозных общностей, и одновременно — этнический состав различных религиозно-мировоззренческих групп⁵. Поскольку ключевым для обеспечения социальной стабильности и ценностной консолидации российского общества является православно-мусульманский диалог⁶, то обратимся к взаимоотношениям национального и религиозного именно в данной проекции.

Практически ни одна из этнорелигиозных общностей, к которой принадлежат респонденты, не является гомогенной в религиозно-мировоззренческом плане. Так, из числа респондентов — представителей *народов православной культуры* — о своей приверженности православию заявили три четверти опрошенных, оставшаяся четверть пришлась на атеистов (около половины), внеконфессиональных и мировоззренчески не определившихся. Приверженцы ислама составили среди респондентов данной общности менее 1%. Среди респондентов — представителей мусульманских народов уровень религиозной гомогенности несколько выше и одновременно доля атеистов в три раза ниже, чем у респондентов православной общности. При этом небольшая (5%) часть данной группы заявила о своей приверженности православию. О своей православной ориентации заявили и 16% респондентов — представителей других этнорелигиозных общностей.

Важное уточнение соотношения национально-этнического и религиозного факторов идентичности вносит анализ этнического состава религиозно-мировоззренческих групп (табл. 14.4).

В православной группе представители православных народов абсолютно доминируют, причем их процент здесь несколько выше, чем во всей совокупности опрошенных. Лица, принадлежащие к другим этнорелигиозным общностям, в совокупности состав-

⁵ О методологии исследования данной проблемы и о специфике ее решения в поле российской цивилизации см. подробнее: Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Ред. кол.: М. П. Мчедлов (отв. ред.) и др. Изд. 2-е, испр. и дополн. М.: Культурная революция, 2009; Религия в самосознании народа. Религиозный фактор в идентификационных процессах / Отв. ред. М. П. Мчедлов. М.: Институт социологии РАН, 2008.

⁶ Подробно о православно-мусульманском диалоге в поле российской цивилизации см.: *Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г.* Ислам и православно-мусульманские отношения в зеркале истории и социологии. М.: Культурная революция, 2010.; *Они же.* Мусульманство в истории и культуре народов России. — М.: Институт наследия, 2007.

Таблица 14.4

Этнический состав религиозно-мировоззренческих групп, %

	Всего	Народы православной культуры (русские, белорусы, чувашаи, украинцы, молдаване, удмурты, мордва, мари, грузины, осетины, карелы)	Народы мусульманской культуры (татары, крымские татары, азербай- джанцы, казахи, узбеки, башкиры, аварцы, даргинцы, лезгинны, кумыки, таджики, дагестанцы)	Другие (армяне, литовцы, немцы, евреи, поляки, буряты, цыгане, корейцы, калмыки)	Не указали этнической принадлежности
Массив в целом	100	85	6	3	6
Православные	100	92	1	1	6
Мусульмане	100	6	88	4	2
Верующие вне конфессий	100	85	7	4	4
Атеисты	100	86	2	2	10

ляют лишь 2% православной группы. В мусульманской же группе при доминировании народов мусульманской культуры до 10% респондентов принадлежит к числу представителей других этнорелигиозных общностей. При этом среди респондентов-мусульман наименьший процент тех, кто не указал своей этнической принадлежности. Этническая структура внеконфессиональной группы в целом близка к общей совокупности опрошенных. Основное отличие атеистической группы – самый высокий процент лиц, не указавших своей этнической принадлежности.

Таким образом, как показал проведенный анализ, хотя полного совпадения национально-этнической и религиозной принадлежности среди респондентов разных групп, выделенных как по этнорелигиозному, так и по религиозно-мировоззренческому признакам, не наблюдается, все же традиционные российские религии – православие и ислам – лишь в незначительной мере демонстрируют выход за пределы своих исторически сложившихся этнических ареалов. Последнее позволяет говорить о том, что возможный конфликтный потенциал на этой почве невелик.

Конституирование современной российской гражданской общности (гражданской нации) происходит в процессе динамич-

ного взаимодействия двух уровней национального самосознания: национально-этнического — как осознания принадлежности к определенной этнической общности и сложившейся в ее пределах этнокультурной традиции, и национально-общегражданского — как сознания принадлежности к общности граждан Российского государства. Здесь следует отметить, что этот второй, общегражданский уровень ни в коей мере не является отрицанием этничности, а напротив, включает последнюю в свою структуру как необходимый компонент, фактически возвышая его до общероссийского масштаба ввиду того, что этнические границы российской гражданской нации в основных своих параметрах заключают в себе большую часть исторически сложившегося российско-евразийского суперэтнуса⁷, этническим ядром и системообразующим элементом которого исторически выступает русский народ. Причем на обоих уровнях национального самосознания религиозный фактор играет заметную роль.

Для выявления роли религиозного компонента национального самосознания на его этническом уровне респондентам выделенных религиозно-мировоззренческих групп были заданы вопросы о факторах, способствующих или же, напротив, препятствующих их национально-этнической интеграции (табл. 14.5).

Наиболее значительным объединяющим фактором две трети наших соотечественников считают общее государство, причем преобладающий процент сторонников данная точка зрения имеет в мусульманской группе (73%). Далее уже в православной группе на второе-четвертое места выходят территория (55%), историческое прошлое (50%), государственный язык (48%). Заметно меньший процент поддержки в данной группе набирают общие символы, культура, ответственность за судьбу страны и родственно-друже-

⁷ Об этом, в частности, писал выдающийся русский мыслитель евразийской школы Н.С. Трубецкой (1890–1938): «Следовательно, национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской Империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию — Евразией, ее национализм — евразийством» / *Трубецкой Н.С. Общеевразийский национализм Чингисхана. М.: Эксмо, 2007. С. 595.* «Нет также (или почти нет) на свете народов вполне своеобразных или обособленных: каждый народ всегда входит в какую-нибудь группу народов, с которыми его связывают те или иные общие признаки, а часто один и тот же народ по одному ряду признаков входит в одну, а по другому ряду — в другую группу народов» / *Там же. С. 595–596.*

Таблица 14.5

Что больше всего объединяет представителей религиозно-мировоззренческих групп со всеми гражданами России, со всеми россиянами, % (допускалось любое количество ответов)

Что объединяет	Массив в целом	Православные	Мусульмане	Атеисты
Территория	54	55	38	52
Общее государство	66	67	73	61
Ответственность за судьбу страны	32	35	22	27
Родственные и дружеские связи	33	35	23	30
Историческое прошлое	47	50	26	49
Государственный язык	49	48	47	50
Культура	33	36	20	28
Общие символы (флаг, герб)	37	37	34	36
Обычаи, праздники	32	33	28	29

ские связи (равный процент); на последнем месте – общие обычаи и праздники (33%).

Главное отличие мусульманской группы в том, что после общего государства все остальные объединяющие факторы набирают значительно меньший процент. На второе место здесь выходит государственный язык, на третье – территория, на четвертое – общие символы. Далее следуют обычаи и праздники, историческое прошлое, родственные и дружеские связи, ответственность за судьбу страны. На последнее место респонденты-мусульмане поставили культуру. Нельзя не заметить и того, что по всем названным позициям мусульманская группа имеет более низкие процентные показатели, нежели православная, причем в ряде случаев разрыв довольно значителен, а в отношении исторического прошлого – почти вдвое ниже. При этом можно отметить, что такие позиции, как государственный язык и общие символы, во всех группах набирают довольно близкий процент поддержки.

В связи с изложенным представляет особый интерес оценка респондентами объединяющих факторов культурно-исторического характера. Наиболее значимым из них выступает историческое прошлое, которое отметили до половины респондентов православной

и атеистической групп (3-е и 4-е места соответственно), тогда как у мусульман таковых лишь четверть. Культура ни в одной из групп не занимает приоритетных позиций, имея более высокий процент лишь у православных, тогда как у мусульман она занимает последнее место, а у атеистов – предпоследнее. Таким образом, следует подчеркнуть *признание всеми религиозно-мировоззренческими группами исторической роли государства как обеспечивающего единство страны и, как следствие, главного критерия общегражданской идентичности.*

В качестве конкретизирующего и резюмирующего проблему соотношения национально-этнического и национально-государственного единства в контексте параметров поликонфессионального цивилизационного пространства России, респондентам предлагалось выразить свое отношение к суждениям по национальным и религиозным вопросам, связанным с данной проблематикой (табл. 14.6). От технологий и способов подобного взаимодействия, от философии государственной политики в данной сфере зависит не только социальная стабильность, но и ценностная целостность,

Таблица 14.6

С какими из нижеперечисленных суждений россияне согласны, а с какими не согласны? (Один ответ по каждой строке), %*

Суждения	Массив в целом	Православные	Мусульмане	Атеисты
Государству следует поддерживать в первую очередь культуру и религию большинства населения страны – русских	60	65	22	58
Государство должно поддерживать культуры и религии всех народов России (как русских, так и нерусских)	74	75	87	69
В наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности	79	82	86	76
Насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо	79	81	86	73
Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении их народа или веры	36	36	36	41
Никогда не забывают о своей национальности	79	81	91	72
Все средства хороши для защиты их народа	49	50	48	50
В наше время человеку нужно ощущать себя частью общероссийской нации (народа)	79	81	78	75

Примечание: *В таблице указана сумма ответов «полностью согласны» и «скорее согласны».

единство государства и будущее страны. Для общественного настроения и поведения во все периоды истории российской цивилизации было характерно, как правило, терпимое отношение к людям других верований и убеждений, их лояльные или же доброжелательные взаимосвязи в разных сферах личной и общественной жизни.

Ряд указанных суждений непосредственно касаются вопросов приоритетности национально-этнического и национально-государственного уровней идентичности. С тем, что человеку в наше время необходимо ощущать себя частью своей национально-этнической общности, в целом выразило согласие до 80% всей совокупности опрошенных, столько же респондентов указало, что они никогда не забывают о своей национальной принадлежности. При этом наиболее значимыми оба суждения являются для мусульман, наименее (с большим отрывом) — для атеистов. Вместе с тем аналогичный процент поддержки набирает и суждение о приоритетности для современного человека ощущения его принадлежности к гражданской общероссийской нации. Причем в данном случае более высокий процентный показатель имеют православные. Таким образом, в сознании респондентов все три приведенных суждения не противоречат друг другу, а выступают взаимодополняющими, причем наиболее отчетливо данная тенденция проявляется у православных и мусульман, тогда как у атеистов она выражена в меньшей мере. Это показывает плодотворность методологического подхода о *многоуровневой неконфликтующей идентичности*.

Еще один круг суждений связан с выбором оптимальных путей разрешения межнациональных проблем и конфликтов, являющийся одним из ключевых для обеспечения социальной консолидации. С тем, что насилие в этой области не может быть допустимым, согласны также около 80% всех опрошенных, причем лидирует здесь, как и по предыдущему кругу вопросов, мусульманская группа, а у атеистов процент поддержки заметно ниже. Одновременно суждение о допустимости всех средств для защиты своего народа поддержало до половины респондентов, различия здесь по разным группам невелики. Наконец, на допустимость насилия для защиты своего народа и его религиозной веры от несправедливости указало 36% респондентов — приверженцев православия и ислама, при этом еще большая поддержка (41%) данного суждения наблюдается у атеистов. Тем самым можно отметить, что длительные традиции мирного совместного существования различных этносов и религий в пространстве российской цивили-

лизации и в рамках единого государства обусловили глубинные императивы взаимоотношений, демонстрирующих историческую устойчивость и определяющих позиции абсолютного большинства респондентов, которые вне зависимости от религиозно-мировоззренческой принадлежности выступают за мирное разрешение возникающих конфликтов.

Действенность идеологических построений и эффективность основанных на них стратегий во многом зависит от того, насколько они соответствуют чаяниям и представлениям различных мировоззренческих групп населения, поскольку наличие консенсуса относительно ценностных приоритетов представляется залогом стабилизации социально-политической системы. Принимая во внимание поликонфессиональный и многонациональный характер российского общества, а также уникальный исторический опыт мирного сосуществования представителей различных религиозных течений и этнических традиций, общий вклад в государственное строительство и культурное пространство, представляется важным оценка границ и критериев русскости.

Данные таблицы 14.7 показывают, что главным критерием русскости выступает принадлежность к русской культурной традиции

Таблица 14.7

Кого можно назвать русским, по мнению представителей религиозно-мировоззренческих групп, % (допускалось до трех ответов)

Русским можно назвать...	Массив в целом	Православные	Мусульмане	Атеисты
Того, для кого русский язык является родным	36	38	26	35
Того, кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры	48	51	31	44
Того, кто честно трудится во благо России	30	32	24	23
Того, кто русский по происхождению, по крови	39	39	38	39
Того, кто придерживается православной веры и ее традиций	12	14	9	5
Кто сам себя считает русским	28	27	36	32
Того, кто любит Россию	28	30	14	30
Любого гражданина РФ	8	7	17	8
Другое	0	0	0	0
Затруднились ответить	4	3	8	4

во всех группах (48%), кроме мусульманской (31%), причем среди православных респондентов данная точка зрения является доминирующей (51%). На втором месте во всех мировоззренческих группах – кровнородственное происхождение (39%), почти такой же уровень поддержки у православных и атеистов имеет языковой критерий. Далее в православной группе респондентов следуют: критерии морального порядка – те, кто трудится во благо России, кто любит Россию, критерий самоидентификации – те, кто сами себя считают русскими людьми. Приверженность православной вере и российское гражданство находится на периферии понимания русскости.

Мусульманская группа в своем понимании критериев русскости имеет серьезные отличия. На первое место здесь как раз выходит кровнородственная принадлежность, на второе – самоидентификация, тогда как культурный критерий сдвигается на третье место, а языковой – на четвертое. Вслед за ними названы честный труд во благо России, российское гражданство (самый высокий показатель среди всех групп – в 2 раза выше), любовь к России; на последнем месте – приверженность православной вере. Можно видеть, что большинство представленных критериев русскости среди мусульман в сравнении с православными набирает меньший процент поддержки. Так, любовь к России здесь имеет вдвое меньший показатель. Исключение составляют лишь самоидентификация и российское гражданство.

Среди атеистов на первое место выходит принадлежность к русской культурной традиции, на второе – кровнородственное происхождение, на третье – языковая принадлежность. Последующие места занимают самоидентификация, любовь к России, труд во благо страны. На предпоследнем месте с большим отрывом – гражданство, на последнем – приверженность православию (самый низкий показатель среди всех групп).

Таким образом, среди критериев русскости именно культурный индикатор является доминирующим. Даже у мусульман, где культурный критерий отодвинут на третье место, его поддержали до трети опрошенных. Вместе с тем, только в православной группе культурная принадлежность как критерий русскости набирает более 50% поддержки, тогда как для других она все же менее значима. Кровнородственный критерий у православных и атеистов выходит на второе место, выдвигаясь на первое в мусульманской и внеконфессиональной группах. Однако его высокий уровень поддержки уравнивается тем, что довольно заметный процент

набирают языковой, самоидентификационный и нравственный критерии. Примечательно, что в сознании приверженцев различных мировоззрений и религиозных течений религиозный критерий русскости (православие), исторически выступавший как доминирующий, находится на самой периферии, что еще раз подтверждает устойчивость цивилизационного российского устройства.

Одним из наиболее серьезных препятствий формирования полиэтничной гражданской нации является межэтническая напряженность, препятствующая установлению социальных связей, отношений сотрудничества и солидарности между представителями различных этнонациональных общностей. Вследствие тесной связи и переплетения этнонациональных и религиозных факторов актуальной становится задача выявления позитивного потенциала разных религий и мировоззрений в предотвращении конфликтов на этнонациональной почве. В связи с этим представляется важной оценка респондентами выделенных религиозно-мировоззренческих групп состояния межнациональных отношений (табл. 14.8).

Как доброжелательные, межнациональные отношения в стране оценивает весьма малая доля респондентов (7%). Относительно более высокий показатель имеет мусульманская группа (14%), тогда как у православных он вдвое ниже (7%), а среди атеистов и вовсе незначителен (3%). От четверти до трети респондентов оценивают межнациональные отношения как спокойные, причем наибольший процент таких оценок приходится также на мусульманскую

Таблица 14.8

**Оценка межнациональных отношений в стране представителями
религиозно-мировоззренческих групп, %**

Оценка отношений	Всего	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
Доброжелательные	7	7	14	5	3
Спокойные	28	30	34	23	22
Внешне спокойные, но внутреннее напряжение существует	40	40	28	41	43
Напряженные	14	13	11	18	18
На грани открытых столкновений	2	2	4	6	3
Затруднились ответить	9	8	9	7	11

группу, а наименьший наблюдается в атеистической. Наиболее же значительной (до 40% и выше) является доля респондентов, отметивших в межнациональной сфере внутреннее напряжение при видимом внешнем спокойствии. Самый высокий показатель имеет здесь атеистическая группа (43%), при этом среди мусульман данная цифра в полтора раза ниже (28%). На открытую напряженность в межнациональных отношениях указали от 11% (в группе мусульман) до 18% (во внеконфессиональной и атеистической группах) респондентов. Наконец, только незначительная часть опрошенных (в пределах 2–6%) заявляет о возможности открытых межнациональных столкновений. В целом наиболее оптимистично оценивает состояние межнациональных отношений в стране мусульманская группа: совокупная доля респондентов, указавших на их доброжелательный и спокойный характер, составила здесь 48%, тогда как у православных она – 37%, во внеконфессиональной группе – 28%, в атеистической – всего 25%.

Дополнительные грани взаимосвязи этнического и религиозного раскрывают оценки личных ощущений респондентов, связанных с фактами враждебного отношения к людям иной национальности (табл. 14.9).

Только около десятой части респондентов всех групп свойственно частое ощущение враждебности к лицам иной национальной принадлежности. Относительно более высокий показатель имеет внеконфессиональная группа, тогда как православные и мусульмане обладают одинаковым показателем. При этом общая совокупность респондентов разделилась практически поровну:

Таблица 14.9

**Ощущение враждебности к людям других национальностей
в религиозно-мировоззренческих группах, %**

Частота ощущений враждебности	Массив в целом	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
Часто (<i>очень часто, довольно часто</i>)	11	10	10	14	12
Редко, иногда	41	42	32	38	46
Нет, практически никогда	40	40	51	44	29
Затруднились ответить	9	8	7	5	13

до 40% ощущают враждебность к инациональным лицам лишь в редких случаях и практически столько же не ощущает ее вовсе. Близкое к общему соотношение показателей можно наблюдать среди православных. Вместе с тем в мусульманской группе о полном отсутствии ощущений враждебности заявила половина опрошенных, а о его наличии в редких случаях — лишь около трети. Обратное соотношение названных показателей можно наблюдать среди атеистов, однако именно в данной группе наибольший процент респондентов затруднился с ответом на данный вопрос. Наиболее неоднозначный разброс ответов демонстрирует внеконфессиональная группа: здесь, как уже отмечалось, самый высокий процент набирает частое ощущение враждебности к представителям других народов, однако в сравнении со всей совокупностью опрошенных более высок и показатель полного отсутствия подобной враждебности. Таким образом, следует подчеркнуть *приверженность россиян вне зависимости от их религиозно-мировоззренческой принадлежности традиционному толерантному многонациональному и поликонфессиональному устройению, историческим императивам совместной жизни и взаимопроникновения культур.*

Особую важность влияние религиозно-мировоззренческого фактора на российскую идентичность приобретает в ракурсе выстраивания стратегической линии межрелигиозных и межнациональных отношений. Принадлежность к традиционным российским конфессиям повышает уровень ощущения себя гражданином России, а также национальный и религиозный фактор общности, особенно у последователей ислама. Налицо приверженность россиян вне зависимости от их религиозно-мировоззренческой ориентации к собственному цивилизационному устройению, что концентрированно выражается в отказе от отождествления с европейской цивилизацией. В качестве главного критерия общегражданской идентичности всеми религиозно-мировоззренческими группами признается государство как обеспечивающее единство страны. Демонстрируя потребность в солидаризирующих интенциях в различных сферах, россияне отдают предпочтение нормативно-нравственной компоненте, что свидетельствует о большой озабоченности общества данной проблемой. В общем перечне приоритетных форм коллективных идентичностей национальная и религиозная идентичности не являются доминирующими, однако потребность в наличии таких форм солидарностей наиболее явно прослеживаются у приверженцев традиционных российских конфессий. Более четко прослеживается потребность

в этнической консолидации, что свидетельствует о большей напряженности в сфере межнационального согласия, тогда как потребность в религиозных формах консолидации наименьшая, что еще раз подчеркивает глубинные алгоритмы существования российской цивилизации как поликонфессиональной и обладающей мирными императивами сосуществования и взаимодействия различных религиозных традиций. Исключение составляют мусульмане, для которых религиозная идентичность очень важна, что актуализирует необходимость целенаправленной государственной политики по выстраиванию диалога. Данная ситуация подтверждает амортизирующий потенциал межрелигиозного сотрудничества в нивелировании конфликтов и обеспечении социальной стабильности.

Глава 15. Вера и религия: моральные императивы и социокультурная значимость

Культурно-нравственные нормы представляют собой ценностный каркас любого общества, одним из оснований которого является религиозная традиция. Неслучайно это сфера всегда была и объектом пристального внимания различных религиозных организаций, и залогом социальной стабильности. Вопрос о возможности и формах сотрудничества представителей различных религий является проекцией проявления религии как идентификационного критерия, а также отражением необходимости присутствия высших ценностей. «В основе православия, ислама, буддизма, иудаизма, — подчеркивал президент РФ В.В. Путин, — при всех различиях и особенностях лежат базовые, общие моральные, нравственные, духовные ценности: милосердие, взаимопомощь, правда, справедливость, уважение к старшим, идеалы семьи и труда. Эти ценностные ориентиры невозможно чем-либо заменить, и их нам надо укреплять»¹.

Во многом именно вокруг этих ценностных ориентиров сосредоточивается современная социальная деятельность религиозных организаций, определяющая и роль религии в различных сферах общественной жизни. «Нравственные ценности и идеалы, которые через века направляли наш народ по историческому пути, в особенности касающиеся мировоззрения русского человека и его национального самосознания, эти нравственные ценности и ориентиры были фундаментальными, основополагающими. Без них не было бы русской культуры, а в каком-то смысле — и русского человека и государства»². В данном ряду находится и взаи-

¹ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета, 2012, 23 января.

² Выступление Предстоятеля Русской Церкви на церемонии вручения Патриаршей литературной премии имени святых Кирилла и Мефодия 2015 года. 25.05.2015 / Русская Православная Церковь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4100626.html> (дата обращения: 13.06.2015).

модействие светской и духовной науки, интеллектуальных и богословских кругов, которое направлено на поддержку идейного многообразия и плюрализма мнений, изучение и пропаганду традиционных ценностей и богатого духовного наследия³. Справедливость сегодня является центральной точкой всех политических и социальных дискуссий: неслучайно, главная мечта россиян — мечта о справедливости⁴.

Культурное основание любого общества включает в себя ряд параметров, среди которых особая роль принадлежит нормативной регуляции и искусству, отражающим семиотическое пространство культуры, рассмотрение которой возможно в ряде смыслов: как способ бытия, как искусства и ремесла, как культурное наследие⁵. Первая не позволяет перешагивать определенные границы, конкретизируемые как в моральных императивах и обычаях, так и в гражданско-правовых аспектах. Искусство — и высокое, и массово-развлекательное — в концентрированном виде являет идеалы, образцы и ориентиры общества, его связующие моменты по временным и пространственным параметрам.

Осознание единства культурного поля в такой многоконфессиональной стране, как Россия, выявление общих ценностных регуляторов, точек соприкосновения последователей различных вероисповедных традиций может служить исходным пунктом ценностной консолидации общества. Поэтому представляется важным выявить реальное воздействие религиозной веры на социально-культурное и духовно-нравственное состояние современного российского общества.

³ Коммюнике заседания Группы стратегического видения «Россия — Исламский мир» 13.06.2015 [Электронный ресурс] // Исламский информационный портал URL <http://www.islam.ru/content/analytics/14462> (дата обращения: 14.06.2015).

⁴ См.: О чем мечтают россияне: идеал или реальность / Ред. М.К. Горшков, Р. Крумм, Н.Е. Тихонова. М.: Весь Мир, 2013.

⁵ Это подтверждается и данными социологических исследований, когда при определении главной роли в консолидации общества на первое место выдвигаются культурные параметры. См: результаты массовых опросов ИС РАН «Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа» (2005), «Молодежь новой России: ценностные приоритеты» (2006), «Российская идентичность в социологическом измерении» (2007), «Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов» (2009), «Падение Берлинской стены: до и после (Россияне о внешнеполитических процессах)» (2010), «Готово ли российское общество к модернизации» (2010), «Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров)» (2011), «О чем мечтают россияне» (2012), «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя» (2013), «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (2014–2015).

Проблема патриотизма может быть обозначена в качестве приоритетной. От того, в какой мере приверженцам различных религий и мировоззрений присуще российское патриотическое сознание, зависит возможность их солидарного взаимодействия и сотрудничества в решении задач, стоящих перед страной и соответственно формирование общероссийской идентичности. Причем первоначальное патриотическое восприятие своей страны формируется на чувственном уровне, в связи с чем актуализируется вопрос о чувствах, выражающих личное отношение представителей приверженцев различных конфессий к современной России⁶.

Как можно видеть из данных таблицы 15.1, в ряду чувств, выражающих личное отношение к своей стране, во всех религиозно-мировоззренческих группах доминируют позитивные — любовь, гордость и уважение. Негативные чувства оказались присущи для в разы меньшей доли респондентов. В наибольшей мере данная тенденция проявилась в православной группе, где на первое место вышло чувство гордости, на второе — чувство уважения (процентные показатели по двум позициям практически идентичны), на третье — любовь к своей стране. Негативные чув-

Таблица 15.1

Главные чувства, которые выражают личное отношение к сегодняшней России представителей религиозно-мировоззренческих групп, %

Чувства	Массив в целом	Православные	Мусульмане	Атеисты
Любовь	17	19	10	16
Гордость	24	27	21	20
Уважение	26	26	31	16
Равнодушие	5	5	8	8
Обида, стыд	7	6	3	8
Возмущение	6	5	4	10
Затруднились ответить	15	12	23	22

⁶ Здесь и далее приведены данные общероссийского репрезентативного исследования ИС РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (N=4000), проведенного в марте 2015 года.

ства — равнодушие, обида и стыд, возмущение — набрали лишь по 5–6% каждое.

Сходное соотношение процентных показателей — в мусульманской группе, которая, однако, имеет свои особенности. Так, на первое место здесь выходит уважение (об этом говорит каждый третий), на второе — гордость. Вместе с тем на чувство любви, выходящее на третье место, указал только каждый десятый респондент-мусульманин. Одновременно из перечня негативных чувств больший процент набирает равнодушие, тогда как обида и возмущение свойственны вовсе незначительной доле респондентов мусульманской группы.

Несколько иная картина наблюдается в атеистической группе. В группе атеистов на первое место выходит гордость за свою страну, однако ее указала только пятая часть респондентов, тогда как процент отметивших другие позитивные чувства еще ниже. При этом на негативные чувства указали 8–10% опрошенных атеистов (для сравнения — у православных эта цифра 5–6%, у мусульман — 3–8%).

Таким образом, при общем для всех групп позитивном настрое отношения к стране, наиболее ярко данная тенденция проявляется именно у последователей традиционных для России религий. Все это может определенным образом свидетельствовать о позитивном влиянии традиционных российских религий на возникновение патриотических чувств. Вместе с тем самый высокий процент опрошенных, затруднившихся дать ответ, наблюдается в **мусульманской** группе, что естественным образом ставит вопрос о прояснении причин этого.

Вместе с тем само понятие патриотизма в последние годы получило многозначные толкования. Зачастую в данное понятие представители разных течений идейно-политического спектра современного российского общества вкладывают абсолютно разный смысл. По мнению Святейшего Патриарха Кирилла «Патриотизм — это, прежде всего, верность Божественному замыслу о твоей земле и о твоём народе. Ради этого не жаль и душу положить, потому что тем самым утверждается правда Божия на земле. А вот для того, чтобы понять этот замысел, действительно нужно очень сильно любить свой народ — но по-честному, непредвзято; любить и знать свою историю, жить ценностями, определяющими дух народа»⁷. В связи

⁷ Святейший Патриарх Кирилл: Невозможно прекратить войны в мире не любви. 22.06.2015 // Русская Православная Церковь. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4130877.html> (дата обращения: 13.06.2015).

с этим представляется важным выявить позиции по данному вопросу приверженцев различных религий и мировоззрений (табл. 15.2).

Патриотизм подавляющим процентом (90–95%) представителей всех религиозно-мировоззренческих групп воспринимается сквозь призму *деятельностно-созидательных проекций и единства исторического и культурного пространства*. Наибольший уровень поддержки получило суждение о связи патриотизма с трудом на благо своей страны: во всех группах данную позицию разделяют свыше 90% опрошенных, причем самый высокий показатель имеют православные и атеисты. Практически такую же степень поддержки по всей совокупности опрошенных набирают: борьба с недостатками в стране — данная позиция имеет самую высокую поддержку среди православных; любовь к своей стране, какая бы она ни была, а также знание ее истории; интерес к культуре и традициям своей страны. При этом для мусульман чуть большее значение имеет культура и традиции, чем история, тогда как у православных — наоборот. Поддержка дружеских отношений между

Таблица 15.2

Кого сегодня в России можно считать патриотами по мнению представителей религиозно-мировоззренческих групп, %*

Тех, кто:	Массив в целом	Православные	Мусульмане	Атеисты
Интересуются культурой, традициями своей страны	90	90	91	88
Трудятся на благо страны	94	94	93	94
Борются с засильем мигрантов	44	46	33	45
Стремятся к тому, чтобы другие государства боялись России	45	45	42	46
Борются с иностранным влиянием	66	69	58	58
Знают историю своей страны	91	92	89	89
Поддерживают дружественные отношения между людьми разных национальностей	85	85	91	79
Хвалят все отечественное, ругают все зарубежное	36	37	29	36
Любят свою страну такой, какая она есть	91	92	92	91
Считают, что Россия лучше, чем другие страны	75	77	73	70
Борются с недостатками в стране	92	93	87	92

Примечание: *В таблице указаны суммы ответов «да» и «скорее да».

людьми различной национальной принадлежности имеет самый высокий показатель прежде всего в мусульманской группе (91%) по сравнению с православными (85%) и аналогичным показателем общей совокупности.

Далее с весьма заметным отрывом следуют оценка своей страны как лучшей, нежели другие страны, причем получившая большую поддержку в православной группе (77%); борьба с иностранным влиянием, также имеющая самый высокий показатель в православной группе (69%), тогда как самый низкий — у мусульман и атеистов (по 58%). Еще ниже — менее 50% во всех группах — борьба с засильем мигрантов (самый высокий показатель у православных, самый низкий — у мусульман); стремление к тому, чтобы другие страны боялись России (наибольшая поддержка — в атеистической группе, наименьшая — в мусульманской) и, наконец, на самом последнем месте во всех группах — похвала всему отечественному при негативном отношении ко всему зарубежному, — здесь самый низкий показатель у мусульман — 29%.

Таким образом, 90% поддержки и более в православной группе набирают такие выражения патриотизма, как борьба с недостатками в стране, любовь к своей стране, какая бы она ни была, знание истории страны, интерес к ее культуре и традициям; в мусульманской группе — наряду с этим любовь к своей стране, какая она есть, интерес к ее культуре и традициям, а кроме того — дружественные отношения между людьми разных национальностей; в атеистической группе — борьба с недостатками и любовь к стране, какая она есть.

В связи с этим можно констатировать, что подлинные проявления патриотизма, по мнению подавляющего большинства респондентов вне зависимости от их религиозно-мировоззренческой ориентации, связаны в первую очередь с различными видами созидательной деятельности, будь то труд на благо страны или же изучение отечественной истории и культуры. Высокий процент указавших на любовь к родине, какая бы она ни была, вовсе не свидетельствует о некоей «слепой любви», закрывающей глаза на реальные проблемы, стоящие перед страной, постольку одновременно не менее значительной является поддержка такого проявления патриотизма, как борьба с недостатками. Наиболее ярко данные тенденции проявляются у представителей традиционных конфессий — православных и мусульман, что свидетельствует о единстве в отношении к общему государству и Отечеству, а также нацеленность на активное выражение патриотизма в созидательных и конструктивных формах.

Различные же проявления изоляционистского и исключительного характера набирают значительно меньший процент сторонников. И если такие позиции, как оценка своей страны в качестве лучшей среди всех стран или борьба с иностранным влиянием, возможно, в связи с нынешней антироссийской позицией западных политических кругов, все же пользуются довольно высокой поддержкой, особенно в православной группе, то остальные точки зрения данного ряда – борьба с засильем мигрантов, стремление к тому, чтобы другие страны боялись России, а тем более, негативное восприятие всего, что имеет зарубежное происхождение, во всех группах набирает менее половины сторонников. Последняя позиция во всех группах прочно занимает нижнюю строку шкалы приоритетов, причем наименьший показатель имеет мусульманская группа.

В связи с преобладанием позитивных оценок влияния религиозной веры на состояние личной и общественной нравственности (см. главу 12) представляет интерес проследить взаимосвязь морального выбора личности с ее религиозно-мировоззренческой ориентацией (рис. 15.1).

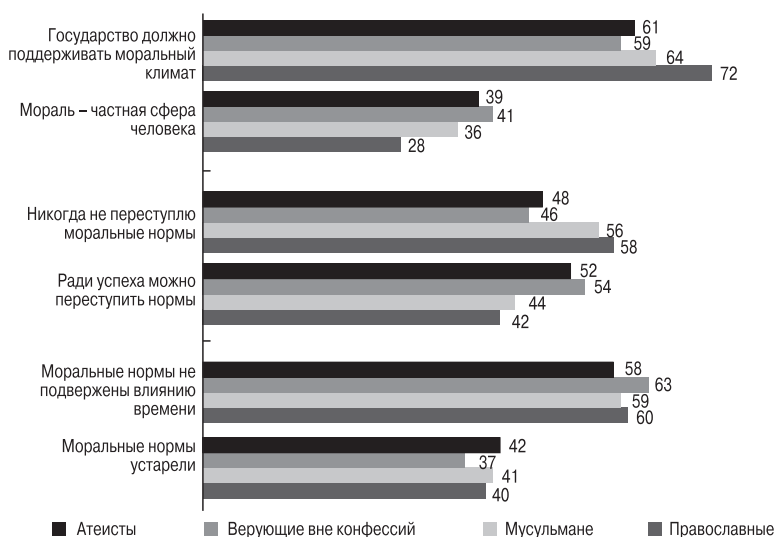

Рисунок 15.1. Выбор представителей религиозно-мировоззренческих групп из пар альтернативных суждений о морали, %

По первой паре суждений, связанной с проблемой сохранения моральных норм, перевес имеет точка зрения на их неизменность вне зависимости от любых обстоятельств — этому привержены 60% наших сограждан вне зависимости от религиозно-мировоззренческой ориентации. По сути, здесь проявляется универсальность морально-нравственного пространства российского общества и признание представителей всех религиозно-мировоззренческих групп социальной базой устойчивости и необходимости нормативной регуляции. Однако вопрос об устойчивости морально-нравственных норм и их приспособляемости к условиям современного мира является отражением разнонаправленных социальных векторов. Так, 40% наших сограждан настаивают на необходимости изменения традиционных морально-нравственных установлений. Независимость от религиозно-мировоззренческих предпочтений показывает, что линия разлома проходит не по границе религиозное/светское, вера/неверие, православные/мусульмане, а по столкновению традиционное/современное, отражая восприятие россиянами сущность и цели трансформационных преобразований.

По второй паре суждений о возможной моральной цене жизненного успеха российское общество разделилось практически пополам, отражая воздействие на такое разделение традиционных религий: православные и мусульмане готовы перешагнуть ради успеха моральные границы чуть реже (42% и 44%), тогда как в атеистической (52%) и особенно — во внеконфессиональных группах (54%) превалирующим является суждение о возможности в определенных случаях переступить через нормы морали. Тем самым, можно, с одной стороны, констатировать, что морально-нравственные нормы становятся необязательными для исполнения, с другой — о наличии потенциала у религиозных традиций и, следовательно, у религиозных организаций по воссозданию нормативной регуляции и возвращению в жизненные ориентации ценностей как ориентиров.

Наконец, в третьей паре суждений, касающихся возможности государственного участия в поддержании морально-нравственного климата, в целом только 32% опрошенных являются сторонниками невмешательства государства в вопросы морали и нравственности, считая, что это сфера частного, т. е. индивидуального морального выбора. Причем лидируют в данном мнении представители внеконфессионально-верующих и атеисты (41% и 39% соответственно). Большинство же респондентов всех

групп поддерживает противоположную точку зрения. Наибольший удельный вес поддержки государственного участия в морально-нравственной сфере в православной группе – 72%, тогда как у мусульман, атеистов и внеконфессионально-религиозных лиц преобладание данной позиции проявляется уже в меньшей мере – 64%, 59% и 61%. Полученные данные позволяют сделать вывод о присутствии в общественном сознании роли государственных и общественных институтов как генерирующих и поддерживающих морально-нравственную регуляцию в обществе. При этом моральные императивы православной группы выражены более отчетливо, что связано в том числе и с институциональной проекцией деятельности Русской православной церкви.

Более развернутую характеристику моральных императивов респондентов в зависимости от их религиозно-мировоззренческой ориентации дают ответы на вопрос о допустимости для них тех или иных действий и поступков (табл. 15.3).

Таблица 15.3

Какие поступки никогда не могут быть оправданы, по мнению представителей религиозно-мировоззренческих групп, %

Поступки	Массив в целом	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
Употребление наркотиков	91	92	86	85	89
Пьянство, алкоголизм	73	77	79	67	55
Жестокое обращение с животными	86	88	79	81	81
Дача/получение взятки	57	59	51	54	49
Уклонение от уплаты налогов	51	54	42	41	42
Уклонение от службы в армии	41	44	31	30	41
Присвоение найденных вещей, денег	47	47	56	41	43
Однополые браки	84	85	94	80	82
Проституция	73	77	80	59	57
Аборт	38	40	45	3	27
Гомосексуализм	84	85	93	78	77
Публичное проявление неприязни к представителям других национальностей	71	71	84	67	63
Хамство, грубость, нецензурная брань	68	71	73	63	56
Оскорбление чувств верующих	84	87	91	78	68

Как видно из числа недопустимых поступков, которые никогда и ничем не могут быть оправданы, в *православной* группе на *первое* место выходит *употребление наркотиков*, которое отметили более 90% опрошенных. Далее свыше 80% набирают такие деяния, выходящее на *второе* место как *жестокое обращение с животными*, от которого лишь незначительно отстают *оскорбление чувств верующих*, гомосексуальные связи и однополые браки. Вслед за этим, более 70% православных респондентов назвали проституцию, алкоголизм, нецензурную брань, публичное выражение национальной неприязни. Из других недопустимых деяний *более чем половиной* представителей данной группы отмечены дача и получение взятки, уклонение от уплаты налогов. Все остальные из перечисленных поступков набирают менее 50% — присвоение найденного, уклонение от воинского призыва, аборт.

Среди респондентов-*мусульман* на *первое* место по недопустимости выходит *заклучение однополых браков*, вслед за которыми более 90% набирают *гомосексуализм* и *оскорбление чувств верующих*. Вслед за ними 80% и более опрошенных назвали употребление наркотиков, публичные проявления межнациональной розни, проституцию. Далее от 70% до 80% указали алкоголизм, жестокое обращение с животными, нецензурную брань; более 50% — присвоение найденного, дачу и получение взятки, от 40% до 50% — аборт и уклонение от уплаты налогов. На *последнее* место по недопустимости мусульманская группа поставила уклонение от воинского призыва.

Таким образом, в отношении недопустимых поступков показатели *православной* и *мусульманской* групп в целом близки, однако в ряде случаев *позиция мусульман более жесткая*. Это касается, в частности, отношений к традиционным ценностям семейного и гендерного контекста, оскорбления национальных и религиозных чувств. Вместе с тем полная неприемлемость некоторых поступков, связанных с имущественными отношениями (взятки, уклонение от уплаты налогов) в сравнении с православной группой выражена в несколько меньшей мере. Исключение в данном случае составляет присвоение найденных денег и вещей, недопустимость которого именно у мусульман имеет самый высокий показатель. Гораздо ниже в мусульманской группе и неприятие уклонения от воинского призыва. Таким образом, терпимость к социальным проблемам по линии личность-государство у этой группы более высокая, чем по линии личность-личность и личность-социальная группа.

Во внеконфессиональной и атеистической группах первое место по недопустимости также занимает употребление наркоти-

ческих веществ. Вслед за этим по 80% и более набирает неприятие однополых браков и жестокое обращение с животными. Далее в шкале недопустимости определенных поступков внеконфессионально-религиозных лиц следуют оскорбление чувств верующих и гомосексуальные связи, национальная неприязнь и алкоголизм, нецензурная брань, проституция, взятки. Менее же 50% набирает неприятие таких действий, как уклонение от уплаты налогов и присвоение найденного, на предпоследнем месте — аборт, замыкает ряд уклонение от воинского призыва. Среди атеистов также на четвертое место по неприятию выходит гомосексуализм, за которым следуют оскорбление чувств верующих, публичные проявления национальной неприязни, проституция, нецензурная брань. Меньше половины респондентов данной группы отметили взяточничество, присвоение найденного, уклонение от уплаты налогов, уклонение от воинского призыва, а на самом последнем месте с большим отрывом значатся аборт. Как можно видеть, для внеконфессиональной и особенно атеистической групп в целом характерным является несколько более низкий уровень неприятия перечисленных недопустимых поступков в сравнении с православными и мусульманами.

В целом получается, что *общим* для всех религиозно-мировоззренческих групп является почти абсолютное неприятие допустимости *употребления наркотических веществ, жестокое обращение с животными*, а также ряда поступков, связанных с нетрадиционными отношениями. Вместе с тем такое нарушение морали, как проституция, не связанное с нетрадиционностью и в наибольшей мере отторгаемое православными и особенно мусульманами, во внеконфессиональной и атеистической группах оказывается гораздо более терпимым. Можно предположить, что для части респондентов внеконфессиональной и атеистической ориентации наиболее неприемлемым является не столько нарушение моральных норм в сфере взаимоотношений между полами, сколько их нетрадиционный характер, тогда как для православных и мусульман то и другое однозначно считается грехом. Аналогичная ситуация по группам наблюдается и в отношении нецензурной брани. Однако при этом такой поступок, как аборт, абсолютно отвергает меньшая часть респондентов, будучи отодвинутым по уровню неприятия во всех группах на последнее и предпоследние места. Во внеконфессиональной группе еще меньший показатель неприятия имеет уклонение от воинского призыва, а в мусульманской кроме него — уклонение от уплаты налогов. Разумеется, и в православ-

ной, и особенно в мусульманской группах показатель неприятия абортов выше, нежели в двух других (у мусульман – самое высокое его значение). Однако и там, и там он все же ниже 50%, хотя и православно-христианская, и исламская доктрины такого рода деяние резко отвергают.

Из всего перечня недопустимых поступков особый интерес, исходя из предмета нашего исследования, представляет отношение к таким действиям, как оскорбление чувств верующих. В православной и мусульманской группе подобные оскорбления относятся к числу наиболее осуждаемых поступков, выходя по уровню неприятия на третье место – у православных после употребления наркотиков и жестокого обращения с животными, у мусульман – после однополых браков и гомосексуализма. Довольно высок показатель такого неприятия и во внеконфессиональной группе, где данный поступок выходит на четвертое место. Более низкий процент у атеистов, однако и здесь данную позицию поддержало свыше половины опрошенных. Из данного факта можно сделать вывод, что оскорбление чувств верующих воспринимается обществом скорее как оскорбление нравственных норм вообще, а их защита как обеспечение социальной стабильности и межконфессионального мира, хотя, конечно же, нельзя сбрасывать со счетов и собственно религиозную составляющую.

Несколько меньшая, но также значительная доля респондентов отметила недопустимость публичного проявления национальной неприязни, причем в данном случае также значительно более высокий показатель имеют православные и мусульмане. Здесь важным моментом является корреляция между религиозным и национальным, а также то, что приверженцы традиционных религий в большей степени склонны к восприятию многонационального народа России как ценности.

В связи с изложенным выше, важным представляется вопрос о динамике морально-нравственного состояния российского общества в течение последних десятилетий. Россия сталкивается с внутренними и внешними вызовами, которые существенным образом меняют картину духовно-нравственного состояния общества. С одной стороны, это вызовы внутренние – стремительные социально-экономические изменения, относительность ценностно-нормативной регуляции, смена поколений и образовательных парадигм. С другой – вызовы внешние, происходящие в условиях открытого общества, глобализации, связанной, в том числе, не только с взаимообменом и высокой скоростью проникновения

инокультурных ценностных матриц, но и их агрессивного навязывания средствами мягкой силы. В любом случае, принадлежность к традиционным российским конфессиям повышает запрос на воссоздание нормативного пространства как ценностно-регулирующего и повышает, соответственно, роль религиозных организаций в качестве субъектов данного процесса.

Проблема прочности нормативного пространства и ценностной регуляции в обществе коррелирует с межличностными аспектами социального взаимодействия, поскольку в человеческих качествах проявляется степень действенности и обязательности выполнения норм. Насколько религиозно-мировоззренческий фактор накладывает отпечаток на солидаризирующие интенции в обществе и определяет потребность в действенной ценностной структуре?

Как видно из данных таблицы 15.4, наиболее значительный разрыв в оценках респондентов положительной и отрицательной динамики позитивных качеств личности в сторону последней отмечен по таким из них, как *искренность, бескорыстие, уважение к старшим, душевность, честность, доброжелательность*. Причем по таким из качеств, как искренность, честность, уважение к старшим наибольший разрыв оценок в пользу отрицательной динамики наблюдается в **мусульманской** группе; бескорыстие — в **атеистической**. Такие оценки связаны, по-видимому, с тем, какие ценности в той или иной группе наиболее значимы, а потому утрата их позиций воспринимается более остро.

Безусловно, человеку, в особенности стороннику традиционных взглядов, ориентированному во многом на опыт предков, в целом свойственно видеть отрицательную динамику в нравственной эволюции общества. Однако категоричность оценок позволяет говорить о том, что произошедшее в течение последних десятилетий ослабление нравственного потенциала российского общества фиксируется весьма отчетливо. В наибольшей мере отмечен рост *агрессивности*, причем в православной группе на него указали более двух третей опрошенных. На **второе** место также все группы поставили усиление *цинизма*, причем наибольший процент его отметивших приходится на атеистов.

На усиление же представленных в перечне положительных качеств обратила внимание значительно меньшая часть респондентов — менее чем 30% по каждому из качеств в каждой группе. В первую очередь отмечен *рост инициативности и целеустремленности*, на который по всем группам указало около трети респондентов,

Таблица 15.4

**Сопоставление оценок положительной и отрицательной динамики
человеческих качеств, %**

Качества людей	Массив в целом	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
Уважение к старшим					
Ослабло	63	66	63	51	58
Усилилось	8	7	6	10	7
Искренность					
Ослабло	61	62	59	54	59
Усилилось	8	8	4	10	5
Честность					
Ослабло	60	61	67	59	56
Усилилось	6	7	6	7	5
Доброжелательность					
Ослабло	60	62	61	52	58
Усилилось	10	10	11	11	9
Душевность					
Ослабло	59	61	54	48	52
Усилилось	8	8	7	10	6
Бескорыстие, готовность помочь другому					
Ослабло	59	60	59	52	57
Усилилось	8	9	6	10	4
Ответственность за семью, забота о ней					
Ослабло	30	32	29	26	25
Усилилось	19	19	24	17	17
Патриотизм, преданность своей Родине					
Ослабло	1,4	1,3	1,8	1,8	1,3
Усилилось	37	36	42	41	33
Усилилось	26	27	23	23	25
Ум, образованность					
Ослабло	39	39	41	38	38
Усилилось	24	24	18	20	22
Активность, целеустремленность, инициативность					
Ослабло	32	33	34	25	32
Усилилось	33	33	33	34	31

причем православные и мусульмане имеют одинаковый процентный показатель. Православные на второе место среди усилившихся качеств поставили патриотизм, на третье — ум и образованность, далее в положительной динамике отмечаются способность к сотрудничеству, ответственность за свою семью, трудолюбие, ответственность за происходящее, доброжелательность.

В ряде случаев оценки респондентов фиксируют разнонаправленные тенденции динамики ряда положительных качеств личности, в частности, связанных с ее деловой активностью (целеустремленность, ум и образованность) и семейным обустройством (ответственность за семью). Однако в этом же ряду находится и патриотизм. Структура ценностей и ее динамика коррелируют с характерной для России структурой социальных связей. Наблюдая сильные позиции ценностей личностного и семейного (микро)уровня, а также государственного (макро)уровня (патриотизм), можно отметить явное снижение ценностей межличностного, группового общения (на среднем уровне), которые скрепляют социальную ткань и делают общество солидарным.

Подводя же общий итог, можно констатировать, что религиозные группы респондентов — православные и мусульмане — демонстрируют заметно большую приверженность традиционным морально-нравственным ценностям, отмечая недопустимость их умаления, и одновременно — фиксируя отрицательную динамику их роли в жизни личности и общества, что еще раз демонстрирует востребованность нравственного идеала в обществе.

Морально-нравственные ориентиры, являясь краеугольным камнем духовной жизни человека, обуславливают его культурно-эстетические предпочтения, совместно с ними выступая в качестве основных элементов ценностной системы личности и общества⁸. В связи с этим в ходе настоящего исследования перед респондентами были поставлены вопросы, касающиеся характера данных предпочтений.

⁸ По словам Святейшего Патриарха Кирилла, «мы, ясно понимая важность защиты нравственного идеала, без которого не может быть ни подвига, ни жизни, должны делать все возможное, чтобы сохранить нашу духовную культуру, в центре которой находится этот евангельский идеал, и передать ее молодому поколению. Поэтому так важно уделять внимание литературе, помогать писателям, которые своим творчеством утверждают традиционные для нашего народа ценности». См.: Выступление *Предстоятеля Русской Церкви* на церемонии вручения Патриаршей литературной премии имени святых Кирилла и Мефодия 2015 года. 25.05.2015 / Русская Православная Церковь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4100626.html> (дата обращения: 18.06.2015).

Как показано в таблице 15.5, в шкале культурных предпочтений всех религиозно-мировоззренческих групп на самое первое место выходит старое советское кино. При этом в православной и мусульманской группах процент его предпочтения одинаковый, заметно превышая аналогичный показатель по внеконфессиональной и особенно атеистической группам. Это достаточно показательный фактор, который в очередной раз демонстрирует православно-мусульманскую общность как общность традицион-

Таблица 15.5

Предпочтения представителей религиозно-мировоззренческих групп в сфере культуры, %*

Предпочтения	Массив в целом	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
Старое советское кино	78	82	82	61	68
Современные российские фильмы	62	65	60	57	50
Видео, зарубежные фильмы	47	45	49	52	55
Развлекательные, игровые телепередачи	45	46	48	41	41
Проблемные телепередачи	44	46	36	35	43
Российские телесериалы	49	52	51	38	35
Зарубежные телесериалы	33	32	42	35	33
Современная музыка	49	51	43	52	45
Советская эстрада	59	64	54	44	45
Классическая музыка	43	46	33	34	37
Русская классическая литература	54	58	46	46	46
Современная русская литература	34	37	24	27	27
Научно-популярная, историческая литература, мемуары	42	44	26	42	42
Иностранная литература, зарубежная классика	33	34	26	35	36
Детективы, фантастика	45	46	36	50	48
Театр, изобразительное искусство	45	49	44	39	35
Мода, дизайн	36	39	31	31	25
Интернет	57	57	55	60	60
Самообразование	53	54	47	50	48
Чтение философской литературы	21	21	18	21	19
Чтение религиозной литературы	19	22	35	12	7

Примечание: * В таблице приведены ответы только по позиции «нравится».

ных ценностей, часто далеких от собственно религиозных (будучи подчеркнуто атеистическим, советский кинематограф пропагандировал ценности семьи, социальной сплоченности и солидарности, справедливости и межнационального диалога).

В то же время российские православные и мусульмане — динамичные общественные группы, далеко не чуждающиеся различных проявлений современности. На втором месте и у православных, и у мусульман — современная российская кинопродукция. На третье место в православной группе выходит эстрада советского времени, в мусульманской — Интернет, на четвертое — русская классическая литература и советская эстрада; на пятое — Интернет и российские телесериалы. Таким образом, в первую пятерку предпочтений и православной и мусульманской групп помимо произведений советского и современного российского кинематографа входят также советская эстрада и Интернет.

В свою очередь, в первую пятерку предпочтений во внеконфессиональной и атеистической группах, помимо старого советского кино и интернета, входят также современное российское кино, зарубежная кино- и видеопродукция, детективы и фантастика.

В целом анализ культурных предпочтений различных мировоззренческих групп показывает: по абсолютному большинству позиций самые высокие оценки с точки зрения интереса дают именно православные респонденты. У мусульман, как правило, показатели интереса ниже, особенно в отношении чтения, хотя по ряду позиций, связанных, в частности, с традиционной культурой (русская классическая литература, советская эстрада, советское и российское кино) данная группа также имеет относительно высокий процент предпочтений. Наиболее же высокие, в сравнении с другими группами, показатели интересов мусульман наблюдаются, помимо стремления к чтению религиозной литературы, по таким позициям, как развлекательные телепередачи и зарубежные телесериалы. Внеконфессиональная и атеистическая группы большее предпочтение отдают Интернету, детективной и фантастической литературе.

Приверженность к той или иной мировоззренческой парадигме оказывает влияние на культурные пристрастия россиян в корреляции с культурными традициями и ценностями. Так, представители православия и ислама часто единомышленны, их вкусы и склонности зачастую схожи, так же как и формы участия в общественной жизни. Объединяющая функция «всечеловечной» русской культуры для всех народов России вне зависимости от их религиозной принадлежности проявляется здесь весьма отчет-

ливо. Это позволяет сделать важный вывод о том, что именно на путях культурного сотрудничества, совместного культуротворчества, сохранения и актуализации общего культурного наследия в наибольшей мере достижимы конструктивное взаимодействие и солидарность всех народов и религиозных течений России.

Единое культурное неэтническое и надрелигиозное пространство, отражающее цивилизационный статус России и, как следствие, специфику социальных трансформаций, ставит проблему межрелигиозного мира. Повседневные глубинные алгоритмы сосуществования приверженцев различных конфессий, обеспечивающие социальную стабильность и единство культурно-ценностного и нравственного пространства, отражают поликонфессиональность России как цивилизационный атрибут, а также намечают параметры государственной политики в сфере обеспечения межнационального и межрелигиозного согласия.

Как показано в таблице 15.6, во всех группах можно видеть довольно высокий процент положительного отношения к приверженцам православия, хотя даже среди православных данный показатель не стопроцентный. Из других групп его значение наиболее велико у мусульман. Все остальные религии по уровню положи-

Таблица 15.6

Отношение представителей религиозно-мировоззренческих групп к приверженцам разных вероисповеданий и мировоззрений, %

ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ

Представители групп	Массив в целом	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
Православия	81	93	68	61	42
Старообрядчества	26	29	22	20	12
Католицизма	22	25	22	16	11
Протестантизма	16	18	21	12	10
Ислама	21	19	89	15	9
Иудаизма	16	17	26	10	9
Буддизма	21	22	23	17	11
Нетрадиционной религиозности	7	7	11	7	5
Неверующим	22	19	15	28	41

тельного отношения к их последователям следуют за православием с довольно значительным отрывом.

В православной группе в их ряду на первое место выходит старообрядчество, на второе — католицизм, на третье — буддизм. У мусульман положительное отношение к приверженцам ислама также не составляет 100%. После них на первом месте по проценту положительного восприятия приверженцев выходит иудаизм, за которым следует буддизм; на третьем месте — католицизм и старообрядчество. Среди внеконфессионально-религиозных лиц лучше всего отношение к приверженцам старообрядчества, за которыми следуют буддисты; на третье место выходят католики. Наконец, в атеистической группе наибольший процент положительного отношения набирают старообрядцы, на втором месте — католики и буддисты, на третьем — протестанты. Заметим, что старообрядцы вообще наиболее часто вызывают положительные эмоции у россиян, вероятно, в связи с благотворительной и меценатской деятельностью в прошлом, значимыми именами из числа старообрядцев в истории культуры России.

Таким образом, в сравнении с другими группами, к старообрядцам, католикам и мусульманам лучше всего относятся православные респонденты. К приверженцам православия, иудеям, буддистам, протестантам — респонденты-мусульмане. Во внеконфессиональной и атеистической группах соответствующие показатели заметно ниже. На самом последнем месте во всех группах — приверженцы нетрадиционной религиозности, имеющие относительно более высокий показатель положительного отношения только у мусульман. Наконец, к неверующим наибольший процент положительного отношения отмечен в атеистической группе, наименьший — в мусульманской.

Важным представляется сравнение приведенных выше данных с показателями отрицательного отношения к приверженцам различных религий.

Как показано в таблице 15.7, и в православной, и в мусульманской группах на первом месте по отрицательному отношению — приверженцы нетрадиционной религиозности. У православных респондентов на втором месте мусульмане, на третьем — приверженцы иудаизма. В свою очередь, среди респондентов-мусульман по отрицательному отношению на второе место выходят иудеи, а на третье — старообрядцы. В отличие от этих двух групп, у внеконфессионально-религиозных респондентов и атеистов наибольший процент отрицательного отношения набирают мусульмане,

Таблица 15.7

**Отношение представителей религиозно-мировоззренческих групп
к приверженцам разных вероисповеданий и мировоззрений, %**

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ

Представители групп	Массив в целом	Православные	Мусульмане	Верующие вне конфессий	Атеисты
Православия	1	0	1	1	3
Старообрядчества	11	12	11	10	11
Католицизма	9	9	6	14	9
Протестантизма	13	14	7	18	9
Ислама	22	24	1	26	20
Иудаизма	14	15	16	15	11
Буддизма	9	10	8	8	6
Нетрадиционной религиозности	32	35	32	25	19
Неверующим	13	14	26	8	2

отодвигая приверженцев нетрадиционной религиозности на второе место.

Таким образом, можно видеть, что за исключением православных, положительное отношение к приверженцам иных религий и мировоззрений ни в одной из групп не набирает большинства. Однако и респонденты, отметившие негативное отношение к ним, тоже составляют меньшинство в своих группах. Преобладающим по большинству позиций является индифферентное отношение к лицам не своей религиозно-мировоззренческой ориентации. Наиболее негативный уровень отношения при наименее позитивном по всем группам можно наблюдать по приверженцам нетрадиционной религиозности, причем *самое значительное превышение* (в 5 раз) отмечено в православной группе. Также во всех группах превалирует над положительным отрицательное отношение к мусульманам, хотя разрыв здесь не столь значителен. Такой неравновесный показатель в отношении представителей исламского мировоззрения связан не столько с конфессиональными, сколько с социально-экономическими (миграция, дисбаланс в российском федерализме) и внешнеполитическими (нестабильность в странах Ближнего Востока, деятельность ИГИЛ) причинами. Российские мусульмане, приверженцы традиционного ислама, не вызывают сами по себе

негативного отношения. Кроме того, превышение отрицательного процентного показателя над положительным отмечено во внеконфессиональной группе в отношении иудеев и протестантов.

Весьма примечательно в данном плане сравнение отношения православных респондентов к приверженцам ислама и респондентов-мусульман к последователям православия. Если положительное и отрицательное отношение к мусульманам демонстрируют, соответственно, 19% и 24% православной группы, то аналогичные отношения в мусульманской группе к православным составили, соответственно, 68% и 24%.

Вследствие этого выстраивание отношений сотрудничества и солидарности между приверженцами двух наиболее значимых традиционных религий потребует дополнительных целенаправленных усилий. Более того, в рамках этих усилий необходимо подчеркивать жизненную необходимость православно-мусульманского диалога для сопротивления внешней угрозе распространения агрессивного ислама в нетрадиционных для России экстремистских формах.

В заключение следует подчеркнуть: поскольку ценностные ориентации и культурные нормы обеспечивают стабильность социального бытия, постольку одной из основных проблем настоящего времени можно определить вопрос о необходимости существования в обществе консенсуса относительно базовых ценностей при наличии различных мировоззренческих и иных предпочтений, а также символические параметры ценностной преемственности. В разрезе российской поликонфессиональности, наличия светских и религиозных идентичностей есть основания констатировать общность ценностных, нравственно-духовных, культурных предпочтений россиян, что демонстрирует более глубинные объединительные ценностные основания. Данные исследования показывают, что глубинных препятствий мировоззренческого характера для этого в российском обществе не существует. Налицо тревога и осознание размывания ценностной структуры как таковой и выраженной относительности нравственных норм, когда последние становятся необязательными к исполнению, причем последователи традиционных российских религиозных конфессий воспринимают это более остро. Соответственно, можно еще раз констатировать амортизирующий и солидаризирующий потенциал институционализированных российских конфессий, и соответствующим образом выстраивать параметры сотрудничества между государством, обществом и религиозными организациями.

Раздел пятый

**ПОРЕФОРМЕННАЯ РОССИЯ:
НОВЫЕ СУБЪЕКТЫ И НОВЫЕ ТРЕНДЫ
В СФЕРЕ МОРАЛИ И ПРАКТИКИ
КОММУНИКАЦИИ**

**Глава 16. «Самодостаточные россияне»
и их жизненные приоритеты**

Анализ особенностей ценностных ориентаций россиян, относящихся к их собственной жизни и характеризующих их с точки зрения активной или инертной жизненной позиции, выраженности патерналистских установок и уверенности в собственных силах, показывает: в обществе существует значительная по объемам социальная группа населения, способного (по собственной оценке) жить (обеспечивать себя и свою семью) самостоятельно, без поддержки государства. Мы назвали эту группу людей «самодостаточные россияне» и попытались прояснить, что она собой представляет, чем отличается от остальных и как себя проявляет в различных сферах жизни.

Сразу оговоримся, что выделение «самодостаточных» россиян как объекта анализа не претендует на попытку провести какой-то новый стратификационный рубикон, который «отрезал» бы одну социальную группу от других, зафиксировал бы новый социальный феномен, новую совокупность людей с единой и уникальной идентичностью, обладающую специфическим признаком, отличающим их от остальных россиян. Вообще, структурирование современного общества, попытка найти к этой структуре некий универсальный ключ — задача архиважная и столь же трудно выполнимая. Современное общество находится в состоянии постоянного изменения, его трансформации и процессы модернизации не только продолжают свое развитие, но и углубляются и расширяются в условиях современной глобализации. При этом, как подчеркивает А. Мартинелли, глобальные перемещения людей, обмен технологиями, идеями, символами, капиталом расширяются с каждым днем, а ценности, институты и практики, их обосновывающие,

запаздывают во времени¹. Соответственно, одно и то же общество, измеренное одним и тем же лекалом (например, от традиционного до современного), но с разных сторон (экономической, политической, социальной, культурной), предстанет перед нами в самых разных лицах.

Фундаментальные трансформации общества, происходящие с разной скоростью в разных сферах и имеющие несовпадающие векторы, делают нетвердой почву под ногами его исследователей. По наблюдению Н. Тихоновой, несмотря на большой опыт изучения стратификации современного общества, которой посвящена значительная литература (П. Бурдьё, М. Кон, К. Шулер, Э. Гидденс), в том числе и отечественная (О. Шкаратан, М. Черныш и др.), «вечной» проблемой социологии остается определение факторов стратификации. До сих пор не вполне понятно, что же в современном обществе является главным при достижении определенной статусной позиции — структура или действие, система или актор².

В связи с этим мы не претендуем на открытие какой-то новой структурированной ниши общества, но фиксируем внимание на важном обстоятельстве, которое может на нее влиять, входить в инструментарий ее формирования в качестве одного из факторов. Это обстоятельство связано с изменением роли государства в жизни общества и изменением оценки этой роли со стороны общества, его групп и отдельных людей. Заслуживает внимания взгляд З. Баумана на современное общество как на общество индивидуализированное, главными признаками которого, как суммирует В.Л. Иноземцев в предисловии к его одноименной книге, являются: утрата человеком контроля над большинством значимых социальных процессов; возрастающая неопределенность и прогрессирующая незащищенность личности перед лицом не контролируемых ею перемен; стремление человека отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов, что в конечном счете приводит к дезинтеграции как социальной, так и индивидуальной жизни. Как следствие, общество начала XXI в. характеризуется, с одной стороны, стремительным усложнением экономических процессов, а с другой — все более явной фрагменти-

¹ *Мартинелли А.* Глобальная модернизация. Переосмысляя проект современности / Пер. с англ. О.В. Малец, А.В. Резаева. Под общ. редакцией А.В. Резаева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 7.

² *Тихонова Н.Е.* Факторы стратификации в современной России: динамика сравнительной значимости // Социологические исследования, 2014, № 10. С. 23.

рованностью человеческого существования; в нем побеждают тенденции к самодостаточности хозяйственных процессов, в то время как социальное начало становится все менее значимым³.

Современная действительность, как показал в ряде своих исследований У. Бек, характеризуется субъективизацией и индивидуализацией рисков и противоречий, порождаемых как отдельными институтами, так и обществом в целом, когда «история сжимается до (вечного) настоящего, и все вертится вокруг собственного «я» и личной жизни того или иного человека». Человек может быть в гораздо большей степени зависим от действия рыночных сил, о которых он даже не подозревает, чем когда-либо прежде, он может не понимать природы этих сил или не предугадывать их воздействия, но, несмотря на это, ему все равно придется лично расплачиваться за любые принятые или не принятые им решения⁴. Какое бы социальное или политическое звучание этому тренду ни придавалось, реальностью является то, что сегодня человек часто сталкивается с жизненными обстоятельствами лицом к лицу, не имея между ними и собой посредника в лице устраненного или самоустранившегося от этих вопросов государства. И его готовность принять на себя ответственность за собственные решения и их последствия приобретает особую значимость, определяя не только его индивидуальную успешность; из таких индивидуальных успешностей складывается успешность общества в целом.

Современное российское общество развивается, с одной стороны, под влиянием глобальных экономических, политических, социальных и культурных трендов, а с другой стороны, имеет в анамнезе недавнее советское прошлое с его гипертрофированной регулирующей ролью государства и последующие этапы развития, озаменованные отказом от государственного диктата вплоть до полного устранения его влияния в отдельных сферах. Этот «особый путь» придает особое звучание и особое значение позиции тех людей, которые готовы строить собственную жизнь без оглядки на государство и его поддержку. *Жить, не рассчитывая на поддержку государства сегодня, — это не хорошо и не плохо, а вынужденно и необходимо. И умение делать это — ключевой ресурс, определяющий степень успешности реализации человеком своих планов и жизненных целей.* Тем самым, установка на «самодостаточность» может рас-

³ Бауман З. Индивидуализированное общество. / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. С. XII.

⁴ Ulrich B. Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne [1986]. Цит. по: З. Бауман. Индивидуализированное общество. С. L.

смагиваться не как рамка-разделитель, а как важный социальный маркер, *отражающий процесс обретения людьми твердой «социальной почвы» под ногами, социальной зрелости, ответственного и самостоятельного подхода к собственной жизни и жизни страны, возможности быть субъектом жизни, а не ее объектом; стремления активно осваивать окружающую действительность, включенности в происходящее.* В то же время обретение «самодостаточности» каждым отдельным человеком невозможно без взросления общества в целом, формирования условий для эффективного взаимодействия между гражданином и государством. Поэтому распространенность установок на самодостаточность — это своеобразное состояние «души» и здоровья общества, признак зрелости и эффективности самых разных социальных ипостасей — конкретных людей, отдельных социальных групп, государства, общества в целом. Чем выше доля тех членов общества, которые оценивают себя как самостоятельных и независимых субъектов жизни и деятельности, тем больше потенциал человеческого развития этого общества, больше в нем точек роста, шире перспективы и дальше горизонты.

Демаркация людей по их отношению к государству на условно «самодостаточных» и «зависимых» предполагает представленность в обществе обоих этих мировоззренческих сегментов и наличие между ними определенного баланса. Ведь для нашей страны, как, впрочем, для любого другого общества, крайне важны и ценны как активно ориентированные группы, так и те, кто склонен реализовывать более спокойную и традиционную модель самореализации. Применительно к нашей задаче это означает важность понимания и принятия позиции тех, кто находится по другую сторону демаркационной линии, т.е. тех, кто полагает, что они не могут существовать без поддержки государства. Однако в нашем анализе мы сознательно сосредоточимся на группе «самодостаточных» россиян, а группа «зависимых» станет для нее естественным фоном и своеобразным социальным противовесом, позволяющим более рельефно представить те особенности, которые предопределяются отношением человека к государству.

На настоящий период *«самодостаточные россияне» — это не социальная периферия, не маргинальная прослойка, а существенная по объемам и растущая группа, выражающая собой тренд на формирование независимой и активистской доминанты в российском обществе.* Доля россиян, принимающих ответственность за происходящее в жизни на себя, ориентирующихся на собственные силы, уверенных в своей способности обеспечить себя и свою семью и не нуж-

дающихся для этого в поддержке со стороны государства, составляла на весну 2015 г. 44% населения. При этом с 2011 по 2014 гг. этот показатель вырос с 34% до 44% и в настоящее время остается на этом же уровне (рис. 16.1).

Таким образом, за последние несколько лет в обществе произошла «тихая социальная революция»: если еще четыре года назад группа «самодостаточных россиян» была вдвое меньше группы россиян «зависимых», т.е. тех, кто приписывает основную роль в своей жизни внешним обстоятельствам и не видит возможности выживать без поддержки государства (34% против 66%), то сегодня масштабы этих групп заметно сблизились (44% и 56%).

Примечательно, что установки на самодостаточность могут быть присущи представителям любых социальных групп. Естественные границы самодостаточности проходят по группам, которые в современном обществе признаны объектами государственной поддержки и опеки — пенсионеры, инвалиды. Однако в пределе идеальной модели общественного устройства даже представители этих групп могут ощущать себя самодостаточными. Поэтому низкие показатели самодостаточности среди пожилых людей — явление ожидаемое, но не неизбежное.

Как показывает анализ полученных данных, социально-демографический профиль группы «самодостаточных» россиян имеет ряд ожидаемых отличий от профиля группы «зависимых». Самодостаточность чаще характерна для молодежи (57%) и людей среднего возраста (50–52%). При этом, как показывает сравнительный анализ данных исследований разных лет, молодые россияне являются основным источником роста установок на самодостаточность — за последние четыре года (с 2011 г.) среди молодежи до 30 лет доля тех,

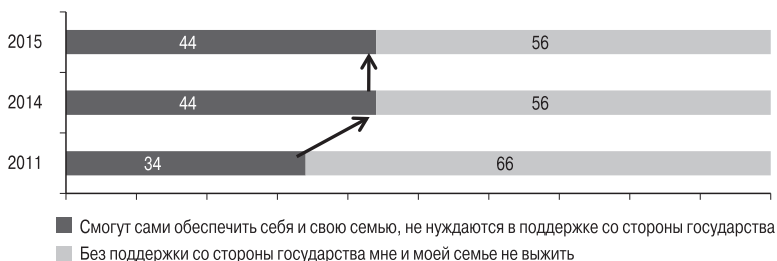

Рисунок 16.1. Выбор россиян в паре альтернативных мировоззренческих суждений, характеризующих самостоятельную и зависимую от государства жизненную позицию, 2011–2015 гг., %

кто полагается в жизни только на собственные силы и не считает себя зависимым от государства, выросла с 43% до 57%.

Напротив, минимальна доля «самодостаточных» россиян среди людей старше 60 лет (15%) и тех, для кого основным источником доходов является пенсия или иное социальное пособие (29%) – т.е. граждан, которые находятся в прямой финансовой зависимости от государства (рис. 16.2).

То, как «наполняются» те или иные социальные группы установками на самодостаточность, характеризует степень социальной и финансово-экономической успешности и стабильности конкретной группы и общий уровень социально-экономического развития и устойчивости общества. Наличие групп, «выпадающих» из состояния самодостаточности и характеризующихся значительными отклонениями от его средних показателей, является признаком их социально-экономического и духовно-психологического неблагополучия. Группы с высокими показателями «самодостаточности» можно рассматривать как возможных локомотивов развития общества, но только в случае, если независимость от государства не означает сознательной установки на противодействие ему, игру по собственным правилам, противоречащим закону.

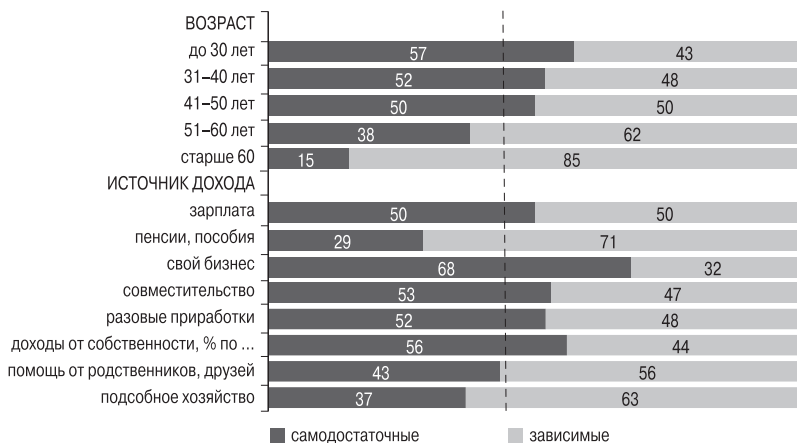

Рисунок 16.2. Выбор в паре альтернативных мировоззренческих суждений, характеризующих самостоятельную и зависимую от государства жизненную позицию, – среди представителей различных социально-демографических групп, 2015 г., %

В связи с этим весьма показательными представляются данные об умонастроениях активизма, независимости и самодостаточности среди работающей части российского населения – в различных должностных и социально-профессиональных группах. Как показывает анализ полученных данных, наиболее выражены подобные жизненные установки среди тех, кто живет предпринимательством, самозанятостью, где доля «самодостаточных» респондентов оказалась самая высокая (83% среди предпринимателей и 70% среди самозанятых). Ярко выражены установки на самодостаточность и среди руководителей, причем как высшего, так и среднего звена (до 64–68%) – управленческий опыт, деловые связи и другие составляющие их социального капитала придают им достаточно уверенности в жизни и собственных силах, чтобы чувствовать себя независимыми от государственного патроната.

С точки зрения профессиональной принадлежности чаще всего самодостаточными и независимыми от государства считают себя представители инженерных профессий, студенты, работники непродушенной сферы с высшим образованием.

Заметно отличается от описанного соотношение установок на самодостаточность и на зависимую жизненную позицию среди представителей рабочих профессий и работников, чьи профессиональные занятия не требуют наличия высшего образования. В этих группах доли «самодостаточных» респондентов относительно невысоки (на уровне 45–49%). А преобладают, хотя и с относительно небольшим перевесом, люди, возлагающие ответственность за собственную жизнь и жизнь своей семьи на государство (50–54%).

Работники государственных предприятий чаще позиционируют себя как зависимых от государства людей, чье благополучие напрямую связано с поддержкой государства (53%). Частные же предприятия, особенно из числа новых (не прошедших процедуру приватизации, а созданных на базе частных капиталов) способствуют формированию у работников установки на самодостаточность и независимость от государства (59%) (рис. 16.3).

Итак, профессиональная принадлежность и сфера занятости в России действительно оказывают заметное влияние на установки самодостаточности граждан. Чем выше должностная позиция, уровень квалификации, управленческая свобода, опора на собственный капитал, тем выше и установки на самодостаточность. Тем не менее, во всех рассматриваемых группах почти половина и более респондентов обладают искомыми установками; не отме-

чено ни одной профессиональной группы, в которой наблюдались бы критически низкие показатели самодостаточности. Таким образом, *на сегодняшний день экономически активное население страны, вне зависимости от сферы и видов занятости, имеет существенный запас социально-экономической устойчивости и установок на самостоятельную и независимую жизненную позицию.*

Что касается вопроса о территориальной локализации настроений активизма, независимости и самодостаточности в различных типах поселений, то здесь следует отметить, что последние три года тенденция к усилению таких установок отмечается во всех типах поселений за исключением мегаполисов. События последнего времени – политический кризис на Украине и связанные с ним внутрirosсийские экономические коллизии – затормозили рост социального оптимизма прежде всего в мегаполисах, значительная часть населения которых тесно связана с зарубежными

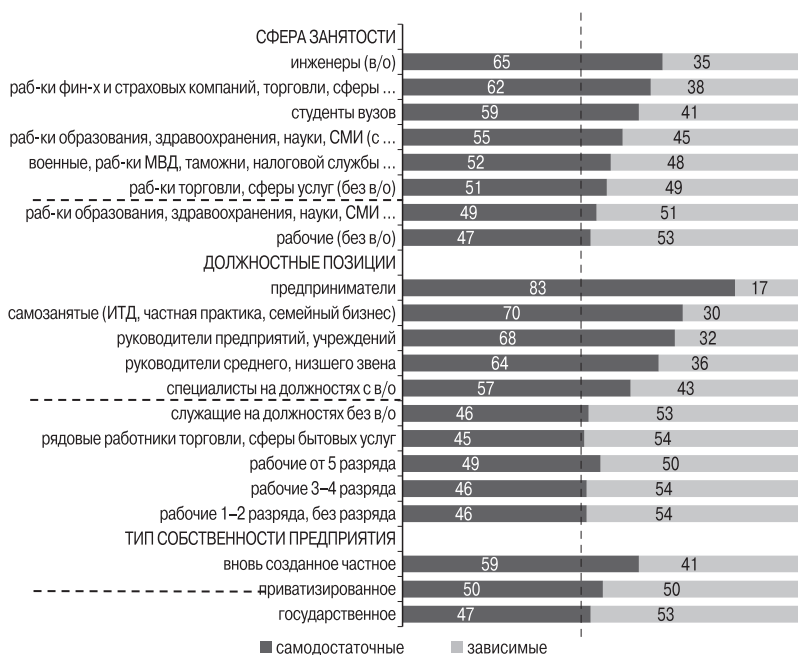

Рисунок 16.3. **Выбор в паре альтернативных мировоззренческих суждений, характеризующих самостоятельную и зависимую от государства жизненную позицию, – среди представителей различных социально-профессиональных групп, 2015 г., %**

странами в финансовом, трудовом отношениях и в повседневных жизненных практиках. В то же время жители нестоличных городов демонстрируют рост самооценок своих жизненных ресурсов — возможно, в том числе, по причине ослабления жизненного тонуса мегаполисов, теряющих свою привлекательность и перестающих быть для них предметом раздражения и зависти. Хотя за последний год и у нестоличных горожан уверенности в своих силах немного поубавилось, особенно у жителей крупных городов с численностью от 500 тыс. до 1 млн человек.

Важно также отметить заметный рост установок на самодостаточность в сельских поселениях (с 30% в 2011 г. до 48% в 2014 г., с некоторым снижением до 42% к весне 2015 г.), которые традиционно отличались пониженным жизненным тонусом и пессимистическими умонастроениями, связанными с социально-экономическим угасанием таких локаций. Последовавшие в связи с украинским кризисом санкции заставили российское общество повернуться лицом к селу, актуализировать тематику развития отечественного сельского хозяйства, переоценить в позитивном ключе возможности жизни и занятости на селе и его роли в развитии страны. В результате на сегодняшний день среди сельских жителей доля «самодостаточных» граждан (42%) близка к соответствующему показателю в мегаполисах (44%).

В целом же лидерами «самодостаточности» в зависимости от типа поселения в настоящее время являются жители нестоличных городов с численностью от 100 тыс. человек (такие небольшие города на сегодняшний день наиболее самодостаточные среди всех) до 1 млн — в них самодостаточными и независимыми от государства считает себя примерно половина населения (49–55%) (рис. 16.4).

Установки на «самодостаточность» в значительной степени связаны с наличием у людей надежного близкого круга, на помощь которого можно опереться в трудной ситуации. Речь, прежде всего, идет о семье. Россияне, проживающие в семьях с 3 и более членами, чаще уверены в том, что справятся с жизненными трудностями самостоятельно и смогут обойтись без помощи государства (46–50%), нежели те, кто живет вдвоем (40%) или один (35%).

Включенность в виртуальные социальные сети также оказывает положительное влияние на самооценку россиян. Для молодежи, где включенность в соцсети наиболее распространена, она является важным фактором формирования самодостаточности и независимости от государства — если среди постоянно пользующихся соцсетями респондентов доля «самодостаточных» составляет 60%,

то отчужденность от сетей снижает этот показатель до 43%. Среди людей старшего возраста включенность в соцсети тоже повышает чувство самодостаточности, хотя и не так выражено (с 35% среди непользователей до 53% среди постоянных пользователей – в группе 51–60-летних).

Таким образом, позиция самодостаточности характерна в настоящий период почти для половины (44%) россиян, и тренд последних лет здесь – ее укрепление и расширение. Рекрутирование самодостаточных людей обеспечивается за счет экономически активного населения, прежде всего – социально-профессиональных групп-лидеров (по уровню квалификации, образования, должностных позиций, управленческого функционала), предпринимателей и самозанятых, работников частного сектора. Наиболее активные поставщики самодостаточных граждан – средние и крупные нестоличные города. Самодостаточность присуща главным образом молодежи и людям среднего возраста, повышается при включенности человека в тесные социальные сети – как реальные семейные отношения, так и в виртуальные сетевые интернет-сообщества.

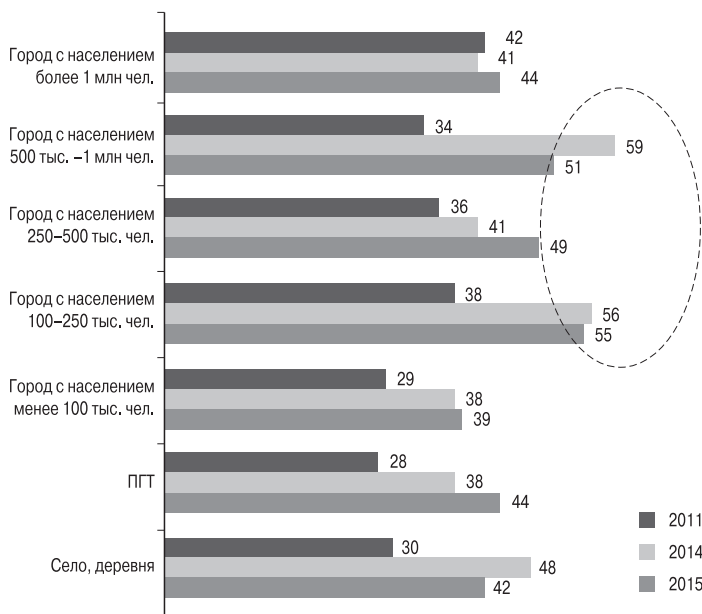

Рисунок 16.4. Доля «самодостаточных» россиян среди жителей поселений различного типа, 2011–2015 гг., %

Установки на самодостаточность и независимость от государства — это мировоззренческая позиция, тесно связанная с практическими жизненными стратегиями и результатами воплощения этих стратегий в практику. *Люди не просто заявляют о своей самодостаточности, но и имеют реальные ее подтверждения в виде более высокого уровня, качества и образа жизни, различных достижений*⁵.

Самый наглядный показатель экономической успешности жизненной стратегии «самодостаточности» — показатели доходов. Среди респондентов, ориентированных на самостоятельность и независимость от государства, отмечается самая высокая доля тех, чьи среднемесячные душевые доходы составляют 30 тыс. руб. и выше (17% при 9% в группе «зависимых»). Напротив, доходы менее 10 тыс. руб. имеют только 17% «самодостаточных» россиян, тогда как среди «зависимых» низкие доходы являются уделом 28%.

Существенным отличием «самодостаточных» россиян от «зависимых» является более высокий уровень их удовлетворенности по всем аспектам повседневной жизни. Самый большой отрыв характерен для «самодостаточных» респондентов по доле высоких самооценок в отношении возможности хорошо питаться и одеваться (разница в 19–20%), состояния здоровья (17%), а также возможности реализовать себя в профессии и статуса в обществе (разрыв в 16–17%). Также высок отрыв «самодостаточных» от «зависимых» респондентов по таким аспектам жизни, как материальная обеспеченность, возможность проведения досуга и общения с друзьями, возможность получения необходимого образования и знаний (по 14%) (рис. 16.5).

Уверенность в собственных силах связана с более оптимистичным взглядом как на сегодняшние тенденции в развитии собственной жизни, так и на ее перспективы. «Самодостаточные» россияне чаще, чем «зависимые», отмечают улучшение своего материального положения за последний год (14% по сравнению с 9% в группе «зависимых») и ожидают дальнейшего его роста (32% при 28% в группе «зависимых»). При этом большинство представителей группы фиксируют стабильность положения — 48% не отметили

⁵ Для дальнейшего анализа группы самодостаточных россиян из имеющегося массива данных были исключены ответы респондентов пенсионного и предпенсионного возраста (женщин 50 лет и старше, мужчин 55 лет и старше). Это дало возможность элиминировать влияние факторов возраста и пенсионной зависимости от государства, поставив в фокус изучения установки на самодостаточность и независимость от государства только тех респондентов, которые находятся в экономически активном возрасте.

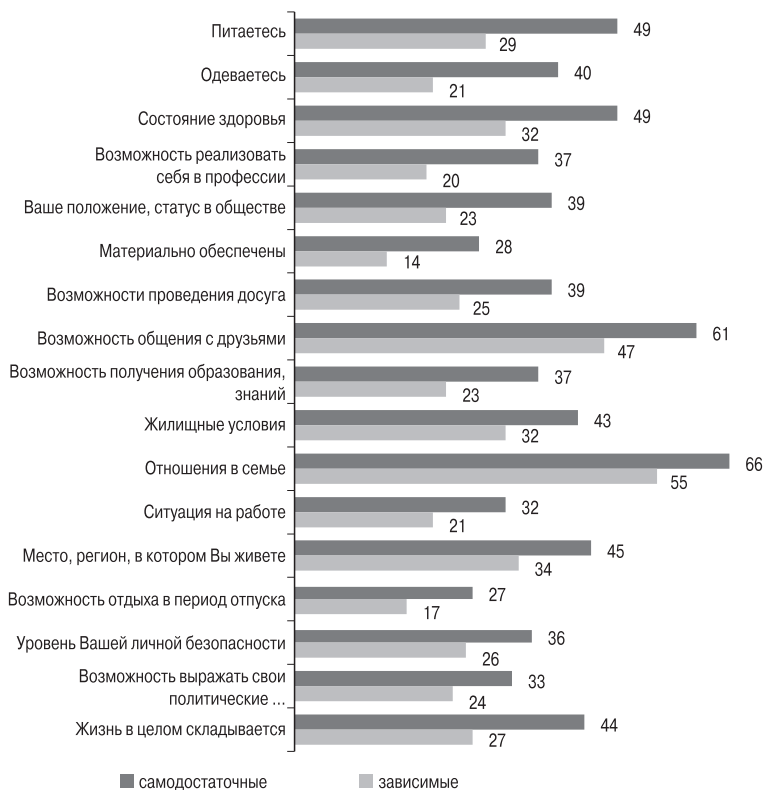

Рисунок 16.5. Показатели удовлетворенности респондентов различными аспектами своей жизни (доля оценок «хорошо», упорядочено по степени разрыва доли оценок «хорошо» в ответах группы самодостаточных и зависимых), 2015 г., %

никаких изменений в его уровне за минувший год, 38% уверены, что и в следующем году их материальное положение не изменится.

Важно отметить, что самооценки развития материального положения в 2015 г. заметно уступают аналогичным показателям прошлого года во всех группах. Например, среди «самодостаточных» доля тех, кто отметил улучшение материального положения за минувший год, в 2015 г. оказалась заметно ниже показателя 2014 г. (14% при 29% в 2014 г.). То же самое касается и ожиданий относительно предстоящего года. В связи с ухудшением оценок в обеих группах, разрыв в социально-экономическом самочувствии их представителей за год еще больше увеличился.

При этом характер зависимости оценок собственного положения в связи с трудностями на их предприятии становится своеобразной лакмусовой бумажкой, «проявляющей» более высокий уровень устойчивости и адаптивности самодостаточных респондентов. Если нуждающиеся в госпатронате россияне могут минимизировать негативные последствия кризиса для себя только в рамках госпредприятий, *то уверенные в своей самодостаточности справляются с влиянием кризиса примерно одинаково везде, как в госсекторе, так и в частном*. Так, представители группы «самодостаточных» россиян, занятых на частных и приватизированных предприятиях, реже связывают ухудшение своих собственных доходов с положением дел на предприятии, чем «зависимые» (22% «самодостаточных» и 33% «зависимых» на вновь созданных предприятиях; 26% и 33% на приватизированных). Напротив, хорошо заметна чувствительность «зависимых» россиян к поддержке со стороны государства — госпредприятия являются единственным типом предприятий, где «зависимые» респонденты ощущают негативное влияние кризиса на минимальном уровне, сходном с оценками «самодостаточных» (рис. 16.6).

Жизненная стратегия самодостаточности позволяет россиянам избегать последствий не только финансового кризиса, но и антироссийских санкций. Только 12% «самодостаточных» респондентов испытывают на себе значительные последствия санкций (при 18% среди «зависимых»), тогда как для подавляющего большинства санкции вообще не сказались на их жизни (47%) либо оказали незначительное негативное влияние (40%).

В целом установки на самодостаточность и независимость от государства формируют у их носителей восприятие себя как представителей успешной группы, если не «верхушки» общества, то хотя бы его «середины». Неслучайно на прямой вопрос, считают ли

Рисунок 16.6. Доли респондентов, указавших на сокращение своих доходов из-за трудностей, с которыми столкнулось их предприятие в связи с кризисом, в группах «самодостаточных» и «зависимых» россиян, 2015 г., %

они себя представителями среднего класса, уверенное большинство группы «самодостаточных» (72%) ответили «да». Для сравнения – среди «зависимых» такую самооценку дало заметно меньшее большинство (58%).

Определяя свое место на условной «лестнице успеха», которая разбита на 10 символических ступеней-уровней общества от низшего до высшего, каждый десятый представитель «самодостаточных россиян» (10%) ставит себя на три высшие ступени из десяти возможных – это вдвое чаще, чем «зависимые» (5%). В свою очередь три нижние ступени в общественной лестнице готовы занять только 13% «самодостаточных», в то время как в группе «зависимых» к низам общества себя относят четверть респондентов (25%) (рис. 16.7).

Исходя из анализа полученных данных, таким образом, можно утверждать, что ощущение самодостаточности представляет собой важный признак успешности и динамичного развития группы. Жизненное кредо «самодостаточность» опирается на более высокие показатели их уровня жизни и общественного статуса, обеспечивает высокий уровень адаптивности к внешним негативным обстоятельствам. Они довольны тем, как складывается их жизнь, успешно справляются с текущими трудностями и демонстрируют уверенность в будущем, ощущают собственную значимость в обществе.

Россияне, выбравшие своим жизненным кредо самодостаточность и независимость от помощи государства, подтверждают его

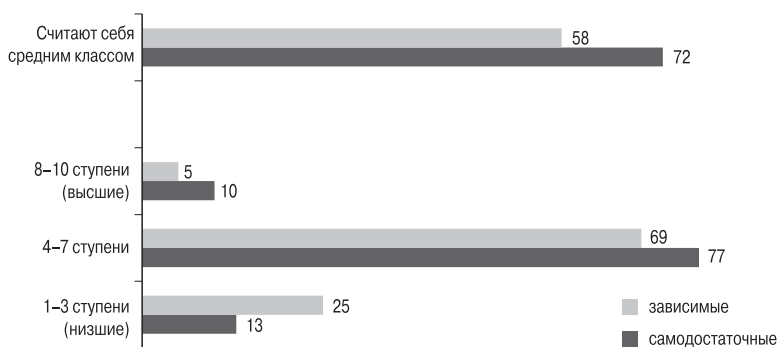

Рисунок 16.7. Отнесение себя к среднему классу и позиционирование на разных ступенях социальной лестницы в группах «самодостаточных» и «зависимых» россиян, 2015 г., %

и другими мировоззренческими позициями, отражающими готовность нести ответственность за себя и своих близких и предпринимать активные действия для реализации планов в жизнь.

Прежде всего, для них актуальна установка на ответственность человека за все, что с ним происходит в жизни, за все его успехи и неудачи. Сторонниками внутреннего локус-контроля, выраженного позицией «человек — кузнец своего счастья», являются уверенное большинство представителей группы «самодостаточных» россиян (72%). И только 28%, даже стараясь во всем рассчитывать на себя, тем не менее полагают, что жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями.

Стремление самостоятельно «ковать счастье» опирается на готовность предпринимать шаги, возможно даже связанные с риском, для того чтобы воплощать свои «планы на счастье» на практике — в группе «самодостаточных» россиян широко распространена установка на инициативу, предприимчивость, поиск нового (74%). На противоположной чаше весов — мнения тех представителей группы, которые полагают, что главным всегда остается уважение сложившихся обычаев и традиций, даже если они мешают новаторству, таких меньшинство (25%).

Перемены, жизнь в меняющемся обществе вполне комфортны и приемлемы для большинства «самодостаточных» россиян (63%). Однако довольно много в их среде и тех, кому в вопросе о том, что в жизни важнее — динамичность или стабильность — ближе консервативная позиция: в исследуемой группе отмечена весьма большая доля тех, кто выступает за стабильность (36%).

Подчеркнем, что *в этих своеобразных мировоззренческих «дуэлях» позиции большинства «самодостаточных» россиян противопоставлены позициям большинства «зависимых».* Если установки на самодостаточность связаны с высокой актуальностью внутреннего локус-контроля, жизненного динамизма и поиска нового, то настроения патернализма «зависимых» согласованы с установками на внешний локус-контроль, заметно большее уважение обычаев и традиций, избегание перемен (табл. 16.1).

Вообще, как показывают исследования ИС РАН ценностных установок россиян, отношение к государству тесно связано с рядом других ценностных диспозиций — ориентацией на перемены или на статус-кво; на личную независимость и самостоятельность или на подчинение внешним обстоятельствам (внутренний или внешний локус-контроль); на инициативность и предприим-

Таблица 16.1

**Мировоззренческие суждения «самодостаточных» и «зависимых»
россиян, 2015 г., %**

Суждения	«самодоста- точные»	«зависимые»
Человек – кузнец своего счастья, успех и неудачи – все в его руках	72	42
Жизнь человека в гораздо большей степени определяется внешними обстоятельствами, чем его собственными усилиями	28	57
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	74	55
Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций	25	45
Нравятся перемены, жизнь в меняющемся обществе	63	46
Все перемены к худшему, пусть лучше жизнь остается такой же, как и прежде	36	54

чивость или на сложившиеся традиции. В целом можно говорить о двух принципиально различающихся нормативно-ценностных системах, где в пределе два полярных типа – «активный» или «модернистский» и «пассивный» или «традиционалистский»⁶. При этом в интерпретации «пассивности» важно учитывать следующие обстоятельства. Нельзя не согласиться с С. Грином, что Россия сегодня не то чтобы вовсе не имеет социальных институтов, но – близко к этому; что ни один из имеющихся на бумаге институтов – право в целом, государственный аппарат, система высшего образования или Русская православная церковь – не позволяет российским гражданам с достаточной точностью прогнозировать, как будет происходить то или иное конкретное социальное взаимодействие или взаимодействие между обществом и государством. В такой деинституционализированной среде резко возрастает ценность определенности, и именно в отношении к ней формируется известный феномен «русской пассивности», за которым С. Грин видит принципиально другое явление – агрессивную неподвижность, которая является рационально обоснованной стратегией людей, а не результатом отсутствия стратегии. «В среде, где отсут-

⁶ См.: Тихонова Н.Е. Человеческий потенциал российских модернистов и перспективы модернизации в России // TERRA ECONOMICUS, 2012, № 10. С. 135–146; Мареева С.В. Там же.

ствуют социальные институты, мало (или даже вообще нет) проторенных и воспроизводимых путей к успеху. Поэтому относительные комфорт и благополучие, которых может достичь российский гражданин, являются результатом исключительного, уникального стечения обстоятельств, связанного только со способностью данного человека справиться с окружающей неопределенностью. В этих условиях любые перемены таят в себе угрозу разрушить достигнутое — тогда придется вновь начинать все сначала и заново преодолевать неопределенность»⁷. Не углубляясь в более детальный анализ «пассивности», отметим только, что взгляд на нее как на рациональную позицию, обусловленную хронической нестабильностью общества, представляется нам весьма продуктивным.

В настоящее время в палитре взглядов россиян на мироустройство, на соотношение в нем «должного» и «возможного», на понимание «что такое хорошо, а что такое плохо» — уходят на второй план отношения между человеком и обществом, вопрос о выборе между личными и общезначимыми целями. Подобный процесс характерен как для тех, кто освободился от внутренней зависимости от государства и полагается только на себя, так и для тех, кто исходит из того, что без поддержки государства ему не выжить. Результаты исследования свидетельствуют, что когда на одной чаше весов оказывается личное благополучие, а на другой — высокие общезначимые цели, ради которых нужно пожертвовать личным благополучием, то «своя рубашка» уверенно перевешивает среди «самодостаточных» и «зависимых» (по 64%). Если речь идет не о необходимости «пожертвовать», а в более мягком варианте — об «ограничении» своих личных интересов ради страны и общества, то и в этом случае большинство представителей «самодостаточной» и «зависимой» групп отдают приоритет личным интересам человека. Другими словами, «правильным», «моральным» оказывается то, что «ближе к телу».

Самодостаточные россияне, следуя логике дистанцирования от государства, в большинстве своем (57%) заявляют о том, что для них важно жить так, как хочется. Тем не менее, среди них очень много и тех, кто хотел бы быть полезным государству и обществу (43%). В этом смысле они незначительно уступают «зависимым» гражданам, среди которых приносить пользу государству считают важным 51%. Приведенное соотношение оценок представля-

⁷ Грин С. Природа неподвижности российского общества // Pro et Contra, 2011. Т. 15. № 1–2. С. 7–9.

ется очень важным, т.к. свидетельствует, что, принимая жизненную логику самостоятельности и независимости от государства, не ожидая от него поддержки, *многие «самодостаточные» россияне (хотя и не большинство) воспринимают свою жизнь через призму гражданственности и своей роли для общества в целом*, а не только с точки зрения полезности для своей семьи и ближнего круга. Учитывая успешность представителей данной группы, нетрудно предположить, что их вклад в жизнь общества может оказаться куда более значимым, нежели вклад «зависимых». Важно только создать условия для того, чтобы готовность к сотрудничеству со стороны «самодостаточных» россиян была востребована.

В пореформенной России, как отмечает В. Петухов, так и не сформировалась институциональная среда гражданского общества. А то, что сформировалось — например, многочисленные НКО, являющиеся в большинстве своем «агентами» влияния местного чиновничества и аффилированных с ними бизнес-структур, — к подлинному гражданскому обществу имеют весьма отдаленное отношение. Постоянно снижающиеся показатели уровня доверия к этим институтам — весьма отчетливое тому свидетельство. Так же, как и стремление многих наших сограждан общаться с властью, доводить до нее свои требования без посредников. На этом фоне отнюдь не случайным выглядит бурный процесс формирования внеинституциональных форм самоорганизации, которые создаются и действуют в логике, альтернативной традиционным политическим институтам⁸. Представляется, что «самодостаточные» россияне являются той самой группой, которая наиболее активно может осваивать эти альтернативы, в частности, стать лидером в освоении коммуникативного аспекта демократии, связанного с бурным развитием Интернета и социальных сетей, который, возможно, в перспективе будет более важен, чем институциональный (табл. 16.2).

Выбор мировоззренческих установок и проблема морально-нравственного контроля имеют одним из наиболее актуальных аспектов вопрос о свободе человека. Для большинства «самодостаточных» россиян свобода — это то, без чего жизнь человека теряет смысл (65%), и в этом качестве смыслополагающей ценности свобода перевешивает значимость материального благополучия, которому предпочтение отдают 34% респондентов. Среди тех людей, которые в отличие от «самодостаточных» не видят себя без поддержки

⁸ Петухов В.В. Демократия и участие: новые вызовы // Свободная мысль, 2013, № 2. С. 126.

Таблица 16.2

**Мировоззренческие суждения «самодостаточных» и «зависимых»
россиян, 2015 г., %**

Суждения	«самодоста- точные»	«зависимые»
Ради высоких, общезначимых целей можно пожертвовать личным благополучием	36	36
Я не готов жертвовать личным благополучием даже ради важных общезначимых целей	64	64
Людям следует ограничить свои личные интересы во имя интересов страны и общества	33	41
Личные интересы – это главное для человека	67	59
Хотел бы быть полезным государству и обществу	43	51
Хотел бы жить так, как хочется	57	49

государства, материальное благополучие оказывается чаще важнее свободы (44%). Другое понимание свободы для «самодостаточных» россиян – это возможность быть самому себе хозяином (65%), противопоставленная политическим правам и свободам, которые критически важны только для 34–35% представителей группы.

Вырисовывается картина, где *важными признаками «самодостаточности» является желание уйти от любых границ, рамок, условностей – будь то традиционные рамки материального благополучия или периодически актуализирующиеся политические права и свободы.* Однако такая «романтика свободы» уступает «правде жизни», и *уверенное большинство «самодостаточных» россиян признают, что свобода должна иметь под собой твердую опору, которую в современном обществе человеку может дать только собственность (78%).* Идеальное понимание свободы, при котором собственность – это чуждые ей рамки, «кабала» – разделяют только 21% «самодостаточных» россиян (табл. 16.3).

Примечательно, что те респонденты, которые не представляют своей жизни без государственной опеки, в целом имеют те же представления о свободе, что и «самодостаточные» россияне, однако эти представления не так ярко «проявлены».

На что же готовы пойти наши сограждане во имя своей «самодостаточности», для достижения так необходимой им самосто-

Таблица 16.3

**Отношение к свободе и собственности среди
«самодостаточных» и «зависимых» россиян, 2015 г., %**

Суждения	«самодоста- точные»	«зависимые»
Свобода – то, без чего жизнь человека теряет смысл	65	56
Главное в жизни – материальное благополучие, а свобода второстепенна	34	44
Свобода – это возможность быть самому себе хозяином	65	51
Свобода человека реализуется в его политических правах и свободах	35	49
Только обладание собственностью делает человека по-настоящему свободным	78	72
По-настоящему свободен лишь тот, кто не имеет никакой собственности, собственность лишь закабалает человека	21	27

тельности, независимости, динамизма, свободы? Прежде чем ответить на этот вопрос, подчеркнем, что вопрос выбора между собственным благополучием и соблюдением морально-нравственных норм всегда, в любом обществе, стоит очень остро. Особенность моральных норм в том и заключается, что каждый человек делает собственный выбор, что ему важнее – успех или спокойная совесть, в отличие от закона, который делает выбор за человека и принуждает его к соблюдению принятых правил игры.

Полученные данные свидетельствуют, что россияне находятся сегодня в очень непростой ситуации, когда, признавая значимость моральных ценностей, в реальной жизненной практике ими приходится пренебрегать. *И люди, которые выбирают своей жизненной стратегией самодостаточность и независимость, становятся главными заложниками дилеммы «успех-совесть»* – большинство из них (53%) признают актуальность моральных норм и столько же (54%) вынуждены согласиться, что достижение успеха требует иногда через эти нормы переступить.

Сравнение позиций «самодостаточных» и «зависимых» респондентов свидетельствует (табл. 16.4), что выбор многих представителей обеих групп в пользу успеха носит вынужденный характер, что общество балансирует на границе успеха и морали. *И то, что группа россиян в лице «самодостаточных» – динамичных, предприимчивых, готовых действовать и достигать, опираясь только на*

Таблица 16.4

Морально-нравственные установки «самодостаточных» и «зависимых» россиян, 2015 г., %

Установки	«самодоста- точные»	«зависимые»
Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы	54	49
Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные нормы	46	51
Сегодня мы живем в другом мире, чем раньше, и многие моральные нормы сегодня уже устарели	47	39
Основные моральные нормы не подвержены влиянию времени, они всегда актуальны	53	61
Мораль и нравственность – это сфера частной жизни человека, и государство не должно в него вмешиваться	42	29
Поддержание благоприятного морально-нравственного климата в обществе невозможно без участия государства	58	72

собственные силы – не может добиться успеха без отказа от моральных ориентиров, следует рассматривать как весьма тревожный сигнал в социокультурной динамике общества, как признак того, что общество несет в себе серьезный саморазрушительный заряд. Такой риск ясно осознается гражданами, в том числе «самодостаточными». Неслучайно, принципиально полагаясь во всем на себя и не требуя от государства никакой поддержки, большинство «самодостаточных» респондентов при решении дилеммы «успех или совесть» жертвуют этой своей независимостью и признают необходимость участия государства в поддержании благоприятного морально-нравственного климата в обществе (58%).

В целом же можно констатировать, что в мировоззрениях россиян, живущих в парадигме самодостаточности и независимости от государства, ключевую роль играют ценности внутреннего локус-контроля, предприимчивости и поиска нового, перемен. Основные их жизненные приоритеты сфокусированы на собственном успехе, который приоритетен по отношению к благополучию общества в целом, при этом главным мерилем успешности и залогом свободы как смыслополагающей жизненной ценности является-

ся обладание собственностью. Для достижения успеха и обеспечения искомой «самодостаточности» представители группы готовы идти на нарушение традиционных норм и ценностей. Однако для них это дискомфортное состояние воспринимается как вынужденное преступление моральных границ. Для преодоления подобной ситуации они готовы отойти от принципа самодостаточности и независимости от государства, признавая необходимость государственного участия в поддержании морально-нравственного климата в обществе.

Выбор самодостаточности в качестве одного из жизненных принципов тесно связан с конкретными жизненными целями и планами людей. Номенклатура и актуальность основных жизненных целей «самодостаточных» и «зависимых» россиян в целом совпадает, однако есть несколько выраженных особенностей, отличающих «самодостаточный» подход к жизни. Прежде всего, важно отметить, что *«самодостаточные» россияне отличаются высокой активностью и широтой своих жизненных интересов.* Так, в ходе исследования тестировалась важность для респондентов различных сфер жизни, и по большинству из них (15 из 18) представители группы «самодостаточных» чаще, чем «зависимые», исходили из того, что данная сфера для них «очень важна».

Наибольшие различия характерны для оценок степени важности таких сфер, как карьера (важно для 41% «самодостаточных» и для 28% «зависимых»), обретение важных знакомств и связей (соответственно 32% и 23%), самореализация и проявление себя (43% и 34%), образование (40% и 33%). Эти «инструментальные» жизненные акценты вполне ожидаемы для «самодостаточных» — ведь именно собственная эффективность в «построении» жизни является «солью» данной группы, именно достижению успеха адресованы их усилия.

Подобный инструментальный подход к жизни не мешает «самодостаточным» россиянам быть более активными и в устройстве личной жизни — для них заметно больше, чем для «зависимых», важны любовь и секс, дружба и общение, интересная жизнь с путешествиями и развлечениями. «Самодостаточные» россияне чаще, чем «зависимые», стремятся заслужить признание и уважение окружающих, обзавестись семьей и детьми. При этом для них более актуальным по сравнению с «зависимыми» оказывается следование идеалам, принципам, ценностям (рис. 16.8).

В целом же палитра жизненных целей «самодостаточных» россиян выглядит по сравнению с «зависимыми» очень насыщенной, широ-

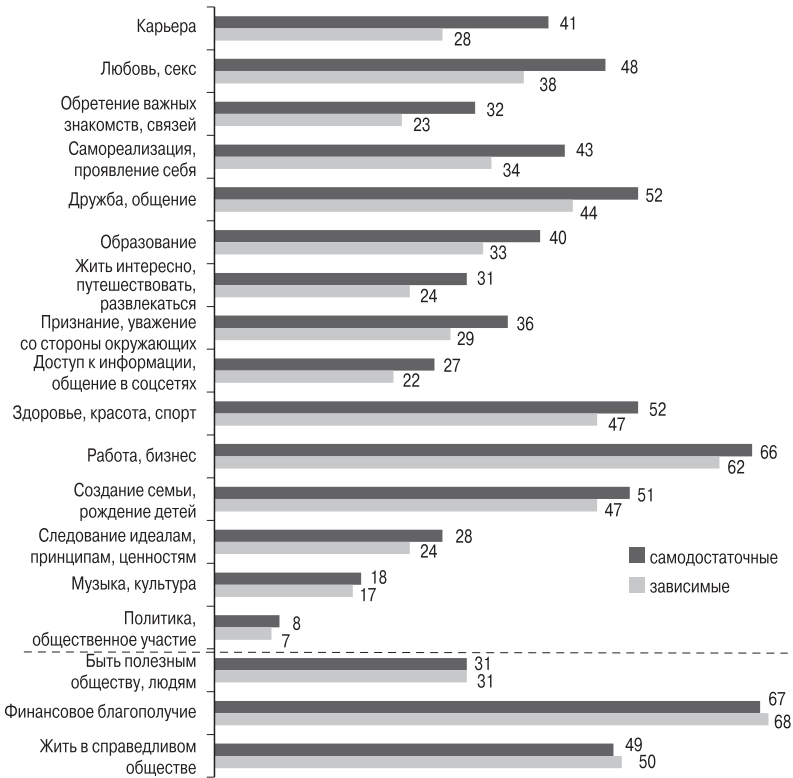

Рисунок 16.8. **Жизненные цели респондентов, в группах «самодостаточных» и «зависимых» россиян, 2015 г., % (доли ответов «очень важно», упорядочено по степени различия в оценках «самодостаточных» и «зависимых»)**

кой, гармоничной. Единственная сфера, которая оказывается вне интересов «самодостаточных» (как, впрочем, и остальных россиян), — политика и общественное участие. Для людей, выдвигающих в качестве жизненного принципа независимость от государства, такой подход можно было бы считать оправданным. Однако следует подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело скорее не с идейным выбором конкретной группы, а с отчуждением от политики и общественной жизни как общим явлением для всего российского общества.

Любопытно, что «зависимые» россияне, ориентирующиеся в своей жизни на поддержку государства, в целом менее активны

в выборе тех или иных жизненных целей, и их повышенный по сравнению с «самодостаточными» россиянами интерес фиксируется только в отношении стремления жить в более справедливом обществе и финансового благополучия. Иными словами, в отношении потребительских ожиданий — в противовес достигательным стратегиям «самодостаточных».

Показательны проявления повседневных стратегий, направленных на достижение поставленных жизненных целей, на примере досуговых практик «самодостаточных» россиян. *Их досуг чаще направлен на саморазвитие и связан с финансовыми тратами, нежели досуг «зависимых» россиян.* Так, они чаще, чем «зависимые», посещают кафе, бары и рестораны; клубы, секции, тренировки; развлекательные мероприятия; театры, концерты и кино; музеи, выставки, вернисажи — т.е. уделяют внимание тем видам досуга, которые позволяют расширить круг общения и кругозор, увеличить социальный капитал. Также для них чаще характерны дружеские встречи и общение дома или в гостях. Напротив, для респондентов из группы «зависимых» досуг чаще сводится к занятиям домашним хозяйством, ТВ и радио, посещениям церкви, просто отдыху и расслаблению — т.е. тем видам досуга, которые «консервируют» их человеческий и социальный капитал.

В полученных в ходе исследования данных (рис. 16.9), характеризующих жизненные цели и досуговые предпочтения респондентов, проступают некие «возрастные» черты и на первый взгляд складывается впечатление, что рассматриваются группы молодых и пожилых людей. Напомним, однако, что для детального анализа групп «самодостаточных» и «зависимых» россиян используются только мнения респондентов молодого и среднего возрастов (от 18 до 55 лет среди мужчин и до 50 лет среди женщин), тогда как респонденты старшего возраста из анализа исключены. Другими словами, *установки на самодостаточность и независимость от государства «омолаживают» и придают людям жизненную энергию, необходимую для реализации данной установки.* Тогда как патерналистская жизненная концепция освобождает их от необходимости быть активным, энергичным и достигательным, можно сказать, «старит» ее последователей.

Будучи более активными и включенными во все происходящее вокруг, *«самодостаточные» респонденты находят больше точек соприкосновения с окружающими и больше направлений, по которым можно идентифицировать себя с другими людьми, группами, находить сторонников и единомышленников.*

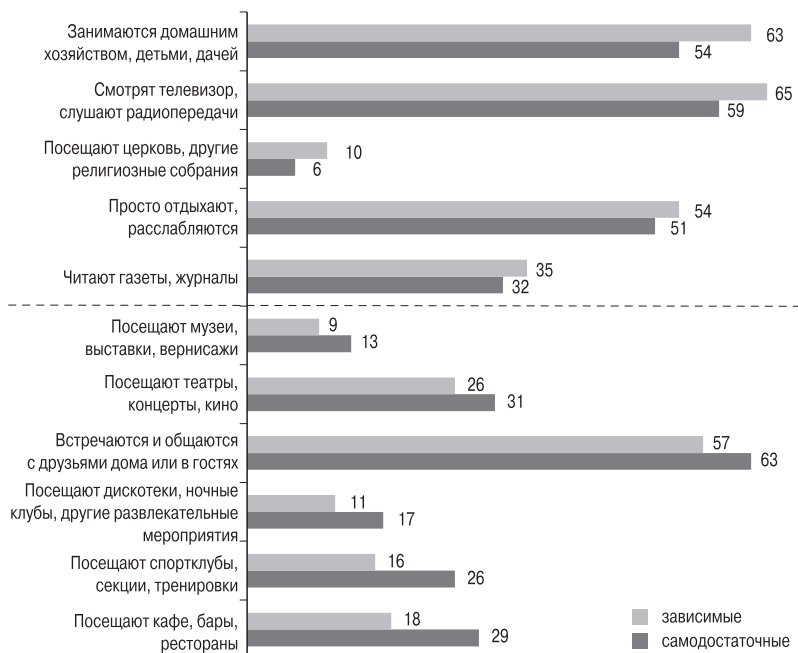

Рисунок 16.9. **Различия в характере досуга в группах «самодостаточных» и «зависимых» россиян, 2015 г., %**, (приведены только те виды досуга, распространенность которых в группах отличается на 3% и более)

В «режиме» самодостаточности главными точками соприкосновения с окружающими для человека становятся люди той же профессии, занятия, что и они сами; люди тех же взглядов на жизнь — именно о представителях этих групп «самодостаточные» россияне гораздо чаще, чем представители группы «зависимых», могут сказать «Это — мы». Таким образом, на первый план для «самодостаточных» выходит поиск людей, с которыми можно делать одно дело и исходить при этом из общих принципов. Для «зависимых» же более важными признаками референтных групп служат вероисповедание и гражданство — именно в отношении людей той же веры и гражданства они чаще, чем «самостоятельные», готовы говорить «Это — мы».

В то же время *формализация и закрепление своих широких социальных связей в рамках тех или иных официальных институтов, организаций малоинтересны «самодостаточным» россиянам.* Большинство из них (73%) не принимают участие в деятельности каких-либо

общественных организаций, объединений, сообществ. В этом отношении они почти также неактивны, как и представители группы «зависимых» (77%). Можно отметить лишь несколько более высокую их активность по сравнению с «зависимыми» в рамках социальных волонтерских движений, экологических и благотворительных организаций, интернет-сообществ.

Обращает на себя внимание важная особенность: *«самодостаточные» россияне заметно более энергично настроены в достижении своих жизненных целей, при отстаивании своих интересов и прав, нежели их сограждане, ощущающие зависимость от государства.* Так, уверенное большинство «самодостаточных» респондентов считают, что для отстаивания своих интересов и прав необходимо за них бороться (66%; среди «зависимых» таких меньше — 54%). Приспособленческую позицию занимают только 34% из них, полагая, что нужно уметь приспособиться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней (среди «зависимых» такая точка зрения распространена шире — 46%).

Нацеленность на борьбу за свои интересы обретает в жизненных стратегиях «самодостаточных» россиян вполне конкретные очертания. Главным средством поддержания положения в случае ухудшения жизни для них (как, впрочем, и для «зависимых») является поиск дополнительных заработков (43—44%). Но при этом они *чаще, чем «зависимые», готовы идти на более решительные и даже радикальные шаги — уехать в другой регион страны или вообще из России, вступить в политическую партию и даже взяться за оружие.* На фоне готовности «самодостаточных» к активной борьбе за свои интересы рельефно выглядит заметно более пассивная позиция «зависимых», тех, кто ждет поддержки со стороны государства, не рассчитывая на собственные силы, — они чаще говорят о том, что ничего предпринимать вообще не будут или что, возможно, что-то предпримут, но пока не решили, что именно (рис. 16.10).

Итак, самодостаточные и независимые от государства россияне весьма активны и гармоничны в своих жизненных планах, по-хорошему «жадны до жизни» и готовы прикладывать к достижению своих целей усилия как на уровне повседневных практик, так и в случае необходимости защитить свои права и интересы при значительном ухудшении ситуации. При этом они открыты окружающему миру, готовы к взаимодействию и сотрудничеству, поиску единомышленников и заметно преуспевают в этом на фоне своих сограждан, живущих под гнетом ощущения собственной неполноценности и зависимости от государства.

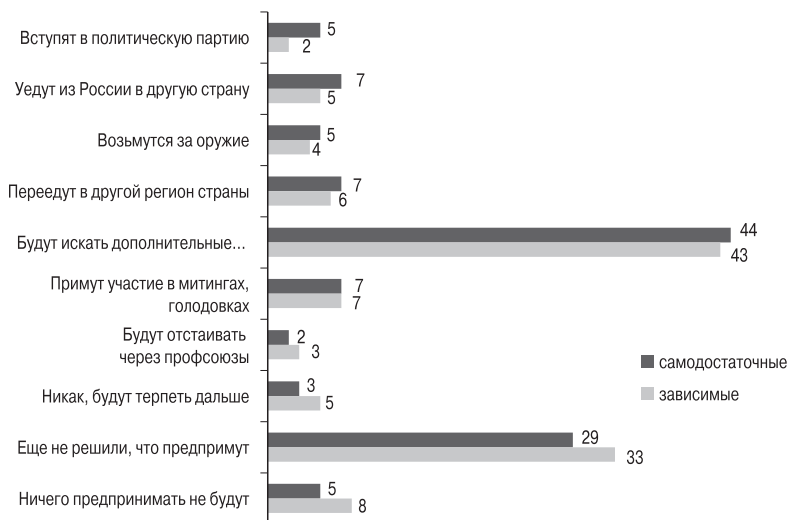

Рисунок 16.10. **Возможные реакции на значительное ухудшение своей жизни (жизни своей семьи), в группах «самодостаточных» и «зависимых» россиян, 2015 г., %**

«Самодостаточные» россияне, демонстрирующие уверенность в собственных силах, в том, что они могут обеспечить всем необходимым себя и свою семью и не нуждаются в поддержке государства, — *в большей степени сфокусированы на собственной жизни, нежели на жизни общественной.* Кроме того, общим является мнение, что политика — это грязное дело, что отдельный гражданин не может повлиять на происходящее, что политика оторвана от реальности, а потому включаться в политику и политическое участия нет смысла. Неудивительно поэтому, что интерес «самодостаточных» россиян к политическим событиям и процессам относительно невысок. Лишь четверть из них (26%) внимательно следят за информацией о политических событиях в стране и только 2% лично участвуют в политической деятельности (в работе политических партий, митингах, демонстрациях, забастовках). Более трети «самодостаточных» респондентов за политикой вообще не следят (35%), еще 37% ограничиваются периодическими обсуждениями с друзьями, родственниками.

Однако на фоне остальных россиян, которые ощущают себя в зависимости от государства и от которых можно было бы предположить более высокий уровень включенности в общественно-

политическую проблематику, «самодостаточные» россияне выглядят даже несколько более «политизированными» и «включенными». По всей видимости, сказывается необходимость «держатъ руку на пульсе» и планировать свои действия с учетом внешних обстоятельств.

В понимании того, что есть демократия, «самодостаточные» россияне в целом солидарны с остальными россиянами, определяя в качестве самых важных ее признаков равенство всех граждан перед законом (70%), независимость суда (36%) и свободные выборы власти (31%). Причем эти составляющие демократии не только занимают в рейтинге первые места, но и упоминаются «самодостаточными» респондентами заметно чаще, нежели «зависимыми». Кроме того, чаще остальных самодостаточные россияне акцентируют внимание на свободе печати, наличии частной собственности и свободе высказывать политические взгляды.

Что же касается тех наших сограждан, которые не представляют свою жизнь без государственной поддержки, то для них более важными, чем для «самодостаточных» россиян, признаками демократии являются небольшая разница в уровне доходов людей и участие рабочих в управлении предприятиями.

Тест на самые важные элементы демократии показывает не столько то, что люди считают главными ее признаками, сколько то, чего, по их мнению, в действительности не хватает сегодня в стране, чтобы она могла называться демократической, т.е. фиксирует самый острый дефицит текущего момента. Учитывая очень высокий показатель актуальности (а значит, и дефицита) отдельных составляющих демократии, прежде всего — равенства всех перед законом, важно понять, насколько этот дефицит влияет на восприятие России как демократической страны.

Полученные данные свидетельствуют, что *большинство «самодостаточных» респондентов считают современную Россию демократической страной* (61%, в т.ч. 20% безусловно и 41% скорее), и только 26% ей в этом отказывают. Причем Россия получает как страна победившей демократии примерно столько же голосов, сколько европейский демократический лидер Германия (60% «за» и 19% «против») и больше, чем претендующие на звание мирового оплота демократии США (50% «за» и 30% «против»).

Такая высокая оценка России как демократической страны — это, с одной стороны, позитивная реакция на внешнеполитическую позицию России, защищающей права русских на Украине, а с другой стороны — своего рода кредит доверия, поддержка, кото-

рую граждане оказывают своей стране в период испытания демократии на прочность. Неслучайно нынешние оценки демократичности страны существенно выше, чем, например, в намного более политически благоприятном 2012 г., когда демократической Россию считали только 39%, а отказывали ей в таком праве относительное большинство, 42% россиян (рис. 16.11).

«Самодостаточные» россияне в оценках демократичности России оказались более оптимистичны, нежели представители группы «зависимых» — доля признавших страну демократической составила в этих группах 61% и 55%. Эти данные подтверждают хорошо известную истину, на которую обращает внимание В. Петухов при анализе меняющейся роли демократических институтов и ценностей в современном российском обществе: стабильная демократия не может существовать без такого уровня экономического развития страны, который обеспечивал бы приемлемый для большинства граждан уровень благосостояния⁹. В развитие этой мысли он приводит слова У. Бека о том, что «только те люди, которые имеют жилье, надежную работу и, следовательно, материально обеспеченное будущее, являются или могут стать гражданами, способными усвоить демократические правила поведения и наполнить демократию жизнью»¹⁰. А именно такими в своем большинстве и являются «самодостаточные» россияне.

При этом респонденты вполне отдают себе отчет в тех сложностях, с которыми столкнулась страна. Текущую ситуацию в стране

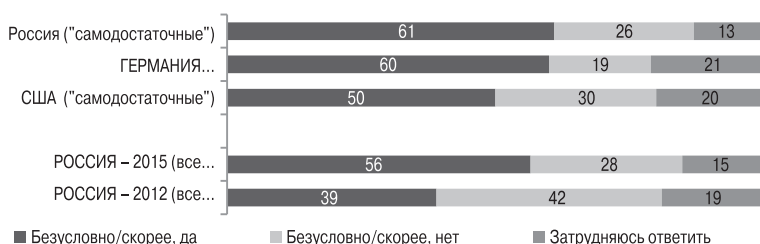

Рисунок 16.11. Мнения о том, можно ли назвать нынешнюю Россию и ряд других стран демократическими, в группах «самодостаточных» и «зависимых» россиян, 2012–2015 гг., %

⁹ Петухов В.В. Российские реформы и переосмысление россиянами роли демократических институтов и ценностей // Вестник Института Кеннана в России. 2011. Вып. 20. С. 12–13.

¹⁰ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 115.

большинство «самодостаточных» россиян (63%) характеризуют как напряженную, еще 6% и вовсе склоняются к тому, чтобы оценивать ее как катастрофическую; доля оптимистов, оценивающих ситуацию как нормальную, спокойную, составляет только 25%.

Минувший год, по мнению каждого второго «самодостаточно-го» россиянина, привел к некоторому ухудшению ситуации, еще 18% видят значительные перемены к худшему; и только 24% видят некоторое или значительное улучшение положения дел. В сценариях развития ситуации большинство (57%) разделяют точку зрения, что страну ждут трудные времена. Доля тех, кто склонен давать позитивный прогноз, среди «самодостаточных» россиян составляет только 18%.

Среди происходящих сегодня в российском обществе процессов и явлений самодостаточные россияне чаще других обращают внимание на сузубо политические факторы, определяющие общий политический климат в стране и в мире. Это охлаждение отношений России с Западом, сохранение напряженной ситуации и Украине и вокруг нее, а также ограничение свободы слова в центральных и региональных СМИ. Иными словами, для самодостаточных россиян актуальны вопросы в жизнеустройстве общества, которые определяют, *в какой стране* им жить, а то, *как* им жить, — они определяют сами.

Напротив, у россиян с зависимой жизненной позицией, ориентирующихся на поддержку государства, чаще тревогу вызывают социально-экономические обстоятельства, которые могут непосредственно оказать влияние на их собственное материальное положение — кризис системы ЖКХ, низкий уровень жизни значительной части населения, безработица, рост цен на товары и услуги.

В заключение данной главы еще раз подчеркнем: группа «самодостаточных» россиян на нынешний период является весьма существенной по объемам и растущей группой, в отношении которой можно делать прогноз о постепенном выходе на позиции социальной доминанты в российском обществе. Учитывая, что роль активных самостоятельных групп в обществе, их жизненные проявления и влияние на общество заметно ярче, чем роль и проявления зависимых групп, можно говорить о том, что *российское общество в лице «самодостаточных» граждан обретает серьезную социальную опору для стабильного и устойчивого состояния и развития.* Что особенно важно в текущей общественно-политической ситуации, бросающей России новые серьезные политические, экономические и социокультурные вызовы. В условиях, когда государство вынуждено выбирать новые ориентиры развития, войти в режим

экономии, что неизбежно приведет к сворачиванию многих социальных программ и ослаблению поддержки государством граждан — в этих условиях особенно важно наличие в обществе групп, готовых принимать на себя ответственность за собственную жизнь и не обременять государство зависимостью от него.

Отличительными чертами «самодостаточных» россиян являются активность, предприимчивость, материальная и социальная успешность. Они чаще других довольны тем, как складывается их жизнь, лучше справляются с кризисом и демонстрируют уверенность в том, что в ближайшей перспективе их положение будет стабильным либо улучшится. Установки на самодостаточность и независимость от государства, отвечая по сути идеологии среднего класса, формируют высокие показатели уровня и качества жизни и общественного статуса их обладателей.

Мировоззренческое кредо группы опирается на внутренний локус-контроль и ответственность за собственные успехи и неудачи, установки на поиск нового и перемены. Формально следуя принципу незыблемости морально-нравственных ценностей, «самодостаточные» россияне (как, впрочем, и зависимые от государства) исключают из их числа ценности общего блага, высшей идеи, приоритета общественного — в том случае, когда это препятствует достижению их личного блага, а также признают необходимость нарушения моральных норм во имя достижения успеха. При этом значимая часть представителей «самодостаточных» россиян занимают активную гражданскую позицию, хотят приносить пользу обществу, и, учитывая активистскую и достижительную специфику группы, от них можно ожидать высокого «гражданского КПД». В эту релятивистскую картину мира «самодостаточных» вписывается доминанта свободы, понимаемой ими как возможность быть себе хозяином и смыслополагающая ценность, которая выше материальных благ или политических прав и свобод, но, тем не менее, требует наличия под собой твердой опоры в виде ответственности.

Выбор самодостаточности в качестве жизненного принципа связан с широтой и богатством жизненных целей и интересов этой группы россиян, которые хотят от жизни многого и готовы для этого предпринимать усилия. Они ставят себе высокие планки в самых разных сферах жизни — от сугубо прагматических задач, формирующих их достижительные ресурсы (карьера, образование, связи и знакомства), до личной жизни (любовь, семья, дети) и духовно-мировоззренческого пути (следование идеалам, прин-

ципам, ценностям). Свое желание быть самодостаточными они подкрепляют повседневными жизненными практиками, нацеленными на достижение поставленных целей; это проявляется даже в структуре досуговых предпочтений «самодостаточных», чаще чем у других направленных на расширение круга общения и кругозора. При этом «самодостаточные» респонденты активны в поиске единомышленников по самым разным вопросам (от культуры до политики) и чаще других находят опору в людях с теми же взглядами на жизнь и среди коллег-профессионалов.

Будучи сфокусированными на собственной жизни и на достижении личного успеха, «самодостаточные» россияне несколько отчуждены от общественно-политической повестки. Их мало интересует политика, в своем большинстве они, как и остальные россияне, не имеют определенных и устойчивых политических предпочтений, а определившиеся отдают предпочтение главным образом социально-демократическим и либеральным взглядам. В непростой текущей политической ситуации и несмотря на видение «узких мест» российской политической системы, «самодостаточные» россияне поддерживают нынешний курс и готовы провозглашать Россию как демократическую страну, демонстрируя консолидацию с властью и оказывая ей поддержку.

Глава 17. Общественная мораль в контексте социальных трансформаций

Вопросы моральных основ¹ функционирования и развития общества были и будут актуальными всегда, поскольку они формируют правила человеческого общежития во всех сферах общественной жизни – в быту, в труде, в личных отношениях. Это есть то, что Э. Дюркгейм определил как *«обязательный минимум и суровая необходимость, это хлеб насущный, без которого общества не могут жить»*². В разных обществах на разных этапах исторического развития такие правила могут меняться в сторону их либерализации или, напротив, ужесточения, но везде они есть. Особенно обостряется актуальность «переоценки ценностей», выработки новых морально-нравственных идеалов в переломные эпохи, когда происходит не только трансформация экономического и социального строя, но самого устоявшегося уклада жизни. Естественно это не может проходить гладко, безболезненно, чему мы являемся свидетелями последние четверть века.

Как отмечал академик А. Гусейнов, в современной России произошло, с одной стороны, высвобождение многих сфер жизни из-под прямого и жесткого морального диктата, детабуирование определенных форм деятельности, что имело, безусловно, позитивное значение, а с другой – не прочерчены с такой ясностью, как раньше, новые координаты добра и зла. Главное же – до сих пор нет ответа на простой вопрос: кто может определять, что есть

¹ Под **моралью** традиционно понимается принятая в данном конкретном обществе система норм и ценностей, призванных регламентировать взаимоотношения людей. Скорее это социальная категория, в отличие от нравственности, которая характеризуется востребованностью и соблюдением отдельным человеком определенных принципов и жизненных установок. Поэтому, понимая различия между моралью и нравственностью, мы в ряде случаев используем понятие «морально-нравственные установки», поскольку оно дает возможность проследить взаимосвязь общественного и личного в мировосприятии россиян.

² См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Метод социологии. М., 1991. С. 53.

добро и что есть зло³. Другой известный философ И. Микиртурмов отмечает, что ослабление или избирательное применение моральных норм ведет к исчезновению и общества как целостного механизма взаимодействия зависящих друг от друга индивидов и групп, при котором возможно достижение общего блага. На его месте оказывается совокупность социальных единиц, преследующих частные интересы и ведущих между собой борьбу без правил⁴. Именно изменение характера взаимоотношений между людьми, а не избыточная свобода нравов, сегодня больше всего волнует наших современников, поскольку они все больше стали напоминать те, которые присущи любому массовому, потребительскому обществу, где, по оценке британского социолога З. Баумана, давно утвердился Каинов принцип — «разве я сторож брату своему?»⁵.

В нынешнее время все группы и слои, за исключением хорошо обеспеченных россиян, отличающиеся в большинстве случаев повышенным оптимизмом, считают, что морально-нравственное состояние общества меняется отнюдь не в лучшую сторону. Причем недовольство чаще высказывает не самое старшее поколение, а респонденты средних возрастных групп (41–50 лет и 51–60 лет), то есть наиболее дееспособная и одновременно зрелая часть общества (табл. 17.1).

Больше того, весьма значительная доля россиян опасаются дальнейшей нравственной деградации нации, считая ее угрозой, сопоставимой по своей значимости со снижением уровня жизни населения, кризисом социальной сферы и т.п. Лишь 12% опрошенных не испытывают по этому поводу особого беспокойства, в то время как 50% — сильную тревогу и даже страх. Еще 38% не столь эмоциональны, заявляя о «некотором беспокойстве». Причем среди разных возрастных групп особого расхождения по этому поводу во мнениях нет, а вот распределение суждений среди респондентов разных типов поселения выглядит несколько удивительным. Самыми озабоченными моральным состоянием общества оказалась отнюдь не российская глубинка, а мегаполисы в которых лишь 4% респондентов не высказали беспокойства в связи негативными процессами в этой сфере (табл. 17.2).

³ См.: Гусейнов А. Русские являются какой-то необычной нацией // Политический класс. 2005. № 6. С. 87.

⁴ Микиртурмов И. Жить не по лжи — 2: Коллективное сознательное // Вестник. 10.06.2015 г. [Электронный ресурс] // Вестник URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/06/10/595896-zhit-ne-po-lzhi-2-kollektivnoe-soznatelnoe> (Дата обращения: 13.07.2015).

⁵ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. С. 14.

Таблица 17.1

Мнение представителей различных социальных групп об изменении морального климата в обществе за последние 10 лет, %

Мнение	Улучшился	Не изменялся	Ухудшился
<i>Среди всех опрошенных</i>	25	37	38
ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ			
18–30 лет	27	39	33
31–40 лет	26	37	37
41–50 лет	26	32	42
51–60 лет	22	33	45
Старше 60 лет	20	40	40
МАТЕРИАЛЬНО ОБЕСПЕЧЕНЫ			
Хорошо	38	38	24
Удовлетворительно	24	39	37
Плохо	11	28	60

Таблица 17.2

Оценка представителями различных социальных групп своего отношения к перспективе моральной и культурной деградации общества, отдельных его слоев, %

Оценка	Это не беспокоит	Испытывают некоторое беспокойство	Испытывают сильную тревогу	Испытывают постоянный страх
<i>Среди всех опрошенных</i>	12	38	35	15
ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ				
18–30 лет	16	37	32	15
31–40 лет	13	39	35	14
41–50 лет	11	37	36	16
51–60 лет	9	41	36	14
Старше 60 лет	10	37	41	13
ТИП НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА				
Мегаполис	4	45	33	18
Областной центр	13	34	38	16
Районный центр	13	38	35	14
ПГТ	15	41	34	10
Село	14	39	34	14

Во многом ситуация в морально-нравственной сфере приобрела такую остроту, поскольку в течение довольно долгого времени и власть и общество считали, что формирование этических установок — сфера сугубо частой жизни. Именно невмешательство в дела друг друга составляло суть негласного общественного контракта конца 1990-х — начала 2000-х гг. Ситуация начала меняться лишь несколько лет назад. Морально-нравственная проблематика переместилась в центр общественного внимания, становясь не только предметом острых дискуссий, но и конфликтов, носящих нередко ярко выраженный политический оттенок. На этом фоне начался интенсивный процесс выработки новых нравственных идеалов, которые соответствовали бы степени развития современных общественных отношений; идет, однако, этот процесс крайне противоречиво.

С одной стороны, он приобрел черты некой кампании, в которой тон пока задают отнюдь не традиционные «поставщики» и ретрансляторы нравственных ценностей — кино, литература и в целом искусство, школа, уважаемые в обществе люди и т.п., а политики. В последнее время к «борцам за нравственность» из числа депутатов Государственной думы присоединились религиозные фундаменталисты, националисты всех мастей и даже правоохранительные органы.

С другой стороны, это не отменяет того факта, что само общество начинает осознавать, что мораль — не только качественная характеристика индивида, фиксирующая его личностную определенность, нацеленность на совершенное существование. Она, как справедливо отмечает А. Гусейнов, является также качественной характеристикой его отношений с другими людьми и, более того, представляет собой такую совокупность личностных качеств индивида, которая выражает его отношения с другими людьми, способность жить в общезитии. В отличие от физических и интеллектуальных качеств, которые характеризуют индивида в его антропологической данности (рост, сила, память и др.) и от него самого не зависят или зависят в ограниченной мере, моральные качества (щедрость, доброта и т.п.) показывают, как индивид относится к другим людям, и имеют по преимуществу благоприобретенный характер⁶.

⁶ Гусейнов А.А. Мораль: Между индивидом и обществом (к вопросу о месте морали в современном обществе) // Дискуссия «Общественная мораль 2006–2007, 2009» // [Электронный ресурс] // Институт философии Российской академии наук URL: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/f/soc_eth/soc_eth.html/ (дата обращения 13.07.2015).

В связи с этим представляется возможным оценить, во-первых, изменения на ценностном уровне, а именно, закрепляются ли новые нормы и правила как ценностные ориентиры или сохраняется приверженность традиционным установкам, во-вторых, выяснить мнение самих россиян о личностных качествах и характеристиках людей, которые их окружают, в-третьих, понять, как происходящие изменения воспроизводятся на уровне повседневных практик.

Первое, что выявило исследование, это то, что пока большинство россиян сохраняют приверженность традиционным моральным нормам. Причем она носит довольно устойчивый характер, не претерпев кардинальных изменений за десять последних лет. Так, 60% россиян отвергают релятивистский подход к сложившимся и общепринятым нормам человеческого общежития, считая, что они всегда актуальны и современны. Причем, судя по результатам проведенного исследования, доля таковых даже несколько возросла — с 51% в 2005 г. до 60% в 2015 г. Более половины россиян (55%) продолжают придерживаться точки зрения, что для них важнее честно прожитая жизнь и даже ради достижения жизненного успеха они не переступят через собственные моральные принципы (рис.17.1).

В то же время, как видно из вышеприведенных данных, несколько меньше, но также достаточное число опрошенных

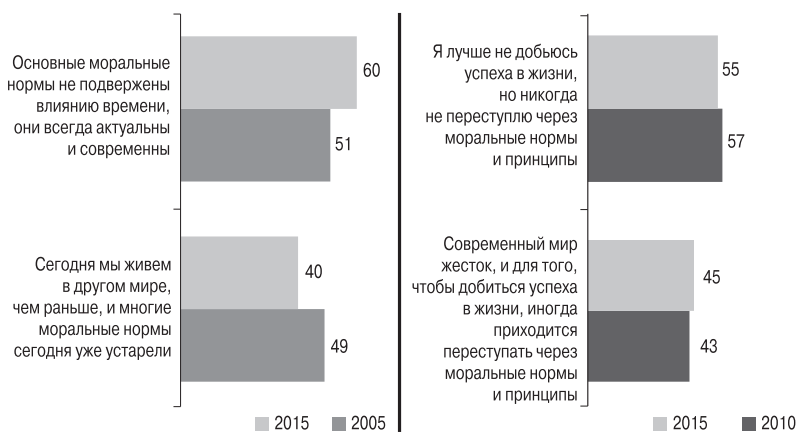

Рисунок 17.1. **Динамика ценностных установок россиян в отношении базовых моральных норм и необходимости им следовать, %**

(40%) склоняются к идее «транзитности» моральных императивов. Еще чуть большее число опрошенных (45%) согласилось с тем, что в современном жестоком мире нельзя руководствоваться исключительно моральными принципами, а нужно действовать соответственно обстоятельствам (40%). Причем чем моложе респонденты, тем чаще они придерживаются такой точки зрения.

Среди респондентов в возрасте 18–30 лет мнение в отношении суждения о незыблемости моральных норм разделились практически пополам, а доля тех, кто считает, что иногда можно преступить через моральные принципы ради достижения жизненного успеха даже превышает (57%) число тех, кто придерживается противоположной позиции (43%) (табл. 17.3).

В этой связке ценностных ориентаций в отношении соблюдения основных моральных норм и принципов важным представлялось определить понимание россиянами роли государства в регулировании морально-нравственного климата в обществе. И здесь также исследование не фиксирует существенных изменений — как и 10 лет назад большинство россиян (69%) считает невозможным

Таблица 17.3

Установки представителей различных социальных групп россиян в отношении базовых моральных норм и необходимости им следовать, %

Варианты ответа	Сегодня мы живем в другом мире, чем раньше, и многие моральные нормы уже устарели	Основные моральные нормы не подвержены влиянию времени, они всегда актуальны и современны	Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы	Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные нормы и принципы
Среди всех опрошенных	40	60	45	55
ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ				
18–30 лет	50	50	57	43
31–40 лет	42	58	53	47
41–50 лет	37	63	43	57
51–60 лет	37	63	37	63
Старше 60 лет	28	72	24	76

поддержание морально-нравственного климата в обществе без участия государства (рис.17.2).

Безусловно, сегодня очевидно одно, что процесс трансформации моральных устоев общества еще далек от завершения. Об этом говорит и то, что результаты исследования не выявили устойчивых статистических зависимостей между приверженностью тем или иным ценностным ориентациям в отношении моральных норм и, с другой стороны, практиками повседневной жизни. В то же время корреляционный анализ выявил *значимую и прямолинейную взаимосвязь* между тремя установками в отношении моральных норм – ориентация на стабильность/изменчивость моральных норм, приверженность им для достижения успеха и роли государства в регулировании морально-нравственного климата в обществе. Причем четко выделяются два блока ценностных предпочтений (табл. 17.4). Так, 15% респондентов являются последовательными сторонниками «новых, более подвижных» моральных норм, а в два раза больше (37%) сторонников «незыблемости» моральных норм и принципов. Однако обе эти группы представляют меньшую часть общества, а у большинства (48%) нет четких и устойчивых моральных принципов. В их составе присутствуют, скорее, «метания», обусловленные, прежде всего, факторами внешней среды – личной жизненной ситуации, текущих социально-экономических условий, оценки собственного положения в обществе и т.п., когда приходится искать моральные оправдания того или иного поступка или действия.

При этом следует особо подчеркнуть, что различия между приверженцами «продвинутых» и более традиционных взглядов проявляются отнюдь не только в степени моральной детерминации жизненных стратегий и практик. И не они являются определяющими

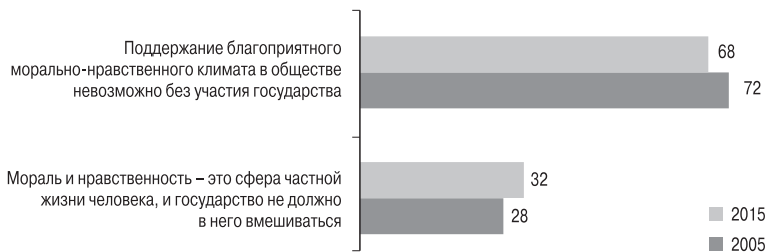

Рисунок 17.2. **Динамика представлений россиян о необходимости участия государства в регулировании морально-нравственных отношений, %**

Таблица 17.4

Группировка ценностных суждений в отношении общепринятых морально-нравственных норм, (по результатам корреляционного анализа)

Блок 1	Блок 2
Доля респондентов, выбравших все 3 позиции – 15%	Доля респондентов, выбравших все 3 позиции – 37%
1.1. Сегодня мы живем в другом мире, чем раньше, и многие моральные нормы сегодня уже устарели	2.1. Основные моральные нормы не подвержены влиянию времени, они всегда актуальны и современны
1.2. Современный мир жесток, и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы	2.2. Я лучше не добьюсь успеха в жизни, но никогда не переступлю через моральные нормы и принципы
1.3. Мораль и нравственность – это сфера частной жизни человека, и государство не должно в него вмешиваться	2.3. Поддержание благоприятного морально-нравственного климата в обществе не возможно без участия государства

ми. Из-за того, что градус морального релятивизма у первых выше, чем у вторых, вовсе не следует, что отмеченные 15% россиян ведут себя в быту, на работе и т.п. неподобающим образом, а носителями моральных устоев выступают исключительно традиционалистское большинство. Как показывают предыдущие исследования ИС РАН, «моральные релятивисты» — это, в основном, активная часть общества, играющая по правилам, которые они получили в готовом виде и которые они воспринимают как данность. Им, или, во всяком случае, многим из них, безусловно, хотелось бы быть добропорядочными гражданами. Однако сегодня людям, заряженным на успех, очень трудно реализовать, по выражению Ю. Левады, «повышенную модель адаптации», не преступая через общепринятые нормы. И в своих ответах на поставленные вопросы они лишь фиксируют то положение дел, ту реальность, с которой ежедневно сталкиваются.

Для «традиционалистского» же, в массе ориентированного на статус-кво большинства, эти нормы выступают в основном в качестве своеобразного социального компенсатора: «*да, возможно я не преуспел в жизни, но прожил ее честно*». Иначе говоря, мораль и нравственность представителей различных типов ориентации в значительной степени опосредована разными моделями социальной адаптации. Так, для представителей активного меньшинства значительно более ценными, нежели для представителей инертного типа, представляются такие качества, как инициатив-

ность, умение добиваться успеха, чувство собственного достоинства, рациональность и готовность к сотрудничеству. Представители инертного типа в большей степени ценят справедливость, честность и трудолюбие, готовность помогать оказавшимся в трудной ситуации, законопослушание, религиозность.

В связи этим, контрпродуктивным представляется противопоставление указанных групп, а тем более их стравливание, навешивание на них всяческих ярлыков. Для нашей страны, как, впрочем, и для любого другого общества, крайне важны и ценны как активно ориентированные группы, так и те, кто склонен реализовывать более спокойную и традиционную модель самореализации. А значит, необходим баланс, определенная система сдержек экспансии сугубо рациональных, а порой циничных установок и мотиваций инициативных групп, с одной стороны, а с другой — избыточного влияния конформистского мировосприятия, в ряде случаев граничащего с лицемерием, свойственного многим «традиционалистам». Здесь нельзя не согласиться с оценкой соотношения активности и пассивности применительно, например, к политической сфере, данной в свое время Г. Алмондом и С. Вербой, в соответствии с которой активность и рациональность одних должны быть обязательно уравновешены пассивностью, традиционностью и обязательствами по отношению к локальным ценностям других⁷.

Примерно об этом же пишет известный российский философ А. Мелихов, отмечая, что сегодня главная цель политики государства должна состоять не в том, чтобы подогнать всех под единый «современный» стандарт, но, напротив, сохранить заповедники «архаики», в которых еще теплятся такие «устаревшие» качества, как уважение к старшим, преданность семье, любовь к детям. Противопоставление современности и традиционной русской культуры может, по его мнению, привести к трагическим последствиям, поскольку лишь она хоть немного способна ограничить власть молоха рациональности. Людям невозможно жить одним расчетом, так как реальность безжалостно демонстрирует бессилие всех расчетов. Уничтожив красивые сказки, якобы воспевающие инертное существование в ожидании чуда, рационалисты сами оказываются в экзистенциальном Освенциме. Поэтому так драгоценно разнообразие не только доблестей, но и слабостей, ибо они, возможно, тоже доблести, еще не дождавшиеся своего вызова⁸.

⁷ Almond G., Verba S. The Civic Culture Revised. Boston, 1980. P. 30.

⁸ Мелихов А. Можно ли умыться после Освенцима? // Новая газета. № 89. 25.06.2012.

Под каждым из этих слов можно подписаться, за исключением того, что сегодня как раз современные практики, а отнюдь не архаика, все чаще подвергается остракизму, и похоже, уже представители «креативного меньшинства» нуждаются в поддержке и защите со стороны государства. Так или иначе, в настоящее время очевидно, что приверженность многих россиян моральным ценностям подвергается серьезным испытаниям. И надо сказать, что далеко не все из них их выдерживают. Причем сами россияне весьма пессимистично настроены на этот счет, полагая, что их соотечественники по своим **человеческим качествам** изменились за постсоветский период, причем не в лучшую сторону. Отвечая на вопрос: «Как, на ваш взгляд, изменились люди и отношения между ними за последние 10–15 лет?», респонденты фиксируют резко негативный тренд — буквально обвал традиционно присущих, а, возможно, (если судить по этим данным) приписываемым россиянам качеств — доброжелательности, душевности, искренности, бескорыстия. Ослабление таких качеств отметили 59% — 61% опрошенных. Одновременно с этим, по мнению подавляющего числа опрошенных, произошло усиление проявлений агрессивности, рост цинизма. Хотя нельзя не отметить и то, что в массовом сознании фиксируется замедление подобных тенденций. Если сравнивать полученные данные с результатами исследования, проведенного ИС РАН в 2012 г. то видно, что несколько сократилось (на 9% и 7% соответственно) число тех, кто считает, что эти негативные качества среди россиян усиливаются.

Иначе выглядит ситуация с оценкой динамики **деловых качеств современных россиян**. Здесь наблюдается разброс оценок — доля тех, кто считает, что такие качества, как активность, целеустремленность, инициативность за последние 15–20 лет усилились, и тех, кто придерживается противоположной точки зрения практически совпадают — 33% и 32% соответственно. Однако оценки изменений таких качеств, как образованность, способность к сотрудничеству, трудолюбие менее утешительны: в отношении данных качеств большинство россиян убеждены, что за последние 15–20 лет они ослабли, либо не изменились. Причем по сравнению с результатами исследования 2012 г., эти показатели явно ухудшились (табл. 17.5).

Тем не менее, несмотря на выявленную в целом негативную тенденцию, следует признать, что доля отмечающих позитивные изменения деловых качеств несколько выше, чем при оценке личностных. Отчасти это связано, на наш взгляд, с развитием процесса кодифицирования моральных норм в сфере развития

Таблица 17.5

**Динамика представлений россиян о том, как изменились люди
и отношения между ними за последние 15–20 лет, %**

Варианты ответа	Усилились		Ослабли		Остались теми же	
	2012	2015	2012	2015	2012	2015
ЛИЧНЫЕ КАЧЕСТВА ЛЮДЕЙ						
Доброжелательность	6	10	71	60	23	23
Агрессивность	79	68	6	11	15	15
Душевность	6	8	67	59	27	26
Искренность	5	8	70	61	24	24
Честность	5	6	70	60	25	26
Цинизм	68	61	10	10	22	17
ДЕЛОВЫЕ КАЧЕСТВА						
Активность, целеустремленность, инициативность	41	33	34	32	25	26
Образованность	32	24	39	39	28	28
Способность к сотрудничеству	18	19	41	31	41	35
Трудолюбие	17	13	51	46	32	33
СОЦИАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ЛЮДЕЙ						
Уважение к старшим	4	8	73	63	23	25
Уважение к женщине	5	9	67	56	28	30
Внушаемость, склонность подчиняться авторитетам	34	30	28	22	38	29
Бескорыстие, готовность помочь другому	5	8	72	59	23	26
Патриотизм, преданность своей Родине	7	26	64	37	29	27
Верность своим товарищам	9	9	47	39	44	42
Ответственность за семью, забота о ней	18	19	37	30	45	44
Доверие друг другу		9		51		31
Ответственность за то, что происходит вокруг		11		48		26

Примечание: *Сумма ответов менее 100%, т.к. не указана доля затруднившихся ответить.

профессиональной этики, институционализации морали в профессиональной сфере, который охарактеризовал, в частности, А. Разин. Как он отмечает, «за исполнением норм следят определенные организации: этические или апелляционные комитеты в университетах; профессиональные совещания врачей, взявшие на себя дополнительные функции нравственной оценки; так или иначе следящие за тем, чтобы общество получало правдивую информацию о состоянии дел в отдельных корпорациях и обще-

Таблица 17.6

Оценка динамики деловых качеств людей за последние 15–20 лет среди представителей различных профессиональных групп, % только тех, кто считает, что качества усилились

Оценка	Деловые качества людей			
	Активность, целеустремленность, инициативность	Ум, образованность	Способность к сотрудничеству	Трудолюбие
Среди всех опрошенных	33	24	19	13
Рабочие промышленности, строительства, шахт	29	20	18	13
Инженеры промышленности, строительства, шахт	40	34	21	19
Работники торговли, общественного питания, сферы услуг	36	24	23	14
Работники финансовых, страховых компаний, торговли, сферы услуг, транспорта	46	28	22	18
Работники вузов, школ, здравоохранения, управления с высшим образованием	43	26	23	14
Работники вузов, школ, здравоохранения со средним и средним профессиональным образованием	31	22	19	14
Военные, работники МВД, таможи	45	29	29	16
Студенты вузов	44	31	30	21
Пенсионеры городские	32	23	14	11
Жители села	22	21	13	11

ственной жизни в целом. Отсюда ясно, что мораль становится частично институциональной»⁹. И это подтверждают результаты исследования. Среди инженерных работников с высшим образованием, работников финансовой и страховой сферы, работников вузов, школ, здравоохранения с высшим образованием, а также военных и студентов вузов заметно чаще наблюдаются оценки, характеризующие усиление таковых деловых качеств, как активность, целеустремленность, инициативность, образованность, способность к сотрудничеству и даже трудолюбие.

По сути, это практически основные профессиональные группы, которые чаще всего трудятся в условиях действующих корпоративных и профессиональных кодексов и миссий.

⁹ Разин А.В. Структура морали // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 37–38.

Что же касается оценок динамики социальных качеств россиян, то они, фактически пересекаясь с оценками личных качеств, демонстрируют тот же тренд — деактуализацию традиционных моральных норм и правил общественного поведения, таких, как уважение к старшим и женщинам, бескорыстие, готовность помочь другому, верность своим товарищам, доверие друг другу, ответственность за то, что происходит в стране. И усиление такого качества, как внушаемость, склонность подчиняться авторитетам.

Вместе с тем следует отметить и то, что результаты исследования фиксируют замедление этих процессов. По сравнению с 2012 г. сократилось число россиян, считающих, что подобные качества ослабли среди россиян, и пусть незначительно, но все-таки возросло число тех, кто считает, что они усилились. Во многом это связано со стремительно изменяющейся внешнеполитической и внутривнутриполитической ситуацией в стране, которая, в свою очередь, заметно влияет на изменение палитры моральных норм и принципов (не детерминированных устоявшимися ценностными ориентирами). Очень показательны в этом плане изменения, которые коснулись такого качества, как патриотизм, преданность своей Родине. На усиление данного качества сегодня указывает практически четверть (26%) россиян, тогда как еще три года назад их число не превышало 7%.

Итак, исследование выявило весьма неприглядную картину, свидетельствующую о, казалось бы, глубоком моральном кризисе современного российского общества. Тем не менее, есть основания полагать, что приведенные нелицеприятные оценки россиян соответствуют действительности лишь отчасти. Скорее, в данном случае имеет место «выброс» недовольства тем, что обычные, передаваемые из поколения в поколение качества (долг, скромность, нестяжательство, взаимовыручка и т.п.) вдруг оказались невостребованными обществом и государством, а для реализации успешных жизненных практик зачастую излишними. Наши сограждане как бы сигнализируют *о появлении глубокого разрыва между требованиями социальной среды и привычными моральными установками, что приводит многих людей к мысли, что нравственность и жизненный успех в современной России — вещи несовместимые. Либо одно, либо другое. Соответственно, этические нормы и правила перестают быть побудительным мотивом социального действия.*

Между тем практика многих западных стран показывает, что законопослушание и принятие общепринятых норм — мощный

Таблица 17.7

Мнение жителей различных типов поселения о том, как изменились люди и отношения между ними за последние 15–20 лет, (% только тех, кто выбрал вариант ответа «усилились»)

Варианты ответа	Среди всех опрошенных	Тип населенного пункта				
		Мегалополис	Областной центр	Районный центр	ПГТ	Село
ЛИЧНЫЕ КАЧЕСТВА ЛЮДЕЙ						
Доброжелательность	10	34	6	8	12	6
Агрессивность	68	58	68	68	77	70
Душевность	8	15	6	8	5	5
Искренность	8	17	7	8	5	5
Честность	6	14	5	6	6	5
Цинизм	61	59	65	63	67	55
ДЕЛОВЫЕ КАЧЕСТВА						
Активность, целеустремленность, инициативность	33	53	35	31	32	22
Ум, образованность	24	24	22	26	27	21
Способность к сотрудничеству	19	38	17	17	22	13
Трудолюбие	13	24	13	12	15	11
СОЦИАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ЛЮДЕЙ						
Уважение к старшим	8	18	6	7	6	5
Уважение к женщине	9	19	6	9	10	7
Внушаемость, склонность подчиняться авторитетам	30	41	31	27	28	26
Бескорыстие, готовность помочь другому	8	21	6	7	9	6
Патриотизм, преданность своей Родине	26	51	23	22	24	22
Верность своим товарищам	9	17	7	8	7	7
Ответственность за семью, забота о ней	19	27	19	18	22	15
Доверие друг другу	9	17	8	9	8	7
Ответственность за то, что происходит вокруг	11	29	8	9	9	7

ресурс социальной мобильности. «Только исполняя набор определенных инструкций, действуя (играя и работая) по правилам, классический представитель американского среднего класса, – по

мнению В. Эшпая, — обретает все свои богатства и свободы»¹⁰. Это, конечно, преувеличение, тем не менее, исследования в Европе и Америке показывают наличие высокого уровня корреляции между принятием общепризнанных ценностей и реализацией успешных практик.

Необходимо отметить, что и в России — там, где отмеченного разрыва нет или же он не столь велик, меняется угол зрения и восприятие «морального облика» соотечественников, выглядит не столь однозначно негативным. Например, жители мегаполисов, по сравнению с жителями других типов поселений, существенно чаще отмечают усиление практически всех позитивных личностных, деловых и социальных качеств россиян. Так, гораздо чаще столичные жители отмечают усиление доброжелательности (34%), активности, целеустремленности, инициативности (53%), способности к сотрудничеству (38%), патриотизма, преданности своей Родине (51%).

Понятно, что жители мегаполисов, в которых существенную долю составляют молодежь и средние слои, лучше вписались в новые реалии, чем жители российской глубинки, и у них более широкий взгляд на моральные устои общества и возможные отклонения от них для достижения различных жизненных целей. Это, однако, вовсе не означает, что «космополитические» столицы противостоят российской провинции, являющейся оплотом и хранителем «морального кода нации». Во всяком случае, исследования не подтверждают наличие сформированного еще в 60-е годы писателями-деревенщиками мифа об особой русской духовности и ее утрате по мере урбанизации страны. Более того, в столицах, прежде всего в Москве, более обостренное восприятие актуальности призыва А. Солженицына «жить не по лжи», поскольку именно здесь «сшибка» разных моральных укладов, правил общежития, понимание успеха, не говоря уже о самом понимании морали, наиболее остра и отчетливо выражена.

В целом можно констатировать, что *сегодня мы имеем дело не столько с тотальным падением нравов и моральной деградацией, сколько с вербализацией страхов и фобий, которые в последние годы получили широкое распространение и которые мультиплицируются «второй реальностью», существующей в телевизоре.* Для многих настоящая жизнь существует именно в нем, и, соответственно, тиражируемые им ценностные установки, стереотипы и модели

¹⁰ Эшпай В. Возвращение пуритан // Космополис. 2003. № 2 (4). С. 40.

поведения приобретают характер общепринятых норм, которые далеко не всегда соответствуют представлениям наших сограждан о добре и зле, о том, что такое хорошо, а что такое плохо. Неслучайно круг референтной группы, которую респонденты считают авторитетной и значимой в вопросах морали и нравственности, достаточно узкий и ограничивается ближайшими родственниками, друзьями и коллегами по работе. К мнению писателей, деятелей науки и культуры склонны прислушиваться лишь 10% россиян, журналистов 8%, а религиозных лидеров и вовсе 5% (табл. 17.8).

Между тем потребность в «сверке» собственных представлений с представлениями других людей достаточно велика. Почти две трети россиян (63%) заявили, что им необходимы (в той или иной степени) единомышленники во взглядах на мораль и нравственность. Причем лишь чуть более трети сочли их число достаточным, более четверти отметили, что они есть, но их мало. Характерно и то, что потребность в морально-нравственной самоидентификации самая насущная по сравнению с политической, культурной, религиозной. Если в наличии единомышленников в указанных сферах не видят нужды от 45% до 55% респондентов, то во взглядах на мораль и нравственность лишь 37% (табл. 17.9).

В большей степени в единомышленниках во взглядах на мораль и нравственность нуждаются представители средней возрастной когорты. Причем как достаточно молодых групп (31–40 лет), так и более старшей группы (51–60 лет). Среди них 39% и 41% отметили, что такие единомышленники им нужны и их достаточно, еще по 25% соответственно отмечают, что они нужны, но их мало. Это именно те возрастные группы, которые наиболее болезненно воспринимают «уход» привычных, традиционных моральных норм и принципов жизни.

Следствием этого является актуализация и взаимоувязка в массовом сознании двух, казалось бы, взаимоисключающих процессов. С одной стороны, растет «толерантность» многих россиян в отношении отступления от общепринятых норм и правил. Эти правила все чаще для многих носят ситуативный и выборочный характер. С другой стороны, в последние пару лет наблюдается настоящий выброс проявлений злобы и нетерпимости к любой «инаковости».

Нижеприведенные данные это отчетливо подтверждают. Из 14 предложенных респондентам поступков, которые принято считать аморальными, абсолютно неприемлемыми большинство опрошенных считают лишь 5 (их не оправдали бы ни при каких условиях свыше 75% опрошенных) – употребление наркотиков, жесто-

Таблица 17.8

Чье мнение по вопросам морали и нравственности, по мнению респондентов, является наиболее значимым, авторитетным, %

Мнение	Среди всех опрошенных
Родителей	29
Друзей, коллег	38
Духовных, религиозных лидеров	5
Лидеров общественных движений, объединений	5
Видных представителей своей национальности	7
Известных политических деятелей	17
Начальника, работодателя	3
Известных журналистов, блогеров	8
Известных деятелей науки и культуры, музыкантов, певцов	10

Таблица 17.9

Суждения респондентов о том, нуждаются ли они в единомышленниках – людях, разделяющих их интересы, принципы по важным личным и общественным проблемам, %

Варианты ответа	Нужны, и их достаточно	Нужны, но их мало	Не нужны
Во взглядах на мораль и нравственность	37	26	37
В вопросах внутренней политики, ситуации в России	34	21	45
Во взглядах на музыку, литературу, искусство	33	21	46
В вопросах внешней политики, ситуации в мире	31	22	47
В вопросах национальных отношений	31	22	47
В вопросах религии	28	17	55

кое обращение с животными, однополые браки, гомосексуализм и оскорбление чувств верующих.

Чуть более лояльны наши сограждане к хамству, грубости, нецензурной брани, присвоению найденных денег. Но самое здесь главное и тревожное – возвращение двойной морали, лицемерия, когда можно по своему разумению выбрать то, по поводу чего можно громко негодовать, ощущая себя высоконравственным

Таблица 17.10

Отношение россиян к тем или иным поступкам, деяниям, выходящим за рамки общепринятых, и отношение к которым носит неоднозначный характер, %

Поступки	Никогда не может быть оправдано	Иногда это допустимо	К этому надо относиться снисходительно
Употребление наркотиков	91	6	3
Пьянство, алкоголизм	73	21	7
Жестокое обращение с животными	86	11	3
Дача/получение взятки	57	36	7
Уклонение от уплаты налогов	51	38	12
Уклонение от службы в армии	41	45	14
Присвоение найденных вещей, денег	47	38	16
Однополые браки	84	7	9
Проституция	73	17	10
Аборт	38	49	13
Гомосексуализм	84	6	10
Публичное проявление неприязни к представителям других национальностей	71	22	8
Хамство, грубость, нецензурная брань	68	27	6
Оскорбление чувств верующих	84	10	6

человеком и заодно частью большого лояльного «мы», а в отношении чего можно проявить снисходительность, оправдывая себя тем, что так принято, так ведут себя все, что некоторые вольности представляют собой чуть ли не составляющую «культурного кода нации» и с этим поделаться ничего нельзя, особенно во взаимоотношениях с государством. Так, например, на фоне «патриотического подъема» в стране каждый второй россиянин считает нормальным уклонение от службы в армии; или считая главным злом России коррупцию, требуя возвращения экономической мощи державы, не видит для себя ничего зазорного в уклонении от уплаты налогов и даже дачи (получения) взяток.

Негодяя, причем весьма яростно, в отношении однополых браков, которых в нашей стране нет (и, скорее всего, не будет), гомосексуалистов, которых подавляющее большинство наших сограждан в глаза не видели, они одновременно весьма терпимы к супружеской измене, разводам и особенно абортам. Понятно, что

отношение к абортам в этом ряду стоит особняком, поскольку оно далеко не всегда свидетельствует о «свободе нравов», а обусловлено сложной взаимосвязью обстоятельств личной жизни людей, степенью эффективности семейной государственной политики и отчасти системы здравоохранения. И, в общем-то, это тот редкий случай, когда избыточная «морализация» данной проблемы, а уж тем более запретительная политика государства в отношении абортотворчества представляется контрпродуктивной.

В целом каких-то существенных различий в суждениях по данному вопросу исследование не выявило. Определенная дифференциация фиксируется лишь среди респондентов с различным уровнем материального положения (рис. 17.3). Причем респонденты, оценивающие свое материальное положение как «плохое», несколько чаще склонны оправдывать те или иные поступки. Тот факт, что жители мегаполисов, благополучные в материальном отношении респонденты, представители профессий, требующих высокого уровня образования, знаний, опыта, будучи, как правило, людьми широких взглядов, не только лучшего мнения о своих согражданах, их личных и деловых качествах, но и сами демонстрируют предрасположенность к соблюдению этических норм в общении с другими людьми, свидетельствует о том, что именно они являются носителями запроса на моральное оздоровление нации.

В этих условиях закономерно возникает вопрос о целесообразности реагирования государства на данную проблему, о возможных формах такого реагирования, а также о том, как может воспринять общество те или иные действия властей. Хорошо известно, что в любом обществе моральный климат определяется не только добровольным принятием (или непринятием) тех или иных моральных и нравственных норм гражданами, но и определенными мерами общественного или государственного принуждения. Где-то они носят более жесткий характер, например, в тоталитарных или фундаменталистски-религиозных государствах, в которых существуют санкции вплоть до уголовного наказания за отклонение от общепринятых норм; где-то менее, в основном через общественное мнение и презентацию общественно одобряемого стиля и образа жизни.

В нашей стране, судя по ранее отмеченным результатам опроса, большинство населения считает нормальным и оправданным участие государства в регулировании морально-нравственных отношений. Лишь треть опрошенных (32%) полагает, что мораль и нравственность – сфера частной жизни и государство не должно в нее вмешиваться. Существенно больше тех (68%), кто считает невоз-

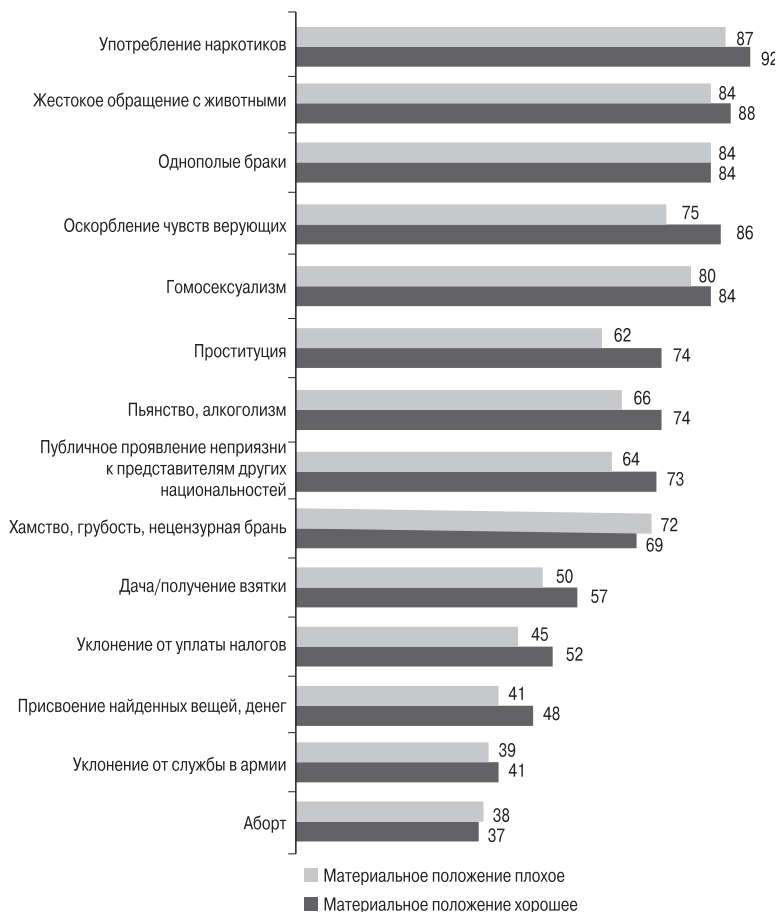

Рисунок 17.3. Оценка россиянами допустимости различных действий и поступков в зависимости от оценки уровня материального положения, % считающих, что никогда не может быть оправдано

возможным поддержание благоприятного морально-нравственного климата в обществе без участия государства. Причем многие законодательные акты, принятые в последние годы по регулированию правил поведения людей в обществе, были россиянами встречены позитивно. К их числу, например, относится запрещение использования ненормативной лексики в публичных местах, включая телевидение, широкой продажи эротических изданий, распитие пива

и других алкогольных напитков в общественных местах и т.д. Важно, однако, и то, что такие меры были не только поддержаны людьми, но, что особенно ценно, стали претворяться в жизнь. Во всяком случае, в Москве стало заметно меньше пьяных на улицах, нецензурно выражающихся и распивающих пиво групп молодых ребят и девушек. Многие «продвинутые» деятели искусства также осознали, что, оказывается, можно снимать хорошее кино и ставить интересные спектакли, не прибегая к ненормативной лексике.

Что же касается санкций, то общество, безусловно, дифференцирует их применение в зависимости от тяжести деяния. Когда речь идет, например, о детстве, о негативном влиянии на подрастающее поколение ближайшего семейного окружения и некоторых общественных институтов, прежде всего СМИ, не говоря уже об откровенной уголовщине, россияне настроены весьма решительно, требуя, в том числе и от государства, репрессивных санкций. В остальных случаях предпочтение отдается мерам превентивным и даже символическим. Видимо, сказывается историческая память россиян, не забывших, как в борьбе за моральный облик строителей коммунизма калечили судьбы большого числа людей. И вообще было бы явным преувеличением считать, что в обществе возобладали консервативно-пуританские нравы. Российский обыватель по-прежнему дорожит ценностями частной жизни, своими привычками, пристрастиями и, часто высказывая пожелания навести порядок в той или иной области, выступает категорически против, если это касается его самого или привычного ему порядка вещей. И здесь избыточный энтузиазм «борцов за нравственность» из числа народных избранников и их добровольных многочисленных помощников начинает вызывать настороженность, во всяком случае, в отдельных группах населения.

Примечательна в данном отношении и позиция многих россиян в отношении цензуры в СМИ и прежде всего на телевидении и в Интернете. Всем очевидно, что отечественное телевидение, как и многие другие медиа, не ставит задачу сеять «разумное, доброе, вечное», а делает бизнес в том числе и на эксплуатации человеческих слабостей и даже пороков. Тем не менее, оно россиянам нравится и многие из них находятся в раздвоенном состоянии. С одной стороны, не имеют ничего против «морально-нравственной цензуры», а с другой, против усиления государственного контроля над электронными СМИ и Интернетом. Позицию «за» высказывает 41% респондентов. Остальные либо категорически против (18%) либо готовы поддержать только в форс-мажорных обстоятельствах(40%).

В целом есть основания констатировать, что исследование выявило противоречивый процесс смены нравственных норм и правил поведения людей, который с трудом поддается однозначной интерпретации, поскольку в массовом сознании соседствуют и равнодушие, апатия, вызванные тем, что, по словам О. Богомолова, люди, «ежедневно сталкиваясь с вопиющими фактами беззакония и произвола, утрачивают остроту реакции на них, постепенно проникаются безразличием к происходящему»¹¹, и одновременно негодование по поводу происходящего вокруг, зачастую безадресного, желание жить в такой стране, где преуспевают не проходимцы и жулики, а честные порядочные люди.

В этих условиях задача моральной реабилитации общества приобретает первостепенное значение, решение которой предполагает, во-первых, поддержку институтов, формирующих моральный климат в обществе. Речь идет, прежде всего, о базовых институтах социализации (семья и школа), а также сети учреждений культуры, искусства, науки. Именно этим институтам россияне отдают пальму первенства в защите общественной морали и нравственности, поскольку именно они по факту своего предназначения призваны воспитывать свободных, рационально мыслящих людей, ориентированных в своих жизненных практиках на ценности самореализации.

Во-вторых, формирование слоя людей, которых раньше называли интеллигенцией, способных выступать «поставщиком» и ретранслятором рационального знания, новых идей и смыслов, с одной стороны, а с другой — моральных ценностей. Необходимость реанимации традиционной российской интеллигенции важна и потому, что ее остатки еще не так плотно инкорпорированы в кланово-бюрократическую систему, как нынешняя властная и окол властная элита.

И, наконец, в третьих, формирование и культивирование универсальных устойчивых оснований социальной деятельности, общественно одобряемых моделей поведения, базирующихся на принципах социальной справедливости. Это задача «совместного видения» государства и общества, где роль государства должна состоять в выработке общих правил общежития и контроле над их соблюдением. При этом вмешательство государства в частную жизнь граждан должно происходить только тогда, когда заканчивается мораль и начинается уголовный кодекс.

¹¹ Богомолов О.Т. Экономика и общественная среда // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки. М., 2008. С. 19.

Глава 18. Информационные и коммуникационные практики самоорганизации россиян

Медиа, включающие как традиционные, так и неформальные каналы коммуникации, — один из важнейших факторов формирования общественного мнения по внутри- и внешнеполитической проблематике. Тема влияния информационных и коммуникационных источников на социально-политические установки и гражданскую активность интенсивно дебатировалась, начиная с публикации в первой четверти XX в. работ по политической коммуникативистике Ч. Лазарфельда и Р. Мертона. Новых поводов для разговоров добавило превращение в середине 2000-х гг. Интернета в одну из основных дискуссионных площадок. Впрочем, исследователи даже на заре интереса к интернет-активизму не имели общего взгляда на влияние новых медиа на политику. Есть немало материалов, убедительно удостоверяющих связь политических установок граждан с интернет-активностью: в 2011 г. 65% американских интернет-пользователей заявляли, что Интернет способствовал организации групповой активности, 57% — что они были приглашены через интернет-ресурсы к участию в деятельности социальных или профессиональных групп. Еще 39% активистов признавались, что Интернет позволил им повысить информированность о важной социальной проблематике¹.

Аналогичные процессы идут и в России, поскольку аудитория интернет-ресурсов постоянно расширяется, начиная опережать традиционные медиа. Еще в апреле 2012 г. интернет-портал «Яндекс» обогнал по численности ежедневной аудитории Первый канал². Расширяются не только возможности граждан в доступе к инфор-

¹ Rainie L., Purcell K., Smith A. The social side of the internet. 18/01/2011. URL: <http://www.pewinternet.org/2011/01/18/the-social-side-of-the-internet/> (дата обращения: 14.07.2015).

² «Яндекс» обошел Первый канал по популярности [Электронный ресурс] // BBC Русская служба URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/05/120525_yandex_audience_tv_channel1.shtml (дата обращения: 14.07.2015).

мации, но и возможности участия в группах солидарного действия. По данным ежемесячного мониторинга TNS-Медиа, в апреле 2014 г. страновой показатель ежемесячной аудитории Интернет-ресурсов составил 73% (в Москве этот показатель — 77%), еженедельно пользуются Интернетом 70% россиян (75% москвичей)³. Исследования медиа-аудитории фиксируют постоянный рост вовлеченности россиян в интернет-коммуникацию — в среднем на 3–5% в год, причем рост аудитории происходит в основном за счет малых городов (в Москве на протяжении уже двух лет показатели участия интернет-аудитории практически не меняются, составляя 75–77%)⁴.

Увеличение интернет-аудитории значительно расширяет не только границы информированности, но и пространство свободы, поскольку, как справедливо отмечает Д. Белл, доступ к информации есть условие свободы⁵. *Под влиянием расширяющегося доступа к ресурсам Интернета возникает новая модель низовой самоорганизации, ориентированная на прямое участие и взаимодействие граждан — как между собой, так и с властью посредством виртуальной коммуникации по социально значимым вопросам — «электронная демократия».* Связано это с тем, что традиционные механизмы влияния общества на государство в большинстве стран, в том числе и в России (политические партии, профсоюзы, институты парламентской демократии и т.п.), уже не способны аккумулировать и представлять интересы многообразных общественных групп. В этих условиях гражданский активизм, реализуемый в том числе с помощью современных технологий горизонтальной самоорганизации, привносит в современную политическую жизнь новые идеи и новые формы влияния общества на государство и его институты.

Но все же главный интерес исследователей последних нескольких лет прикован к проблеме «Facebook-революции», а именно взаимовлияния новых сетевых форм коммуникации и массовых протестных движений, прокатившихся по миру в начале 2010-х гг.

Совершенно очевидно, что устоявшаяся интерпретация «протестующего» либо как экономического или социального дезадап-

³ Данные численности интернет-пользователей в России [Электронный ресурс] // TNS Web Index: Аудитория интернет-проектов. Апрель 2014. URL: [http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/?download=522&date=2014%2004&arrFilter_pf\[YEAR\]=2014&set_filter=Y](http://www.tns-global.ru/services/media/media-audience/internet/information/?download=522&date=2014%2004&arrFilter_pf[YEAR]=2014&set_filter=Y) (дата обращения: 14.07.2015). (Дата обращения: 14.07.2015).

⁴ Там же.

⁵ Белл Д. Социальные рамки информационного общества [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский университет. Институт философии. URL: http://philosophy.spbu.ru/userfiles/kathedras/scitech/phil_tech/bell.doc (дата обращения: 14.07.2015).

танта, либо как человека, стремящегося получить от системы то, что она может, но не желает по каким-то причинам предоставить, сегодня явно несостоятельна. Неслучайно предпринимаемые в последние годы попытки «нарисовать» портрет протестующего в 2011–2013 гг. москвича заканчивались примерно одним и тем же результатом. Среднестатистический участник митингов протеста — это молодой житель московского региона, получивший или получающий высшее образование, носитель преимущественно либеральных (отчасти националистических, коммунистических) настроений. На улице, таким образом, вышел московский яппи, желающий побороться за некие абстрактные коллективные блага. Однако за рамками объяснения осталось понимание двигателя недовольства и тех претензий, которые предъявляли системе протестующие. Первые после декабрьских выборов 2011 г. акции протеста интерпретировались как свидетельство массового недовольства москвичей *вырождением репрезентативной демократии, но затем эта тема постепенно сошла на нет.*

Очень скоро протестующих стали называть «креативным классом», подразумевая под этим (по аналогии с характеристикой, данной Р. Флоридой в его одноименной книге) класс интеллектуалов, реализующих социально-значимые проекты — не в последнюю очередь через активную коммуникацию в социальных сетях. Все это положило начало дискуссиям об идейном расколе российского социума на пассивное молчаливое большинство (или «партию телевизора») и активное «пассионарное» меньшинство («партию Интернета»). Ценностное «маркирование» протестующих оказалось востребованным даже не потому, что давало широкие возможности для самоопределения сторонников и противников протеста через отрицание «инобытия чужого»⁶ как своих идейных противников. Но потому, что такого рода обозначение опровергало попытки интерпретировать «митинги несогласных» упрощенно марксистским индикатором экономической удовлетворенности, предлагало логику поиска неких «идейных исканий» нового, ищущего средств самоидентификации среднего класса.

Принципиальное отличие протестных форм активности от иных форм политического участия состоит в том, что протест способен *самостоятельно «производить» политический дискурс и повестку, предлагая новый язык и альтернативные механизмы коммуникации.* На наш взгляд, это выразилось в следующем:

⁶ *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 26.

1. *Протестное движение в России, как и движения в других странах мира, стало как реакцией на кризис репрезентативной демократии, так и одновременно презентацией политической субъектности нового поколения и ее лидеров, которые являются, как правило, гражданскими активистами, позиционирующим себя в качестве альтернативы (особенно поначалу) традиционным политическим партиям, как провластным, так и оппозиционным. Это позволяет довольно долгое время уклоняться от фиксации собственных идеологических и политических позиций, расширяя тем самым социальную базу поддержки.*

2. Протестное участие с самого начала было ориентировано на создание *альтернативной коммуникации. Социальные сети в этом смысле были главным средством коммуникации гражданских активистов*, заметно упростив протестное взаимодействие. Социальные сети и Интернет не стали движущей силой недовольства, но создали структуру горизонтальных связей, на которую впоследствии уже проецировалось системное недовольство властью в целом. Причем речь идет о формировании так называемых «слабых социальных сетей». Дело в том, что причастность к условной «партии Интернета» — очень косвенный показатель активизма, т.к. доступность виртуальной коммуникации прямо не связана с мобилизацией и готовностью к активным действиям. Пока еще сети служат опорой слабых связей в том смысле, что они редко способствуют построению долговременных личных отношений⁷. В свою очередь «слабые связи» дают возможность ситуативно вовлекаться в актуальные проекты, не требуя при этом регулярного участия и взаимодействия граждан. Феномен слабых связей между дифференцированным, неоднородным населением делает реальным структурное сопряжение разнообразных групп через несистемные и редкие, но тем не менее важные коммуникативные акты. Они порождают «локальные мосты» коммуникации от одной малой группы к другой, благодаря которым возможна коммуникация и взаимодействие представителей различных социальных кластеров по действительно важной проблематике⁸.

3. Важным условием формирования альтернативных сетей коммуникации и солидарности является создание прозрачных механизмов *финансирования проектов, направленных на развитие гражданского общества. С ростом протестной активности*

⁷ Кастельс М. Галактика Интернет / Екатеринбург, У-Фактория, 2004. С. 156.

⁸ Granovetter M. The strength of weak ties: A network theory revisited // Sociological Theory 1 (1983), P. 201–233.

к благотворительным инициативам в традиционных сферах общественной помощи – сбору средств больным, инвалидам, пострадавшим от пожаров или наводнений людям – добавилась инициатива сбора средств на различные проекты, важные как для развития гражданского общества, так и реализации разного рода политических инициатив, в том числе для организации протестных митингов. Методику краудфандинга затем стали широко использовать и некоторые медиа, в частности, телеканал «Дождь». Тем самым граждане получали возможность самостоятельно определять те проекты, финансирование которых оказывалось принципиально важным, и одновременно контролировать расходование средств.

Таким образом для понимания носителей новой логики политического участия необходимо выйти за пределы бихевиоралистского понимания мотивов недовольства и гражданской активности. Описание протестующего через фиксирование его социально-демографических характеристик не может «уловить» существо претензий и мотивов многообразных недовольных. Тогда как коммуникативный подход для понимания новых форм гражданского активизма, в том числе и протестного участия, представляется ключевым, ведь ядро инициативного кластера спаяно не формальными социальными атрибутами, но соответствующей ценностной рамкой и новыми принципами коммуникации, альтернативными тем, что тиражирует система. *Выстраивание новой системы ценностей и логики коммуникации для тиражирования собственных ценностей и есть главная цель протестующих и новых гражданских активистов.* Это позволяет не только выстраивать эффективные сети горизонтальной солидарности, но и самостоятельно производить политические дискурсы. При этом участники протестных митингов и симпатизирующие им граждане не являются гомогенной социальной группой: одни видят себя носителями революционных идей, другие – строителями гражданского общества.

В частности, Д. Орешкин определил «сердитых» россиян как класс налогоплательщиков – ответственных самостоятельных горожан, имеющих представление о жизни в демократических странах, своеобразных носителей веберовской этики капитализма, предполагающей честную конкуренцию и личную ответственность⁹. Однако в эту логику не вполне вписывается разнообразие идеоло-

⁹ Эксперты: Протестная активность в России ослабла. [Электронный ресурс] // Deutsche Welle 28.11.2012. URL: <http://dw.de/p/16r1e> (дата обращения: 14.07.2015).

гического профиля протестующих, среди которых широко были представлены не только либералы, но и левые и националисты. Еще тогда, в 2011–2012 гг., было очевидно, что их альянс носит ситуационный характер. Сегодня же, после воссоединения Крыма с Россией, развертывания ситуации на Украине, либералы, с одной стороны, а левые и националисты – с другой и вовсе оказались по разные стороны баррикад.

Так или иначе, совершенно очевидно, что участники протеста не были и не будут едины не только в своих идейных ориентациях, но и в понимании тактических и стратегических целей протестного движения. Стоит отметить, что выше речь шла о новых практиках протестной активности. Между тем значительной частью общества остаются востребованы и вполне традиционные способы отстаивания своих интересов, о чем шла речь в предыдущих разделах.

Но самое существенное состоит в том, что «политизированный» сегмент Интернета и социальных сетей невелик. Отсюда скепсис в отношении его «активистского потенциала», несмотря на расширяющееся виртуальное пространство. Более того, по мере этого расширения, как будет показано далее, стираются различия между россиянами, включенными в сети и не включенными в них именно в политическом отношении, причем не только в нашей стране. В 2009 г. исследователи из Университета Джорджа Вашингтона приводили данные¹⁰, что практическая эффективность интернет-коммуникации ограничена, интернет-активизм – удел незначительной части граждан и публикация социально значимой информации не выливается в расширение общественного интереса к проблеме или практические действия. Читатели блогов, действительно, более политизированы, чем, к примеру, телеаудитория, и чаще вовлечены в политическую жизнь, но Интернет не становится площадкой широкой общественной дискуссии, он способствует, скорее, «внутриидейному» консенсусу, т.к. интернет-аудитория традиционно тяготеет к тем информационным ресурсам, которые согласуются с ее политическими убеждениями.

В России вопрос о том, влияет ли включенность в информационный контент на оценку ситуации в стране и в мире, продол-

¹⁰ Lawrence E., Sides J., Farrell H. Self-segregation or Deliberation? Blog Readership, Participation and Polarization in American Politics [Электронный ресурс] // Department of Political Science George Washington University, 10/03/2009. <http://journalistsresource.org/wp-content/uploads/2012/03/blogpaper.pdf> (дата обращения: 14.07.2015).

жают оставаться открытым. Еще несколько лет назад зависимость мировоззренческих ориентаций граждан, в том числе и в политической сфере через включенность их в конкретные информационные потоки, просматривалась вполне определенно. В 2011–2012 гг. многие наблюдатели были уверены, что по мере расширения интернет-аудитории постепенно возрастет и коммуникативная открытость российского социума, что приведет, в свою очередь, не столько к нарастанию общественного недовольства, сколько к росту общественного и политического участия значительной части российского общества.

Но можно ли сегодня также говорить о влиянии включенности граждан в различные коммуникационные сети, к примеру, в интернет-сети, на их жизненные стратегии, политические ориентации и формы общественной самоорганизации?

Сегодня интернет-аудитория России постоянно расширяется: по данным немецкой компании GfK, к концу 2014 г. доступ к Интернету имели 68% российских граждан старше 16 лет (т.е. более 80 млн человек). Главный «посетитель» интернет-ресурсов – российская молодежь 16–29 лет, среди этой возрастной группы доступ к ресурсам Сети – 95%. Среди россиян среднего возраста (30–54 года) Интернетом в 2014 г. пользовались 79%, среди тех, кто старше 55 лет – 25% ¹¹.

Массовое распространение Интернета подтвердило и исследование Института социологии РАН 2015 г. Подтвердило настоящее исследование и рост численности интернет-аудитории: с 2010 г. доля регулярных пользователей Интернета (не реже раза в неделю) возросла вдвое, с 34% до 67%. Среди них почти половина (47%) пользуются интернетом ежедневно (рис. 18.1).

Интернет – один из наиболее популярных вариантов досуга и приобщения к культурным ценностям (57% опрошенных отметили его в качестве предпочитаемого способа времяпрепровождения). В популярности Интернет уступает лишь отечественному кино (советскому и российскому) и советской же эстраде. Обращает на себя внимание то, какими темпами набирает популярность Интернет – за семь лет число его приверженцев выросло сразу на 30%.

Больше всего регулярных пользователей Интернета среди хорошо образованных (81%) молодых людей в возрасте 18–30 лет (94%),

¹¹ Пользование интернетом в России: итоги 2014 года // GfK. URL: https://www.gfk.com/ru/Documents/Internet_in_Russia_2014-final_full.pdf (дата обращения: 14.07.2015).

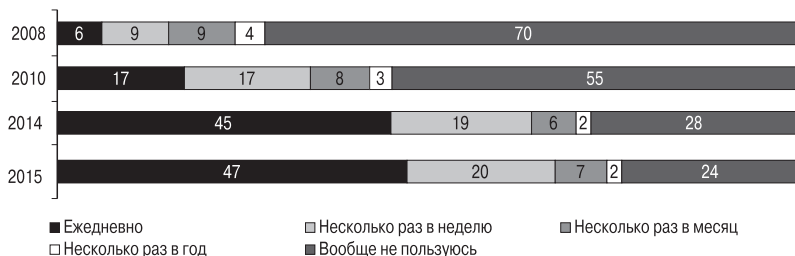

Рисунок 18.1. Динамика вовлеченности россиян в интернет-коммуникацию, %
(один ответ)

Таблица 18.1

**Динамика предпочтений россиян в сфере культуры и досуга,
% тех, кто выбрал ответ «нравится»**

Предпочтения	2002	2008	2015
Старое советское кино	85	82	78
Современные российские фильмы	53	64	62
Советская эстрада	61	65	59
Интернет	29	27	57
Русская классическая литература	60	49	54
Самообразование	58	40	53
Современная музыка	48	46	49
Российские телесериалы	42	46	49
Видео, зарубежные фильмы	37	39	47
Развлекательные, игровые телепередачи	42	45	45
Детективы, фантастика	47	45	45
Театр, изобразительное искусство	56	43	45
Проблемные телепередачи	47	45	44
Классическая музыка	51	39	43
Научно-популярная, историческая литература, мемуары	49	40	42
Мода, дизайн	38	33	36
Современная русская литература	32	28	34
Зарубежные телесериалы	19	25	33
Иностранная литература, зарубежная классика	40	26	33
Чтение философской литературы	21	15	21
Чтение религиозной литературы	17	13	19

проживающих в мегаполисах (74%) и крупных городах (областных, краевых и республиканских центрах) (72%). Кроме того, о регулярном использовании Интернета чаще заявляли хорошо материально обеспеченные граждане (82%), граждане, которые имеют стабильный доход, получаемый от собственного бизнеса (86%).

Регулярные пользователи Интернета не только «социально благополучнее», но и активнее включены в разнообразные сети социальной коммуникации и общения, что в немалой степени связано именно с их свободным доступом к информации. Среди интернет-включенных больше тех, кто более оптимистично оценивает возможности общения с друзьями, получения новых знаний и образования, возможности выражать свои политические взгляды, чем те респонденты, которые Интернетом не пользуются. Другой вопрос, что участие в интернет-дискуссиях для многих активных граждан — чуть ли не единственная возможность выразить свои политические взгляды (табл. 18.2).

Таблица 18.2

Оценка активными интернет-пользователями и теми, кто не включен в интернет-коммуникацию, своих коммуникативных возможностей, %

Оценка	Как часто пользуетесь Интернетом?		
	Часто	Редко	Не пользуюсь
<i>Возможность общения с друзьями</i>			
Хорошо	56	46	41
Удовлетворительно	39	50	51
Плохо	5	3	7
<i>Возможность получения образования и знаний, которые Вам необходимы</i>			
Хорошо	33	15	11
Удовлетворительно	51	55	53
Плохо	15	24	27
<i>Возможность выражать свои политические взгляды</i>			
Хорошо	29	22	22
Удовлетворительно	55	67	63
Плохо	15	11	14

Поскольку интернет-аудитория молода, активна, имеет определенные материальные возможности, то, соответственно, и круг их интересов существенно шире, чем у респондентов, которые доступа к Интернету не имеют. Это и театры, кино, рестораны, спортклубы, выставки и т.д. Хотелось бы при этом обратить внимание на два важных, на наш взгляд, момента.

Во-первых, *на крайне скромные показатели участия в общественной или политической жизни активных пользователей Интернета. Лишь 5% задействованы в разного рода общественных, волонтерских организациях и еще меньше (2%) – в деятельности политических объединений, различных уличных акциях.* Это говорит о том, что, пространство Интернета в значительной степени деполитизировано. Уровень общественного участия респондентов, пользующихся Интернетом и не пользующихся им, одинаково низок.

Во-вторых на то, что *свободный доступ к информационным ресурсам Интернета не превращает последний в выделенный информационный источник, не заставляет отказаться от иных информационных ресурсов, прежде всего, телевидения.* Из нижеприведенных данных видно, что активные пользователи Интернета, то есть пользующиеся им ежедневно, так же весьма активно смотрят телевизор. Разница в востребованности буквально в один процент – 58% увлекаются Интернетом и 57% одновременно с этим любят регулярно смотреть телевизор. Их доля, конечно, существенно меньше, чем среди россиян, Интернетом не пользующихся (79%), но у «неинтернированной» части российского общества и возможностей меньше. Помимо просмотра телевизора, это занятия домашним хозяйством, просто отдых, прогулки, встречи с друзьями и чтение прессы (рис. 18.2).

Приведенные данные подтверждаются и ответами респондентов на прямой вопрос: «Из каких источников Вы получаете информацию о важнейших событиях в стране и мире?». Даже активные пользователи Интернета чаще узнают новости из телевизора (73%), а учитывая, что немалое число респондентов (56%) ориентируются на информацию от близких родственников, а те, в свою очередь, ретранслируют телевизионный контент, с большой долей определенности можно сделать вывод: *телевидение остается ключевым источником информации.*

Другой вопрос, что информационная картинка телевидения сегодня во многом строится на основе «повестки дня», сформированной Интернетом. Кроме того, интернет-издания имеют одно существенное преимущество перед всеми медиа – интерактив-

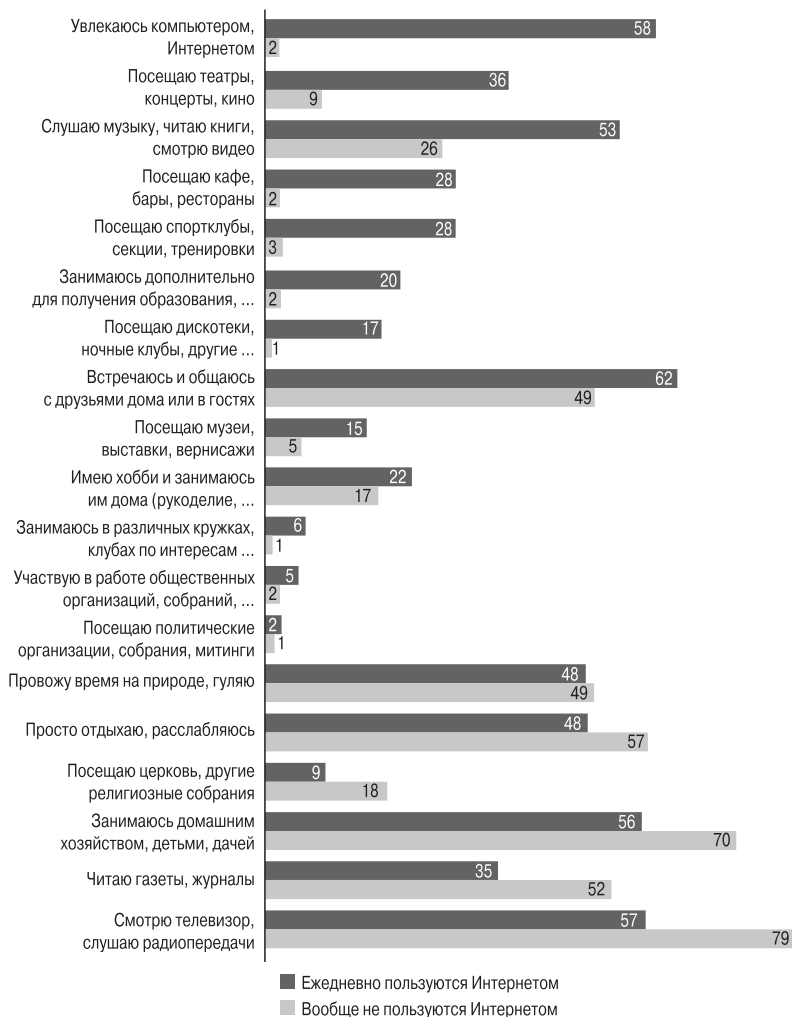

Рисунок 18.2. Основные занятия в свободное время – среди респондентов, ежедневно пользующихся Интернетом и не пользующихся им совсем (упорядочено по разнице в доле ответов между респондентами двух групп), %

ность, возможность в реальном времени общаться со своей аудиторией. Поэтому ни о выигрыше, ни о проигрыше телевидения или Итернета в борьбе за аудиторию говорить не приходится. Идет быстрый процесс их взаимовлияния и взаимообмена. Это чувству-

ется даже по близким цифрам востребованности такими источниками активными пользователями – 73% телевидение, 66% Интернет (табл. 18.3).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что многие граждане сочетают просмотр ТВ и получение информации из других источников, причем не только из Интернета. Но их информационная «всеядность» не выливается в более достоверную новостную картинку. Интернет содержит многообразную информацию, в том числе и ту, что не совпадает по своему контексту с информационной картинкой официального ТВ. Тем не менее, судя по событиям последнего года, большинство россиян больше доверяет центральным каналам телевидения, ретранслирующим государственную точку зрения на события в стране и за рубежом. Стремление сформировать более-менее объективное представление о них – удел меньшинства.

По данным Левада-Центра¹², лишь около 7% россиян используют все возможные источники для поиска достоверной информации о происходящем. Интересно, что это скорее люди зрелого возраста (а вовсе не условные представители молодого «креативного класса»), хорошо образованные и обеспеченные, около половины из них живут в Москве и крупных городах. Обращаясь за инфор-

Таблица 18.3

Источники информации о важнейших событиях в мире среди тех, кто пользуется и не пользуется Интернетом, %

Варианты ответа	Как часто вы пользуетесь Интернетом?		
	Все опрошенные	Часто	Не пользуюсь
Программы центрального телевидения	77	73	85
Члены семьи, родственники	56	57	53
Друзья, однокурсники, коллеги по работе	45	49	39
Интернет	44	66	5
Программы регионального (местного) телевидения	42	37	51
Программы радиостанций	25	22	30
Газеты, журналы	22	21	24
Зарубежные СМИ	5	7	1

¹² Респондентам задавались вопросы о том, какие общественно-политические сайты/газеты/телеканалы/радиостанции они читают/смотрят/слушают. Затем с помощью кластерного анализа была проведена кластеризация данных в каждой группе СМИ методом k-средних.

мацией к разнообразным информационным ресурсам (сочетая и Интернет, и телевидение, и общение с родственниками/друзьями) представители данной группы отличаются не обращением к специфическим источникам новостей, а качественно иным отношением к информационным ресурсам: их интересуют не развлечения, а серьезная достоверная валидная информация.

Повсеместное распространение Интернета никак не меняет эту ситуацию. Получая доступ к «международной паутине», пользователи (и россияне не являются здесь исключением) не спешат читать оппозиционный контент или хотя бы более-менее серьезные аналитические материалы и комментарии. Даже активные интернет-пользователи обращаются к услугам Интернета главным образом для сугубо утилитарных целей — работы/учебы и электронной переписки (по 37% среди тех, кто пользуется Интернетом ежедневно). А те, кто пользуется Интернетом время от времени (несколько раз в неделю, месяц), используют виртуальную коммуникацию для целенаправленного поиска информации — для расширения кругозора (47%), поиска новостей страны и мира (43%). Еще менее популярно обращения к ресурсам для поиска единомышленников и друзей по интересам, в том числе и для возможного солидарного действия. Лишь 16% активных пользователей Интернета и 29% тех, кто пользуется им время от времени, рассматривают Интернет как способ общения по интересам или с единомышленниками.

В значительной степени это связано с проблемой доверия тем или иным источникам информации. Рассмотрим это на примере отношения россиян к событиям в соседней Украине, информация о которых последние полтора года находилась в центре общественного внимания. Так, большинство россиян в исследовании первой волны данного проекта ИС РАН (октябрь — ноябрь 2014 г.), т.е. в самый разгар боевых действий на юго-востоке Украины, заявляло, что в освещении событий в соседней стране с доверием относятся к российским государственным медиа, прежде всего, к российскому телевидению (70%). Такое высокое доверие — следствие массовой вовлеченности граждан в логически непротиворечивую картину мира, которую в безальтернативной манере подавали государственные информационные каналы. Соответственно, любая выходящая из официального дискурса интерпретация событий вызывает у россиян настороженность и недоверие. Неслучайно украинские СМИ, вещающие о ситуации в собственной стране (вопрос задавался именно о доверии информации о ситуации на Украине в целом, не только на востоке), находятся в самом низу

рейтинга доверия и вызывают стойкий скепсис почти у половины респондентов (48%).

Примечательна сложившаяся ситуация с доверием «сарафанному радио», российским и украинским родственникам/друзьям. Как показал опрос, еще больше, чем официальным медиа, россияне доверяют суждениям об украинских событиях своих близких, проживающих в России (73%). То есть более всего у россиян доверие вызывает все тот же дискурс государственных СМИ, но еще и обильно сдобренный эмоциями и переложенный родственниками в простую и доступную форму изложения о «врагах/героях». Тогда как интерпретация ситуации в своей стране родственниками и друзьями, живущими на Украине (косвенно о наличии таковых признались 45% опрошенных), вызывает у россиян доверие существенно реже (только 34% респондентов отметили, что они доверяют информации о событиях на Украине, полученной от живущих там близких людей).

Определенным доверием пользуются заявления известных политических, религиозных и общественных лидеров по «украинскому вопросу» (48%). Другой вопрос, что такие лидеры общественного мнения могут быть представителями противоположных идеологических лагерей. Поэтому говорить о массовом доверии заявлениям российских политиков по событиям на Украине нельзя.

А вот российским негосударственным медиа, также как и интернет-ресурсам, по «украинскому вопросу» граждане доверяют заметно меньше (37% и 30% соответственно), чем официальным источникам информации. По всей видимости, это связано с тем, что социальные сети, как показал опрос, в связи с украинскими событиями превратились не только в пространство дискуссий, но и в «поле идейных битв», где для аргументации своей позиции часто используется не вполне достоверная информация (рис. 18.3).

Таким образом, предпочитаемые большинством россиян информационные источники о ситуации на Украине замыкаются в логически непротиворечивый круг официальной российской позиции. По мнению известного политолога В. Пастухова, для современного состояния россиян характерен «синдром отключенного сознания», который есть необходимое условие выживания в современной России, когда «большинство занято исключительно тем, что тщательно оберегает зону своего психологического комфорта от всякой негативной информации и уж тем более от всякой крамольной мысли»¹³.

¹³ Пастухов В. Синдром отключенного сознания. BBC.co.uk [Электронный ресурс] // BBC Русская служба. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/blogs/2014/12/141208_blog_pastoukhov_syndrome_unplugged_consciousness (дата обращения: 14.07.2015).

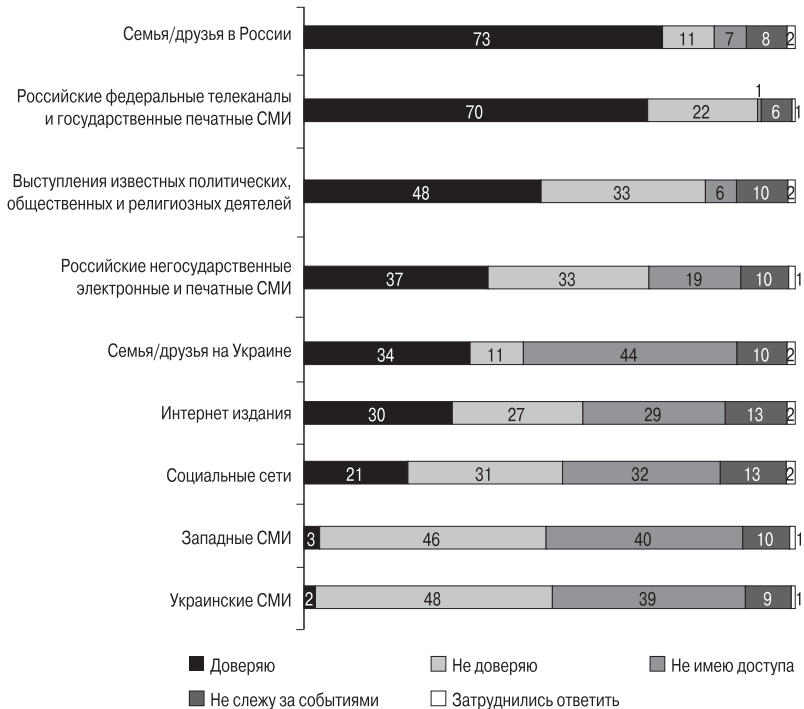

Рисунок 18.3. **Уровень доверия различным информационным источникам о ситуации на Украине, %**

Говоря о высоком доверии россиян официальным медиа, прежде всего телевизионной картинке, нельзя не упомянуть так называемый CNN-эффект. Речь идет о том, что осуществленный этой телекомпанией переход на 24-часовой новостной цикл коренным образом изменил связь между телевизионной картинкой и общественным мнением США, в том числе по вопросам внешней политики¹⁴. Что-то похожее произошло и в России, с той разницей, что переключение внимания россиян на события в Украине осуществляется не одной телекомпанией, а с привлечением всех телекомпаний страны. Что же касается немногочисленных негосударственных СМИ, прежде всего интернет-изданий, то именно в прошлом году, по мнению К. Кобрин, многие медиа, в том чис-

¹⁴ Gilboa E. Global Television News and Foreign Policy: Debating the CNN Effect. *International Studies Perspectives*. 2005. Vol. 6, Iss. 3, P. 325–341.

ле и негосударственные, работали только «для своих», выдавая то, что от них ожидают читатели, поскольку иного способа укреплять (именно укреплять, а не наращивать) свою аудиторию эти медиа не видели¹⁵.

Но дело, конечно, не только в массивированном воздействии на умы людей. Многолетние наблюдения показывают, что *россияне в массе своей эмоционально откликаются только на ту информацию, которая соответствует их ожиданиям* и предпочтениям. Нередко правдивая информация отторгается, если она входит в противоречие с этими ожиданиями (достаточно вспомнить антиеельцинскую кампанию в позднесоветских медиа); и напротив, некоторые преувеличения и даже прямая ложь, если она резонирует с доминирующими умонастроениями, воспринимается с пониманием в качестве своеобразной «военной хитрости» на фронтах «информационной войны». Причем в данном плане Россия отнюдь не одинока.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что *доступ к ресурсам Интернета не выливается* в ориентацию граждан на поиск в виртуальных сетях серьезной аналитики и не результирует в *критическое восприятие актуальной информации*. Респонденты, получающие информацию из Интернета, мало чем отличаются в оценках ситуации в России и мире от своих сограждан, черпающих информацию преимущественно из телевизионной картинке. Постоянные пользователи Интернета, как и ТВ-аудитория, склонны оценивать нынешнюю ситуацию в России как кризисную (52–53%), но одновременно видеть произошедшие за последний год перемены к лучшему (37–39%). Постоянная аудитория Интернета, действительно, даже чуть более скептична в отношении общей оценки ситуации в мире: 55% ТВ-пользователей оценивают ее как нестабильную (среди интернет-аудитории чуть меньше – 51%). Доля крайних скептиков, уверенных, что мир находится в состоянии глубокого кризиса (19–20%) или стоит на пороге катастрофы (9–11%) примерно равна и среди представителей ТВ-аудитории, и среди тех, кто черпает информацию о мире из интернет-ресурсов (табл. 18.4).

Наконец, настоящее исследование не подтвердило резкой оппозиционности пользователей Интернета по вопросам внутренней политики: более половины (57%) тех, кто черпает информацию преимущественно из Интернета, поддерживают деятельность

¹⁵ Кобрин К. Medlenno.ru: пролегомены к. Colta.ru // URL: <http://www.colta.ru/articles/society/5799> (дата обращения: 15.07.2015).

Таблица 18.4

Отношение к внутри- и внешнеполитической ситуации в России среди аудитории ТВ и Интернета, %

Вопросы и варианты ответа	ТВ-аудитория	Интернет-аудитория
Как Вы оцениваете нынешнюю ситуацию в России в целом?		
Ситуация нормальная, спокойная	34	36
Ситуация напряженная, кризисная	53	52
Ситуация катастрофическая	5	6
Затруднились ответить	8	6
Как Вы оцениваете перемены, произошедшие в России за последний год?		
Произошли значительные перемены к лучшему	10	12
Произошли некоторые перемены к лучшему	37	39
Произошли некоторые перемены к худшему	32	29
Произошли значительные перемены к худшему	9	11
Никаких перемен не произошло	12	9
Как Вы оцениваете перспективы развития России в ближайший год?		
Страна будет развиваться успешно	26	29
Страну ждут трудные времена	48	48
Ничего принципиально не изменится	24	22
Затруднились ответить	1	1
Как Вы оцениваете нынешнюю ситуацию в мире?		
Ситуация нормальная, обычная	11	12
Ситуация неспокойная, нестабильная	55	51
Сегодняшний мир находится в состоянии глубокого кризиса	19	20
Мировое сообщество находится на пороге катастрофы, всевозможных потрясений	9	11
Затруднились ответить	6	6
Как Вы оцениваете перспективы развития ситуации в мире в ближайший год?		
Ситуация в мире будет улучшаться	9	9
Скорее улучшится, чем ухудшится	24	27
Скорее ухудшится, чем улучшится	38	39
Ситуация будет ухудшаться	9	10
Затруднились ответить	19	15

В. Путина на посту президента. Показатель поддержки В. Путина среди пользователей Интернета лишь на 5% ниже, чем среди представителей ТВ-аудитории (62%).

Таблица 18.5

**Отношение к деятельности В. Путина на посту президента России
среди аудитории ТВ и Интернета, %**

Варианты ответа	ТВ-аудитория	Интернет-аудитория
Поддерживают	62	57
Отчасти поддерживают, отчасти – нет	31	33
Не поддерживают	5	8
Затруднились ответить	2	2

Иными словами, *доступ к интернет-коммуникации в современной России не превращает ее в выделенный способ получения информации, не мотивирует протестные настроения граждан и даже не повышает антивластный скепсис. По аналогии с «великим немым», Интернет можно назвать «великим развлекающим» — при обширных поисковых, аналитических и коммуникационных возможностях Интернет интересен большинству россиян в первую очередь своими развлекательными возможностями.*

Возможно, большее «политизирующее действие» на граждан оказывает использование социальных сетей как особого вида коммуникации? Особенный интерес к пользователям социальных сетей (как к выделенной группе интернет-пользователей) не случаен. Как неоднократно отмечалось экспертами, пользователи социальных сетей — не просто пассивные посетители web-ресурсов, но, как правило, еще и вовлечены в разнообразные группы интересов, а то и солидарного действия. Прокатившаяся по всему миру в начале 2010-х гг. «протестная волна» не в последнюю очередь стала возможна благодаря оперативной тематической коммуникации в социальных сетях. Социальные сети сыграли роль уже упомянутых так называемых «слабых связей», объединивших для решения социально значимых проблем представителей различных социальных групп. Коммуникация и, что важнее, солидарные действия социально далеких друг от друга граждан оказались возможны в немалой степени благодаря активному обсуждению в социальных сетях, в том числе и в тематических группах «острых вопросов».

Значительное внимание к этой весьма специфической группе российского общества было также обусловлено тем, что как уже отмечалось, с подачи некоторых журналистов и экспертов «сетевое сообщество» стало отождествляться с так называемым «креатив-

ным классом». И хотя это отождествление не совсем корректно, оно, тем не менее, позволило начать дискуссию о новых линиях размежевания российского социума, а также поиск новых реперных точек самоидентификации городского среднего класса.

В настоящее время в России участие в социальных сетях распространено не столь широко, как доступ в Интернет. По данным настоящего исследования, регулярно (ежедневно или несколько раз в неделю) социальные сети использует почти половина (47%) граждан, что в численном эквиваленте означает, что в социальные сети сегодня вовлечены не менее 60 млн россиян. Не пользуются социальными сетями 39% опрошенных, пользуются редко – 14% (рис. 18.4).

Интересно, что использование Интернета не всегда выливается в активность в социальных сетях – в них регулярно общаются чуть более двух третей (71%) активных пользователей Интернета. Еще треть активных интернет-пользователей в социальных сетях зарегистрированы, но пользуется ими редко (13%) или не пользуется вовсе (15%). Это означает, что *минимум треть активных пользователей Интернета в принципе не интересуют его коммуникативные возможности, а тем более возможности самоорганизации, предоставляемые общением в социальных сетях.*

«Типичного» пользователя социальных сетей в протестные 2011–2013 гг. многие эксперты видели «потенциальным революционером» или представителем «креативного класса» и противопоставляли консервативно-ригидной «партии телевизора». Другие же, напротив, полагали, что *социальные сети – это не более чем открытая среда коммуникации носителей разных взглядов и идей.*

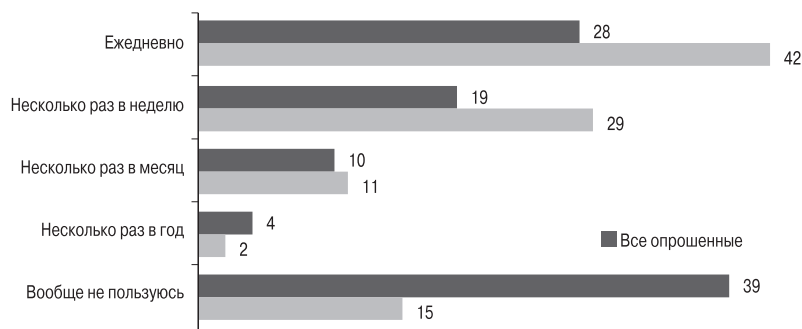

Рисунок 18.4. Частота использования гражданами социальных сетей, %

А включенность в социальные сети не является следствием принадлежности к конкретным социально-демографическим или идейно-политическим группам.

Судя по результатам исследования, отчасти справедливы и первая и вторая гипотезы. В отличие от пользователей Интернета, «сетевое сообщество» обладает более отчетливо выраженными признаками социальной определенности, позволяющими их характеризовать как «продвинутую» часть среднего класса. Так, *среди регулярных пользователей социальных сетей — в первую очередь молодежь* (83% среди респондентов в возрасте 18–30 лет пользуются социальными сетями ежедневно или несколько раз в неделю).

Несколько чаще регулярно пользуются социальными сетями хорошо материально обеспеченные россияне (58%), те, кто выше оценивают свои потребительские возможности. Чаще в пользовании социальными сетями признаются респонденты, для которых основным источником дохода является либо помощь родственников, друзей (62%), либо собственный бизнес (58%), т.е. они окружены надежными социальными связями и имеют стабильный доход. Подобное, впрочем, позволяет предположить, что среди активных пользователей социальных сетей — как социально-самостоятельные граждане, так и очень молодые люди, либо все еще получающие образование и поэтому живущие на дотации родственников, либо только начинающие самостоятельную жизнь. Этим участники социальных сетей в некоторой степени отличаются от более широкой аудитории Интернета, а также незначительной представленностью пенсионеров.

Специфика места поселения граждан не оказывает особенно-го влияния на их вовлеченность в социальные сети: среди жителей как мегаполисов, так и сельских поселений примерно равна доля тех, кто пользуется социальными сетями часто (40–42%). Одновременно среди жителей мегаполисов и сельских поселений примерно равна доля тех, кто виртуальными сетями не пользуется (44–46%) (табл.18.6).

Кроме того, большинство пользователей социальных сетей считают себя (71%) и свою семью (69%) представителями среднего класса. Те, кто в социальные сети не включен, средним классом себя определяют заметно реже (49%), хотя данный показатель в данной группе тоже высок (табл. 18.7).

Таким образом, по формальным признакам большинство участников социальных сетей действительно «подпадают» под

Таблица 18.6

**Социально-демографические и материально-имущественные
характеристики пользователей социальных сетей, %**

Варианты ответа	Как часто пользуетесь социальными сетями?		
	Часто	Редко	Не пользуюсь
ВОЗРАСТНЫЕ ГРУППЫ, лет			
18–30	83	10	7
31–40	60	20	21
41–50	41	19	40
51–60	28	15	57
Старше 60	5	6	88
ОБРАЗОВАНИЕ			
Среднее	43	10	47
Среднее специальное	43	14	43
Высшее	55	16	28
УРОВЕНЬ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ			
Хорошо	58	16	26
Удовлетворительно	46	14	40
Плохо	41	12	47
ТИП ПОСЕЛЕНИЯ			
Мегалополис	40	16	44
Областной центр	51	14	35
Районный центр	51	14	35
ПГТ	50	19	31
Село	42	12	46

определение представителей «креативного класса» в том смысле, в котором включенность в виртуальную коммуникацию в сочетании с социальным и экономическим благополучием понималось в протестные 2011–2012 гг. в качестве ключевого фактора повышенного градуса социального и политического активизма.

Помимо некоторой общности их социального позиционирования, активных пользователей сетей отличает стремление к самореализации в самых разных областях и сферах их жизнедеятельности. Причем актуальны не только материальные факторы успеха (достижение финансового благополучия, работа, бизнес), но и нематериальные – дружба, здоровье, семья, спорт. Их отметили свыше 50%

Таблица 18.7

Оценка пользователями социальных сетей уровня собственного материального благополучия и материального благополучия своей семьи, %

Вопросы и варианты ответа	Как часто пользуетесь социальными сетями?		
	Часто	Редко	Не пользуюсь
<i>А вообще Вы считаете свою семью семьей среднего класса?</i>			
Да	71	64	52
Нет	29	36	48
<i>А самого себя Вы считаете представителем среднего класса?</i>			
Да	69	64	49
Нет	31	36	51

респондентов — постоянных пользователей социальных сетей. У респондентов, не пользующихся Интернетом, примерно те же приоритеты, но менее выраженные. Возможно потому, что среди них преобладают люди немолодые, для которых многие жизненные цели, в отличие от молодежи, широко представленной в аудитории сети, либо уже достигнуты, либо уже не актуальны (любовь, образование, карьера, самореализация) (рис. 18.5).

В связи с этим возникает вопрос: может быть действительно никакой разницы в целеполагании и реализации жизненных практик между «партией Интернета» и «партией телевизора» нет, и отличает их лишь возраст, который и предопределяет жизненные установки рассматриваемых групп. Для проверки данной гипотезы из массива были удалены респонденты самой молодой когорты — 18–30 лет и самые старшие — от 50 до 60 и после 60 лет. Анализировались лишь респонденты средних возрастных групп — 30–50 лет, т.е. самая дееспособная часть населения. Как видно из рисунка 18.6, некоторые показатели, характеризующие ориентации респондентов в отношении разных жизненных стратегий несколько подравнялись. Речь прежде всего идет об актуальности в общей иерархии приоритетов работы, бизнеса и финансового благополучия. Более того, среднее поколение россиян, не включенное в социальные сети по этим позициям, несколько опередило представителей сетевого сообщества. Если у всех респондентов, не пользующихся социальными сетями, работа, бизнес занимают четвертое место, то

Рисунок 18.5. **Оценка важности личных предпочтений на сегодняшний день среди респондентов, ежедневно пользующихся соцсетями и не пользующихся ими совсем** (оценки по шкале от 1 – «не важно» до 5 – «очень важно»; приведены доли ответов «очень важно»). Упорядочено по разнице в доле ответов между респондентами двух групп), %

у 30–50-летних делит первое/второе, причем с существенным превышением (39% у всех против 70% у 30–50-летних). Зато представители сетевого сообщества в большей степени нацелены на нематериальные цели жизненного успеха (самореализация, любовь, образование, семья, здоровье, дружба и т.п.). Вероятно, это связано с тем, что к 30–50 годам многие из них имеют прочный материальный фундамент, позволяющий им существенно расширить горизонт целеполагания.

Особо хотелось бы отметить довольно высокий показатель опции «жить в более справедливом и разумно организованном обществе». Ее отметили 48% респондентов Сети и 57% не пользующихся Интернетом. Однако как только речь зашла о важности личного участия в создании того общества, энтузиазм респонден-

Рисунок 18.6. Оценка важности личных предпочтений на сегодняшний день различных сфер жизни среди респондентов в возрасте 30–50 лет, ежедневно пользующихся социальными сетями и не пользующихся ими совсем (оценки по шкале от 1 – «не важно» до 5 – «очень важно»; приведены доли ответов «очень важно». Упорядочено по разнице в доле ответов между респондентами двух групп), %

тов заметно поубавился. В перечне целеполагания позицию «быть полезным обществу, людям» отметили 33% пользователей социальных сетей и 27% респондентов, не имеющих доступа к Интернету. Практически идентичная картина наблюдается в возрастном диапазоне 30–50 лет. А участие в общественной и политической жизни вообще оказалось на последнем месте. Хотя 11% респондентов в активном возрасте, считающих важным для себя участие в политической и общественной жизни, – не такой уж плохой результат на фоне спада политической активности в стране.

Таким образом можно констатировать, что россиян, входящих в «сетевые сообщества», отличают некоторые специфические особенности от тех, кто не входит в него. Прежде всего речь идет о том, что, во-первых, они выступают носителями активных

социальных практик, имеют широкий круг интересов, материальные возможности их удовлетворения. Во-вторых, они в меньшей степени зависимы от государственных предпочтений. Во всяком случае, доля «самодостаточных» россиян, активно включенных в социальные сети (ежедневно или несколько раз в неделю), значительно, чем доля тех граждан страны, которые не могут обойтись без государственной поддержки. В данном случае речь идет о респондентах в возрасте 30–50 лет.

Но с другой стороны, жизненные стратегии и практики «сетевиков» лишь в незначительной степени ориентированы на достижение общего блага, на совместные солидарные действия, в том числе в политической сфере. Это аморфная, идеологически и политически неструктурированная часть «самодостаточных россиян», у которых нет общих ценностей и интересов. Уровень их общественного и политического участия, как показал опрос, столь же низок, что и у основной массы россиян.

Всплеск же их активизма, наблюдавшийся в 2011–2012 гг. оказался кратковременным прежде всего потому, что мода на протест, как и любая мода, оказалась недолговечной, причем не только в России. В предельно ироничной книге Д. Брукса «Бобо в раю: Откуда берется новая элита»¹⁶ автор пишет о новой американской элите, шутя называя ее «бобо» («богемная буржуазия»). Бобо – некий собирательный образ образованной, обеспеченной, социальной адаптированной молодежи, в идентичности которого гармонично уживается антиправительственный пафос с типично республиканским принципом неограниченной свободы предпринимательства, когда максимальная свобода, юношеский максимализм в заявлениях сочетаются с конформизмом и системностью поведения. Похоже, применительно к некоторой, причем весьма значительной части российского «сетевого сообщества», это относится в полной мере. Прежде всего в плане его политической индифферентности.

Во всяком случае, как видно из нижеприведенных данных, у активных участников социальных сетей (пользующихся ежедневно или несколько раз в неделю) интерес к политике ниже, причем значительно, чем у респондентов, ими не пользующихся вовсе. Постоянно следят за событиями в стране 24–25% «сетевых людей», еще 36% – «факультативно», в то время как пользующихся тради-

¹⁶ Брукс Д. Бобо в раю: Откуда берется новая элита // М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. С. 121.

ционными источниками информации 34% и 41% соответственно. Не интересующихся же политикой среди первых – более трети (37%), а среди вторых – лишь четверть (24%). Непосредственное же, личное участие в деятельности политических партий, митингах и демонстрациях характерно для крайне незначительного числа россиян (1–2%) (табл.18.8).

Также не прослеживается заметных отличий в уровне гражданского неполитического активизма между респондентами, включенными и не включенными в социальные сети. Разница составляет буквально 1–2%. Единственное исключение – интернет-сообщества, в которых в последние год-два участвовали 13% активных посетителей социальных сетей. Тогда как в деятельности профсоюзов и волонтерских движениях участвовали 6%, благотворительных организаций и органов местного самоуправления по 5% (табл. 18.9). При этом не следует забывать, что тематика интернет-сообществ может быть самой разнообразной, не обязательно социально или политически ориентированной, и главное – они редко ориентированы на практический результат, скорее, это группы по интересам.

Таблица 18.8

**Проявление интереса к политике в зависимости от частоты
пользования социальными сетями, %**

Варианты ответа	Среди всех опрошенных	Пользуются социальными сетями				
		Ежедневно	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Несколько раз в год	Вообще не пользуются
Внимательно следят за информацией о политических событиях в стране	29	25	24	29	21	34
Внимательно за информацией о политических событиях не следят, но изредка обсуждают их с друзьями, родственниками	40	36	45	37	46	41
Лично участвуют в течение последнего года в политической деятельности (в работе политических партий, митингах, демонстрациях, забастовках)	2	2	1	2	1	1
Политикой не интересуются	30	37	30	33	31	24

Таблица 18.9

Уровень вовлечения пользователей социальных сетей в деятельность различных общественных организаций, %

Варианты ответа	Все опрошенные	Пользуются социальными сетями		
		Часто	Редко	Не пользуются
Интернет-сообщества	7	13	6	1
Местное самоуправление, ТСЖ	6	5	8	6
Профсоюзы	5	6	4	4
Социальные волонтерские движения (помощь пострадавшим при пожарах, наводнениях)	4	6	3	2
Благотворительные организации	4	5	3	2
Экологические организации	2	3	3	1
Общества защиты прав потребителей	2	2	1	1
Объединения по защите памятников культуры, архитектуры и т.п.	2	2	2	1
Религиозные организации	2	1	2	3
Правозащитные организации	1	1	2	1
Другое (отряды самообороны, спортивные объединения)	1	1	0	0
Не приходилось участвовать в перечисленных организациях, объединениях и сообществах	77	71	79	84

По данным исследования Института социологии РАН, проведенного весной 2014 г.¹⁷, очень небольшая доля граждан использует Интернет для достижения практических, тем более социально значимых целей: только 5% привлекает в социальных сетях возможность участия в общественных акциях, 2% — участие в политических инициативах. Выстраивание коммуникаций по интересам, поиск единомышленников или собеседников, до которых можно было бы донести свое мнение, представляет интерес для сравнительно небольшого числа наших сограждан (9–12%).

¹⁷ В марте 2014 г. Институтом социологии РАН в сотрудничестве с некоммерческим фондом ИСЭПИ по репрезентативной выборке в 1600 человек было проведен общероссийский социологический опрос «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия».

Авторы доклада «Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя. Отчет о результатах исследования активизма в России» также обращают внимание на то, что интернет-участие в России сегодня строится по принципу 90–9–1, когда не более 1% граждан будут создавать новый контент, 9% будут на него активно реагировать (распространять или комментировать новую информацию), тогда как 90% в лучшем случае знакомиться¹⁸. Интернет-участие, как и off-line инициативность, выстраивается вокруг фигур единичных пассионариев и энтузиастов. Соответственно в ситуации, когда активистское «ядро» составляет в структуре населения не более 5%, нельзя ожидать от Интернета невероятного всплеска интереса к низовой самоорганизации. Напротив, многие интернет-инициативы способствуют распылению активизма, ведь часто номинальная вовлеченность в интернет-активность есть лишь имитация гражданской инициативности («арабская весна» даже породила мем “like is not action” – «поставить лайк – не значить действовать»).

Есть и другой аспект коммуникации в рамках интернет-сообществ – общение, как правило, среди единомышленников в пределах идейно ограниченной группы. Как пишет П. Биргер¹⁹, ссылаясь на исследование Мичиганского университета, носители конкретных идеологических взглядов склонны отдавать предпочтение информации, публикуемой идейно близкими ресурсами либо пользователями социальных сетей схожих идейных установок: «консерваторы и либералы предпочитают себе подобных», так что «до пользователя с четкими политическими взглядами доходит не больше 40% «оппозиционных ссылок», что означает, что сторонники конкретных идейных взглядов редко выходят «за пределы» собственной повестки.

В нашей стране «окукливание» идейных меньшинств, сопровождается идейно-политической аморфностью большинства «сетевого сообщества»: 68% активных пользователей социальных сетей признались в ходе опроса, что они не имеют отчетливо выраженных

¹⁸ Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя. Отчет о результатах исследования активизма в России / Центр гражданского анализа и независимых исследований, 2012. С. 25 [Электронный ресурс] // http://www.president-sovet.ru/structure/group_detst/materials/%D0%BD%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%BC.pdf (дата обращения: 17.07.2015).

¹⁹ Биргер П. Почему Facebook знает вас лучше, чем ваши родные (дата обращения: 17.07.2015).

политических взглядов. И это понятно, поскольку, как уже отмечалось, лишь треть пользователей внимательно следят за политическими событиями в стране. А среди тех, кто определился с политическими предпочтениями, сегодня мало тем, по которым возможен диалог с политическими оппонентами. Еще два года назад авангард российского оппозиционного движения был лево-либеральным, но «Крым» серьезно развел два этих лагеря, в том числе и в интернет-дискуссиях. В последнее время идейное размежевание левых, либералов, националистов в социальных сетях только усилилось.

Применительно же к большинству «умеренно виртуально активных» граждан можно, пожалуй, говорить о *«пост-крымском» уходе не просто из сетей, но из той самой «партии Интернета» (именно из активистского сегмента интернет-пользователей) во «внутреннюю сетевую миграцию»*. Причины ухода – как внутренние, так и внешние. Если внутренние причины сокращения виртуальной активности части аудитории можно связать с переориентацией многих на реальные проблемы обеспечения материального благополучия себя и своей семьи в условиях экономического кризиса, то внешние причины обусловлены резкой радикализацией интернет-дискурса. «После Крыма» «партия Интернета» не только раскололась на сторонников и противников его воссоединения с Россией, но и оказалась в ситуации дефицита собственной повестки.

Именно радикализация позиций по «украинскому вопросу» многих знаковых фигур Интернета, яростная, доходящая до взаимных оскорблений полемика в сети отвернула многих ее пользователей. Тем более, что *повышенный уровень оппозиционности участников социальных сетей не более чем миф. Пользователи социальных сетей по уровню поддержки власти не сильно отличаются от политически «массового» пользователя Интернета и не пользующего им вовсе*. Так, среди активных участников социальных сетей подавляющее большинство (90%) в той или иной степени поддерживают деятельность В.В. Путина на посту президента Российской Федерации. Причем больше половины (57%) поддерживают деятельность президента РФ полностью (табл. 18.10). А это означает, что *протестные группы в социальных сетях, консолидирующие вокруг себя последовательных критиков власти, сегодня не способны изменить установки довольно многочисленных сторонников действующей власти*.

Спустя три года после имевших место протестных акций в Москве совершенно очевидно, что «партии Интернета» не только

Таблица 18.10

Уровень поддержки деятельности В.В. Путина на посту президента среди тех, кто участвует и не участвует в социальных сетях, %

Варианты ответа	Все опрошенные	Пользуются социальными сетями		
		Часто	Редко	Не пользуются
Поддерживают	58	57	56	60
Отчасти поддерживают, отчасти нет	32	33	34	31
Не поддерживают	7	7	8	6
Не ответили	3	3	2	3

нечего предъявить власти, но по сути своей такая партия либо так и не сложилась, либо распалась под влиянием «посткрымского» консенсуса. События в Крыму и на востоке Украины, как писал Ф. Крашенинников, стерли «границы между лоялистами, воспитанными телевизором, и оппозицией, выращенной в Интернете»²⁰ — левонационалистический фланг оппозиции нашел в пост-крымском консервативном консенсусе созвучные своей повестке мотивы народного восстания, многие бывшие критики власти поддержали борьбу власти «за интересы русских и русскоязычных».

Кроме того, и это зафиксировал данный опрос, *далеко не все пользователи Интернета ощущают виртуальное пространство жизненно важной средой обитания*. С одной стороны, большинство интернет-пользователей (даже и консервативных настроений) сегодня действительно очень трепетно относятся к своему праву на свободное использование интернет-ресурсов и общение в социальных сетях. Право на свободный доступ к информации для них — непреложная ценность. По данным настоящего исследования, более половины (58%) пользователей Интернета заявили о том, что они не готовы пойти на ограничение собственной свободы на информацию. Даже если этого требует укрепление положения страны и ее самостоятельного статуса на международной арене.

Но с другой стороны, несмотря на нежелание большинства интернет-пользователей расстаться с правом на свободу информации, в данном вопросе вновь свое подтверждение находят слова о постепенном растворении «партии Интернета» в массовом

²⁰ Рунет перестал быть цитаделью оппозиции // URA.ru. 26.07.2014. <http://ura.ru/content/svrd/26-07-2014/articles/1036262594.html> (дата обращения: 17.07.2015).

обывателе, использующем Интернет как средство развлечения, но не поиска объективной информации или ресурса организации коллективного действия. И многие из таких интернет-обывателей, как показал опрос, готовы принять ограничение свободного доступа в Интернет в марте 2015 г., т.е. уже после блокировки ряда оппозиционных ресурсов, отказаться от свободного пользования Интернетом были готовы 34% активных пользователей социальных сетей. Настоящих защитников свободы информации и слова оказалось меньше — всего 24%. То есть лишь чуть менее четверти активных пользователей Интернета, которые регулярно используют Интернет, не готовы согласиться с ужесточением государственного контроля за деятельностью СМИ и Интернета. «Схлопывание» предпосылок для Facebook-революции в России есть следствие не столько ограничений свободы информации в России, сколько отсутствия массовой потребности россиян в такой свободе. Мы имеем дело с осознанным согласием многих граждан принять удобную власти новостную картинку, согласиться на ограничение информации в обмен на гарантии относительно сытой стабильности.

К заключению:

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Как отмечалось в предисловии, программой второй «волны» социологического мониторинга предусматривалось исследование влияния на состояние и динамику массового сознания и поведения россиян как ситуативных, контекстных, так и базисных факторов. В связи с этим будет целесообразно представить в основных выводах, вытекающих из анализа результатов проведенного исследования, глубину и масштаб воздействия на количественно-качественные характеристики российского социума факторов обоих типов, получивших доминирующее значение весной 2015 г.

Вывод первый. Как показывают результаты настоящего исследования, если в 2014 г. именно внешнеполитическая повестка дня определяла и умонастроения россиян, и их отношение к власти, отодвинув на второй план традиционные заботы, связанные с социальными и экономическими проблемами, то в первые месяцы 2015 г. восприятие россиянами ситуации в стране стало меняться. Прежде всего, это происходило под влиянием экономического кризиса, а также последствий введенных против России санкций и встречных антизападных санкций, введенных Россией. И хотя явно не сбылись многочисленные прогнозы, согласно которым к весне 2015 г. страна подойдет в состоянии экономической разрухи и социальной депрессии, в обществе усилились тревожные настроения. Однако выявленные сдвиги в психоэмоциональном состоянии населения произошли за счет основной массы граждан, имеющих либо уравновешенное, либо тревожно-напряженное самочувствие, и практически не затронули группу людей, которые почти все общественные ситуации в стране воспринимают через «катастрофическое сознание». Аналогичные процессы в колебаниях социально-психологического состояния общества наблюдались и в кризисные 2008–2009 гг.

Вывод второй. Наиболее распространенной формой воздействия нынешнего экономического кризиса на повседнев-

ную жизнь россиян, как и в двух предыдущих кризисах, стал рост цен. Он затронул гораздо большую часть населения, чем кризис 2008–2009 гг. и оказался сопоставим по своей болезненности в этом отношении с ситуацией 1998–1999 гг. Достаточно широко (хотя и в меньшей степени, чем в предыдущий кризис) оказались распространены среди населения страны к весне 2015 г. и разного рода проблемы по месту работы, прежде всего — сокращение заработной платы. Однако если ситуация с ростом цен воспринимается населением в условиях нынешнего кризиса острее, чем в прошлый, то проблемы на работе затронули относительно меньшую часть россиян, чем шесть лет назад. Тем не менее, страх безработицы в период осень 2014 г. — весна 2015 г. оставался одной из основных «болевых точек» российского общества, традиционно актуализируясь при любых кризисных явлениях в отечественной экономике. Подобный страх в условиях низких показателей увольнений и реальной безработицы можно объяснить только панической боязнью остаться без средств к существованию при минимальном размере пособий по безработице, с одной стороны, и отсутствии у большинства россиян сбережений, позволяющих прожить до нахождения новой работы — с другой.

Последствия кризиса, связанные с незанятостью, по-разному проявляются у разных групп населения. Так, в составе молодежной группы до 25 лет, среди которой максимальна доля незанятых (без видимых к тому причин — около 10%), то на ней кризис сказался, как это ни парадоксально, относительно мало. Что же касается лиц предпенсионного и раннего пенсионного возраста, то для них потеря работы в результате кризиса гораздо чаще, чем для всех остальных, ведет не к поиску новой работы, а к полному выпадению из экономической активности.

Вместе с тем наиболее важным последствием кризиса, учитываемая занятость россиян, стало не увеличение безработицы, а дальнейшее изменение взаимоотношений работодателей и работников со смещением «баланса сил» в этих отношениях в пользу работодателей. Если же вести речь о размерах заработных плат, то в условиях нынешнего кризиса произошло опережающее падение доходов в группах, относящихся к индустриальному сектору экономики, а также у рядовых работников торговли и бытового обслуживания. А вот что касается продолжительности рабочего времени, то повышенная трудовая нагрузка также стала чаще присуща работникам индустриального сектора экономики, особенно рабочим (рабочие

промышленности, строительства и т.п. имели весной 2015 г. продолжительность рабочей недели более 40 часов).

Как вытекает из анализа результатов исследования, еще одним направлением наступления работодателей на права трудящихся, причем под предлогом кризиса, выступает ущемление социальных и экономических прав работников, предусмотренных российским законодательством. «Вписанность» производственной деятельности россиян в правовое поле и следующая из этого степень их социальной защищенности с годами уменьшаются, а кризис 2014–2015 гг. придал данному тренду дополнительный импульс. В настоящее время вне правового поля и предусмотренных российским законодательством социальных гарантий в той или иной степени находятся 50% работающих россиян, хотя еще год назад данный показатель составлял 44%. Фактически же о соблюдении предусмотренных российским законодательством прав работников как о действующей норме можно говорить в современной России лишь применительно к профессионалам госсектора, особенно проживающим в столичных городах. Однако и на государственных предприятиях ситуация далека от идеальной и имеет тенденцию к ухудшению.

Выявленные в ходе мониторинга тенденции, усилившиеся под влиянием экономического кризиса 2014–2015 гг. (падение заработной платы на фоне роста цен; увеличение трудовых нагрузок работников в условиях сокращения экономической активности предприятий и начавшихся увольнений, особенно в частном секторе; заметный рост несоблюдения предусмотренных законом прав работников) говорят о том, что отечественный бизнес использовал в значительной степени ситуацию кризиса и нарастания внешних для страны угроз в своих целях. Преодоление подобных негативных тенденций требует активного государственного вмешательства, прежде всего — в форме усиления контроля за соблюдением трудового законодательства на предприятиях частного сектора.

Вывод третий. Анализ специфики состояния в условиях кризиса представителей различных профессиональных групп с точки зрения их доходов и материального положения свидетельствует: в самой худшей ситуации по сравнению с другими профессиональными группами оказываются работники торговли и бытового обслуживания, а также низкоквалифицированные работники. В свою очередь, наиболее позитивной ситуацией характеризуются высококвалифицированные «белые воротнички» с высшим образованием. Однако кризис, так или иначе, негативно сказался на материальном положении всех профессиональных групп. Так, доля

тех, кто отмечает ухудшение своего положения за прошедший год, во всех группах превышает долю тех, кто отмечает его улучшение.

Оценка положения профессиональных групп на рынке труда позволяет говорить о наличии значительных различий в степени социально-экономической защищенности их представителей на рабочем месте. Если большинство «белых воротничков» обладают на рабочем месте всеми видами социально-экономических гарантий, то среди рабочих эта доля снижается менее чем до половины, а значительная часть рядовых работников торговли и бытового обслуживания вообще оказывается за пределами правового поля, регулирующего трудовые отношения. Скорее всего, с этим связана и разная уверенность в стабильности своего положения на рынке труда у представителей различных групп. С осени 2014 г. по весну 2015 г. такая уверенность снизилась во всех профессиональных группах, однако наиболее уверенно продолжали чувствовать себя в данном отношении «белые воротнички» с высшим образованием, а также предприниматели и самозанятые. В свою очередь, наиболее нестабильным ощущали свое положение на рынке труда низкоквалифицированные рабочие и рядовые работники торговли и бытового обслуживания.

Исследование выявило у представителей разных профессиональных групп и различия в стратегии адаптации в новых условиях, связанные с диверсификацией трудовых доходов: при том, что разовые приработки в настоящее время являются более распространенной стратегией во всех профессиональных группах, чем совместительство, они в большей степени свойственны рабочим, в то время как «белые воротнички» с высшим образованием относительно чаще, чем представители других групп, прибегают к практике совместительства.

Примечательно, что ситуация работников торговли и бытового обслуживания по целому ряду параметров демонстрировала наибольшую нестабильность и подверженность негативной динамике. Несмотря на то, что формально они относятся к работникам нефизического труда, фактически рабочие высокой и даже средней квалификации по сравнению с ними зачастую характеризуются лучшим и более стабильным положением. Это говорит об объективной близости работников торговли и бытового обслуживания в социальной структуре российского общества к низкоквалифицированным рабочим.

Вывод четвертый. Вопреки умозрительным предположениям, российский средний класс в период наиболее острой фазы кризи-

са не изменил своей численности (оставаясь в пределах 40–42%). Объясняется это тем, что к весне 2015 г. кризис в большей степени отразился на потреблении, чем на структурных позициях населения на рынке труда. Но и на потреблении он отразился не настолько серьезно, чтобы повлиять на средние слои общества. Можно сказать, что средний класс стал жить в массе своей несколько хуже, но не настолько, чтобы перестать от этого быть средним классом. В социально-психологическом отношении представители среднего класса разделяют общий настрой населения страны. Что же касается их собственного положения, то представители среднего класса чувствуют себя в нынешней ситуации более уверенно, чем остальное население — они более позитивно оценивают свое материальное положение и уверены в своих силах и возможностях обеспечить себя и свою семью. И это не случайно — положение среднего класса даже в кризисных условиях остается более устойчивым и стабильным, чем положение россиян, не входящих в его состав. Однако при усилении негативных тенденций в развитии страны и более глубоком влиянии кризиса на рынок труда данная ситуация может измениться.

Вывод пятый. Кризисные финансово-экономические явления 2014–2015 гг. наиболее негативно отразились на жизни жителей Москвы и Санкт-Петербурга, россиян средних возрастов, которые выступают основными участниками рынка труда и тех, чьи домохозяйства отличаются высокой иждивенческой нагрузкой. Главную роль при этом опять-таки сыграли рост цен и изменения в сфере занятости. Причем кризис не стал, как ожидалось, толчком к перестройке экономической системы страны с «проседанием» тех сегментов рынка труда, которые являются наименее эффективными для новой модели экономики. Он лишь послужил поводом для локальных корректировок ситуации отдельных социальных групп, которые в целом были осуществлены в интересах работодателей. За счет этого в сельской местности в большей степени повысилась интенсивность труда занятых при сокращении общего количества рабочих мест, а в Москве и Санкт-Петербурге опережающими темпами прошло сокращение зарплат. С увольнениями же столкнулись прежде всего представители «неудобной» для работодателей в силу их личной ситуации рабочей силы — россияне старших возрастов, а также имеющие в составе своих домохозяйств иждивенцев, которые требуют дополнительного ухода.

Как зафиксировало исследование, субъективное восприятие собственного положения в условиях кризиса у россиян находится

в определенном противоречии с его объективным состоянием. Так, сельские жители более пессимистичны и ожидают ухудшения своего положения, хотя с точки зрения своих доходов пострадали не сильнее остальных россиян. В то же время жители Москвы и Санкт-Петербурга, несмотря на относительно большее, чем у других групп, падение доходов, скорее, с оптимизмом воспринимают собственные перспективы. Молодежь также не склонна усугублять проблемы, с которыми ей приходится сталкиваться, хотя данные проблемы затрагивают ее по крайней мере не меньше, чем остальных россиян.

Однако если учесть динамику ситуации у разных групп в сфере занятости, то подобные противоречия исчезают. Так, именно в селах динамика увольнений носит наиболее драматический характер, а новые рабочие места в них, судя по всему, несмотря на задачу импортозамещения, появляются медленно. Это не может не способствовать формированию в сельской местности пессимистических настроений. В то же время две российские столицы проблемы с занятостью затронули в меньшей степени, что способствовало сохранению оптимизма их жителей. Молодежь же, несмотря на то, что кризис во всех своих проявлениях затронул ее не меньше, чем другие возрастные группы, в массе своей относительно легче находит для себя работу даже в этих условиях, а потому оптимистичнее воспринимает и свои перспективы. Все это говорит о том, что на пессимистические настроения россиян проблемы с работой влияют сильнее, чем текущие изменения доходов. А это, в свою очередь, означает, что модель максимального поддержания занятости с падением доходов, работающих как типичная для России форма реагирования экономики на кризис, вполне оправдана — по крайней мере, с точки зрения облегчения последствий кризиса для населения и сохранения в стране социальной стабильности.

Вывод шестой. Поскольку социально-политическая ситуация в стране весной 2015 г. оказалась достаточно напряженной, то и умонастроения всех социально-демографических групп отличались большей, чем обычно, тревожностью. Однако и признаков паники в социальных «нишах» общества на этом фоне не возникало. Кризисная фаза октября 2014 г. — марта 2015 г. не продемонстрировала той глубины, которая стимулировала бы дополнительное социальное напряжение, готовое вылиться в протестные настроения и действия. Более того, в связи с консолидацией нации и массовым ростом патриотизма в условиях антироссийских санкций и поведения западных политических лидеров в период

празднования 70-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, а также при относительной мягкости потерь в период кризиса, в различных группах населения стали проявляться зачатки новых культурных образцов, ориентированных на мобилизацию собственных ресурсов ради общего блага. Очагами локализации такого «ренессанса патриотизма» выступили Москва и Санкт-Петербург, а основными его носителями — россияне средних лет из числа тех жителей, кто обладает достаточными ресурсами, чтобы абстрагироваться от собственных проблем и включить в свои приоритеты общенациональные задачи.

Вывод седьмой. В ходе кризиса, вызванного санкциями ведущих западных стран и ответными действиями России, отчетливо проявилась амбивалентная природа институционального доверия. По большому счету и само понятие доверия осмысливается именно во временном контексте, когда у каждого из участников взаимодействия есть возможность убедиться как в обоснованности доверия к другому, так и в оправданности такого отношения для себя.

Как показали результаты исследования, в российском обществе сформировались достаточно устойчивые зоны институционального доверия и недоверия. Зону доверия образуют институты, чья деятельность воспринимается россиянами как забота об общем благе и ассоциируется с представлениями о целостности, единстве, стабильности и безопасности. Именно такой смысл наши сограждане приписывают институту президентства, армии и православной церкви. Зону недоверия образуют институты, чья деятельность ассоциируется с реализацией частных — групповых, территориальных, отраслевых, партийных — интересов. При этом доверие институтам, образующим срединную зону, является наиболее неустойчивым, испытывающим сильное влияние текущих событий и процессов.

Выбор в пользу «державных», «опорных» институтов позволяет охарактеризовать институциональное доверие, существующее в российском обществе, не только как иерархическое, но и как холистическое, что в известной степени «компенсирует» его неравномерное распределение среди населения. Снижение уровня доверия к большинству государственных институтов отмечено, прежде всего, среди социально активных и ресурсных групп населения — молодежи, материально обеспеченных самодостаточных граждан. Однако проявление рациональных компонентов институционального доверия все-таки дает надежду с оптимизмом смотреть на роста доверия в обществе в целом.

Вывод восьмой. Относительно состояния современного российского гражданского активизма результаты исследования позволяют утверждать: он имеет потенциал развития и прежде всего потому, что приобретает черты субъектности. Основными его «носителями» являются люди с активной позицией в отношении собственной жизни и собственного будущего, имеющие амбиции в самых разных сферах жизни (особенно в образовании, самореализации, социальных коммуникациях, стремлении жить в справедливом и разумно устроенном обществе), ориентированные на неконформизм, инициативность и предприимчивость, готовность к борьбе за свои права и перемены в жизни. А это очень важно, учитывая наличие интеллектуальной среды, в которой рождаются новаторские и стратегические идеи, вырастают политические деятели и высококлассные управленцы, способные к дальнейшей осмысленной демократизации общества.

Поэтому ключевым направлением современного этапа развития российской демократии является развитие многообразных форм самоорганизации, политического участия, призванных запускать и поддерживать в надлежащем тоне механизм перевода частных, групповых (зачастую трудно сочетаемых друг с другом), интересов наших сограждан на язык общезначимых проблем. Для этого необходимо на наглядных примерах регулярно показывать эффективность демократии и ее институтов, их способность оказывать влияние на происходящие в стране процессы.

Конечно, нельзя не замечать и того, что фиксируют данные исследования: уровень реального политического участия граждан в последнее время практически не растет. Как и в предыдущие годы, уровень личного участия в политической жизни составляет на весну 2015 г. не более 1%. Но в современном обществе массовость участия уже не является определяющим фактором зрелости гражданского общества и эффективности функционирования гражданских институтов. Напомним, что на рубеже 80–90-х гг. именно небольшие объединения «неформалов» дали России целую плеяду известных ныне общественных и политических деятелей. И сегодня структуры гражданского общества выступают триггером многих общественных инициатив, а также своеобразной «кузницей кадров» неизбежной уже в ближайшее время ротации общественной и политической элиты в России. Важным с этой точки зрения представляется уровень социального активизма молодежи в возрасте 18–30 лет, несколько превышающий показатели других возрастных групп. 16% представителей данной группы заяви-

ли о своем участии в интернет сообществах, 7% — в деятельности волонтерских движений, по 4% в экологических и благотворительных организациях.

Вывод девятый. Исследование высветило непреложную истину: кризис кризисом, а ранее сложившиеся предпосылки к развитию важных общественных тенденций пробивают себе дорогу. В настоящее время в России утверждаются широкие возможности для гражданской самоорганизации на базе интернет-коммуникации. Под влиянием расширяющегося доступа к ней действиями гражданских активистов создается целая сеть многообразных ресурсов, направленных на развитие практик низовой солидарности. Все активнее используют механизмы «электронной демократии» власти разного уровня, инициируя создание разнообразных площадок гражданского участия и непосредственного общения с населением. Исследование выявило также определенную корреляцию между включенностью граждан в разнообразные каналы коммуникации и их жизненными стратегиями, социальными и политическими практиками.

В то же время в пространстве виртуальной коммуникации «партия Интернета» растворилась в консервативном большинстве, активно осваивающем Интернет. За последние несколько лет Интернет из выделенного пространства коммуникации, свободного поиска и получения информации превратился в массовый развлекательный ресурс. Вместе с тем сохранилась прослойка виртуально активных самодостаточных россиян, которые имеют весьма критический взгляд на окружающую социально-политическую реальность.

В целом социальные сети в России, став серьезным средством коммуникации, в том числе гражданских активистов, вопреки расхожим представлениям, значительного влияния на их гражданскую или политическую самоорганизацию пока не оказывают. Доля граждански и политически мотивированных активистов среди пользователей социальных сетей сегодня минимальна — не более 7%. Всех же остальных интересует в первую очередь возможность общаться и обмениваться мнениями, получать доступ к оперативной информации, новостям и просто развлекаться. В связи с этим можно говорить о тенденции складывания виртуальных «слабых сетей» — групп интересов и единомышленников, что, безусловно, имеет важное значение, но вести речь о социальных сетях как ключевом триггере общественного и политического активизма пока не приходится.

Вывод десятый. Осмысление результатов второй «волны» мониторинга, несмотря на важность анализа кризисного состояния российского социума, возвращают нас к необходимости дальнейшего продвижения общества по пути социокультурной модернизации. Речь идет о переходе к качественно новому экономическому и политическому типу общественного устройства, формировании определенных характеристик социального активизма, которые как неотъемлемую часть включают в себя опору на рациональный тип мышления и внутренний локус контроля, высокий уровень межличностного доверия, толерантность к социальному разнообразию, секулярность. Необходимы ценности, поддерживающие структуры гражданского общества и модернизационные ориентации — достижение, ответственность, готовность к риску, политическую активность. Известно, что в качестве культурных образцов, обеспечивающих продвижение или отставание России по пути модернизационного развития, выступают исторически укорененные ценности, символы, смыслы, стереотипы социального взаимодействия, «программирующие» поведение членов общества не только на уровне повседневности, но и определяющие характер их политических и экономических установок и ориентаций. В связи с этим обращает на себя внимание, что, несмотря на то, что традиционные ценности достаточно широко распространены среди россиян, тем не менее, фундаментальные основы этнической традиционной культуры сильно деформированы. В особенности это относится к тем традиционно-культурным ценностным основаниям, которые связаны с опытом общественной кооперации и сотрудничества. Так, в процессе изучения ценностных оснований русской этнической идентичности ведущими, наиболее востребованными ценностями оказались те, которые отражают дефицит основополагающих норм социального взаимодействия — уважение друг к другу, честность, взаимопомощь. И в этом проявляется общая тенденция — сегодня русским недостает простых и основополагающих ценностей сложившейся культуры, отражающих нормы мирного общежития, основы общества как такового.

Исследование позволяет прояснить еще один важный момент. Те желаемые качества русских, которые были выявлены как недостающие, указывают на свою смысловую противоположность — на качества, которые у русских присутствуют «в избытке», но, возможно, не вполне осознаются как «свои». Поскольку сегодня русские ощущают дефицит взаимного уважения, честности и взаимопомощи, то это с очевидностью указывает на то, что на неосознаваемом

уровне ими в полной мере ощущаются противоположные негативные качества («анти-ценности») – неуважение друг к другу, нечестность, отсутствие взаимопомощи, которые свидетельствуют о том, что в повседневных практиках современных россиян присутствует опыт разрыва социальных связей и межличностного доверия.

Переживаемый русскими дефицит связей общественной кооперации и честного сотрудничества, основанных на взаимном уважении и поддержке, указывает на те ценностные основания повседневной этнической культуры, которые были сильно искажены и деформированы в период революционных и советских преобразований XX в. Между тем именно эти ценности (уважение друг к другу, честность, взаимопомощь) можно рассматривать как мотивационный каркас, обеспечивающий формирование модернизационных установок. Характерные для текущего периода высокие показатели патриотизма и этнической солидарности в известной мере реализуют потребность россиян в тесных социальных связях, построенных на взаимной поддержке и уважении.

Вывод одиннадцатый. Как показывает исследование, стабильно высокий на протяжении последних лет уровень доверия к церкви как институту отражает и его легитимность, и высокую степень общественных ожиданий, связанных с церковью. Нахождение ее в лидерах общественного доверия, вслед за верховной властью и армией, обладающих самым высоким уровнем поддержки россиян, еще раз подтверждает устойчивость данных институтов как оптимальных для обеспечения выживаемости и развития российского общества. Авторитет церкви и других религиозных организаций связан с социально-значимыми, морально-нравственными, историческими и культурно-идентичностными аспектами, тогда как политическая проекция религиозной деятельности россиянами не воспринимается в качестве конструктивной.

Высокий авторитет и признание социально-значимой роли церкви и религиозных организаций как институтов связан с пониманием влияния религии и религиозных организаций на человека и общество. Приоритетными в массовом сознании россиян являются духовно-нравственная, солидаристская, культурная сферы, а также сфера человеческой персональности сквозь призму смысла жизни, помощи и утешения. Проблема религии и политики в массовом сознании либо не присутствует, либо наличествует на периферии в очень усеченном инструментальном контексте использования политиками религии в своих целях.

В массовом сознании представителей всех религиозно-мировоззренческих групп наличествует четкое разделение между религиозными организациями как институтами и религиозными лидерами. Если за первыми признается консолидирующая роль, то, несмотря на глобальную тенденцию повышения роли религиозных лидеров как субъектов политики, россияне не воспринимают их мнение как авторитетное при оценке общественных и политических событий.

Увеличение количества посещающих церковь и другие религиозные собрания в свободное время, расширение их социальной базы свидетельствуют как о повышении значимости церковно-религиозного измерения для личной и общественной жизни, так и о потребности в формах солидарностей, альтернативных политическим. Участие в деятельности религиозных организаций пока не является распространенной практикой, однако институционализированные формы общественной активности и гражданского участия, прежде всего в социально-значимых формах, представляются востребованными в параметрах «общего дела».

Ценностный ракурс воздействия религиозного фактора на социально-политические трансформации российского общества отражает амортизирующий, солидаристский и гуманизирующий потенциал традиционных российских конфессий. Специфика восприятия россиянами роли религии и религиозной веры, институциональная роль церкви как обеспечивающей социальную устойчивость, признание ее социально-значимой роли и морально-нравственного авторитета, ценностные приоритеты приверженцев российских традиционных религий в значительной степени определяют в настоящее время границы и формы воздействия религиозно-мировоззренческого фактора на социально-политические преобразования в России.

Несмотря на глобальный характер угрозы исламского экстремизма, российские граждане ее не воспринимают в качестве приоритетной, что свидетельствует о глубинном понимании устойчивости социальной ткани в России как многоконфессиональной стране и устойчивости российского цивилизационного фундамента, одним из параметров которого является православно-мусульманский диалог и взаимопроникновение культур. Поэтому и в оценке институционально-нормативного статуса среди приверженцев традиционных российских конфессий доминирует признание равноправия перед законом различных религий и религиозных организаций при некотором признании особой роли Русской Православной Церкви, что не вызывает конфликта.

Вывод двенадцатый. Проблема взаимоотношения светского и религиозного преломляется в восприятии иерархии институциональных атрибутов демократии, в определении приоритетности светских прав и свобод или основ сакральных традиций. В столкновениях свободы, нравственных интенций и поисков справедливости россияне выбирают последнее в проекции равенство всех перед законом, что обеспечивает и конструктивные формы преодоления отмеченных противоречий. Свобода вероисповедания не является доминирующим признаком демократии в сознании россиян, что свидетельствует в том числе и об умиротворенном мировоззренческом климате, а между свободой печати и недопустимости оскорбления чувств верующих подавляющее большинство наших сограждан выбирают второе. И это рассматривается как необходимое условие для обеспечения межконфессионального мира и национального согласия.

Поиск новых форм диалога между религиозными идентичностями и светскими, определение ценностной основы для такого диалога актуализирует вопрос о пересмотре границ принципа светскости. Крайняя форма светскости поддерживается третьей россиян, тогда как большинство считает нужной и позитивной социальную деятельность религиозных организаций, в первую очередь в духовно-нравственной сфере, в сфере милосердия и благотворительности, сфере культуры и сохранения культурного наследия. Исключение составляет сфера политики, которая должна оставаться свободной от вмешательства религиозных организаций. Негативное влияние религии наиболее ярко воспринимается в связи с опасностью экстремизма, тогда как вмешательство религиозных организаций в сферы науки и образования не вызывает у россиян опасений.

Государственно-конфессиональные отношения определяют формы присутствия религии и религиозных организаций в политической структуре общества, вплоть до конституционно оформленных, отражая логику и философию как государственной политики по отношению к религиозным организациям, так и место и роль религиозных организаций в структуре гражданской организации жизни. Нормативно оформляемые и законодательно закрепляемые, такие взаимоотношения ставят вопрос о соотношении подвижного и консервативного в общественном развитии и государственном строительстве, в диалоге между светским и религиозным сегментами общества. Несмотря на повышенную остроту современных дискуссий о роли религиозного фактора

в социально-политическом процессе, на трагичность международных политических практик, в России он может выступать фактором социальной стабилизации, что предопределяет поиск новых форм взаимоотношений государства и религиозных организаций, исходя из вызовов современности и потребностей общества.

Вывод тринадцатый. Как убедительно демонстрирует вторая «волна» общероссийского социологического мониторинга, общественная консолидация вокруг президента России и национально-патриотических ценностей сопровождается и другим процессом. Российский социум довольно динамично по историческим меркам движется в сторону современного потребительского общества, в котором зависимость населения от власти постепенно снижается, а личные, индивидуальные интересы начинают превалировать над общественными. Так, доля тех, кто безусловно нуждается в поддержке государства, снизилась с 66% в 2011 г. до 56% в 2014 г., и на те же 10% выросло число тех, кто рассчитывает на свои собственные силы – с 34% до 44%. При этом самое поразительное, что доля «самодостаточных россиян» не претерпела изменений с осени 2014 г. до марта 2015 г. (также 44%) – в период, на который, по оценке В. Путина, пришелся пик кризиса.

Как и следовало ожидать, «самодостаточная часть общества» локализуется в основном среди молодых и хорошо обеспеченных россиян, а также тех граждан, которые отличаются выраженными достижительными установками и стремлением к самореализации. Возможно, прежде всего именно этим объясняется позитивный социально-психологический настрой тех россиян, которые способны решать свои проблемы без государственной поддержки.

Характерно и то, что представители большинства социально-профессиональных групп, как аффилированных государством, так и нет, заявляют о готовности решать свои проблемы самостоятельно. Исключение составляют пенсионеры (что вполне естественно), жители села и рабочие промышленных предприятий истроек. Причем наибольшую готовность демонстрируют, и это несколько неожиданно, инженерно-технические работники, работники финансовых компаний и сферы услуг, а также студенты. Данное соотношение свидетельствует о том, что установка на «самодостаточность» не имеет прямой связи с противопоставлением себя государству. Об этом заявляют даже те, кто работает на государство на профессиональной основе (военные, государственные гражданские служащие, работники правоохранительных органов и т.д.). Поэтому в данном случае речь, скорее всего,

идет если не о завершении, то о продвижении значительной части общества по пути адаптации к экономическим и политически реалиям современной России, равно как и о новом субъекте экономического и социально-политического действия, способного в предлагаемых обстоятельствах выйти на авансцену ключевых событий и процессов общественной жизни.

Russian Society and Challenges of the Time.

Book Two

Contributors:

M.K. Gorshkov (Editor), E.M. Arutyunova, R.E. Barash, Yu.A. Gavrilov, L.M. Drobizheva, I.M. Kuznetsov, N.V. Latova, Yu.P. Lezhnina, S.V. Mareeva, M.M. Mchedlova, E.I. Pakhomova, V.V. Petukhov (Editor), R.V. Petukhov, S.V. Ryzhova, N.N. Sedova, I.N. Trofimova, N.E. Tikhonova, A.G. Shevchenko.

Contents

Foreword	7
SECTION ONE	
The socio-economic situation of Russians in times of crisis	12
Chapter 1. Features of the social and psychological crisis state of society: from 1998 to 2015	12
Chapter 2. The impact of the economic crisis on the daily lives of Russian citizens	31
Chapter 3. Professional groups in crisis and their response to new realities of life	61
Chapter 4. The economic situation and mood of various demographic groups during crisis	88
SECTION TWO	
Democracy of participation: institutional crisis and new prospects	112
Chapter 5. Democracy in the view of Russians: increased optimism against a background of institutional crisis	112
Chapter 6. Trust in public and political institutions	130
Chapter 7. Political and social participation: new practices	150
Chapter 8. Self-government without self-organization: what is more important – form or content?	165

SECTION THREE

Integration potential of Russia's multi-ethnic space in the context of challenges of the time 176

- Chapter 9. Civic and ethnic identity of Russians: compatibility or confrontation 176
- Chapter 10. Identity and attitudes of young people in inter-ethnic communication 198
- Chapter 11. Resource of inter-ethnic harmony in a deteriorating economic situation and foreign policy 212

SECTION FOUR

Religious senses in modern Russia 233

- Chapter 12. Religion in the institutional view: political perspectives and values 233
- Chapter 13. The religious and confessional factor and secularity of state 253
- Chapter 14. The consolidating potential of inter-ethnic and inter-religious cooperation in Russia 273
- Chapter 15. Belief and religion: moral imperatives and socio-cultural significance 293

SECTION FIVE

Reformed Russia: new subjects and new trends in the sphere of morals and communications practice 314

- Chapter 16. "Self-sufficient Russians" and their life priorities 314
 - Chapter 17. Public morality in the context of social transformations 346
 - Chapter 18. Information and communications practices of Russians' self-organization 368
- Conclusion: main deductions 399

Foreword

Dear reader, you are holding the second book in the series *Russian society and challenges of the time*, which is implemented in the framework of the Russian Science Foundation (RSF) by researchers from the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (IS RAS) based on the analysis of the results of nationwide sociological research¹. Conducted in the format of monitoring at a six monthly interval, such research focuses on the study of transformation processes taking place in contemporary Russia in the context of real social situations.

The first wave of sociological monitoring in the project announced RSF (October 2014) coincided with a sharp change in the foreign policy situation, supplemented by internal crises in the financial and economic sphere. Therefore, the purpose of the first wave of monitoring was to measure and understand the condition of Russian society in its «entry» into the new conditions of existence. The set aim required development of a program of research in the process that would both take into account the impact on the public consciousness and behavior of Russians as well as domestic socio-economic, geopolitical, ethno-religious and socio-cultural factors, as well as foreign policy and economic methods of pressure on the state of mind and mood of Russian society, and reaction of Russians to the changed situation.

As the analysis of the results of the first wave monitoring have shown, underlying the functioning of modern Russian society, the basic factors have not suffered any profound transformation, but there are various situational changes that could affect the overall structure of the population, produce decadent mass mentality, and provoke widespread protests and distrust of citizens in state institutions. On the contrary, the desire of a number of leading Western countries to «punish» Russia for its reunification with Crimea, with the support of the Russian-speaking population in the south-east of Ukraine, caused a rise in society of a patriotic mindset, and even consolidation of ideologically opposing social groups and political movements of Russian citizens. As for the context of the current time, the most important of its characteristics and indicators of the survey revealed the following:

- with all the severity and criticality assessment of situation in the country, the state of social well-being of Russians has not gone beyond parameters characteristic of the previously observed period of stabilization and destabilization of the situation in society;
- conflicting mass judgments that people identify with emerging problems of everyday life appeared mainly in the understanding of co-dependence of internal and external factors impacting on the development of the social situation;

¹ RSF project No 14-28-00218. «The dynamics of social transformation of modern Russia's socio-economic, political, socio-cultural and ethno-religious contexts».

- there was a change of priorities in the assessment of the main sources of threats to Russia in the mass consciousness: if in 2013, the main things for our fellow citizens were internal threats, then in 2014, the focus shifted to the external;
- the main link joining the opinion of Russians on events and processes which may come from a danger to the country was the Ukrainian crisis: drawing Russia into it and NATO's eastward expansion, and the related injection of international tension, began to form, according to Russian citizens, the basis of the agenda reflecting the most dangerous trends;
- the attitude of various segments of the population to Western sanctions established against Russia were generally restrained, conditioned by their usual way of life and well-established level of consumption, and the willingness of society to economize, and support for measures to strengthen the power of Russia was sufficiently high².

In general, as shown by the autumn (2014) national survey, the socio-economic, spiritual and psychological life of Russian society that emerged in the previous decade largely contributed to the adaption of mass segments of the population the new realities, which «softened» the acuteness of problems appearing.

How significant in terms of time and volume can such a resource be for mass segments of the population? What role do basic factors of life existence and development of Russian society play in its stability and reliability? These and related issues had to be answered by the second «wave» of sociological monitoring, carried out by the research team of IS RAS in March 2015

Among the main problems the scientific and analytical program of the second «wave» of monitoring set out to answer, special attention was paid to the following:

- the impact of the most acute phase of the economic crisis on the daily lives of the socio-demographic and occupational groups;
- the state of institutions of social and political participation of Russian citizens, and the formation of new practices of self-government and their role in addressing pressing problems of Russians;
- the potential of integration of the multi-ethnic space of Russia, relations of civil and ethnic identity of Russians in the context of challenges of the time;
- religious meanings prevailing in post-Reform Russia and their impact on the relationships of a religious-confessional and secular state and public life;
- new subjects and new trends in the sphere of ethics and practices of communications and their impact on the socio-psychological atmosphere in the country, and mass consciousness and behavior of Russian citizens.

² For more information, please refer to: Russian society and challenges of the time. Book One. Edited by Gorshkov, M. K., Petukhov, V.V. Moscow: Izdatelstvo Ves Mir, 2015. Pp. 316–332.

As in the first «wave» of monitoring, *the volume of selective total of the research* amounted to 4,000 respondents, representing the adult population aged 18 years and older by age cohorts.

The representativeness of sociological information was ensured by the use of a multi-stage model of regionalization sampling with quota selection of units of observation (respondents) at the last stage. At the *first stage*, sampling was carried out by the regionalization of territorial economic regions of the Russian Federation in accordance with guidelines developed and applied by Rosstat for monitoring socio-economic indicators by trend. In accordance with Rosstat, the total sample was segmented according to two criteria: age and type of settlement.

The second stage of the sampling includes the selection of typical subjects of the Russian Federation within each territorial and economic region. The structure of regionalization is the two megalopolises and 19 other constituent entities of the Russian Federation.

Megalopolises: Moscow and St. Petersburg.

Territorial-economic areas:

1. Northern District – Arkhangelsk Region.
2. Northwest District – Novgorod Region.
3. Central District – Moscow, Ryazan, Yaroslavl, Tula Region.
4. Volga-Vyatka District – Nizhny Novgorod Region.
5. Central Black Earth District – Voronezh Region.
6. Volga District – Republic of Tatarstan, Saratov Region.
7. North Caucasian District – Rostov Region, Stavropol Territory, North Ossetia.
8. Urals District – Sverdlovsk, Chelyabinsk Region.
9. West Siberian District – Kemerovo, Novosibirsk Region.
10. East-Siberian Region – Krasnoyarsk Territory, Irkutsk Region.
11. Far Eastern District – Khabarovsk Territory.
12. Republic of Crimea.

Third level sampling: within the constituent entities of the Russian Federation, further regionalization was implemented, which is based on the statistical quotas by degree of urbanization of 5 types of communities: megalopolises; administrative centers of constituent entities of the Russian Federation; district administrative centers; urban type settlements; villages.

At the *fourth stage* sampling, i.e. with direct selection of respondents for the survey by interviewers at set quotas, the quotas were mainly respected by major socio-professional indicators of the respondents³, and age groups in five age cohorts: 18-30 years; 31-40 years; 41-50 years; 51-60 years; 60 years and older.

³ At the stage of quota selection of respondents, equal share of quotas was observed for the following social and professional criteria: 1 – working industries, construction of mines without higher education; 2 – engineers in industry, construction of mines with higher education; 3 – employees in trade, catering, services, transportation, public utilities with comprehensive education (or less), primary and secondary vocational education; 4 –

There is then an analysis of sociological data collected in the course of the second «wave» of sociological monitoring of the status and dynamics of Russian society in the context of the new realities of the time.

The nationwide research and preparation of materials for the scientific monograph were undertaken by a working group composed of: M.K. Gorshkov (head of research, preface, chapter 16, conclusion, general editing), E.M. Arutyunova (chapter 10), R.E. Barash (chapter 18), Yu.A. Gavrilov (chapters 14, 15), L.M. Drobizheva (chapter 9, 11), I.M. Kuznetsov (chapter 11), N.V. Latova (chapter 1), Yu.P. Lezhnina (chapter 4), S.V. Mareeva (chapter 3), M.M. Mchedlova (section IV), E.I. Pakhomova (chapter 17), V.V. Petukhov (deputy head of research, chapter 5, 7, 17), R.V. Petukhov (chapter 7, 8), S.V. Ryzhova (chapter 9), N.N. Sedova (chapter 16), I.N. Trofimova (chapter 6), N.E. Tikhonova (chapter 2), A.G. Shevchenko (chapter 14, 15).

Scientific editor – N.N. Niks.

employees of financial and insurance companies, trade, services, transport, utilities with higher education; 5 – workers (employees) of universities, schools, health, management (administrative, political), science, art, media, higher education; 6 – employees (technicians, operators, librarians, secretaries, nurses, and others) at universities, schools, health, management (administrative, political), science, media, comprehensive or secondary vocational education; 7 – military, Ministry of Internal Affairs workers, customs, tax services with any education; 8 – students of higher education institutions and pupils; 9 – inhabitants of villages and settlements.

Conclusion: main deductions

As mentioned in the foreword, the second wave sociological monitoring program envisaged research of the influence of situational, contextual and basic factors on the state and dynamics of mass consciousness and behavior of Russians. In this connection, it would be appropriate to present the depth and scale of influence of both types of factors that received the dominating influence in spring, 2015 on the qualitative and quantitative characteristics of the Russian society in the main conclusions based on the analysis of the research results.

First deduction. According to the results of this research, it was the external political agenda that determined the state of minds of Russians and their attitude to power in 2014, pushing aside traditional worries related to social and economic problems, and in the first months of 2015, the perception of the situation in the country by Russians underwent changes. First of all, it was stimulated by the economic crisis, as well as the consequences by sanctions imposed against Russia and counter anti-western sanctions imposed by Russia. And though multiple predictions that the country would approach the spring of 2015 in a state of economic collapse and social depression did not come true, moods of anxiety did intensify. However, the determined shifts in the psychoemotional state of the population occurred at the expense of the majority of citizens that felt either balanced or anxious and tense, and they practically did not touch the group of people who perceive almost all the public situations in the country through the catastrophic consciousness. Similar processes in fluctuations of the social and psychological state of the society were observed during the 2008-2009 crisis.

Second deduction. The most widespread form of influence of the current economic crisis on the everyday lives of Russians was an increase in prices, like in the previous two crises. It involved a much larger part of the population than the 2008-2009 crisis, and in this respect, was comparable by its painful influence to the situation in 1998-1999. All kinds of problems at work, first of all, a decrease in salary, became quite widespread (though to a lesser degree than in the previous crisis) among the population of the country by spring 2015. However, if the situation with increasing prices is perceived more acutely by the population in the current crisis than in the previous one, problems at work involve relatively fewer Russians than six years ago. Nevertheless, fear of unemployment in the period from autumn 2014 to spring 2015 remained one of the many sore spots of the Russian population, being traditionally actualized with any signs of crisis in the national economy. Such a fear in the condi-

tions of low indicators of dismissals and real unemployment may only be explained by panic fear to be left without means of subsistence with minimum amounts of unemployment benefits, on the one hand, and the absence of savings among the majority of Russians, which would make it possible to live until another job is found, on the other hand.

The consequences of the crisis related to unemployment are seen differently in different groups of the population. The youth under 25, who have the maximum number of unemployed (about 10% for no apparent reasons), paradoxical though it may seem, were touched by the crisis only relatively slightly. As for persons of pre-retirement and early retirement age, loss of work as a result of the crisis leads to complete withdrawal from economic activity rather than looking for a new job more often than for other society members.

At the same time, the most important consequence of the crisis, considering employment of Russians, was further change in mutual relations of employers and employees with shifting the balance of powers in these relations towards employers rather than an increase in unemployment. If we are talking about salary amounts, the current crisis resulted in advance income reduction in groups related to industrial sector of the economy, and also in ordinary employees in the sphere of trade and public services. As for the duration of working hours, the increased workload also became characteristic of employees of the industrial economy sector, especially workers (workers of industrial, construction spheres, etc., worked more than 40 hours a week in spring 2015).

As follows from the analysis of research results, one more direction of employers' impairment of the workers' rights under the pretext of crisis is impairment of the workers' social and economic rights stipulated by Russian laws. Integration of the Russians' productive activity into the legal framework and the resulting degree of their social protection decrease with the years, and the 2014–2015 crisis gave an additional impetus to this trend. At present, 50% of working Russians are to some extent outside the legal framework and the social guarantees stipulated by Russian laws, although this indicator was 44% a year ago. In fact, we can talk about adherence to the rights of workers stipulated by Russian laws as about the effective norm in present-day Russia only with regard to public sector professionals, especially those living in major cities. However, the situation at state enterprises is far from ideal, too, and is in a worsening trend.

The trends that intensified under the influence of 2014–2015 economic crisis detected in the course of monitoring (falling salary against a background of an increase in prices; increase in the employees' workload in the conditions of reduction of companies' economic activity and redundancies, especially in the private sector; considerable growth in impairment of the workers' rights established by laws) testify to the fact

that national business used the situation of crisis and increasing external threats for the country for its purposes to a considerable degree. Overcoming such negative tendencies requires active state interference, first of all, in the form of tightened control over compliance with labor laws at private sector enterprises.

Third deduction. Analysis of the situation peculiarities in the conditions of crisis among representatives of different professional groups from the viewpoint of their income and material situation shows the following: the worst situation (as compared to other professional groups) is seen among trade and public services workers, as well as unskilled workers. In their turn, the best situation is observed among high-qualified white collars with a higher education. However, the crisis had, in this or that way, a negative influence on the material situation of all professional groups. Thus, the share of those who note worsening of their situation in the past year in all groups exceeds the share of those who note its improvement.

Evaluation of the position of professional groups on the labor market makes it possible to talk about considerable differences in the degree of social and economic protection of their representatives at workplace. While most white collars have all kinds of social and economic guarantees at workplace, this share among the workers is lowered to less than a half, and a considerable part of ordinary trade and public services workers are beyond the legal framework that regulates labor relations. This is probably the reason for different perception of the stability of their position on the market in representatives of different groups. From autumn, 2014 to spring, 2015, this confidence fell in all professional groups, but white collars with a higher education, businessmen and self-employed remained the most confident in this respect. In their turn, unskilled workers and ordinary trade and public services workers felt the most unstable on the labor market.

The research showed that representatives of different professional groups have differences in the strategy of adaptation in new conditions related to diversification of labor income: while one-time side jobs are currently a more widespread strategy in all professional groups than part-time jobs, they are more typical of workers, while white collars with a higher education resort to part-time jobs relatively more often than representatives of other groups.

It is noticeable that the situation among trade and public services workers showed the highest instability and proneness to negative dynamics in a whole range of parameters. Despite the fact that they are officially related to non-manual workers, highly and even medium-qualified workers are often characterized by a better and more stable position in comparison with them. This testifies to objective closeness of trade and public services workers to unskilled workers in the social structure of the Russian society.

Fourth deduction. Despite theoretic assumptions, the Russian middle class did not shrink during the most acute phase of the crisis (remaining within 40–42%). This is explained by the fact that by spring 2015 the crisis was mostly reflected on consumption than on structural positions of the population on the labor market. However, it was not reflected on the consumption too seriously, either, to influence the middle strata of society. We can say that the living standards of the middle class deteriorated to some extent, but not so much as to take it lower. In the social and psychological respect, middle class representatives share the common attitudes of the population. As for their own position, middle class representatives feel more confident in the current situation than the rest of the population: they are more positive about their financial standing and are confident in their ability and possibility to support themselves and their family. And this is no coincidence as the position of the middle class even in the conditions of crisis remains more stable than that of Russians not included in it. However, with increase in the negative tendencies in the country's development and deeper influence of the crisis on the labor market, this situation may change.

Fifth deduction. The signs of 2014–2015 financial and economic crisis were reflected most negatively on the lives of Moscow and St. Petersburg residents, middle-aged Russians who are the main participants of labor market and those whose households are characterized by high dependency load. The main role was once again played by increase in prices and changes in the sphere of employment. Contrary to expectations, the crisis did not become a push towards rebuilding of the country's economic system with «subsidence» of those labor market segments which are the least efficient for the new economic model. It served as a pretext for local corrections of the situation of separate social groups which were on the whole realized in the interests of employers. This resulted in intensification of labor of those employed with reduction of the total number of workplaces in rural areas, and salaries in Moscow and St. Petersburg started falling at a galloping pace. Redundancies spread, first of all, to representatives of the workforce that was «uncomfortable» for employers due to their personal situation, senior Russians, and also those that have dependents requiring special care in their households.

As the study showed, subjective perception of their own position by Russians in critical situation is in certain controversy with its objective state. Country people are more pessimistic and expect worsening of their condition, even though they did not suffer more than the other Russians from the viewpoint of their income. At the same time, the residents of Moscow and St. Petersburg see the prospects in a more optimistic way despite the fact that their income fell relatively more than in the other groups. The youth are not prone to aggravating the problems faced, either, though these problems concern the young people at least in the same way as the other Russians.

However, if we consider dynamics of the situation in different groups in the sphere of employment, such contradictions disappear. The dynamics of redundancies in the villages is more dramatic, and new workplaces appear slowly despite the task of import substitution. All that contributes to formation of pessimistic attitudes in rural areas. At the same time, the two Russian capitals were affected less by problems with employment, which helped to preserve the optimism of their residents. The youth, despite being influenced by the crisis in the same way as the other age groups, usually find jobs easier even in these conditions, and so young people are more optimistic about their perspectives, too. All that testifies to the fact that the pessimistic attitudes of the Russians are influenced more by problems with work than current changes in income. And that means, in its turn, that the model of maximum employment support with falling of the income, being a form of economy reaction to crisis typical for Russia, is quite justified, at least from the viewpoint of alleviation of crisis consequences for the population and preservation of social stability in the country.

Sixth deduction. As the social and political situation in the country was quite tense in spring, 2015, the attitudes of all the social and demographic groups were more anxious than ever. However, there were no signs of panic in the social «niches» of the population against this background. The crisis phase of October, 2014 – March, 2015 did not show the depth which would stimulate an additional social tension ready to turn into protest moods and actions. Moreover, as a result of consolidation of the nation and mass growth of patriotism in the conditions of anti-Russian sanctions and the conduct of the western political leaders in the period of celebration of 70th anniversary of Victory in the Great Patriotic War, and also relatively mild losses in the period of crisis, different population groups started displaying the signs of new cultural patterns, aimed at mobilization of personal resources for the common good. Moscow and St. Petersburg became the localization sites of such «patriotic revival», and its main advocates were middle-aged Russians from those who have enough resources to put aside their own problems and include the national tasks into their priorities.

Seventh deduction. The crisis caused by the sanctions of the leading western countries and the reactive actions of Russia clearly showed the ambivalent nature of institutional trust. Fundamentally, the notion of trust itself is interpreted in the temporal context, when each participant of interaction can see justification of trust for the other and such attitude to himself.

As the results of the study showed, quite stable zones of institutional trust and mistrust were formed in the Russian society. The trust zone is formed by the institutes whose activity is seen by the Russians as the care about general well-being and is associated with the ideas of integrity, unity, stability and safety. It is this sense that our compatriots attribute to the

institute of presidency, army and Orthodox church. The zone of mistrust is formed by the institutes whose activity is associated with realization of private (group, territorial, industrial, party) interests. The trust for the institutes that form the middle zone is the most unstable, experiencing a strong influence of the current events and processes.

The choice of state, support institutes makes it possible to characterize the institutional trust that exists in the Russian society not only as hierarchic but also as holistic one, which to a certain degree «compensates» its uneven distribution among the population. A lower level of trust to most state institutions is first of all observed among socially active and resource groups of the population, such as the youth, well-off, and self-sufficient citizens. However, the display of rational components of institutional trust gives hope that we can look optimistically at increasing trust in the society on the whole.

Eighth deduction. As for the state of the present-day Russian civil activism, the results of the study make it possible to say that it has a potential for development, first of all due to the fact that it acquires the subjectivity traits. Its main «carriers» are the people with an active position with regard to their lives and their future, those that have ambitions in different spheres of life (especially in education, self-realization, social communications, striving to live in a fair and reasonably organized society), oriented to non-conformism, initiative and enterprise, readiness to struggle for their rights and changes in life. And this is very important, considering availability of the intellectual environment where innovative and strategic ideas are born, as well as the political figures and top-class executives capable of further sensible democratization of the society.

So the key direction of the current stage of Russian democracy development is the development of various forms of self-organization and political participation called to launch and maintain the mechanism of transition of private, group (often difficult to combine with each other) interests of our fellow citizens into the language of generally valid problems. It requires regularly showing efficiency of democracy and its institutes, and their ability to influence the processes taking place in the country in illustrative examples.

Of course, we cannot help noticing what the data of the study records: the level of real political participation of citizens remains practically unchanged. As in previous years, the level of personal participation in the political life made up no more than 1% in spring, 2015. However, the mass nature of participation in the society is no longer the determining factor of maturity of the civil society and efficiency of civil institutions functioning. At the turn of the 1980s and 1990s, small informal organizations gave Russia a whole range of currently known public and political figures. Today the structures of the civil society serve as a trigger of many social initiatives, and also the source of manpower for rotation

of the public and political elite in Russia which is inevitable in the near future. From this point of view, the level of social activism of youth aged 18-30, which exceeds to some extent the indicators of other age groups, seems important: 16% of representatives of this group declared their participation in Internet communities, 7% – in volunteer movements, 4% – in each of environmental and charity organizations.

Ninth deduction. The study revealed an established truth: despite the crisis, the prerequisites for development of important public tendencies that formed earlier are making their way. At present, Russia is asserting wide possibilities for civil self-organization based on Internet communication. Based on the widening access to it, civic activists are creating a whole network of multiple resources aimed at development of lower class solidarity practices. The powers of different levels are more and more actively using the mechanisms of «electronic democracy», initiating creation of different grounds for civil participation and direct communication with the population. The study also revealed a certain correlation between involvement of citizens into different communication channels and their life strategies, social and political practices.

At the same time, the Internet party in the space of virtual communication dissolved into the conservative majority that is actively mastering the Internet. In the past few years, Internet turned from the dedicated space of communication, free search and receiving information into the mass entertainment resource. At the same time, there is still a layer of socially active self-sufficient Russians who have quite a critical view of the surrounding social and political reality.

On the whole, the social networks in Russia, having become a serious means of communication, including for civil activists, still do not have considerable influence on their civil or political self-organization despite popular opinions. The share of civilly and politically motivated activists among the users of social networks is minimal today, reaching no more than 7%. The others are first of all interested in the possibility to communicate and exchange opinions, get access to the latest updates, news and just entertain themselves. In this connection, we may speak about the tendency of organization of virtual «weal networks», groups of interests and like-minded people, which is surely important; however, we cannot talk about the social networks as the key trigger of social and political activism.

Tenth deduction. Interpretation of the results of the second «wave» of monitoring return us to the necessity of further society movement towards sociocultural modernization despite the importance of analyzing the critical state of the Russian society. We are talking about transition to an absolutely new economic and political type of social structure, formation of certain characteristics of social activism which include such integral parts as reliance on the rational thinking and internal locus of control,

high level of interpersonal trust, tolerance towards social diversity, and secularity. We need the values that support the structures of civil society and modernizing orientations – achievement, responsibility, readiness for risk, and political activity. It is known that the cultural samples that ensure movement or backwardness of Russia on the way to modernizing development include historically ingrained values, implications, stereotypes of social interaction that «program» the conduct of the society members not only on the everyday level but also defining the nature of their political and economic attitudes and orientations. In this connection, conspicuous is the fact that despite the traditional values being quite widespread among the Russians, the fundamental basics of the ethnic traditional culture are considerably distorted. This is especially related to those traditional and cultural values related to the experience of public cooperation. It became clear in the process of studying the values of the Russian ethnic identity that the leading and the most demanded values are those that reflect the deficit of basic norms of social interaction, such as respect for each other, honesty, and mutual assistance. And this shows the general tendency: today, Russians lack the simple and basic values of the existing culture, reflecting the norms of peaceful co-existence and basics of the society as such.

The study makes it possible to clarify one more important aspect. The desired qualities of the Russians that were detected as missing testify to their meaningful opposition, the qualities possessed by the Russians «in excess», but probably not quite perceived as «theirs». As Russians feel the deficit of mutual respect, honesty and mutual assistance today, this evidently points to the fact that the Russians fully perceive the opposing negative qualities («anti-values») – a lack of respect for each other, dishonesty, lack of mutual assistance on a subconscious level, which testify to the fact that everyday practices of present-day Russians are characterized by breach of social connections and interpersonal trust.

The deficit of public and honest cooperation, based on mutual respect and support, which the Russians are experiencing today, points to the values of everyday ethnic culture that were considerably distorted and deformed in the period revolutionary and Soviet transformations of the 20th century. Meanwhile, these values (respect for each other, honesty, and mutual assistance) may be regarded as the motivational frame that ensures formation of modernizing basics. High indicators of patriotism and ethnic solidarity, characteristic of the current period, to a certain extent realize the need of the Russians for tight social connections based on mutual support and respect.

Eleventh deduction. The study shows that the level of trust for the Church as the institute, which has been stably high in the past years, reflects its legitimacy and a high degree of social expectations connected with the Church. The public trust to its leaders, which follows the

supreme power and the army that have the highest level of support among the Russians, once more proves the stability of these institutes as the optimal ones ensuring survival and development of the Russian society. The authority of the Church and other religious organizations is connected with socially important, moral, historical and cultural identity aspects, while the political projection of the religious activity is not perceived by the Russians as constructive.

High authority and acknowledgment of the socially important role of the Church and religious organizations as the institutes is connected with understanding of the impact of religion and religious organizations on the person and the society. In the mass consciousness of Russians, priority is given to the spiritual and moral, collective, and cultural spheres, as well as the sphere of human personality through the prism of the sense of life, assistance and consolation. The problem of religion and politics is either absent from the mass consciousness or is present in the periphery in a much reduced instrumental context of using the religion for their needs by the politicians.

In the mass consciousness of representatives of all the groups with religious beliefs there is a clear division between religious organizations as institutes and religious leaders. The first ones are recognized as consolidators, while the opinion of religious leaders is not seen as authoritative by the Russians during evaluation of social and political events despite the global tendency of increasing their role as the subjects of politics.

The increasing number of those going to church and other religious meetings in their free time, and expansion of their social base testifies to increased importance of the church and religious dimension for private and social life and to the need for the forms of association that differ from political ones. Participation in the activity of religious organizations is not a widespread practice right now, but institutionalized forms of social activity and civil participation, first of all in the socially important forms, seem demanded in the parameters of the «common goal».

The values-related aspect of the influence of religious factor on social and political transformation of the Russian society reflects amortizing, collective and humanizing potential of traditional Russian confessions. The specific perception of the role of religion and religious belief by the Russians, institutional role of the Church that ensures social stability, acknowledgment of its socially important role and moral authority, value priorities of the advocates of traditional Russian religions currently define to a significant degree the limits and forms of influence of the religious attitudes to social and political transformations in Russia.

Despite the global nature of the threat of Islamic extremism, the Russian citizens do not see it as a priority, which testifies to deep understanding of the stability of the social tissue in Russia as a multi-confessional country and stability of the Russian civilizational foundation, with

one of its parameters being the dialog between the Orthodox believers and Muslims and mutual penetration of cultures. Therefore, evaluation of the institutional–normative status among the supporters of traditional Russian confessions is dominated by acknowledgment of equality in the eyes of the law of different religions and religious organizations with certain recognition of a special role of the Russian Orthodox Church, which does not cause any conflict.

Twelfth deduction. The problem of relations between the secular and religious is refracted in the perception of the hierarchy of institutional attributes of democracy, determination of priorities of secular rights and freedoms or the basics of sacred traditions. In the conflict between freedom, moral intentions and search for justice, Russians choose the latter in the projection of common equality in the eyes of the law, which also ensures constructive forms of overcoming the marked discrepancies. The freedom of belief is not the dominating sign of democracy in the consciousness of the Russians, which testifies, among other things, to the peaceful world outlook, and when it comes to choosing between the freedom of press and inadmissibility of insulting the feelings of believers, the overwhelming majority of our compatriots select the second one. And this is regarded as the necessary prerequisite for ensuring interconfessional peace and national consent.

The search for new forms of dialog between religious and secular identities, and determination of the basic values for such a dialog actualizes the question of reconsideration of borders to the secularity principle. The extreme form of secularity is supported by a third of the Russians, while the majority considers the social activity of religious organizations, first of all, in the spiritual and moral sphere, in the sphere of mercy and charity, sphere of culture and cultural heritage preservation, to be necessary and positive. An exception is the sphere of politics which should remain free from interference of religious organizations. The negative influence of religion is perceived the most brightly in connection with the danger of extremism, while interference of religious organizations with the spheres of science and education does not give cause for concern in Russians.

Relations between the state and confessions determine the forms of presence of religion and religious organizations in the political structure of the society, up to those recorded in the constitution, reflecting the logics and philosophy of the state policy with regard to religious organizations and the place and role of religious organizations in the structure of civil organization of life. Such relations, executed as norms and laws, raise the question of the correlation of the mobile and conservative in the public development and state construction, in the dialog between the secular and religious segments of the society. Despite acute present-day discussions of the role of the religious factor in the social and political process and tragic nature of international political practices, it may serve as a factor of social

stabilization in Russia, which predetermines the search for new forms of mutual relations between the state and religious organizations, based on the challenges of modernity and the needs of the society.

Thirteenth deduction. as is convincingly shown by the second «wave» of the all-Russian sociological monitoring, the public consolidation around the Russian President and the national and patriotic values is accompanied with another process. In terms of history, Russian society is quite dynamically moving towards the present-day consumer society, where dependence of the population on power is being gradually reduced, while personal and individual interests start prevailing over public ones. The share of those who unconditionally needs public support fell from 66% in 2011 to 56% in 2014, and the number of those who rely on their own powers rose by the same 10%, from 34% to 44%. The most striking thing is that the share of «self-sufficient Russians» did not undergo any changes from autumn, 2014 to March, 2015 (44% as well) – in the period assessed as the peak of crisis according to Vladimir Putin.

As we could expect, the «self-sufficient part of the society» is mainly localized among the young and well-off Russians, and also the citizens characterized by expressed achievement attitudes and striving for self-realization. This is probably the main reason for the positive social and psychological mood of the Russians who can solve their problems without state support.

It is also typical that representatives of the majority of social and professional groups, affiliated by the state or not, declare their readiness to solve the problems independently. Senior citizens, villagers and workers of industrial enterprises and constructions form an exception, which is quite natural. The highest readiness is somewhat unexpectedly displayed by engineering and technical workers, employees of financial companies and public service sphere, as well as students. This correlation testifies to the fact that the «self-sufficiency» attitude has no direct connection with opposing the state. This is declared even by those that work for the state on a professional basis (servicemen, public civil employees, employees of law enforcement agencies, etc.). So in this case, we are probably talking about advance rather than completion of a considerable part of society towards adaptation to economic and political realia of present-day Russia, as well as about the new subject of economic and socio-political action, which may move to the front of the key events and processes of public life in the proposed circumstances.

Contributors:

M.K. Gorshkov (Editor), E.M. Arutyunova, R.E. Barash, Yu.A. Gavrilo, L.M. Drobizheva, I.M. Kuznetsov, N.V. Latova, Yu.P. Lezhnina, S.V. Mareeva, M.M. Mchedlova, E.I. Pakhomova, V.V. Petukhov (Editor), R.V. Petukhov, S.V. Ryzhova, N.N. Sedova, I.N. Trofimova, N.E. Tikhonova, A.G. Shevchenko.

Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga 2 / Pod red. M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. [Russian society and challenges of the time. Book Two / Gorshkov, M.K., Petukhov, V.V. — editors.]. Moscow: Izdatelstvo Ves Mir, 2015. 432 pp.

ISBN 978-5-7777-0604-1

Г 76 **Российское общество и вызовы времени.** Книга вторая / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. — Москва: Издательство «Весь Мир», 2015. 432 с.

ISBN 978-5-7777-0604-1

В книге представлен многоаспектный анализ второй «волны» общенационального социологического мониторинга состояния и динамики российского общества в контексте вызовов и угроз, обусловленных как воздействием внешнеполитических событий и процессов, так и влиянием экономического кризиса на повседневную жизнь российских граждан. Рассматриваются особенности социально-психологического состояния общества, установок экономического поведения, духовно-нравственные и этнорелигиозные ориентации россиян в кризисных условиях, выделяются ситуативные и базисные факторы, определяющие общий настрой российского социума на переломном этапе его исторического развития. В целях сопоставительного анализа используются данные многочисленных общенациональных социологических исследований, проведенных в предшествующие годы российских реформ.

Для социологов, политологов, философов, экономистов, историков, психологов, правоведов, а также студентов и аспирантов соответствующих специальностей.

УДК 32.019.52

ББК 60.56

Российское общество и вызовы времени

Книга вторая

Редактор: к.и.н. *О.А. Зимарин*

Корректор: *Е. Феоктистова*

Художник: *Е. Ильин*

Верстка: *С. Голодко*

Подписано в печать 04.09.2015 г.
Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 27,0
Тираж 750 экз. Заказ №

ООО Издательство «Весь Мир»
125009, Москва, ул. Моховая, 11, строение 3 «В».
Тел./факс: (495) 276-02-92
E-mail: info@vesmirbooks.ru
[http:// vesmirbooks.ru](http://vesmirbooks.ru)

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495) 988-63-87

ISBN 978-5-7777-0604-1

9 785777 706041